

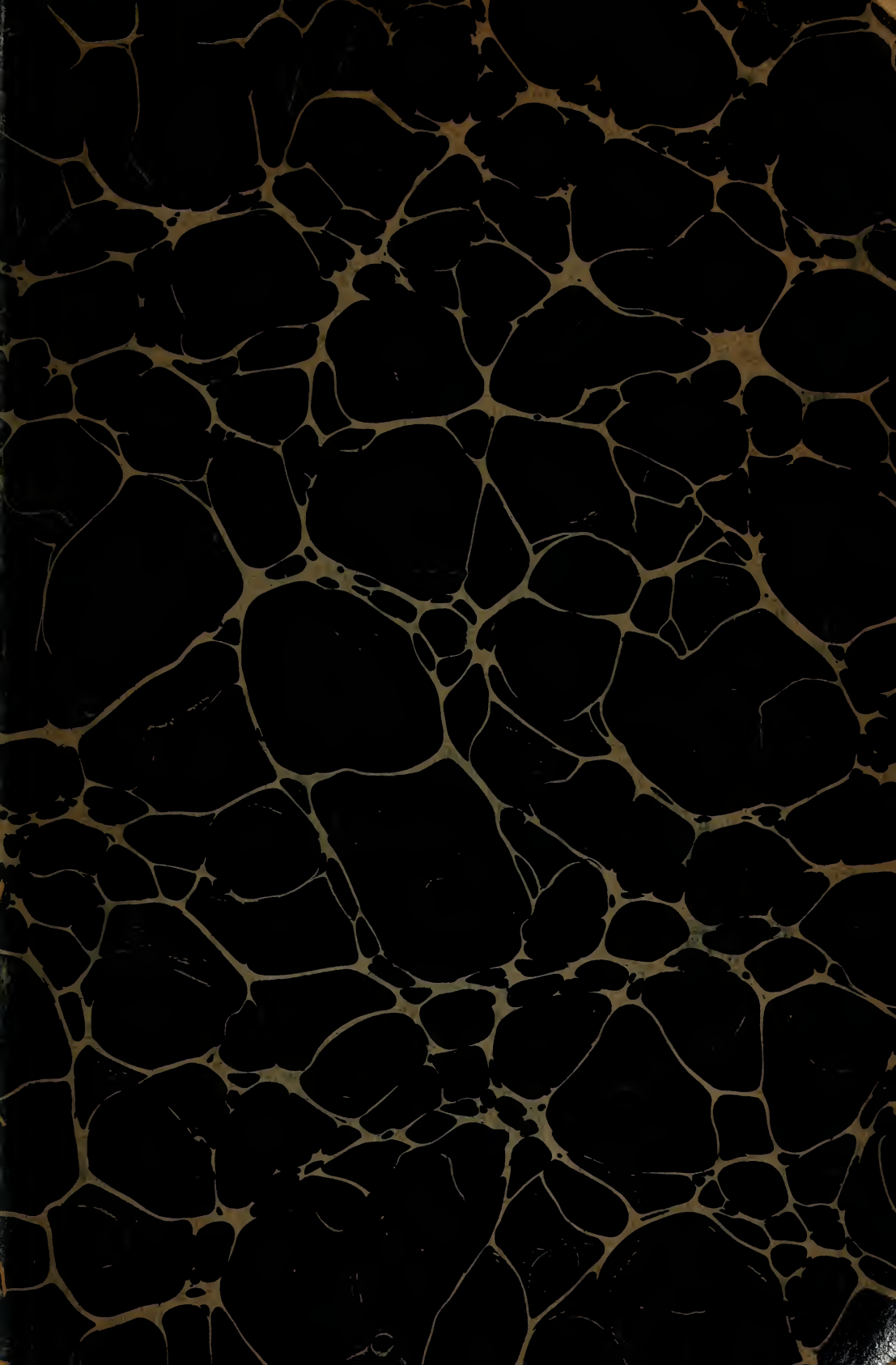
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925

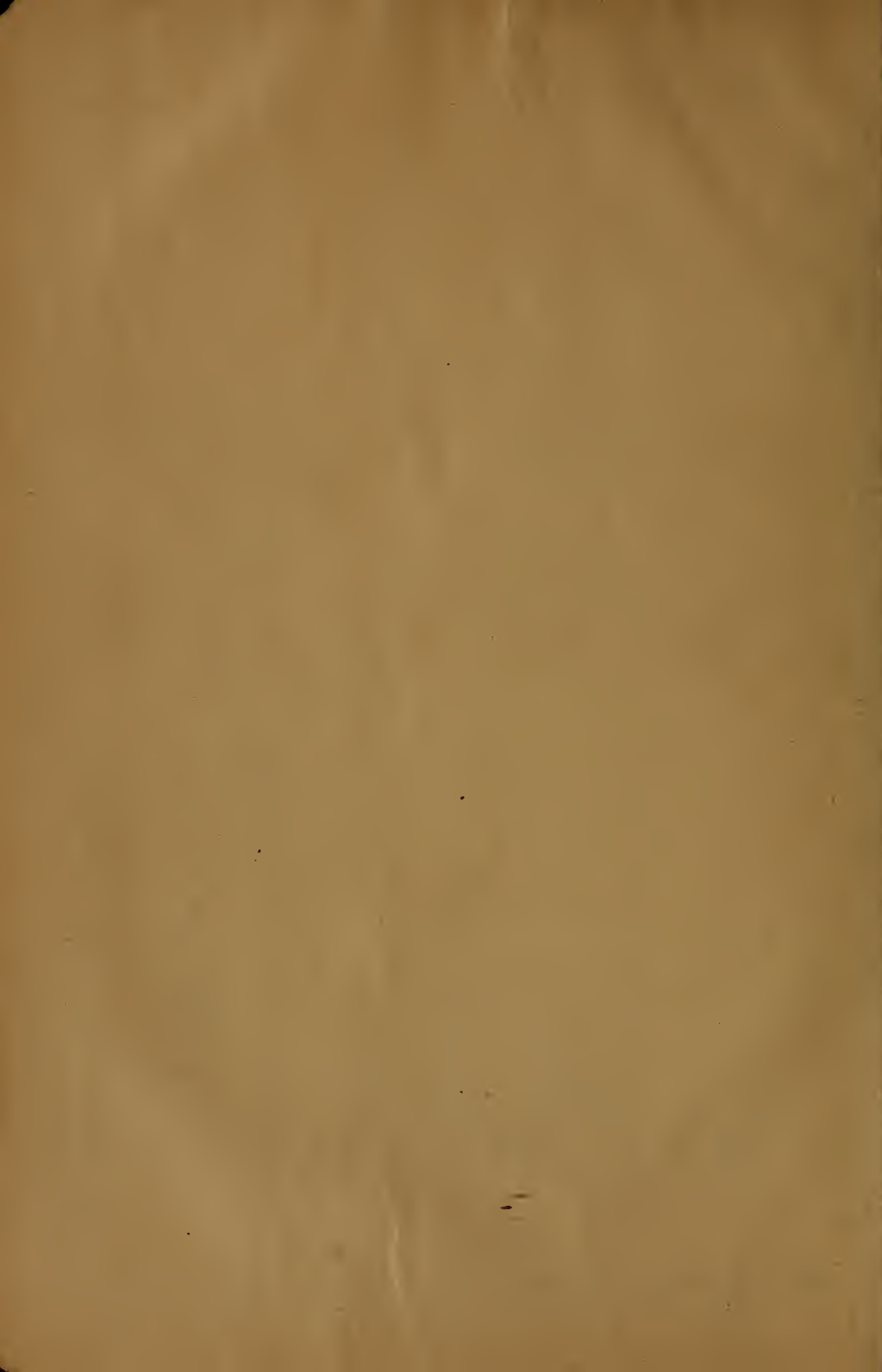

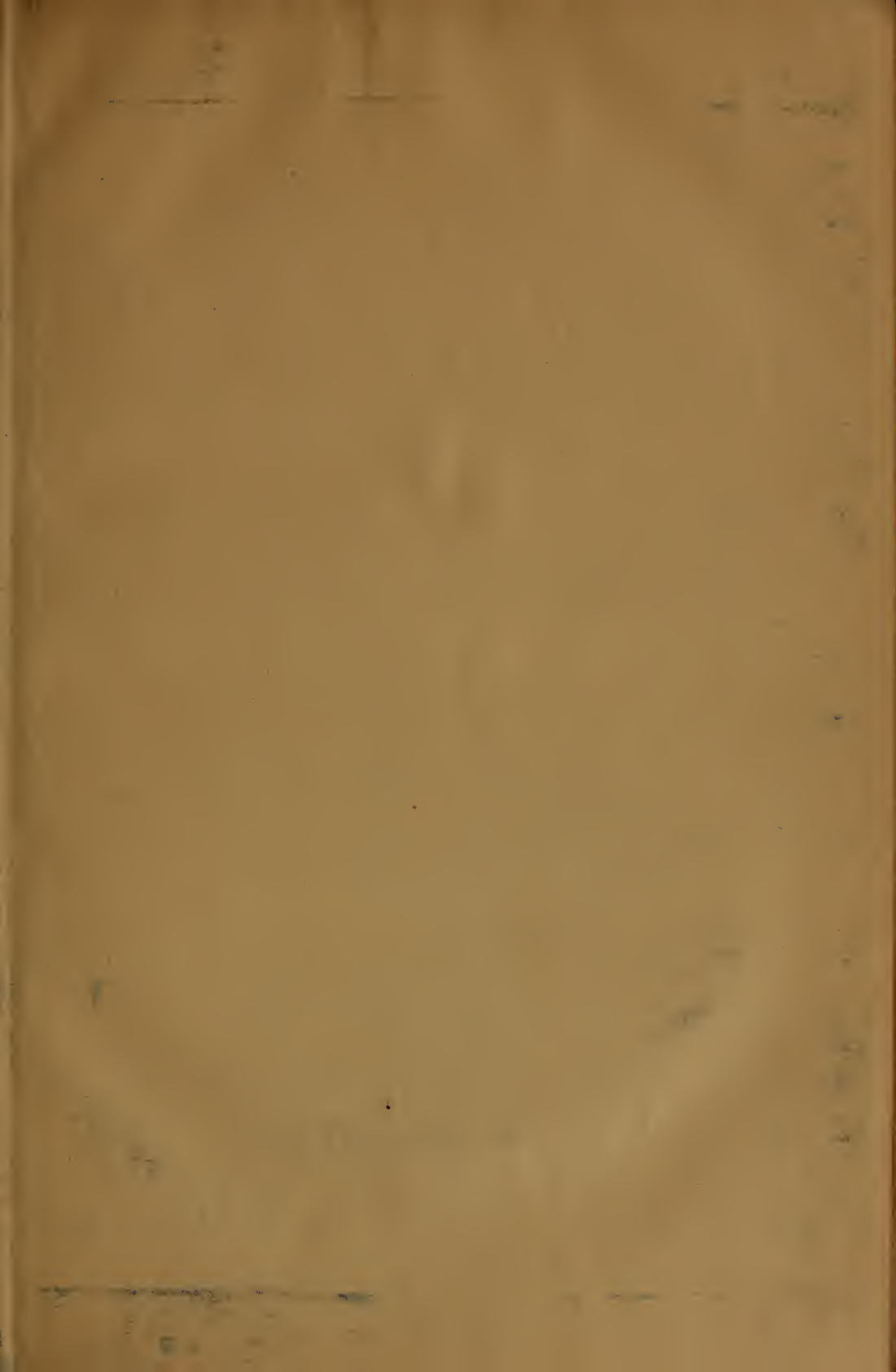
Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

НАРОДНЫЯ
ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

ИЗДАНИЕ

АНДРЕЯМИ ШТЕЙНШТЕЙНОМЪ.

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1854.

НАРОДНЫЯ
ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

Metlinskiĭ, Amvrosiiĭ Luk'ianovich,

Narodnyĭa ŭzhnorusskiiĭa p̄esni.

Н А Р О Д Н Ы Я

ЮЖНОРУССКІЯ ПѢСНИ.

ИЗДАНИЕ

АМВРОСИИ МЕТЛИНСКАГО.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1854.

PG 3926
M4
1854

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи пред-
ставлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Кіевъ, 2 Февраля 1854 года.

Ценсоръ *Д. Мацкевичъ.*

TF May 23, 62

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Оставляя надолго, быть можетъ и навсегда, матеръ городовъ русскихъ, Кіевъ, передаю матери моей Россіи этотъ плодъ многолѣтнихъ посильныхъ занятій памятниками языка и словесности русскаго народа. Проведши большую часть моей жизни на югѣ Россіи, я могъ трудиться надъ разработкою народнаго слова русскаго преимущественно только на одной изъ нивъ обширнаго поля царства русскаго, южнорусской, или украинской. Усердно воздѣлывая то, что досталось въ удѣлъ, по волѣ Промысла, на мою долю, я утѣшался и одушевлялся мыслью, что всякое нарѣчіе, или отрасль языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, однородными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ, словно великая рѣка отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли, почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа.

Желая продолжать свои труды по изученію народности, ежели Богу будетъ угодно, съ благодарностію приму всякое содѣй-

*

ствіе и пособіе, необходимое въ этомъ дѣлѣ и всякія благонамѣренныя и правдивыя замѣчанія. Считаю небезполезнымъ изложить нѣсколько замѣчаній о народной поэзіи и настоящемъ изданіи народныхъ пѣсень.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были и есть люди съ особенною силою ума и рѣчи (розумни, ричысти), съ особенною силою слова (мóвы, вымóвы), которымъ вообще человѣкъ, разумный, словесный, превосходить живущихъ, но не мыслящихъ—безсловесныхъ. Эти люди еще до начала письма и грамотности (неписмѣнни и неграмотни), изъ глубины души своей—чувства и мысли, мечты и волю, впечатлѣнія міра и событія жизни, короче сказать, истинное, доброе, прекрасное, прирожденное душѣ человѣка, выразили въ словѣ, въ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ, преданіяхъ, съ такою силою и красотою, что слово ихъ не прошло мимо, не забыто и не забывается услышавшими, но сохранено и сохраняется, и передается потомству для увѣковѣченія, какъ выраженіе не скоропреходящихъ нуждъ временныхъ, но вѣчныхъ помысловъ (идей) души человѣческой.

При такомъ образованіи народной словесности, кромѣ умовъ творческихъ, создающихъ прекрасныя произведенія слова, всегда и вездѣ были и есть люди воспринимающіе, хранящіе и передающіе другимъ, увѣковѣчивающіе и поддерживающіе въ народной памяти эти произведенія. Это тѣ воспріимчивые, страдательные гении, по выраженію поэта въ наукѣ поэзіи (Жанъ-Поль въ Преддверіи Эстетики, *Vorschule der Aesthetik*), посредники между народомъ и трудами творческаго гения, которые беспильны выразить своими словами, на языкѣ людей, свою чистую любовь и глубокую душевную воспріимчивость чутко слышамаго ими духа поэзіи, вѣющаго во вселенной; это люди глубоко сочувствующіе поэзіи, и отражающіе сіяніе гения, какъ мѣсяць свѣтъ солнца.

Въ юности народа, какъ и въ вѣка его просвѣщенія, вели-

чія и славы, есть люди съ любовію къ природной силѣ и прелести народной поэзіи, народной пѣсни, къ языку народному, простому, необработанному писателями, но чистому, сильному, самобитному, безъ примѣси чужеземщины.

Между тѣмъ какъ дѣятельные, творческіе народные умы воздѣлывали, обогащали, украшали языкъ народный, выражая мысли, чувства, событія, въ пословицахъ, пѣсняхъ, сказаніяхъ, вѣзъывавшихся въ памяти родичей, — люди, способные вмѣщать въ душѣ своей выраженное другими, воспринимали, подобно доброму полю, живое слово, какъ плодъ прошедшаго и сѣмя для будущаго, и хранили его въ сердцѣ своемъ, и передавали изъ рода въ родъ изустно и потомъ письменно, какъ завѣтъ отъ предковъ для потомства. Но чудный даръ вдохновенія и пѣсень рѣдко цвѣтетъ на лонѣ счастья, рѣдко сопровождается благами жизни, и пѣвцы, улетая душою въ область мечтаній, нерѣдко обдѣляются земными благами, по сказанію древности и одного изъ своихъ собратьевъ (стихотвореніе Шиллера — *Theilung der Erde*), и быть можетъ къ нимъ-то примѣняется поговорка «голе и гостре якъ бритва». По-этому остатками старыхъ преданій свѣтъ большею частію обязанъ скитальческой судьбѣ бездомныхъ странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ старцевъ, которыхъ память — живая книга минувшаго.

Славянская семья народовъ, и главнѣйшій среди нея народъ русскій, справедливо славится неисчерпаемымъ богатствомъ народной поэзіи. Виновники этого богатства неизвѣстны. Эти произведенія невѣдомыхъ умовъ, какъ дикіе полевые цвѣты, будто сами собою выросли на полѣ народной жизни, взлелѣянные природою, въ такой чудесной красотѣ слова, въ какую облакалась мысль только у лучшихъ изъ поэтовъ. Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долготнѣй богатой житейской опытностіи, хранитель древнихъ

преданій, памятникъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей, народныхъ чувствъ и мыслей за нѣсколько столѣтій, раздается и поется на просторѣ царства русскаго отъ степей и до морей, и живетъ и растетъ по домамъ и по путямъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастье, какъ печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ. Оно можетъ долго существовать безъ пособія грамоты, тогда какъ слабыя литературныя произведенія, издѣлія подражательной словесности, не проявляющія силы душевной, скоро забываются и смѣняются другими, не смотря на усилія книжныхъ промышленниковъ поддерживать ихъ всѣми способами торговой смѣтливости. — Преданіе сохранило намъ имена козаковъ Кириши Данилова и Семена Климовскаго, будто бы собравшихъ и сохранившихъ нѣсколько народныхъ пѣсень во время преобразованія Россіи. Стремленіе къ народному направленію въ словесности усиливается съ Карамзина и особенно съ 1825 года. Со времени обращенія нашей словесности къ народному самопознанію, появилось довольно много изданій и объясненій памятниковъ языка и словесности народной по всѣмъ ихъ отраслямъ, или нарѣчіямъ. Мало по малу распространились между образованными людьми разумныя понятія и справедливое уваженіе къ нашему родовому наслѣдію, къ этимъ почтеннымъ остаткамъ словесной старины и живымъ свидѣтелямъ древняго и современнаго состоянія нашего языка и народа и его единства и разнообразія въ различныхъ областяхъ царства русскаго. Изученію нашего отечества въ отношеніи къ народному языку и словесности содѣйствовали незабвенными своими трудами: Россійская Академія и потомъ заступившее ея мѣсто Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, Географическое Общество и другія ученныя общества и коммисіи, издатели и сотрудники отечественныхъ журналовъ, сборниковъ и газетъ, а изъ частныхъ лицъ

особенно — Снегиревъ, Князь Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій, Сахаровъ, Кирѣевскій, Котляревскій, Артемовскій-Гулакъ, Крыловъ, Загоскинъ, Квитка-Основьяненко, Даль-Луганскій, и многіе другіе. Излишнимъ было бы распространяться здѣсь о важности только что указанныхъ и подобныхъ имъ трудовъ, на которыхъ основывается и которыми воспитывается въ народѣ уваженіе къ своему собственному, къ самимъ себѣ, которыми устраняется неразумное пристрастіе ко всему чужеземному и чужезычному и облегчается путь самопознанія и самосовершенствованія. Въ произведеніяхъ простонародной словесности чистосердечно раскрывается передъ просвѣщенными людьми душа малообразованнаго, добродушнаго простолюдина, съ достоинствами и слабостями, нравами и страстями, привычками и понятіями, какъ-бы для того, чтобы, увидѣвъ его въ этой картинѣ его собственнаго произведенія, могли полюбить его и помочь его несовершенству.

Узнавши съ дѣтства украинское нарѣчіе языка русскаго, или простонародный языкъ южнаго края Россіи, и будучи убѣжденъ, что изученіе и объясненіе его можетъ послужить къ объясненію и обогащенію нашего общаго, гоподствующаго языка русскаго, сложившагося, образовавшагося, обогащающагося и совершенствующагося изъ различныхъ элементовъ и особенно изъ своихъ нарѣчій, я издалъ, на этомъ нарѣчій, въ 1839 году Думки и писни, въ 1848 — Южный Русскій Сборникъ, въ 1852 — Байки Боровыковскаго, что и удостоилось благосклоннаго приѣма со стороны образованныхъ читателей. Во все это время, при случаѣ и досугѣ, я собиралъ пѣсни и другія произведенія народной словесности. Въ этомъ оказывали мнѣ пособіе и нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ. Считаю долгомъ своимъ за такое содѣйствіе выразить здѣсь искреннѣйшую благодарность всѣмъ имъ, особенно Н. М. Бѣлозерскому, М. А. Маркевичевой, С. Л. Метлинскому, С. Д. Носову. При окончательномъ пересмотрѣ пѣсенъ оказалось весьма

много или уже напечатанныхъ, или весьма сходныхъ между собою, или несохранившихся въ первоначальной красотѣ и силѣ и потому болѣе или менѣе слабыхъ по содержанію и формѣ. При ограниченнѣхъ средствахъ для изданія, я предпочелъ, при окончательномъ выборѣ, только то, что нигдѣ ненапечатано (кромѣ немногихъ исключеній), и дѣйствительно достойно вниманія въ какомъ-нибудь отношеніи. Не допуская произвола въ составленіи пѣсенъ изъ нѣсколькихъ вариантовъ (различій), я печаталъ несходные стихи вариантовъ особо, указывая куда, т. е., къ какимъ стихамъ главной пѣсни, они относятся. Если варианты казались особенно замѣчательными по чему либо (напримѣръ, весьма различаясь или относясь къ любимѣйшимъ пѣснямъ), то и вполне печатались, какъ образцы различной обработки одной первоначальной пѣсни. При пѣсняхъ именами городовъ означены уѣзды, въ которыхъ эти пѣсни записаны. Что касается до времени ихъ записыванія; то пѣсни, сообщенныя Н. В. Гоголемъ (записанныя, вѣроятно, въ Полтавской губерніи) доставлены, въ 1832—1834 году, Н. Д. Бѣлозерскому, — Гадячскія и Острогжскія записаны, большею частію, около 1840—1846 года, а остальные нѣсколько позже. Употребленное здѣсь правописаніе, или способъ изображенія звуковъ народной рѣчи видимыми знаками, буквами, не можетъ затруднять читателя, знающаго русскую грамоту, означая буквами только такіе звуки, для которыхъ эти буквы обыкновенно и наичаще употребляются, т. е., напримѣръ, *того*, *хороше* читай какъ написано, а не *тово*, *хараше*. Это удобство для чтенія въ правописаніи по произношенію тѣмъ необходимѣе должно было предпочесть словопроизводному правописанію, что выговоръ и чтеніе въ нарѣчій народномъ, неустановившемся литературою, весьма сбивчивы. Впрочемъ, какъ ни просто чтеніе по принятому здѣсь способу писанья, не лишнимъ считаю замѣтить: Е, е, послѣ согласныхъ произносится твердо, какъ по

церковнославянски ѣ въ такомъ же случаѣ или э (идѣ — идэ); если этотъ звукъ надобно произнести мягко, что рѣдко случается, то употреблено е (сыне — сынэ). Е, е, вначалѣ и послѣ гласныхъ произносится мягко, какъ по-великорусски (есть, мое). И, и, послѣ гласныхъ, а иногда и вначалѣ, произносится какъ йи (мои — мойи, ихъ — йихъ, ии — ййи, иде — йиде, йимѣ, идуть, йидять). Ы, ы, всегда произносится нѣсколько мягче великорусскаго ы. Окончаніе тся въ глаголахъ произносится цья, но пишется тся, чтобъ не затемнять значенія словъ, и потому, что тс само собою переходитъ при выговорѣ въ ц, какъ и по-великорусски (спытсья — спыщья, бытсья — быщья, кажется — кажетца, снитсья — снитца). Поэтому же и бьешсья, галочки обыкновенно выговариваются бьессья, галоцци. Изображая народное произношеніе, я придерживался говора господствующаго, распространеннаго по украинѣ, и соблюдаемаго почти одинаково какъ издателями, такъ и писателями. Этимъ хочу сказать, что ежели какія нибудь пѣсни (а ихъ очень немного) записаны на крайнихъ предѣлахъ украинскаго нарѣчія, представляющихъ его нечистое, шаткое, сбивчивое произношеніе, то и эти пѣсни напечатаны по обыкновенному произношенію. Я предпочелъ это на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) цѣлю моей было представить читателю сборникъ народныхъ украинскихъ пѣсень, а не образцы мѣстныхъ измѣненій господствующаго произношенія; 2) при небольшомъ числѣ пѣсень изъ мѣстъ смѣшаннаго (ломанаго) говора, соблюденіе произношенія, подмѣченнаго отчасти въ этихъ пѣсняхъ, и не всегда притомъ съ большою точностію, своею особенностію нарушило бы единство нарѣчія, не объяснивъ его видоизмѣненій; 3) мѣстное измѣненіе говора не всегда подмѣчалось и соблюдалось записывавшими, а потому удержаніе кое-какихъ оттѣнковъ мѣстныхъ говоровъ только ввело-бы изслѣдователя въ ошибки на счетъ этихъ оттѣнковъ; 4) одни и тѣже

пѣсни въ весьма немногихъ мѣстахъ поются по мѣстному выговору, въ другихъ же по областному, въ большей же части мѣсть по главному, чистому произношенію большинства, многочисленнаго, а потому при соблюденіи говора различныхъ мѣсть пришлось бы одно и тоже печатать во многихъ видахъ. Словомъ, у меня не было и не могло быть ни цѣли, ни средствъ представить образчики мѣстныхъ измѣненій нарѣчія, хотя я вполне цѣню подобный трудъ, понимая впрочемъ неудобство и неумѣстность его соединенія съ моимъ трудомъ. Избѣгая неумѣстной пестроты произношеній въ народномъ языкѣ и народной поэзіи, я однакожь не лишалъ языкъ того разнообразія, которое замѣтно въ главномъ его нарѣчій и свойственно всякому народному устному говору, нерѣдко условливая благозвучіе рѣчи. Примѣры такого разнообразія: чи, чы; мени, минн, мыни; чорныи, чорни: вечер, вечир, вечор; да, та; улыця, йулыця; вже, уже, йуже; піде, пійде; тоди, тогди; колочок, килочок; худобонька, худибонька и такъ далѣе. Допущеніе такого различія въ произношеніи словъ встрѣчается при сличеніи различныхъ прежнихъ изданій на языкѣ народномъ. Такъ у Оснѣвьяненка (повѣсти): чы, мыни, тилки, песить, промежь, вичныи, ходить, весилья, мотаетця; у Котляревскаго (энеида): чи, весилья, только, вернется, пьяни, боляци; у Максимовича (пѣсни): идуть, опрощенье, чи, пъядь, тилки (тилькы), пье, и проч.

Считая самымъ важнымъ дѣломъ прежде всего изданіе текста народной поэзіи, я почти не прилагаю здѣсь примѣчаній и объясненій, предоставляя себѣ или другимъ сдѣлать это современемъ, при досугѣ и способахъ. Иные, правда, любятъ умничанья о поэзіи болѣе сагой поэзіи, но о такихъ народъ выразился бы своею пословицею «глухому писню спиваты». Теперешнему труду моему, надѣюсь, всякій отдастъ справедливость, кто только можетъ понять, что значитъ добросовѣстное изданіе текста народ-

ныхъ произведеній. Кромѣ его записыванія лично и чрезъ другихъ, надобно было сличить множество списковъ, отдѣлить множество пѣсенъ одинаковыхъ, неисправно записанныхъ, слабыхъ, уже напечатанныхъ, вариантовъ неважныхъ, — опредѣлить произношеніе при разнообразіи правописанія, опредѣлить и означить смыслъ и связь въ рѣчи посредствомъ знаковъ препинанія, установить раздѣленіе стиховъ, придумать систему, обнимающую разнородныя пѣсни, и подвести подъ нее эти пѣсни и т. п. При всемъ этомъ конечно нельзя было избѣжать какихъ нибудь ошибокъ, недосмотровъ, а еще менѣе возможности избѣжать того, что кому нибудь можетъ показаться ошибкою. Такъ, напримѣръ, нерѣдко смыслъ какого нибудь выраженія можно понимать различно, а отъ этого зависить и различіе въ знакахъ препинанія. Иногда стихи можно дѣлить различно: что одинъ приметъ за пресѣченіе одного и того же стиха, то другой можетъ считать стихомъ особеннымъ. Рима не всегда служитъ здѣсь указателемъ окончанія стиховъ; она попадаетъ и среди стиха. Вообще народное стихосложеніе еще ожидаетъ ученаго изслѣдованія. Замѣтимъ только здѣсь, что весьма любимый и употребительный украинскій стихъ обыкновенно состоитъ изъ 14 слоговъ, или 7 паръ, изъ которыхъ 4-ю парю оканчивается первая половина стиха посредствомъ пресѣченія, съ концемъ какаго нибудь слова, и поэтому стихъ можетъ быть раздѣленъ надвое посерединѣ, и образовать два стиха: одинъ изъ 4-хъ, а другой изъ 3-хъ паръ слоговъ. Каждая двѣ пары слоговъ, кромѣ послѣдней, отдѣльной, имѣютъ только одно удареніе на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ (почему и можно ихъ принять за стопу), и притомъ такъ, что хотя бы изъ 4-хъ слоговъ и два имѣли на себѣ удареніе, то только одно удареніе выдерживается, а другое ему подчиняется. Такъ слышится — козакъ добрый, козакъ добрый, козакъ ишовъ, ишовъ козакъ, какъ если бы было — коза-

ченько, козаченько, но не выдерживаются ударенія такимъ образомъ — козакъ добрый, козакъ ишовъ, ишовъ козакъ, добрый козакъ и т. п. Примѣръ такого стиха:

Йшли коровы | из дибровы, | а овечкы | з поля:

Выплакала | кары очи | крїй козака | сто́я . . .

Хымітєся, | густы лóзы, | видкиль вiтер | вiє;

Дывiтєся, | кары очи, | видкиль мьльий | iде.

Хылбылся | густы лóзы,

Та вжє пере | стáлы;

Дывбылся | кары очи,

Та й плакаты | стáлы.

Удареніе изрѣдка встрѣчается и на 1-мъ или 4-мъ слогѣ:

Из за горы | вiтер вiє, | жыто поло | вiє:

На козака | худа слáва, | що робыть не | вмiє.

Распредѣленіе пѣсень вполнѣ и для всѣхъ удовлетворительное почти невозможно, какъ потому, что, по народному выраженію, «той ще не родывся, хто-бъ усимъ угодовъ», такъ и потому, что произведенія народныхъ вдохновеній, какъ все живое и естественное, съ трудомъ укладываются въ какую бы то ни было систему, всегда болѣе или менѣе произвольную. Есть много пѣсень сходныхъ въ различныхъ видахъ или отдѣлахъ ихъ, потому что эти виды или отдѣлы пѣсень не всегда рѣзко различаются и отдѣляются одни отъ другихъ. А между тѣмъ безъ приведенія пѣсень въ стройный порядокъ нельзя обойтись уже и потому, что безъ того не было бы возможности ни помнить ихъ, ни обозрѣть, ни представить по нимъ народную жизнь. Азбучный порядокъ совершенно неудобенъ въ этомъ случаѣ: множество одинакихъ пѣсень различны только своими начальными словами или буквами, и были бы при этомъ раздѣлены, а другія, несходныя между собою, сошлись бы вмѣстѣ. Здѣсь пѣсни распределены на основаніи различія ихъ

отчасти принимаемого самимъ народомъ, отчасти заключающагося въ его пѣсняхъ, словомъ, принять порядокъ, казавшійся самымъ простымъ, полнымъ и естественно обнимающимъ разнообразіе народной пѣсенной поэзіи. Пѣсни идутъ въ такомъ порядкѣ:

А. Пѣсни житейскія, собственно относящіяся къ жизни, или вѣку, человѣка, съ различными его возрастами, имѣющія своимъ предметомъ житейскія событія и случаи, положенія и отношенія, и возникающія изъ нихъ и при нихъ чувства и страсти, отъ колыбели до могилы. Это восходящія и нисходящія ступени жизни. У подножія ихъ младенецъ съ матерью, приникшею къ его колыбели, съ убаюкивающей, лелѣющей его пѣснію (а, пѣсни колыбельныя). Потомъ, выше, юность и любовь, съ ласкою и нѣжностію, безпечноностію и тревогами, радостію и печалію, разлукою, ревностію, постоянствомъ, измѣною, бѣдствіями и надеждами на лучшее (б., пѣсни любовныя). Верхняя ступень человѣческой жизни, середина ея зрѣлости, занята торжествомъ свадьбы, съ различными обрядами и далеко-несущимися пѣснями, приличными положенію «молодыхъ», какъ послѣдствію прошедшего и началу будущаго ихъ взаимнаго отношенія (в., пѣсни свадебныя). Супружество ведетъ за собою семейныя и родственныя отношенія и событія, и возникающія при этомъ чувства и страсти, выражаемыя въ пѣсняхъ, сопровождающихъ человѣка во всю его жизнь, при нисхожденіи его къ старости и смерти (г., пѣсни семейно-родственныя). Наконецъ надъ прахомъ, надъ бездушнымъ тѣломъ человѣка, и надъ мѣстомъ его послѣдняго успокоенія, въ ранней ли молодости, или въ старости, раздаются причитанія и плачи его матери или его дѣтей, его родныхъ и ближнихъ (д., пѣсни или причитанія погребальныя и поминальныя).

Б. Другой кругъ пѣсень, находящійся въ близкой связи

съ пѣснями житейскими, вѣкожизненными, это пѣсни годовыя, пѣсни народнаго года, съ его днями и трудами, занятіями и работами, играми и праздниками. Здѣсь, большею частию подъ открытымъ небомъ, при впечатлѣніяхъ разнообразныхъ временъ года, сердце простолюдина раскрывается предъ Господомъ, славить его благость, и пѣніе подобно благовѣсту раздается надъ землею и несется по воздуху подобно еиміаму; здѣсь и слѣды исчезнувшихъ старинныхъ вѣрованій, перешедшихъ въ невинное увеселеніе. Сюда относятся: а) веснянки, что поются по большей части при играхъ, въ танкахъ, или хороводахъ; б) пѣсни русальныя, съ памятью о русалкахъ, поются около времени праздника Троицы, на Зеленой недѣлѣ; в) купаловыя, что поются при обрядахъ Ивана Купала; г) петривочныя, можно сказать—пѣсни лѣта, средолѣтнія, получившія названіе отъ времени Петривокъ, Петрова поста; д) косарскія, или косовичныя, пѣсни косарей, при косовицѣ; е) гребецкія, пѣсни гребцевъ, при собираніи сѣна; ж) зажнивныя и обжинковыя, во время и подъ конецъ жатвы; з) осеннія, при осеннихъ работахъ и сходбищахъ; и) колядки поются подъ окнами домовъ на праздникъ Рождества Христова, и по содержанію своему относятся къ воспоминанію стариннаго быта и прославленію праздника; і) щедривки, подъ новый годъ, содержатъ въ себѣ поздравленіе и пожеланіе домашняго и хозяйственнаго благосостоянія; к) новогоднія, на новый годъ, посыпальныя, при посыпаніи домовъ пашнею, состоятъ изъ поздравленій и желаній счастья. Вообще въ пѣсняхъ весны, лѣта и осени рисуются картины природы и возбуждаемое ими различное настроеніе сердца; въ зимнихъ сосредоточивается воспоминаніе и мечтательность, подъ покровомъ преданій, о странахъ далекихъ и вѣкахъ минувшихъ съ образами изъ миѳическаго періода.

В. Въ связи съ житейскими и годовыми пѣснями, вслѣдъ за этими послѣдними, и какъ выводъ опытности изъ вѣковъ жизни и годовыхъ трудовъ, помѣщаются пѣсни нравственныя, назидательныя, поучительныя: о людскихъ правахъ и людской долѣ, понятія о нравственномъ и безнравственномъ, о добрѣ и злѣ, и разныхъ предметахъ народныхъ догадокъ и любознательности.

Пѣсни нравоучительныя иногда являются въ формѣ думы, или стиховъ вольнаго, неравнаго разиѣра, близкаго къ благозвучной прозѣ съ римами, и этимъ сближаются съ отдѣломъ:

Г. Пѣсень былевыхъ, изображающихъ виѣшнія событія народной жизни. Здѣсь изображается яркими картинами борьба Украины за христіанство и православіе съ Западомъ, стремившимся расторгнуть родственнѣй союзъ славянорусскаго племеннаго единства, и постоянными врагами христіанства, Турками и Татарами. Здѣсь подвиги и мученичество народныхъ витязей (лыцарей), побѣды и битвы, торжество и страданіе, въ шумѣ оружія и потокахъ своей и вражьей крови, и памятники изъ костей по степямъ, остановившія лютыхъ враговъ, стремившихся на истребленіе христіанскаго просвѣщенія.

Д. Въ бытовыхъ пѣсняхъ изображается бытъ и занятія различныхъ сословій, возникшихъ раньше или позже изъ обстоятельствъ историческаго развитія.

Е. Въ пѣсняхъ шуточныхъ проявляется комическій, сатирическій, юмористическій, шутливый, или жартовливый, взглядъ народа на отношенія и случаи жизни, семейныя и бытовыя, и притомъ эти пѣсни прилично помѣстить въ концѣ по причинѣ, большею частію, позднѣйшаго, или новѣйшаго, ихъ происхожденія.

И такъ, основаніе дѣленія пѣсенной поэзіи, жизнь и вѣкъ, годъ и его трудъ, мысль и дума о жизни, былъ историческая и память о жизни сообщая, бытъ и образъ жизни,

жартъ или шутка, выражается въ такомъ порядкѣ пѣсень: житейскія (колыбельныя, любовныя, свадебныя, семейнородственныя, поминальныя); годовыя (веснянки, русальныя, купаловыя, петривочныя, косарскія, гребецкія, заживныя, осеннія, колядки, щедривки, новогоднія); нравственно-поучительныя; былевыя различныхъ временъ жизни народной; бытовыя (козацкія, чумацкія, сиротско-бурацкія, солдатскія, промышленницкія); шуточные.

Если этотъ выпускъ простонародныхъ украинскихъ пѣсень удостоится вниманія просвѣщенныхъ любителей всего русскаго, народнаго; то я постараюсь современемъ издать и другіе выпуски пѣсень и другихъ произведеній народной словесности, а можетъ быть, для объясненія ихъ, словарь и примѣчанія. Само собою разумѣется, что это дѣло не можетъ имѣть успѣха безъ содѣйствія образованныхъ читателей.

Совершенно понимая всю важность собранія и сохраненія музыки, или напѣвовъ, народной поэзіи, я, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ—достигнуть этого, увидѣлъ, что, не имѣя музыкальнаго образованія и другихъ достаточныхъ для этого средствъ, долженъ предоставить это занятіе другимъ.

Передавая свѣту этотъ памятникъ народной поэзіи, составленный многолѣтними трудами, желаю отъ всей души и молю Бога, да послужитъ эта простая народная поэзія на пользу науки языка русскаго во всѣхъ его отрасляхъ, еще болѣе обогатитъ нашъ общій и богатый языкъ русскій и его словесность, и возвыситъ взаимное познаніе и любовь между всѣми племенами и сословіями нашего великаго отечества.

Издатель *Алгеросій Метлицкій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе	V—XIX.
I. Пѣсни житейскія:	
1. Колыбельныя	1.
2. Любовныя	5.
3. Свадебныя	123.
4. Семейно-родственныя	237.
5. Поминальныя	292.
II. Пѣсни годовыя:	
6. Веснянки	294.
7. Русальныя	308.
8. Купальскія	310.
9. Петривочныя	312.
10. Косарскія	314.
11. Гребецкія	316.
12. Заживныя	322.
13. Осеннія	328.
III. Пѣсни и думы поучительныя	315.
IV. Думы и пѣсни былевыя:	
14. До временъ козачества	373.
15. Съ козачества до Уніи	374.
16. отъ Уніи до Богдана Хмельницкаго	377.
17. Временъ Богдана Хмельницкаго	385.
18. Отъ начала до конца XVIII вѣка	425.
19. Неизвѣстныхъ временъ	434.

V. ПѢСНИ БЫТОВЫЯ:

20. Козацкія	447.
21. Чумацкія	453.
22. Бурлацко-сиротскія	459.
23. Солдатскія	165.
24. Промышленницкія	466.
VI. ПѢСНИ ШУТОЧНЫЯ	467.

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

Ой ты коте, коточок!
Не ходы рано в садочок,
Не полохай дивочок,
Нехай зовьють виночок
Из рутоныкы, из мятоныкы,
З хрещатого барвиночку,
З запашного васылечку.
Ой спы, дытя, до обида,
Покиль маты з миста прыйде
Да прынесе тры квіточкы:
Ой первую зрослывую,
А другую сонлывую,
А третюю щаслывую,
Ой щоб спало, щастя знало,
Ой щоб росло, не болило,
На серденьку не кволыло.
Сонькы-дримкы в колысонькы,
Добрый розум в головонькы,

А ристочки у кисточки,
 Здоровьячко у сердечко,
 А в роточок говорушки,
 А в ниженьки ходусеньки,
 А в рученьки ладусеньки.

(Глухов.)

Ой був собі коточок,
 Украв собі клубочок,
 Та сховався в куточок,
 Щоб люды не знали—
 Котка не лаялы.

(Радомысль.)

Люляю, люляю,
 Побью котка, полаю,
 Щоб по ночах не ходыв,
 Малых диток не будыв.

Ой ходыть сон коло вкон,
 А дримота коло плота,
 Пытається сон дримоты:
 Де ты будеш ночуваты?—
 Там де хата тепленькая,
 Де дытынка маленькая,—
 Там я буду ночуваты,
 Дытыноньку колыхаты.

(Радомысль.)

Ой ты, коте сирий,
 Не ходы до сіней:

А иды до хаты—
Дытя колахаты.

(Радомысль.)

Ой люли, люли,
Чужым диткам дули,
А нашому калачи,
Щоб спало у ночи.

(Радомысль.)

А на ката гуркота,
А на диты дримота;
А на ката все лыхо,—
Ты, дытынка, спы тыхо!

(Радомысль.)

Коточок, коточок
Злизав бабын медочок . . .
Сама баба змызала,
И на котка сказала!

(Радомысль.)

Котыно, котыно!
Пойдемо по сино.
Ты будеш сино класты,
А я буду волы пасты.

(Радомысль.)

А, а! котку!
Не лизь на колодку,
Бо забъеш головку,—
То буде болиты.

Ничым завертты.
Була в мене намиточка,
И ту дитки вкралы,
На ляльки побралы.
Купы, маты, шовку
Завынуть головку.
Шовковыи вервѣчки,
Колысочка швабська,
Дытыночка панська;
Золотыи былъця,
Колышу я чернобрывця.

(Радомсль.)

А кулык намые,
А чаечка намыче,
А сорока напряде,
А кочубей вытче,
А билии лебеди
Та й убилиють на води,
А билии щукашечкы
Да й помыють рубашечкы.

(Чернигов.)

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

ЛЮБОВНЫЯ.

Дивчино моя, Переясловко,
Дай мени вечеряты, моя ластовко !
Я-ж не топыла, я-ж не варыла,
Пишла по воду, видра побыла.
Я-ж не побыла, постановыла,
З горы покотымысь, да й самы побылысь.
Дивчино моя, Переясловко,
Поцилуй-же мене, моя ластовко !
Дак що-ж, дак ну-ж, дак поцилую,
Да у тую губоньку да золотую;
Да в той усочок, як колосочок,
Да у тьи бривонькы, чорни як шнуручок,
Да у той выдочок, повен як гурочок.

(Переклад.)

Ой без мылого соловейка и свит не свитае,
А без мого мыменького гулянья не мае.

Як вылетыть соловейко, то й свитѣ ранише;
А як выйде мій мыленкый, гулять веселише!

(Гадяч.)

Орав мылый у ярыни, тепер у толоци;
Выплакала кари очи за чотыри ночи.
Та вже-ж мини си чотыри та за десять стали;
Десь у мого мыленького волюкы прыстали!
Бодай волю живи булы, а плуг поламався,
Щоб мій мылый из воламы додому прыгнався!

(Гадяч., Лебедин.)

Кармелю-серце! по свиту ходыш,
Не одну дивчину з розуму зводиш.
— Ганнусю-серце! що-ж ты мени дала,
Що мене до себе так прычарувала.
— А в мене чары, чары готови:
Билее лыченько и чорни бровы.
А в мене хата снипкамы вшыта;
Прыйды, Кармелю, хоч буду быта.
Хоч буду быта, знатыму за кого:
Прыстало серденко мое до твого.

(Кіев.)

Ой не видно його дому, тилько видно грушу;
Туда-ж мою порывае рано й пизно душу.
Ой не видно його дому, тилько видно баню;
Туда-ж мени любо-мыло оченькамы глянуть.
Ой не видно його дому, тилько видно хресты;
Туда-ж мени любо-мыло оченькамы звесты.

Ой не видно його дому, тилько видно дубчык:
Коло його недалеко живе мій голубчык.

(Глухов.)

Ихав козак молодый сывым конем з поля:
Счасная и безсчасная та робочая доля,
Що неодну ниченьку пид оконцем ночував,
Пид оконцем ночував, соби дивчыну кохав.
Дивчыно—рыбчыно! куплю, серце, обручку;
Подай, подай крозь кватырочку ручку!
Ходим, ходим, дивчыно, ходим, серце, на мисто,
Куплю тобі намысто, та на шыи повишу,
Та на шыи повишу, вороженькив потишу.

(Радомысль.)

Ой у поли крыныченька на чотыри зводы:
Любыв козак дивчыноньку не чотыри годы;
Любылыся, кохалыся, тай не побралыся,
Тилько наши вороженьки тай повтишалыся.
— Руту сію, руту сажу, руту й поливаю;
Ой я тебе, казаченьку, щодня дождаю!
— Дивчынонько, сира утко, чи свататы хутко?
— Козаченьку, повна роже, в недилу негоже:
Як дождемо тай осены, то й Бог нам поможе!
— Ой високо соколови до неба литаты,
Ой далеко козакови до осены ждаты!
— Хоть високо, невысоко, треба долитаты:
Хоть далеко, недалеко, треба дожидаты!

(Гадяч.)

Чи я вбрела, чы я вплыла, чи мене пидбыто, —
Чи сам козак не став ходыть, чи його одбыто?

Ой одбивае од берега шука рыба ряску,
 Утеряла дивчинонька у козака ласку.
 А я-ж тую дрибну ряску зберу у запаску,
 А ввечери козакови підійду під ласку.
 Підійду-ж я під оконце, маты горох варыть,
 Горох варыть, серце вялыть, на улыцю барыть.
 Ой годи-ж ты, стара маты, гороху варыты,
 Пускай дочку на улыцю, ни-з-кым говорыты.
 Чи се-ж тобі, моя доню, не на лыхо пиншло,
 Що учора из вечера тры козаки прыйшло.
 Одын сыдыть конець столу, мед-выно кружае;
 Другый сыдыть бия його, на скрипочку грае;
 Третій стоить у порога, дивчыны пытае:
 — Дивчинонько, сира утко, чи свататы хутко?
 — Казаченьку-барвиночку, хоть и в недилечку!
 — Дивчинонько, повна роже, в недилу негоже;
 Як диждемо тай осены, то й Бог нам поможе.
 — Ой високо соколяти у гору литаты,
 Ой далеко дивчиноньци до осены ждаты.
 — Хоть високо, невысоко, треба долитаты;
 Хоть далеко, недалеко, треба дожидаты!
 — Як лучыться отецькій сын, оддасть мене маты!
(Гадяч.)

Як прыхав мій мыленький в недилу раненько,
 Из коныка излизае: добрый день, серденько! 2.
 Ой здорова, моя мыла, ой як ся ты маеш?
 Ой здається, моя мыла, иншого кохаеш! 2.
 Здоров, здоров, мій мыленький, ой як ся ты маеш:
 Ой здається, мое серце, мене забуваеш! 2.

(Правой стор. Діпра.)

Люблю Ляшка!—Любы, доню,
 Любы, сердце, не бороню;
 Постиль буде шовкóва,
 Додержыть Ляшок слова.
 Люблю Ляшка!—Любы, доню,
 Любы, сердце, не бороню;
 Симсот овець дам с кошары,
 Абы з Ляшком була в пари.
 Люблю Ляшка!—Любы, доню,
 Любы, сердце, не бороню;
 Зостаешся сама в хати,
 Стережыся розмовляты.
 Люблю Ляшка!—Любы, доню.
 Любы, сердце, не боролю;
 Тебе Ляшок зведе з ума
 И наробыть нам сорома.
 Люблю Ляшка!—Любы, доню,
 Любы, сердце, не бороню.
 Не журыся, стара нецько,
 Ходыть Ляшок чепурнецько,
 Люблю Ляшка!—Любы, доню,
 Любы, сердце, не бороню.
 Утинкою называе,
 Шлюбу браты помовляе,
 Люблю Ляшка!—Любы, доню,
 Любы, сердце, не бороню.

(Радошсь.)

Чи ты чула, дивчынонько, як я тебе кыкав,
 Мымо твой воритечка сывым конем ихав?
 Ой хоч чула, хоч не чула, не йозывалася;

В саду була, рожа цвила, я затыкалася.
 Уси хлопци на колодци, а мого немає;
 Десь мій мыйый чорнобровый коня наповас.
 Через тую крыныченьку орел воду носыть:
 Матусенька свого сына вечеряты просыть.
 Ой вчерай, моя маты, колы наварыла;
 А я пійду на той куток, де дивчына мыла.
 Ой хоч мыла, хоч не мыла, абы чорнобрыва:
 Вона мене молодого щиро полюбыла.

(Кочотоп.)

Коло синей, коло хаты
 Ходыть голуб сывый-волохатый,
 Ни загнаты, ни зазваты . . .
 — Выйды-выйды, мыла, з хаты!
 Ты дивчыно пидгирная,
 Як та зора ясна вечирняя!
 Ты в комори, я на двори;
 Выйды, серце, зличым зоры.
 — Не личыла да й не буду;
 Кого люблю, не забуду.
 — Дивчынонька, серце мое!
 Сподобалось лычко твое;
 Не так лычко, як ти очи:
 Мусыв прыйты о-пивночи;
 Не так очи, як ти бровы,
 Люби, мыли до розмовы:
 Не так бровы, як ты сама,
 На папери напысана.
 Пысав тры дни и тры ночи,
 Закиль спысав чорни очи.

(Глухов.)

Ой дивчыно, пайночко,
 Эподобалось мени твое лычко. 2.
 Не так лычко, як ты сама,
 На билим папери напысана. 2.
 Ты дивчыно, сира утко,
 Выйды на йулоньку хоть пехутко. 2.
 — Ой не выйду, нема часу,
 Вышло сестру саму меншу: 2.
 Таке лычко, така сама.
 На билим папери напысана; 2.
 Таке лычко, таки й бровы,
 Тилько не такая до розмовы; 2.
 Таке й лычко, така й мова,
 Тилько не такая черноброва. 2.

(Житомир.)

Сыдыть соби козаченько,
 Думае, гадае;
 Сам zostався на чужыни,
 Дружныны немае.
 — Нема в мене дружинонькы,
 Ни счастья, ни доли,
 Сам zostався на чужыни,
 Як былына в поли.—
 Ходыть голуб коло хаты
 Сывий, волохатый;
 Як загуде жалибненько,
 На серцю тяженько.
 — Ой не ходы, голубчыку,
 Коло мой хаты.
 Прынесы мій голосочок

Мылом до хаты.

Ой пиду—ж я до кирныци

Пыты воду з дненьця:

Ой без ножа, без талирки

Не край мого сердца.

(Кіев., Бердичев.)

Ты по сим боци, а по тим боци:

Передайся до мене. 2.

Ты чорнявая, кучерявая,

Не здавайся на мене ¹. 2.

Я любыв тебе, я кохав тебе,

А як батько дытыну; 2.

Извьялыв себе, изсушыв себе,

А як витер былыну. 2.

Хоть мынулыся в саду яблучка,

Не мынаються дульки; 2.

Хоть минулося жениханьячко,

Не мынаються думки. 2.

(Ширятин.)

Ой вышенька, черешенька, верба кучерява;

Дивчинонька козаченька тай прычарувала.

Чаруй, чаруй, дивчинонько, колы довелоя:

Уже твое биле лычко з моим понялося.

Породыла мене маты у святу недплю,

Дала мини гирьку долю, ничото не вдю.

Ой пиду я до сусида воза позычаты.

(1) Не сворачивай на меня разрыва

Та повезу гирьку долю на торг продаваты.
 Люды знають гирьку долю, не йдуть купуваты;
 Тай не хсчуть купуваты, не хочуть пытаты.
 Повезу я гирьку долю з торгу та додому,
 Тай ударю гирьку долю з воза та додолу.
 От-тут тоби, моя доле, от-тут пропадаты,

14 Що не вмила, що не вмила мене шануваты!

(Гадяч., Лебедив.)

14 Що не вмила, не хотила мене шануваты.

(Гадяч.)

Моя горлычко, голубонько,
 Чом улитаеш вид мого порожечка?
 Моя гарная дивчынонько,
 Чом ты одходиш вид свого сбожечка?
 Я-ж тоби била риченьки
 Зрубив з сосны хоромочку.
 Хоромочку та з виконечком:
 Сидай, моя дивчынонько.
 Пид виконечком;
 Выжыдай з поля чыстого
 Твого козаченька!

(Гадяч., Лебедив.)

Купалося та два голубоньки,
 Та на дубовій кладци:
 Пидмовлялы два козаченьки дивчыноньку
 Та не ввечери, вранци.
 Ой пидмовлялы, медом частувалы,
 З золотого кубка.
 Вола прохожала промеж казакамы.

А як сыва голубка.
 — Ой куды ты їдеш, куды й одьїзжаеш,
 Ты козаченьку Марку?
 А на що-ж ты мене покидаеш
 У мурованим замку?
 Не саму-ж я тебе, молода дивчыно,
 Тепер покидаю,
 Покидаю тобі, молода дивчыно,
 Козаченьки двисти:
 Выбирай, вызырай, молода дивчыно,
 Который пид мысли.
 Выбирала-ж я, вызырала-ж я,
 Та немає такого,
 Нема до любви, нема й до розмовы,
 Й до серденька мого.
 На палычку зпиткнулася,
 На злуктечко впала;
 Я полюбыла пройдысвита,
 Тай навикы пропала.

(Харьков.)

Тыхо, тыхо Дунай воду несе,
 А ще тыхше дивка косу чеше;
 Вона чеше да на Дунай несе:
 Плывы, косо, уплынь за водою,
 Плывы, косо, уплынь за водою,
 Щоб наложыв нелюб головою!
 Нема краю тыхому Дунаю;
 Нема впыну вдовыному сыну,
 Нема впыну вдовыному сыну,
 Що звив з ума дивку сиротыну.

Ой извившы, на коныка сившы:
 Зоставайся, славы набирайся;
 Ой я молод славы не боюся,
 Пйду з села, зараз оженюся;
 Мени, дивко, та прышыють квитку,—
 Тебе, дивко, завертять в намитку.

(Чернигов, Конопот.)

Ой ты дубе кучерявий!
 Широкий lyst на тоби.
 Ты козаче молоденький!
 Дурный розум у тоби.
 Ой на дуби кучерявим
 Широкий lyst опаде,
 Дурный козак молоденький
 Без розуму пропаде.
 Ты божився, присягався:
 Не покыну я тебе!
 Тепер мене покыдаеш,
 Серцю жалю завдаеш.
 Иды-ж ты у Божу путь,
 А я пойду в темный лис,
 В темный лис, в темный лис,
 Нехай мене звірь изъисть.
 Ой вы звіри, вы люты,
 Розирвите вы мене,
 А серденька не чепайте—
 Неха мылому мойму:
 Нехай мымый подывыться,
 Що на серци діється.

(Радомысль.)

Уси куры на сидали, пивень на порози;
 Уси хлопци на йулонци, а мій у дорози.
 Не курыла, не топыла, на прыпечку жар-жар,
 А як выйду из Ивныци, комусь буде жаль.
 Не курыла, не топыла, по синечках дымно,
 А як выйду из Ивныци, комусь буде дивно.
 Ой визьму я спигу в руку, сниг у руци тане;
 Тяжко, важко на серденьку як вечор настане.

(Житомир.)

Уси куры на сидали, пивень на сторожи;
 Все хлопята на йулыци, мій мылий в дорози.
 Плыве човен воды повен, а за ным весельце;
 Любы мене, мій мыленькый, як я тебе, сердце.
 На долини яворына, хоче похылыться;
 Як не возьму яку люблю, не буду жениться.
 Чьи бджолы на долини, мои в деревенци;
 А кто любить чорни очи, а я голубеньки.
 Очи мои голубеньки! як я вам дывлюся!
 Хоч на мене люды брешуть, а я им сміюся.
 Нехай брешуть, нехай брешуть, добрешуться лыха,
 А мы двое, сердце мое, любімося стыха.
 Ой мисяцю, мисяченьку! не свиты никому;
 Тилькы мому мыленькому, як идё додому.
 Заскрыпили воритонькы, бо булы заперти;
 Кого люблю, не забуду до самой смерты.

(Гадляч., Лебедив.)

1 Не ходы, козаче, по-над берегамы,
 Не кывай на мене чорнымы бровамы!
 Чорни бровы маю, да не оженюся;

- 4 Пиду до риченькы, з жалю утоплюся.
 Не топысь, козаче, бо душу загубыш;
 Ходим повичаймось, колы впрно любыи,—
 За твои рушчычки
 Ходим звичаймось—обое хороши!
 Йдуть вошы поле, йдуть и другее,
 А на трете поле став кинь спотыкаться:
 Вернимося, дивчыно, не будем винчатся;
 Не будем винчатся, не буде нам счастья.
 Пишов козак горою, дивка дольною;
 Зацвив козак рожою, дивка калыною.
- 15 Ой там по-над яром козак сиво косыть,
 А дивчына по берегу голосом голосыть!

(Остер.)

Други так спивають:

- 1 Не ходы, не блуды, по-над берегамы.
 Не сушы, не вьялы чорнымы бровамы.
- 4 Пиду до Дунаю—з жалю утоплюся.
- 15 Рожа одцвилася, а калына началася;
 Козак оженився, дивка зосталася.

(Галлч.)

Ой що-ж мени с тебе, що ты сыдыш коло мене:
 Ой сядь коло мене, да ще й обіймы,
 Усю мени правдоньку роскажы.
 Шука рыба грае, да й та пару мае;
 А я козак молод гадаю, що я соби паронькы не маю!

(1) За козаком плаче, што не впадо жыть—не повичалось. Прявч. пѣвицы.

Тилько-ж мени пары, що й оченьки карп,
 Тилько-ж мени до любви, що чорніи бровы!
 Чорни бровы маю, да й не оженюсь,—
 Хиба пиду до риченьки, з жало утоплюсь!
 Не топысь, козаче! бо ты душу загубиш:
 Ходим, сердце, позинчаймось, колы мене вирно любыш.

(Зологонош.)

- Ой кинь ирже, трава вяже, вин дориженьку чует;
 Ой вин чует, ой вин чует, де Васыль ночует!
- 3 Ой ночует Васыльчко в густим очерети,
 Клыче маты свого сына к соби вечераты:
 Як не прыйдеш вечераты, прыйды обидаты;
 Як не прыйдеш обидаты, прыйды одвидаты;
 Як не прыйдеш одвидаты, то грих тоби буде:
 Утопышся з бережечку, де й воды не буде.
- 9 Утопывся Васыльчко, хустьночка тоне;
 Ходить дивка по бережку, били руки ломле:
 Не жаль мини хустьночки, що я вышивала,
 А жаль мини Васыльчка, що я сподобала.
 Пишла тая дивчынонька по-над берегама,
 Та зострила рыбалочок з трьома неводама:
 Закыдайте, рыбалочки, трьома неводама,
 Да вытягнуть Васыльчка с чорныма бровама!
 Ой нате вам, рыбалочки, горилки напыться,
 Да вытягнуть Васыльчка, ой хоть подывыться!
 Ой нате вам, рыбалочки, ще й солы на страву,
 Да вытягнуть Васыльчка хоть на людську славу!
 Ой нате вам, рыбалочки, мидну копу грошей,
 Да вытягнуть Васыльчка—який вин хороший!
 Як вытяглы Васыльчка, вода з рота льеться:

Ходить дивка по бережку, та все в груди бьется!
 Ой искыньте золот перстень из мызынца с пальця;
 Ой щоб-же я не забуда Васыля коханьця.

Други спивають:

- 3 Ой ночуе Васылечко, де зелене просо;
 Його ж мыла, чорнобрыва вечераты просыть:
 9 Ой Васыля, Васылечка тыхий Дунай носыть,
 Його мыла, чорнобрыва рыбалочок просыть:

(Галч)

Пйду я в садочок, да вырву льсточок,
 Да зовью виночок, пушу на ставочок.
 Хто винок пйме—той мене возьме!
 Прышхав козак лугом, берегом,
 Привязав коня до берестонька,
 А сам же пишов виночка ловыть.
 Первый раз ступыв, по колина вбрив,
 Другый раз ступыв, по пояс убрив,
 Третий раз ступыв, волоток изпыв.
 Одрвысь, коню, од берестонька,
 Да бижы, коню, бижы до дому:
 Не кажы, коню, що я утопывсь,
 А скажы, коню, що я оженьвсь—
 Ясни зирочки—то свитылочкы,
 Чорни хмарочки—до то свашечкы,
 А берестонькы—то старостонькы,
 Крути берегы—бояре мои,
 Холодна вода—до то молода,
 Сырая земля—то-ж маты моя:
 То-ж маты моя, мене прыняла!

(Прылук.)

Из-за горы витер віе, березоньку хылыть:
Не хылыся-ж, березонько, ще-ж ты зелененька;
Не журыся-ж, дивчынонько, ще-ж ты молоденька.
Не рада-б я хылытыся, так витер лыст мае;
Не рада-б я журытыся, мылый покыдае;
Покыдае, одвизжае в Кытай-городочок.
В Кытай, Кытай-городочку кращого немає:
Над нашого казаченька и в свити немає.
Кинь вороний, сам молодой, на скрипочку грае.
Що скрипочка з васылечок, а струны из руты,
Як заграе на сыньому морю, то и у нас чуты.
Ой стояла сосоночка та супротив виконечка,
Ой плакала дивчынонька, стоя у виконечка.
Чом ты мене, моя маты, рано не збудыла,
Ой як тыи козаченьки з села выходылы?
Та збудыла мене, маты, в обидню годину,
Як видійшы козаченьки вид села за мылю.
Тым я тебе, моя доню, рано не збудыла.
Що твій мылый веде перед, щоб ты не тужыла.
Ой я-б, мамо, не тужыла, а Бога молыла.
Щоб моему казаченьку хвортуна служыла.
Купы мини, моя маты, за тры шагы голку.
За чотыри золотыи червоного шовку,
За пятого рублевого мальовани пьальци,—
Я вышыю, вымаляю мылому рукавци.
Шовком шыла, шовком шыла, золотом рубыла,
Се-ж для того козаченька, що вирно любыла.
Ты думаеш, моя маты, що я не журюся,
А як выйду за ворота—вид витру валюся.

Ты думаеш, моя маты, що я и не плачу:
За дрибнымы слизоньками свитонька не бачу!

(Переяслав.)

Пора маты жыто жаты, колос похылывся;
Пора маты замиж даты, голос изменився.
Хоть колосок похылывся, стебло зелененьке;
Хоть голосок изменився, лычко молоденьке.
Як послала мене маты в степ пшепыци жаты;
Аж там чумак волю пасе, став зо мною жартоваты.
Жартуй, жартуй, чумаченьку, жартуй зо мною,—
А як пійдеш у дорогу, буду плакать за тобою.
Чом ты мене, моя маты, рано не збудыла,
А як тая чумачына, за село выходыла?
Тым я тебе, моя доню, рано не збудыла,
Що твій мылий веде перед, щоб ты не тужыла.
Ой я-б, мамо, не тужыла, я-б Бога молыла,
Щоб моему мыленькому доленька служыла.
Купы-ж мини, моя маты, мацьовани пъяльца.
Ой вышыю, вымалюю на славу рукавця.
Купы-ж мини, моя маты, за тры копы голку,—
За пятого рублевого зеленого шовку.
Шовком шыла, шовком шыла, золотом рубыла,
Се-ж для того чумаченька, що вирно любыла.

(Ромен.)

Розвивайся, сухой дубе,
Завтра мороз буде,
Гей, завтра мороз буде.
Убирайся. козаченьку.

Завтра поход буде.

Гей, завтра поход буде.

Я морозу не боюся.

В мороз розивьюся.

Гей, в мороз розивьюся.

Я походу не боюся,

Завтра й уберуся.

Гей, завтра й уберуся.

Не жаль мени дориженькы.

Що куриться курно,

Гей, що куриться курно.

А жаль мени дивчинонькы,

Що журиться дурно.

Гей, що журиться дурно.

Не жаль мени дориженькы,

Що пылом прыпала,

Гей, що пылом прыпала.

А жаль мени дивчинонькы,

Що з лыченька зпала;

24 Гей, що з лыченька зпала.

25 Прыльвайце дориженьку,

Щоб пылом не пала;

Розважайце матусеньку,

Щоб з лыця не зпала.

Прыльвалы дориженьку,

Тагы пылом пала;

Розважалы матусеньку.

Тагы з лыця зпала.

(Золотенеш.)

Ой гай, маты, ой гай, маты, ой гай зелененький;
 Выизжае з Украйны козак молоденький.
 Як вызжав, шапочку зняв, низенько вклонився:
 — Прощай, прощай, громадонько, може с кым сварывся.
 „ Хоть сварывся, не сварывся счаслыва дорога! „
 — Зостається на Украйни дивка чорноброва!
 Дали мени отхидного коия вороного,
 Дивчынонька хустиночку с пидзлота самого.
 Я не буду хустинонькы ни терты, ни мняты;
 Буду тою хустиною сидельце вкрываты:
 Ой як гляну на хустину, згадаю дивчыну;
 Ой як гляну на сидельце, втишу свое серце!
 — Голуб маты, голуб, маты, к викну прылитае!
 — Давай, доню, прынадоньку, нехай привыкае!
 — Яку-ж мени, моя маты, прынадоньку даты?
 — Посып пшынця по колниця, водыци по крыльця!
 — Козак, маты, козак, маты, к двору прыизжае!
 — Давай доню прынадоньку, нехай привыкае!
 — Яку-ж мени, моя маты, прынаду даваты?
 — Стелы, доню, постиль билу, лягай из ным спаты,
 Одну ручку в головоньку, а другу обняты,
 Прыгорнуты до серденька, та й поцмлюваты.

(Речен.)

Ой любыв, та кохав, соби дивчыну мавъ, гей, як у саду вышня;
 За лыхымы людьмы, да за ворогамы гуляты не выйшла. 2.
 Покидыаю тебе, серденятко мое, гей, едыному Богу;
 А сам я пиду да за риченьку, за быструю воду. 2.
 Дожидайся-ж мене, серденятко мое, гей, та до себе в гости,
 Як вырасте в тебе у свитлыци трава на помости. 2.
 Росла, росла трава шовковая, гей, та вже й перестала:

Ждала, ждала козака дивчына, да й плакаты стала. 2.
 Росла, росла трава шовковая, гей, та вже й похылылась,
 Ждала, ждала козака дивчына та вже й зажурылась. 2.
 Хылитесь та густіи лозы, гей, з виткиль витер віе:
 Дивитесь, мои карі очі, з виткиль мылій йіде. 2.
 Хылылся та густіи лозы, гей, та вже й пересталы;
 Дывылся мои карі очі, да й плакаты сталы. 2.
 Ой гув, та загув сызый голубонько, сыдя на ключыни:
 Охохó, охохó, молод казаченько по своїй дивчыни. 2.

(Ковтоп., Кіев.)

Загудеть, забуркучить сызый голубонько.

Сыдя на тычыни;

Ой заплаче молодой козаче

По своїй дивчыни,

Що любыв и кохав, соби дивчыну мав.

Як зироньку ясну,

Та за дивчынымы та за ворогами

Покыдаю несчастну.

Ой кому-ж ты мене, серденятко мое.

А тепер уручаеш?

Уручаю тебе, серденятко мое,

А едыному Богу;

Сам же я пиду, а сам я понду

Днипром за водою!

Ой як будеш же ты, серденятко мое.

Днипром-водою плысты,

Засылай, посылай, серденятко мое.

Частенькіи лысты.

А я-ж тіи лысты, а я-ж тіи письма

Сам перечытаю:

А перечытавши, у-купочку склавішы,
 Сам до тебе буду,
 А я тебе, серденятко мое,
 Сам тебе не забуду.

(Харьков.)

И любив, и кохав, соби дивчыну мав,
 А тепер покидаю.
 — Покидаеш мене, серденятко мое!
 Ой кому-ж прыручаеш?
 — Прыручаю тебе, серденятко мое,
 Мылосердному Богу;
 А сам пиду, а и сам поїду
 У путь у дорогу,
 У путь у дорогу, у путь у дорогу,
 Ой уплынь за водою.
 Ой колы-ж тебе, серденятко мое,
 Сподиваться у гости?
 Сподивайся мене, серденятко мое,
 Ой к первій Пречыстій;
 Як не буду я к первій Пречыстій,
 Сподивайся к Мыколи;
 Як не буду к святому Мыколи,
 То не буду николи.

(Изюм.)

Ой на гори, на пидгирку,
 Сыдив голуб з голубкою;
 Вони соби цилувались,
 Цилувались, мылувались.
 Що в голуба та сызая голова.

А в голубкы позолочувана,
 Чорным шовком подоточувана.
 А молодець з-за терема вигляда:
 Якбы-ж моя дивчинонька та така;
 То-б я ін цилував, мылував,
 И до печи куховарочку наняв,
 А до неї та Татарочку.
 А сам бы я по водыцю ходив,
 Дивчиноньку та за рученьку водив.

(Изюм.)

Ой сама я, сама, як былына в поли,
 Нихто не порадыть мене молодой!
 Радять мене люды, радять и другіи.
 Радять, осужають ворогы тяжкіи.
 Дывшіи-ж вы люды, що осужаєте,
 Туга на серденьку, а вы не знаете.
 Перша мени туга—сама недолуга.
 А другая туга од вирного друга,
 А третяя туга—родына далеко.
 Чи добре тобі, дивчино небого.
 В тому сели жыты, де ворогив много?
 Так мени добре помеж ворогами,
 Як тій крыныченьци помеж дорогами.
 Хто йде або йде—водыци напьеться.
 З мене молодой хто схоче сміється.
 Засвичу я свичу топку-восковую,
 Перебреду ричку шыроку-быстрюю.
 Перенесу ключи не побрязкаючы,
 Пробуджу мылого не доторкаючы.
 — Встань, мій мыленькій, годи тобі спаты.

Вже твого кониченька в степу не видати !
 — Хоть коня немає, до кінш другий буде;
 Я своєю дівчинонькы повік не забуду !

(Радомысль.)

Ой на полі та озеречко,
 Там плавало видеречко,
 Сосновеє видеречко—
 Дубовеє денечко.
 Ходим повинчаймось,
 Мое сердечко !
 — Не будем винчатися,
 Й славы набиратися,
 Ой будуть люды сміятися:
 Ой ты стоиш під вербою.
 А я під другою—
 Ты й сам бачиш, ты сам чуєш
 Люды кажуть—не будь мені за тобою ! . . .
 И травичка шам, шам,
 Прийде до мене сам, сам . . .
 И чобітки в руках несе,
 Сам до мене босый чеше,
 Щоб підкивки не бряжчало,
 Щоб собаки не брехали,
 Щоб люды не знали—
 З ким я розмовляю !

(Гадяч.)

Из-за горы буйный витер віє,
 Козаченько пшепыченку сіє. 2.
 3 Не досіав пшеници до краю.—

Вийшла к йому дивчинонька з гаю. 2.
 — Бодай тебе, дивчинонько, дидько! . . .
 Посівав я пшениченьку рідко! 2.
 — Говориш ты, казаченьку, пусто,
 Зійде твоя пшениченька густо. 2.
 Ще дивчына додому не дійшла,
 Козакова пшениченька зійшла; 2.
 Ще дивчына дверей не дчыныла,
 Козакова пшениця поспила; 2.
 Ще дивчына спатоньки не клалась,
 Козакова пшениченька зжалась; 2.
 Ще дивчына Богу не молялась,
 Козакова пшениця звозылась! 2.

(Золотопош.)

3 Сіе, сіе, сива не доходить,
 Дивчинонька з обидом прыходить.
 — Дивчинонько, принис тебе дидько . . .
 Розсівав я пшениченьку рідко!
 — Козаченьку, слово твое пусто.
 Зійде наша пшениченька густо!
 Та ще-ж йде козак у дорози—
 Козакова пшениченька в стози.

(Гадяч.)

Чы всим людям из коханья так ся діе—
 Очи не сплять, серце стогне, душа мліе?
 Ой Боже, Боже, яке мыни горе—
 Пиду утоплюся у сынее море! -
 Мене маты на забаву не пускае;
 Як я схочу, перескочу, то й не знае.

С кым вирно люблюся, не наговорюся,
 Прыйду до домопъку, заплачу—утруся.
 Чы ты мене вирно любыш, чы лышаеш,
 А я літа марне трачу, ты й не знаеш!
 Ой Боже, Боже, яке мыні горе—
 Пиду утоплюся у сынее море!
 — Не топыся, глянь на мене оченькамы,
 Розвеселы серце свое мыслонькамы!
 Я-ж тебе люблю, як свою душу,
 Я перед тобою прызнатся мушу.

(Радомысль.)

На горі, горі
 Йідуць Мазурі;
 Йідуць, йідуць Мазурочки,
 Везуць, везуць барвіночкі—
 Булы на войны.
 Одын Мазур встав,
 Другы Мазур спав . . .
 Йідуць, йідуць в чыстым полі,
 Йідуць, йідуць всі раздольем—
 На сьвим коні.
 Прыіхав в ночі,
 Пры ясній свичі;
 Стук-гряк в виконачко:
 Выйды, серце, коханочко,
 Дай коню воды!—
 — Не могу я встать,
 Коню воды дать:
 Ввечери холодна роса,

Я ходыла в пана боса—
20 Нижечкы щымлять.

(Правой стор. Дѣпра.)

21 Беры хусточки, ввертай нижечкы,—
Як же нам Бог поможе,
Як же нам Бог поможе,
Купым черевычкы. 2.

Купуй, не купуй—не буду носыть:
Мыни маты прыказала,
Щоб я з вама не гуляла —
Матуси боюсь! 2.

Матуси не бійсь, спдай на мій виз!
Та пойдём у той край,
Де хороший обычай,
Мурованый дом. 2.

Туды йихалы, паны стричалы:
Що-ж то за дивчына,
Що-ж то за рыбчына
Йиде з панамы? 2.

Йиде з панамы в срибним паряди—
Сим пар сывых коней,
Сам пан чорнобровый
Дивчыну везе. 2.

(Гадяч.)

Повинь, повинь, буйный витре, з-за крутон горы:

Заберы и занесы вси любощи мои.

Ой заберы и занесы в чужую сторону,

А в чужую сториноньку аж до мылого мого.

Вин проснеться, спомъянеться, про любощи спомъяне,

То вин мене молоденьку, то вин мене згадає.
 Сидлай, хлопче, коньченька, ой да коня вороного.
 А зазджай, а зазджай протыв тетьового двора.
 Аж виходить протыв його ой да тетьенько його,
 Бере коня за поводы у подвирячко веде,
 Бере його за рученьку та до свитлопыкы веде.
 Прывив його до свитлопыкы, аж дивчына хоруге;
 Бере ин за рученьку, й лыченько цилуге:
 „Ой не вмирай, дивчынонько, госпидь Бог с тобою!„

(Радомисль)

Ой колы-б-же того Сын Божій намножив,
 Хто щырыи любощи на сей свит проложыв!
 Щырыи любощи—серденьку отрада! . . .
 Ой повий витроньку, по зеленій трави,
 Изберы, Боже, вси любощи мон,
 Понесы, Боже, до мылого мого,
 Ой, постав, Боже, в головоньках його:
 Мылий устане — на любощи глине, мене спомяне!

(Борзн)

Плыве щука з Кременчука, плыве соби з-тыха;
 Хто не знае закоханья, той на знае лыха.
 Плыве щука з Кременчука, луска на ий сяе;
 Хто не знае закоханья, той счастья не знае.
 Тече ричка невельчка, схочу—перескочу:
 Оддай мене, моя маты, за кого я схочу!

(Золотонош.)

Ой чому не прыйшов, чому не прыхав,
 Як я тоби, серденько, велпла?

Чы коня не маеш, чы дорижкы не знаеш,
Чы матуся іхать не звелила?

— И коныченька маю, и дориженьку знаю,
И матуся іхать повелила;

Есть у мене сестра— менша од мене зросла;
Отта мині іхать не звелила:

„Ой не ідь, ты брате, в чужу сторононьку
До двичины на розмовоньку:

Ох и там-же впьешся и з дориженькы збьешся,
То ты, молод, славы наберешся.„

— Ох и я-ж не впыюся и з дорижкы не збыюся
Я-ж тіен славы не боюся.—

(Глухов.)

Ой чом не прыйшов,

Ой чом не прыхав,

Як я лысты пысала:

Чы коня не мав,

Чы дорижкы не знав,

Чы маты не пускала?

— Я й коня маю,

Дорижку знаю,

И матуся пустыла;

Меншая сестра—

Лит недоросла,

Та-ж мене не пустыла.

„Ой не йидь, братко,

Ой не йидь, ридненькый,

Бо дороженька злая:

Коня змордуеш.

Сам ся стурбуеш:

Дивчына здоровая!
 Лужечкы шумлять,
 Бережкы гудуть,
 Калына процвітае:
 Десь мій мыленькый,
 Чорнобрывенькый,
 З нишою секреты мае,
 Колы з такою,
 Як изо мною,
 Поможы йому, Боже!
 Як из нишою,
 Ще й с поганьшою,
 Разлучы його, Боже!

(Житомир.)

Ой чому не прыйшов.
 Або не прыйхав,
 Серденько мое!
 Чы коней не маеш,
 Чы шляху не знаеш,
 Чы матуся йпхать не звелила?
 — И конькы маю,
 И шлях-дорогу знаю,
 И матуся пхать извелила;
 Есть у мене сестра,
 Що найменша зросла,
 То та мени йпхать не звелила:
 Ой не йидь, братику,
 В чужу сторононьку
 До мылон в гости;
 У мылон вьнешся,
 Из конька вбьнешся,

И сам молод славы наберешся!..
 — Я горилки не пью,
 А меду не впыюся,
 Я и сам молод славы бережуся!—

(Галач.)

И по сей бик гора.
 И по той бик гора,
 А миж тымы крутымы горами
 Котылась зоря.
 Ой то-ж не зоря,
 Ой то-ж не ясна,
 Ой то-ж моя молода дивчына
 По водыцю йшла.
 9 — Дивчыно моя!
 Та напій же коня:
 З рубленой та крыныченькы
 З повного видра.—
 „Козаченьку мій!
 Та якбы-ж я твоя,
 Взяла-б коня за шовкови повода
 Та й напола.“

(Дубев.)

9 „Дивчыно моя,
 Да напій ты коня
 Из новой крыныченькы
 Холодной водыченькы
 З повного видра.,,
 — Як буду твоя,
 То напою й два

Из новой крыныченьки
Холодной водыченьки
С повного видра.—

(Житовир.)

И туда гора,
И туда гора:
Помиж тымы горонькамы
Сходыла зоря.
Ой то-ж не зоря,
Ой то неясна,
Ой то-ж моя дивчынонька
По воду пишла.
А я за нею,
Як за зорею
Сывым конем, чыстым полем,
По над Дунаем.
Дивчыно моя!
Напій же коня,
Напій, напій коныченька
З рубленой крыныченьки
З повного видра.
„Козаченьку мій!
Як бы я твоя,
То-б я тобі напоила
Сывого коня с повного видра.,,
— Дивчыно моя!
Сидай на коня:
Та поїдем чыстым полем
До мого двора.
А биля мого двора

Нема тыну ни кола,
 Тилько стоить куц калыны
 Та й та не цвила.
 — Калына моя!
 Чом ты не цвила?
 „ Зима була й цвит оббыла,
 Тым я не цвила. „

(Извѣст.)

И по той бик гора,
 И по сей бик гора;
 Помиж тымы та горонькамы
 Ясная зоря.
 Ой то-ж не зоря,
 То-ж дивчына моя
 Яром, яром та долиною
 По водыцю пишла.
 А за нею та паныченько
 На вороним та коныченьку:
 Дивчыно моя!—
 Ой посю я льон
 Перед батьковым двором,
 Да вродыться да льоныченько,
 Да внадыться да паныченько,
 Да й вытопче льон.
 Чы не льон же то був,
 Чы не врода його:
 Жемчужнее та насипячко,
 Золотее та коринячко,
 Сам шовковый льон.
 Ой дбай, маты, дбай,

Да дочку замиж дай;
Не дай мене за п'япыченку,

25 Бо мени вроды жаль.

Бо моя врода

Як повная рожа;

Не дай мене за п'япыченку:

Мени ин жаль!—

(Копотоп.)

25 Оддай мене за козаченька,

Бо вродонькы жаль :

Що у мене врода

Краща од золота—

У мене лычко та биленькее,

У мене бровы та чорненькїи,

Сама молода.

(Прылук.)

Ой ты горо кремінная, чом не лупаешся ?

Та скажы, скажы, серце дивка, правду, в ким ты кохаешся ?

Ой щоб-же я за гора була, щоб я лупалася ?

Та хїба-б-же я розуму не мала, щоб я признавалася ?

Заричаны добри люды, добре вони живуть,—

А до нашої молодої дівчыны селезенямы плывуть.

Плывы, плывы, селезеню, за-кіль вода встане;

Та вийды, вийды, хлопчыно, як вечір настане.

Пид тобою, селезеню, вода не схытнеться;

Из тобою, хлопчыно, вечір не змыгнеться.

(Гадяч.)

Изыйду я на горбочок, спущу голосочок;

Нехай мене той зачусе, що в поли почусе.

— Ты думаеш дивчинонько, що в поли ночую,
 А я твои голосочки що-вечора чую;
 Ты думаеш, дивчинонько, що в поли маячу,
 Я-ж по тобі, мое серце, слизонькамы плачу.
 Ты думаеш, дивчинонько, що я не журюся,
 А як вийду за ворота од витру валюся.
 Ой як бы я зозуленька, ой крылечка мала,
 То-б я ввесь свит-украину кругом облитала,
 То-б я свого мыленького по шапци признала:
 Шапка чорна, шапка чорна, а свытына била,
 Жупанына по колина, пошыта до дила.
 Ой вийду я за ворота, нема мого злота;
 Тилько стоить той нескреба, що мині не треба.

(Глухов.)

Йшли коровы из дубровы, а овечкы з поля,
 Выплакала кари очи крїй козака-стоя:
 „Ой куды-ж ты одыпжжаш, сязокрымый орле?
 Ой хто-ж мене та без тебе к серденьку прыгорне?„
 — Прыгортайся, дивчинонько, к другому такому,
 Да не кажы той правды, що мени самому!
 „Ой як мині, козаченьку, правды не казаты?
 Вечор стою, свитом нужу, тебе не выдаты.
 Хылитесь, густы лозы, видкиль витер віе,
 Дывитесь, кари очи, видкиль мылий йнде.
 Хымысыя густы лозы, да вже пересталы;
 Дывымыся кари очи да й плакаты сталы.
 Нема в саду соловейка, нема й щибетанья:
 Нема мого мыленького, не буде й гулянья.
 Ой як в саду соловейко, щибече раненько:
 Як мій мылий била мене, гулять веселенько.

Нехай тобі зозуленька, мени соловейко,
 Нехай тобі там легенько, мени веселенько.
 Нехай тобі зозуленька, щоб рано ковала;
 Мени нехай соловейко, щоб я не скучала.

(Глухов.)

Ой выйды, дивчыно, выйды за гай по коровы;
 Нехай же я подывлюся на ти чорни бровы.
 Ой выйды, дивчыно, выйды за гай по телята,
 Нехай же я подывлюся на ти бровенята.
 По тим боци огонь горыть, по сим боци выдно;
 Як пойдеш з України, буде мени дивно.
 По тим боци огонь горыть, по сим боци жарко;
 Як пойдеш з України, буде мени жалко!
 Шумыть мени як у млыни в моїй головонци:
 Десь мій мыльй чорнобрывый в чужій сторононци!
 Повій, витре буйнесенький, по ярах глыбоких;
 Прибудь, прибудь, мій мыленький, з Украин далеких.
 — Як же мени повиваты по ярах глыбоких?
 Як же мени прыбуваты з Украин далеких?—
 Засвичу я ясну свичку, да й пущу на ричку;
 Буде мойму мыленькому выдно на всю ничку.
 Не поможе, мыльй Боже, и воскова свичка:
 Розольеться тихый Дунай—быстренькая ричка.
 Нехай тобі зозуленька, щоб рано вставала;
 Нехай тобі соловейко, щоб ты не скучала.

(Глухов.)

Ой повій ты, буйный витре, з глыбокого яру;
 Прибудь, прибудь, мій мыленький, з далекого краю.
 Як же мени повиваты, що яры глыбоки:

Ой як мени прыбуваты, що то краи далеки.
 Ой засвѣты, моя маты, восковую свичку;
 Нехай же я перебрѣду тую быстру ричку,
 Нехай тобі зозуленка, мени соловейко,
 Нехай тобі там тихенько, мени веселенько.
 Нехай тобі зозуленька для куваньнячка,
 Нехай мени соловейко для щѣбетаньячка.

(Васильков.)

Йшли коровы из дубровы, а овечкы з поля;
 Та й плакала дивчынонька крый козака стѣя.
 Ой куды-ж ты одѣжжаеш, сызокрылый орле ?
 Ой хто-ж мене молодую до себе прыгорне ?
 Прыгортайся, дивчынонько, к другому такому,
 Та не скажы тѣи правды як мени самому.
 Ой як мени, козаченьку, правды не сказаты;
 Вечир стою, свитом нужу, тебе не выдаты.
 Хылитеся, густы лозы, куды витер віе;
 Дывитеся, кары очы, видкиль мылый йиде.
 Хымылыся густы лозы, да вже й пересталы;
 Дывымысы кары очы да й плакаты сталы.
 Ой не плачте, кары очы, така ваша доля—
 Полюбыла пройдысвита по мнѣсяцю стоя.

(Золотонош.)

Из-за горы витер віе,
 Жыто половіе;
 На козака худа слава,
 Що робыть не вміе.
 Що робыты не прыбыты,
 Жаты не нагнеться,

До дивчины-ж з старостами,
 Що-вечора шлеться.
 Ой хоч шмыся, хоч не шмыся,
 Хоч на год наймыся,
 Да заробы пару коней
 И пару жупанив,—
 Тогди шмыся до чорных брив,
 До шытых рукавив.
 „Шыти-ж мон рукавчата,
 Ильяный станочок!
 Болыть, болыть головоцька,
 Болыть животоцьок!
 Болыть, болыть головоцька
 И тило попыло:
 За тобою, моя мыла,
 И дилѣ не мыло..”

(Глухов.)

Сыдыть дивча край виконця пры вельким смутку;
 Покидыае козак дивча як голуб голубку.
 А голубка над водою сывым крылом блііе:
 „Полынь, полынь, голубонько, аж в Кыйв зо мною !,
 А в Кыйви на рыночку зацвила калына,
 А пид тою калыною дивка чорнобрыва.
 На березу витер віе, на берези прутьтя:
 Не вирь, дивча, козакови, хоч каже: возьму тя!
 Не вирь, дивча, козакови, що вин тобі каже,
 Бо вин лебонь з ума зведе, правдонькы не скаже;
 Вин-же тебе цилуе, вин тебе мылуе,
 А вин твого дивоцького розуму пробуе.
 На калыну витер віе, калына лыніе;
 На козака та неслава—робыты не вііе.

Ни косыты й молотыты, жаты не нагеться,
 А як прыйде темна нічка, до дивчыны шлется.
 „Як заслужиш пару волив а пару жупанив,
 Тогди сядеш коло моих вышитых рукавив;
 Як заслужиш пару волив й ясну оружину,
 Яку схочеш, таку й возьмеш молоду дивчыну. „

(Васильков.)

Летыть орел сызокрылый
 У поле жывыться;
 Идэ козак молоденькый
 Да на Дин женыться.

Летыть орел сызокрылый
 Та й не поживывся;
 Идэ козак молоденькый,
 Та й не оженився.

Идэ дивка дорогою,
 Чохламы махае;
 А за нею козаченько,
 Тяженько здыхае.

„Ой заслужи пару волив,
 И пару жупанив;

Тоди сунься до чорных брив
 Та до шытых рукавив „

(Конотоп.)

Ой колысь булы яри да пшеници, а тепера облогы;
 Ой колысь булы вирны сусидочки, а тепера ворогы.
 Ой плыве щука з Кременчука тыхо по води:
 Не втишайтесь, мои вориженькы, мой прыгоди.
 Що як моя прыгодонька як литняя роса:

Як сонечко зійде, а витер повіе, роса опаде;
 Оттак моя прыгодонька навик пропаде!
 Опаде роса коло дерева, да на землі лежить;
 Пропадуть мои вориженькы, а я буду в свити жыть.

(Глухов.)

— Ой ты, дивчыно, червона калыно!

Мини на тебе дывытыся мьло.

Скажы, дивко, правду, чым дала прынаду?

Чы ты мене вирно любыш, чы на одну зраду?

— Ой я-ж тебе вирно люблю, и Бог тее знае;

Нехай тому тяжко-важко, хто нас розлучае!

И нас не розлучить, и себе не втишыть;

Оно моя сухотонька, що людей насмишыть.

— Ой текла ричка з мосту да в озера:

Ой щось моя дивчынонька смутна-невесела.

— Ой як мини молоденькій веселою буты!

Полюбыла козаченька, не мушу забуты . . .

Ой ты козаче, сызый голубочку,

Клопочеш свою всегда головочку!

— Ой як же мини да не клопотаты,

Що дивчына пышна з вечора не выйшла?

Ой ты, дивчыно, горда та пышна,

Чом ты до мене з вечора не выйшла?

— Ой рада-б же я к тоби выходыты;

Як угледать вориженькы, то будуть судыты.

— Ой нехай же судяты, як розуміють;

Прыйде тая годынонька, вони й понимають.

— Ой ты, козаче, зеленый барвинку,

Прыйды до мене хоть у недильку!

Чом ты не прыйшов, як я велла?
Цілая свічка з вечора згоріла.

(Глухов.)

— Ой ты дівчыно гордая, пынна!
Чом ты до мене з вечера не выйшла?
— Ой як я маю до тебе ходыты,
Колы нас будуць ворагы судыты.
— Ой нехай судыць, як розуміюць;
Прыйде тая годынонька, воны пунімюць.
— Ой мени маты так заказала,
Щоб я с тобою нигде не стояла;
Ой мени батько так нарикае,
Що вин мене, серце мое, та вирно кохае.
— Ой ты дівчыно, червона калыно,
Мени на тебе дывытыся мыло!
Ой ты дівчыно, повная роже,
Мени на тебе дывытыся гоже!
— Ой ты козаченьку, сызый голубоньку,
Клопочеш, мылуй, мою головоньку!
— Та течеть ричка з мосту до озера:
Чомусь моя дівчынонька смутна, невесела!
— Ой як я маю веселую буты—
Полюбыла козаченька, не можу забыты!
— Та подай рученьку, нехай бачуть люде,
Ой што перше чужа була, тепер моя будеш.
Скажы, дівчыно, правду: чым дала прынаду?
Чи ты мене вирно любыш, чи на яку зраду?
Ой я-ж тебе люблю, и Бог про те знае:
Бодай тому тяжко-важко. хто нас розлучае!

(Гадяч.)

— Скажи, скажи, дивчинонько, скажи да всю правду:
 Чы ты мене справды любыш, чы на яку зраду?
 Скажи, серце, вирне словце, пехай буду знаты:
 У який час-годиноньку к тоби прыбувати?
 „Прыбуй, прыбуй, козаченьку, рада тоби буду:
 Я-ж по тоби, мое серце, як голубка гуду.
 Ой десь-же ты, козаченьку, у барвинку слався:
 Скільки в сєли челядоньки, а ты сподобався!„
 — Ой слався-ж я, дивчинонько, по твоему горóду:
 Не тоби лыш сподобався, всьому твоему роду.
 Ой десь-же ты, дивчинонько, з кытаечкы звыта,
 Що ты мене додержала з вечора до свита.
 „Ой з кытайкы, не з кытайкы, з блого блыла;
 Ой тым тебе додержала, що вирно любила.

(Глухов.)

Сывый соколенько по подю литає,
 По своих роскошах пароньки шукає.
 А я молод в свити гадаю,
 Що я соби паронькы не маю;
 Заздыв коня, сидлаю другого:
 Скажи мыни, мыла, чи буде що з сього?
 Чи буде що з сього, а чи ни?
 Не сушы серденька ты мєни!
 — Я-ж тоби казала и твоему роду,
 Що в мене посагу немає од роду;
 Ой нема, нема й не буде—
 Возьмуть мене и так люде.
 Я-ж тоби казала: не прысылай сватив,
 Бо я ище хочу з рочок погуляты;
 Хочу я з рочок погуляты.

Щоб собі посагу що придбати.
 Я-ж тобі казала и твоему роду,
 Що в мене посагу немає од роду.
 — Ты-ж у мене посаг самая,
 Як зоря на неби ясная!
 — Бачыш мене, мыльї, гожу, хорошую,
 Гожу, хорошую, на вик здоровую;
 А боронь Боже недугы,
 Тогди ты помыслыш об другій.
 — Скарай мене, Боже, на гладкій дорози,
 Колы я помыслю об другій небози!
 Скарай мене, Боже, на гладчій,
 Колы я помыслю об кращій!
 У лузи калына, у лузи розцвитае,
 А я од дивчыны правдонькы не маю;
 Ой побачыш, дивчыно, побачыш . . .
 За мною, серденько, заплачеш!

(Переяслав.)

Зайздыв я коня, зайзжу другого;
 Скажы, сердце ¹, правду, а що буде з того?
 А чи будеш ты моя, а чи ні?
 Не сушы серденька мени ²!
 — Я ж тобі сказала ³ пры твоему роду,
 6 Щоб не було послї меж намы розводу,
 Бо в мене худобы не буде:
 Возьмуть мене, сердце, и так люды.
 9 — Менн-ж твоеи худобы не треба;
 Пошлы, Боже, щастя з високого неба!

¹ Мыла. ² В мени. ³ Я-ж казала, мыльї.

Ты в мене худоба самая.

Як на неби зоря ясная!

— Теперь-же ты кажеш, що зоря ясна,

А послѣ скажеш: доленька нещасна!

А хоч не ты скажеш, так маты:

Було-б убогой не браты,

Було-б багатой шукаты!

18 — Ой маты, маты, що мени казаты?

Люблю я дивчыну, треба їи взяты:

Хочь я-б їи любыв, не любыв,

Може-ж мени їи Бог судыв.

Копаютъ ворогы яму пидо мною,

Хотять розлучить, серденько, з тобою;

Вороженькы знаютъ, а не я—

Давно-ж ты суженая моя.

— Прощу тебе, мымый, вирными словами:

Замыкай дверечкы и дворы,

Щоб не знали люды-ворогы.

На вгородѣ вышня, за вгородом дви:

Кохала козаченька не людям—собѣ;

Кохала козаченька два годá,

Сама остаюся молода;

Кохала козаченька дви лити,

Сама застаюся. у свитѣ.

(Гадая.)

6 Щоб не було послѣ мени договору.

9 Не треба мени худобы твоей,

Возьму тебе саму як зирку на неби!

18 Не копай з-пид зилья коринья,

Шукай собѣ, мымый, де ривня.

(Гадая.)

Не сватай ты мене, не пиду за тебе:
 В тебе худибонька, в мене не буде:
 Не ты мене визьмеш, так люде.
 — Мини худибоньки твоєи не треба,
 Пошли минни, Боже, з високого неба:
 В мене худибонька ты сама.
 Як на неби ясная зоря.
 — Тепер-ж ты кажеш, що зиронька ясна:
 Як выйду за тебе, зостанусь нещасна:
 Не ты минни скажеш, дак маты—
 Було-б убогон не браты!
 Я тоби казала при твоему роду,
 Щоб не було минни вперед договору:
 Не ты минни скажеш, дак маты:
 Було-б убогон не браты!
 Ой хоть сватай мене, ой хоч ни.
 Не сушы серденька ты в минни.
 Зыздыв коньченька, зыздыв вороного,
 А скажы, дивчыно, що буде из сього?
 А чы буде правда, а чы ни?
 Не сушы серденька ты в минни!

(Копотоп.)

- 1 Ой ты, галочко, чорная, маленькая!
 Скажы, галочко: де моя мыленькая?
 Твоя мыленькая в лузи над водою,
 4 Умыва лыченько гарячею слезою! . . .
 Малое бровы чорною ожною,
 Почуе ниченьку з вирною дружиною.
 — Ой ты-ж, багачу, я тебе давно бачу:
 8 Не сватай мене. в мене волив немає.

У мене волю—я сама молодая ;
 У мене коровы—чорніи бровы.
 Буде твоя маты мени выговоряты :
 Вставай, невихно, ты вставай, молодая !
 Дій ти коровы, що од батька нагнала ;
 Выганяй вивци, що маты дарувала.
 А тоби, маты, мени не выговоряты :
 Я твого сына не сылувала браты,
 Я з твоим сыном всю ничку спала,
 Я твоему сынови всю правду сказала.

(Гадач.)

- 1 Галочко моя, галочко чорненька,
 А ты скажы, галочко, де моя мыленька ?
- 4 Умывається морською водою,
 Утырається русою косою.
- 8 Що в тебе, багачу, волю та коровы,
 А в мене, багачу, та чорніи бровы ;
 Що в тебе, багачу, козы та овечкы,
 А в мене, багачу, ласкави словечкы.

(Острогожск.)

Плывы, плывы, селезеню,
 Протыв воды тыхо. 3.

Не йды, дивко, за удовця,
 Буде тоби лыхо. 3.

Що удовець не молодець,
 Вин жартив не знае, 3.

А вин твое биле лыце
 З своим поривняе. 3.

Ривняй, ривняй, вражый сыну,

- Колы довелосѣ,— 3.
 Колы мини молоденькій
 На горе пишлося. 3.
 Ой у броду беру воду,
 Не перехылюся; 3.
 Ты не знаеш, моя маты,
 За кым я журюся. 3.
 Ой у броду беру воду,
 Не выберу до дна; 3.
 Жыла в батька не рик, не два,
 Не выжыла добра. 3.
 19 Ой из броду несу воду,
 Коромысел гнеться; 3.
 Ты не знаеш, моя маты,
 За кым сердце бьеться. 3.

(Конотоп.)

- 19 Ой я в бору воду беру,
 Вода не береться;
 Яворовый коромысел
 У дужечку гнеться.

(Переяслав.)

Упав снижок на оближок,
 Та взявся водою;
 Пишов бы я до пишой,
 Зазнався з тобою.
 Упав снижок на оближок,
 Та вже й не ростане;
 Пишов бы я до пишой,
 Серце не прыстане.

(Галач.)

Та за тучама громовими сонечко не сходить:
 За вражыми ворогами мій мылий не ходить.
 Ой вы тучи громовіи, розійдитесь ризно!
 Прыйды, прыйды, мій мыленькій, хоть перано, пизно!
 Ой ждала-ж я, дождала, столы застылала:
 Столы-ж мои тесовіи, скатерти парчевіи,
 Очи-ж мои, очи кари, горе мені з вами!
 Не хочете почуваты ни ниченькы самы!
 Хоч хочете, не хочете, треба привыкаты;
 Пишов мылий чорнобрывый у поле ораты.
 Та й орав тры дни у ярини, та й став у толоци;

- 12 Выплакала кари очи за чотыри ночи.
 Да уже-ж мені си чотыри та й за висим стали;
 Щоб моему мыленькому волькы пристали!
 Та щоб воли жівви були, а плуг поламався,
 Щоб мій мылий чорнобрывый до дому прыгнався,
 Щоб зо мною молодою вин поженыхався.

(Лубн.)

- 12 Выплакала дивчинонька свои кари очи.
 Очи-ж мои каренькіи, горе мни з вами!
 Ой плакалы кари очи да вже пересталы;
 Десь у мого мыленького волькы присталы.
 Хоть присталы, не присталы, не буде ораты,
 Ой як прыйде до дивчыны сю нич почуваты:
 Ночуй, ночуй, мій мыленькій, голубе сывенькій!

(Изюм.)

И вчора не був, и тепер не був,
 Десь мій мыленькій обо мни забув!
 „Ище не забув, хіба забуду:

Ой як поїду, сим лит не буду.,,
 —Коли-б же минн ты маляри,
 Вымалювала-б мылого соби,
 Вымалювала-б у-конець стола,
 Щоб дывытыся як на сокола.
 Вымалювала-б на пиддашечку;
 Щоб дывытыся як на пташечку.

(Прав. стороны Дафіра).

И вчора не був, сьогонн не був;
 Десь ты, мій мылий, об мени забудь.
 Ище не забудь, хыба забуду:
 В військо поїду, сим лит не буду,
 Сим лит не буду, любыть забуду.
 Коли-б же мени тїи способы,
 То-б я наняла малярив соби,
 Що-б змалювали мылого мени
 А пры тїй стинн, де спаты мени;
 Пры тїй кровати, де спать лягаты.
 Вымалювала-б на пиддашечку,
 И дывылася-б як на пташечку;
 Вымалювала-б на одвирочку,
 И дывылася-б як на зирочку;
 Вымалювала-б на конци стола,
 И дывылася-б як на сокола!.,

(Радомысль.)

По-пид помостом трава з ростом, що й кинь напасеться:
 Не бачыла мылёнького,—не зрадыла серця.
 Хоть бачыла, не бачыла, не навтишалася:
 Я-ж на тебе, мій мыленькый, не сподивалася!

Що утята-лебедята летять до крыныцы.
 Прылетили до крыныцы, не пылы водыцы;
 Та йшов козак до дивчыны, зайшов до вдовыцы.
 А в вдовыцы дvi свитлыцы, а третя кимната:
 Ой тым дивка не сватана, що ще й неприбрата.
 Ой тым хата неприбрата, що стеля дубова;
 Ой тым дивка не сватана, що вона й убога.

(Гадляч.)

Да вже третій вечер, як я дивчыну бачыв;
 Хожу коло хаты, ии не выдаты;
 3 Выйды, выйды, дивчыно, }
 Порадь, мое сердце, рыбчыно! } 2.
 Не выйду, козаче, не выйду собою;
 Не буду стояты сей вечир з тобою:
 Ой рада-б я стояты, }
 Не пускае маты из хаты. } 2.
 Коло викна стою, дрибни сльозы роню,
 Дрибни сльозы роню, слова не промовлю.
 — Промов сердце, словечко, }
 Як мы любымыся двоечко. } 2.
 Як мы любымыся, як мы кохалыся,
 Славы-поговору понабиралыся.
 Була слава-поговир: }
 Ты-ж не моя, сердце, я не твій! } 2.
 Да поможы, Боже, на рушнычку статы:
 Тогди не розлучыть ни батько, ни маты,
 Ни чужая чужына, }
 20 Колы судылася дружына. } 2.

(Зиньков.)

- 3 Выйды, выйды, сердыня,
 Порадь, дивчынонько, мыла ты моя!
 Ох и рада-б я выйты, дак неволя моя—
 Не пускае маты, що я молода;
 Не пускае гуляты,
 С тобою, сердце, стояты.
- 21 Да береш мене, мылый и дужу й здорову,
 И дужу й здорову, и молоду й хорошу;
 Не дай, Боже, недугы,
 Не поглядай, сердце, на других!
 Да скарай мене, Боже, и в пути и в дорози,
 Да хто подума об иншій небози;
 Скарай мене и в души,
 Хто подумае об иншій.

(Глухов.)

Да вже третій вечир, як дивчына зводитьь;
 Казала выйду, а тепер не выходить.
 Ой выйды, выйды, дивчыно,
 Поттиш мое сердце, рыбчыно!
 Не выйду, козаче, не выйду, соболю,
 Не буду стояты сей вечир з тобою;
 Мыни маты не вельть
 С тобою, сердце, говорить.

Колы-б я зозуля; то-б я крылечка мала,
 То-б я свого мыленького кругом облитала;
 Прылынула-б до двора—
 У мого мыленького е друга,
 То-б я стрепенулась, та й назад полынула,
 Сила-пала у сим у саду, як сыва зозуленька кую!

Аж мій мылий ідѣть
 И до мене говоритъ:
 — Зачимъ, мыленька, куеш, чого, серце, жалкуеш?—
 „Хоч я, мыленькій, кую, ни за чим не жалкую:
 Розійдмось, серце, с тобою,
 Як на неби мисяць з зорою!
 Ще тепер ты кажеш: зоре моя ясна!
 А навпосли скажеш: яка доля нещасна!
 Не ты скажеш, так маты:
 Було-б тоби убогой не браты,
 Було-б тоби богатою шукаты.,,
 — Не буде маты сього говориты,—
 Вона сама знае, як у свити жыты;
 Не буде маты сього говориты,—
 Вона сама знае, як у свити жыть.—
 „Ты мыленькій, ідеш, у далеку дорогу.
 Мене покидаеш дужую й здорову;
 Не дай Боже недугы,
 Не дывься, серце, на других!.,,
 Побый того, Боже, на гладкій дорози,
 Хто дума дывыться на других хороших;
 Побый того, Боже, на гладчій,
 Хто дума дывыться на кращых.

(Золотонош.)

Ой заржав, вороний коню, та пид круту гору йдучы,
 Нехай заче серце-дивчына сніданья готуючы.
 Конычок заржав, козак засвыстав, дивчына заплакала:
 Ой гой-же, гой-же, мій мылий Боже! ой кому-ж я достануся?
 Ой ідуть возы на перевозы, а попереду будка;
 Ой гуде, гуде молода дивчына та як сыза голубка.

Ой на волюкы та налыгачи, а на коныкы пѹта:
 Колы-б же не ты, сердце-дивчыно, то не був бы я тута.
 Позаросталы стежкы й дорижки травною зеленою,
 Ой де ходылы и говорылы, серденько, з тобою
 (Глухов.)

Ой заржы, заржы, вороный коню, на круту гору йдучы;
 Ой згадай мене, серденько, вечерять готуючы.
 Ой колы-б тоби, да так як мыни, бідонька за бидою;
 Не ходыв бы ты по тым походам, жыв-бы ты зо мною,
 Ой колы-б тоби, да так як мыни, бидонька докучыла;
 То ты-б поїхав да й не барывся, щоб я не скучыла.
 Мала пташечка, невеличечка, по рокыточци скаче;
 Дурна дивчына, нерозумная, по козаченьку плаче.
 „Ой волы-ж мои да половыи, чом же вы да не орете?
 Ой лита-ж мои да молоды, чом же вы марно йдете?
 Куплю на волы да налыгачы, а на коныкы пѹта:
 Ой колы-б не ты, серденько мое, не був-же-б я тута!„
 (Глухов.)

По садочку прохожаю,
 Сама себе розважаю.
 Кого люблю да й немає,
 И немає, и не буде.
 Розраялы, розсудылы,
 Щоб мы в пари не ходылы,
 Одно дного не любылы.
 Ой такы мы в пари будем,
 Одно дного любыть будем.
 Ой зыйду я на горбочок
 Да гляну я на ставочок:
 Плывуть качкы в два рядочки, +

Одна йодну спережае;
 Кажна соби пару мае.
 А я жыву в Бога в карі,
 Не дав мыни Господь пары.

- 17 Та дав мыни таку долю,
 Та й та пишла за водою.
 Иды, доле, за водою,
 А я пиду за тобою,
 Дивчыною молодою;
 Ой сядемо, оддышемо,
 Дрибни лысты одышлемо:
 Хай батенько не скорбуе,
 Мыни вишка не купуе.

(Зологонош.)

- 17 А я жыву в Божій волі,
 Не дав мыни Господь доли.

(Борзи.)

- 17 Ой пійду я темным лугом:
 Оре мыый своим плугом,
 Чужа мыла поганяе,
 Ик сонечку промовляе—
 Помож, Боже, чоловику,
 Щоб так орав покиль вику!

(Прилук.)

За ричкою за быстрою десь мій мыый живе,
 А до мене що вечера як рыбонька плыве.
 Плывы, плывы, шуко-рыбо, уплынь за водою,
 Скажы мойму мыленькому, що я сыротою.

Тепер-же я сиротою на вики зостала,
 Заручений мій мыленький що вирно кохала.
 Хотя й же вин заручений, як говорить люде,
 А колы вин мій сужений, то вин моим буде.
 И спидныця черчестая, из самого черцю;
 Ой здається не журуся, прийшла туга к сердцю.
 Ище шубы не зносила, коралив не буду;
 Таки-ж бо я в сьому сели невисткою буду.
 Ище шубы не зносила, коралив не порвала;
 Таки-ж бо я того буду, кого я кохала.

(Радомисль.)

Летив крячок на той бочок, жалибненько крякнув:
 Горе минн на чужини, що я не прывыкнув!
 Летив крячок на той бочок нижкы пидобгавшы:
 Горе минн на чужини, родыны не мавшы!
 Колыб минн на чужини хоч одна родына;
 Нихто-б минн не доказав, що я сиротына.
 Плывы, плывы, селезеню, у-плынь за водою;
 Ой накажы мойму роду, що я сиротою.
 Пид тобою, селезеню, вода не схитнеться;
 А з тобою, дивчынонько, ничка не змыгнеться.
 Выйды, выйды, дивчынонько, рано по водыцю,
 А чей же я нагляжуся на плахту-дрибныцю.
 Ой плахотка—дрибныченька, по простощи черцю!
 Бида-ж тому козаченьку, прийшла туга к сердцю.
 Ой кажеться не журуся, в тугу не вдаюся,
 А як выйду за ворота, од витру валюся!

(Глухов.)

Ой зйду-ж я, зйду на гору крутую,
 Стану, подывлюся на воду быстрою.
 Аж мій мыый іде быстрою водою,
 Быстрою водою з чужою жоною.
 Вы-ж густіи лозы да й отхылитеса,
 Вы-ж дробніи слёзы да й откотитеса:
 Нехай я побачу, по кому-ж я плачу;
 Хоч я й подывлюся, по кому журуся ! . .

(Радомысль.)

До Хорола все дорога,
 До Крыму стежечка;
 Прыйшла туга од мылого
 До мого сердечка.
 Ой ты туго, ой ты журбо,
 Не прыстань до мене:
 Есть у мене тугы много
 Край серденька мого !

(Гадяч.)

Над горою високою голубы літають;
 Я роскоши не зазнала, а літа мынають.
 Я роскоши не зазнала да вже й не зазнаю;
 По чим же вас, літа моц, спомынаты маю ?
 Ой ты-ж мпни, мыый, казав, що вирно кохаеш;
 Тепер же ты через иншу мене поkyдаеш.
 Будь здоровый и щаслыый з тою, що кохаеш,
 А над мене вирнійшой никоы не знайдеш.
 А я завше Бога прошу з вечора до ранку,
 Да щоб ты мав щасте й долю, мій мыый коханку !
 Ой з вечора витер віе, з рая сонце гріе:

Хоч оченьки слизок не льють да серденько ные.
 Росты, дубе, край дороги гильем на долину;
 Я мылого липше люблю, ниж маты дытыну.

(Житомир.)

- Ой за яром брала дивка льон, та забулась повязаты:
 Ой недалеко мій мылый од мене, та никым наказаты.
 Ой повьяжу льон хоть сыньою та ожиною:
 Ой накажу я своему мылому хоть чужою чужыною.
 Ой сыняя ожинонька, вона льону не повьяже:
 Ой чужая чужынонька, вона правдоньки не скаже.
 Ой прыйды або прылены ты соколоньком до мене:
 Ой болыть, болыть, побывається мое серденько без тебе
 Ой прыйды або прылены, сызокрылый голубочку!
 За-для тебе, сызый голубочку, стоить вода у кубочку.
- 11 „Ой як же мени, серденько мое, та до тебе прыленуты?
 Кругом тебе живутъ вориженьки, та никуды обмынуты.,,
 — Таки прыбувай, таки обмынай, по-за гаем зелененькым,
 По-за гаем, гаем зелененькым, коныченьком вороненькым.
 Ище обійды, серденько мое, по-за вышневым садочком,
 Чы не зійдемся, чы не зостринемся хотя голосочком.—
 „Ох и де-ж мени, моя мыла, коныкив набраты—
 По-за гаем зелененькым до тебе обызжаты?,,
 Ой як не будеш, серденько мое, до мене прызжаты,
 То буде мене отець-матуся за иншого отдаваты.—
 „Як будуть тебе, моя мыла, за иншого отдаваты,
 Пышы лысты на билим папери, давай мени знаты.,,
 — Ой я пысала и посылала, мон лысты не доходятъ,
 А вже мои каріи очи слизонькамы сходятъ.—
 „Дивчыно моя, серденько мое, не журыся за мною:
 Ой не будеш ты мени жоною. а я тоби дружыною.,,

Ой в горóди конопелькы, верхы зеленейкы:

Мылый мылу покыдае, ворогы раденьки.

Нехай соби покыдае, як сам добре знае;

Щаслывои дориженькы, куды вии бажае!

(Глухов.)

- 11 „Дивчыно моя, мое сердыня, як до тебе прыбуваты?
Кругом тебе сыдять вориженькы, нікудою обмынуты.,,
— Скажу я тобі, мое серденя, кудую их обмынуты:
По-за садом, по-за зелененькым, коныченьком вороненькым.
„Дивчыно моя, мое сердыня, де-ж тых коныквив набраты?
Що в Бога день, що день, що годыны, треба тебе одвидаты.

(Радомысль.)

Ой за яром брала я льон, всю долину зходыла;

Нема того та й не буде, кого вирно любила.

Ой прылены, прылены, ты мій мылый, до мене;

Ные, ные, занывае мое серце без тебе.

- 5 Рад-же-б я, мылая моя, та до тебе прылынуты;
Залывае Дунай бережечкы, та нікуды обмынуты.

Ой прелыну, прелыну я Дунайську ричку;

Люблю тебе, серденько мое, не покіну довику.

Ой колы-б-же мени та орлови крыла,

Полынув-бы я в ту сторону, де живе моя мыла.

Ой колы-б-же мени соколови очи,

Полынув-бы я до мылои хотя о-пивночи.

Ой колы-б-же мени не такая туга,

Полынув бы я до свойого вирного друга.

Ой колы-б же мени ластовыніи крыльця,

Полынула-б я до мылого, до свойого чорнобрывця.

(Гадяч.)

- 5 Ой рад бы я, та мылая моя, та до тебе прымынуты,
 Ой облегли ворогы дороги, та нікуды обмынуты!
 Ой як-бы схотив, та мій мыленькій, та до мене прымынуты,
 Знайшов бы ты нову дориженьку вориженькив обмынуты.
 Ой як-бы мени та орлови крыла,
 Полетив бы, одвидав бы, як горюе мыла.
 Ой колы-б мени собольови очн,
 Полетив бы, одвидав бы, темненькою ночи.

(Изюм.)

- Сыдыть голуб на дубочку, голубка на вышини:
 Скажы, скажы, моя мыла, що маеш на мысли?
 „А я-ж тобі божылася, що люблю як душу;
 Тепер мене покыдаеш, я плакаты мушу.“
 „Колы хочеш, моя мыла, щоб мене избуты,
 То дай мени таке зилья, щоб тебе забуты.“
 Ой е в мене таке зилья близько перелазу:
 Як дам тобі напытыся, забудеш од разу.
 Буду пыты, буду пыты, капли не упушу;
 Тоди я тебе забуду, як очы заплашу.
 Буду пыты, буду пыты, хотя-б через сылу;
 24 Тоди я тебе забуду, як ляжу в могылу..”

(Глухов.)

- 25 Скрыпляют мои воритенька, неможна пидняты;
 Люблю, люблю дивчыноньку, та невпрно взяти.
 Скрыпляют мои воритечка, ништо й не прычыныть;
 Люблю, люблю дивчыноньку, ништо й не упыныть.

(Гадяч.)

- 25 Скрыпльвін воритечка, не могу пидняты;
 Улюбввся у дивчыну та не могу взяти.

Скрыпльвіи воритечка, не могу видперты;
 Буду любыць дивчыноньку до самой смерты.
 Ой хвортуно, хвортуныно! що ты учыныла?
 Дала серцю спизнатыся, дали разлучыла . . .

(Гадяч.)

Сыдыць голуб на берези, голубка на вышні:
 — Скажи минні, сердце мое, що маеш на мысли?
 Як не хочеш, мій мыленькый, дружиною буты;
 То дай минні таке зілья, щоб тебе забуты.
 „Ой е в мене таке зілья блызько перелазу;
 Як дам тоби напытыся, забудеш од разу.“
 — Буду пыты через сылу и крапли не впусу;
 Тоди тебе я забуду, як очы заплюшу.
 Два голубы воду пылы, а два колотылы;
 Бодай же тым тяжко-важко, що нас розлучылы!
 Бодай тін скончалыся и щастя не малы,
 Що нас воны розлучылы з коханон пары!
 Бодай тебе, мій мыленькый, ворота прыбылы,
 А щоб тебе опрыч мене инши не любылы!
 Бодай тебе, бодай мене, бодай нас обое!
 А що-ж мы покохалысь на лышечко свое!
 33 Любылыся, кохалыся, як голубкы в пари,
 А тепера розійшыся як чорніи хмары.

(Глухов.)

33 Як мы любылыся, нас маты не знала;
 Тепер розійшыся як чорная хмара.
 Ой мы любылыся, нас двоечко в парци;
 Тепер розійшыся як сонечко в хмарци.

(Овруч.)

Степ широкий, край далекий, мылого не бачу;
 Як згадаю слова його, то все тилько плачу.
 Червоная калынонька, билее деревце;
 Чом до мене не говориш, мое мыле серце?
 Таку соби, моя мыла, натуроцьку маю,
 Що як сяду близько тебе, то все забуваю.
 Знаю, знаю, мій мыленький, а що ты думаеш!
 Говорылы мыни люде, що ты ыншу маеш!
 Ой я ыншой не маю, мыслонькы заносять;
 Бо й сама-ж ты, мыла, бачыш, що вси мене просятъ.
 А ты, мій мыленький, в прозьбу не вдавайся:
 Як пойдеш на окраину, то й не забарайся;
 Як прийдеш з украины, то й не признавайся.
 Летыть орел через море, крылечкамы маше;
 Нихто мыни без мылои правдонькы не скаже.
 Летыть орел по-над морем: подай море пыты!
 Тяжко-важко нам убогим багатых любыты!
 Летыть орел по-над морем, та й оглядається;
 Нехай же мойй, мыленький легко згадається!
 Летыть орел по-над морем та й крылець не вмоче;
 Десь мій мылый, голуб сывый, десь вин пыты хоче.
 Летыть орел по-над морем, на воду схыльвся;
 Десь мій мылый, голуб сывый, десь вин забарывся.
 Бодай тебе, мій мыленький, перва куля вбыла;
 Бодай тебе, мій мыленький, ынша не злюбыла.

(Переяслав.)

Летив орел по-над морем и став голосыты;
 Ох як трудно убогому на чужыни жыты, багату любыты.
 Летив орел по-над морем, и летячы крыкнув;
 Ох як-же-ж я без тебе жыть в свити прывыкнув!

Летив орел по-над морем, опустившы крыла;
 Яка-ж мене тут на свити удержуешь сыла!

(Константиноград.)

Летив орел через море та став воды пыты;
 Тяжко-важко убогому багату любыты.
 Ты думаешь, ти любляться, що багато грошей;
 Я молодой, я здоровый, ще к-тому й хороший.
 Я молодой, я здоровый, буду заробляты, —
 Ты не будеш, дивчинонько, ни в чим нужды знаты.
 Буду вставать я раненько, все буду робыты,
 И на чужу ныву жаты не будем ходыты.
 Абы мы кохалыся, и худобы не треба;
 Пошле нам Бог худибоньку з высокого неба! . .

(Гадяч.)

Ой живу я, живу пид Божою властю,
 Ой плачу я и рыдаю по свойму нещастю;
 Ой плачу я, плачу, свои лита марно трачу,
 За дрибными слизоньками свитонька не бачу.
 Ой пійду я, пійду да до броду по воду,
 Ой гляну я в чысту воду, да на свою вроду:
 Аж-но моя врода на лыченьку красна,
 Бидна моя головоцька! доленько нещасна!
 Ой пійду я, пійду дорогою широкою,
 Ой гляну я, ой паду я да в колейку глыбокую.
 В поли пташки литають, веселенько спивають,
 Вони-ж минн молоденькій жалю завдавають!
 Ой жалю мій, жалю, жалю не по-малу:
 Ой впустила голубонька, да вже й не піймаю!

(Прав. стороны Днѣпра.)

15 Густый гаю, густый гаю, густый—не прогляну,
 Упустыла соколонька, да вже й не піймаю:
 Хоть піймаю, не піймаю,—да вже не такого,
 Не прыляже мое серце никола до його!

(Чернигов.)

15 Упустыла соколонька, да вже не піймаю,
 Розсердыла мыленького, да вже не вблагаю;
 Хоть вблагаю, не вблагаю, да все не такого:
 Не прыгорнетъся вже серденько и мое до його!

(Остер.)

15 Густый гаю, густый гаю, темный—не прогляну;
 Упустыла соколонька да вже не піймаю.
 Хоч піймаю, не піймаю, да вже не такого,
 Хоч прыгорну до серденька, да вже не однаково!

(Радомысль.)

— Колы-б так тобі, як тепер мени,
 Да беда докучыла;
 То-б ты поїхав да й не барывся,
 Ой щоб я не скучыла.
 Колы-б так тобі, як тепер мени,
 А беда за бидою;
 Ты-б коня добув, до мене прыбув,
 Попрошався зо мною.
 Чы ты багатый, чы гордоватый,
 Чы високо несешся?
 Ой чы ты мене вирненько любыш,
 Чы з мене сміешся?

„Я не багатый, не гордоватый.
 Высоко не несуся:
 Ой я-ж бо тебе вирненько люблю,
 З тебе не сміюся.,,
 — Ох не спыяйте у ставу воды.
 Нехай вода рыне:
 Не дайте мене за п'япыченьку.
 Нехай вин изгыне.
 Я з п'яныцею жыты не буду.
 Тилько роскошы забуду;
 Я з п'яныцею жыть не піймуся.
 Хиба пійду утоплюся.
 Ой упав снижок на обличок,
 Да уже й не ростане:
 Ой до стыдкого, ой до брыдкого
 Серденько не прыстане.
 Ой поплыв, поплыв серденько
 Днипром—тыхою водою,
 И шапки не зняв, и руки не дав,
 Не прощався зо мною.

(Глухов.)

„Ой яром-яром пшениченька, по-пид низом овес;
 Ой не по правди, мій мылєнький, ты зо мною живеш:
 3 Мымо мій двор—новы воритечка до иншой йдеш,
 Да до иншой, да до гиришоп мед-выно несеш,
 А до мене молодой и так не зайдеш!.,
 6 Ой обсады, мыла, голубонька сыва, вышенькамы двор,
 Ой щоб не заходыв, витер не заносыв мого голосочку в двор.
 „Да вже-ж я садыла, вже-ж я польвала, не прыймається:
 Ой уже-ж наше вирне жениханьне, вже мынається!.,

- 10 Ой обстелы, мыла, голубонька сыва, кытайкою двир,
Ой щоб не помазать дорогых сапьянцев, золотых пидбив.
- 12 „Ой де-ж мени, мій мылѣнькый, да кытайкы набраты?
Щоб тоби так тяжко, щоб тоби так важко з иншою гулять,
Ой як мени тяжко, ой як мени важко тебе забувать!...„

Де-хто так сива:

- 3 Що до иншой та до гиршой рано й пизно йдеш.
А до мене молоденькои голосочок несеш.
- 6 Ой обсады, моя мылая, черешнямы двир,
- 10 Ой обстелы, моя мыла, хусточкамы двир,
- 12 Ой бодай же ты, молодой козаче, сього не диждав,
Щоб ты мои хусточки ногамы топтав.

(Галач.)

Ой посію на гори пшеницю, пид горою овес;
Ой чому не-по-правди, молодой козаче, ты зо мною живеш?
Ой мимо моих ворит, мимо мого двора ты до другои идѣш!
Ой до другои та да лучшой ты мед-выно несеш;
Ой до мене молодон дивчыны ты з нагайкою идѣш.
— Ой та посады, молода дивчыно, у воротях вербу;
Ой як буду до другои итты, то й до тебе зайду.
„Ой уже садыла, уже полывала, та й не прымається;
Ой кого я любила, кого я кохала, то й не признається...“
— Ой устелы, молода дивчыно, та бумагою двир,
Ой щоб не помазав молодой козаченько ни чобит, ни пидбир.
„Ой я слала, слала-выстылала та бумагою двир;
Ой кого я любила, кого я желала, та не дав мини Биг...“

(Копотоп.)

По садочку я гуляю,
 Товариша выкликаю:
 Товаришу, ридный брате,
 Выкльч мыни дивча з хаты!
 Чого-сь буду я пытаты:
 Ой чы будеш двох кохаты?
 Ой як будеш двох кохаты—
 Буде тебе Бог караты!
 А як будеш двох любыты.
 Буде тебе Бог судыты.
 Дивчышонька выходыма,
 З козаченьком говорыма:
 Колы любыш, любы дуже,
 А не любыш, не жартуй-же;
 Колы любыш, будь зо мною,
 А не любыш—Бог с тобою!
 Не завдавай серцю тугы;
 Не будеш ты—буде другый . . .
 Як мы з тобою спознавалыся,
 Сухи дубы розвывалыся;
 А як кохаться пересталы,
 Й однолиткы повсыхалы;
 Ой кохалысь тры годочки,
 А розстались—тры часочки.

(Остер.)

Чы се тая крыныченька,
 Що голуб купався?
 Чы се тая дивчышонька,
 Що я женихався?

Женхався, не сміявся.
 Казав моя буде:
 Разлучыла нас не воля.—
 Недобрін люды.
 Два голубы воду пылы.
 А два колотылы;
 Бодай тii подурилы,
 Що нас розлучылы.

(Золотонош.)

Чы я в тебе маты не твоя дытына.
 Колы моя мука тоби дуже мыла. 2.
 Ох и маты, маты, ты жало не маеш:
 Хто прыйшов по серденьку, забудь заставляеш. 2.
 Спытай же ты, доню: котру тепер любыть?
 Що вин тебе молодую за любов осудыть! 2.
 А в горóди чыстоколи два кушыкы пыжма,
 А хто любыть та покыне, той не джиде тыжня. 2.
 А в горóди чыстоколи два кушыкы руты,
 А хто любыть та покыне, не джиде минуты. 2.
 А в горóди чыстоколи два кушыкы мьаты,
 А хто любыть та покыне, не перейде хаты. 2.
 А в горóди чыстоколи два кушыкы дроку;
 А хто любыть та покыне, той не джиде року. 2.
 Ой не ходы коло воды, не тужы за мною,
 Ты не будеш мнiи мужем, я тоби женою; 2.
 Ой не ходы коло воды, буде хвыля быты.
 Щоб с тобою не стояты и не говорыты. 2.
 Як я любыв, по прежньому, не буду цураться.
 Не попущу тебе, мыла. иному достаться. 2.

(Конотоп.)

Ой маты, маты, сердце не вважае;
Кого раз любить, з тым помпрае.
Лучче-ж умерты, ніж з немьлым жыты,
Сохнуты з печалі, що-дня слёзы лыты.
Бідность, багатство есть то Божа воля,
А з немьлым жыты—несчасная доля.
О хіба-ж я, маты, не твоя дытына,
Колы моя мука тоби будеть мыла?

(Гадая.)

Чого селезень смутен, невесел.
Смутен, невесел, неодрасей?
Ой як же мыни веселому быть,
Веселому быть, одрадосному. —
Що вчора була утинка моя.
Сьогодня нема,—застреленая!
Колы-б на води, то-б не жаль мени,—
А то на гори, в шовковій траві!
Чого сей козак смутен, невесел,
Смутен, невесел, неодрасен?
— Ой як же мыни веселому быть,
Веселому быть, одрадосному?
Що вчора була дивчына моя.
Сьогодня нема, засватаная.
Колы-б на село, то-б не жаль було!
А то через двір, да й товариш мій!
По воду идэ, добрыдень дае;
З водою идэ, жалю завдае.
— Здорова була, дивчыно моя,
Чужа, не моя, товаришова!
Дивчыно моя, засватаная,

Чого-ж ты така заплаканая ?
 „Того-ж я така заплаканая,
 Що за нелюба засватаная.,,
 — Дивчыно моя, зарученая,
 Чого-ж ты така замученая?—
 „Того-ж я така замученая,
 Що за нелюба зарученая.,,

(Прилук.)

Ой дивчына сины мела та й засміялася;
 Выйшла маты воды браты та й догадалася.
 Ой пый, маты, тую воду, що я наносыма;
 4 Хвалы маты того зятя, що я полюбыла.
 Ой не буду воды пыты, буду розливаты;
 6 Нелюбого зятя маю—буду розлучаты.
 Буде тоби, моя доню, лыхая годына,
 Що ты того козаченька щыро полюбыла.
 Хоть пый, маты, хоть лый, маты, воды не розлыты;
 Нелюбого зятя маеш—тоби з ным не жыты.
 Хоть бый, маты, хоть лай, маты, то вже не научыш:
 Нелюбого зятя маеш—повик не розлучыш!
 Донько-ж моя коханочко, така твоя доля—
 Полюбыла козаченька, була твоя воля;
 Жывы-ж, доню, в свою волю, так як полюбыма;
 Не жалкуй на свою матку, що тебе згубыма.
 Ой не буду жалкуваты, моя ридна маты,—
 Яку мыни дав Бог долю, буду горюваты.
 Ой чы буду горюваты, або весельтыся,
 Абы прыйшлось мыленькому на мени женытыся.

(Черномор.)

4 Будь для того, маты, добра, що я полюбыла.

6 Мымо мене полюбыла, буду розлучаты!

Не розливай воды, маты, бо важко носыты;

Не розлучай мене з мылым: не тоби з ным жыты!

Тяжко, маты, важко, маты, буде из тым жыты,

Ой як кого мое сердце не схоче любыты!

(Золотонош.)

Ой пиду я у садочок

Та вырву lystочок,

Та закрю мыленького

Мылого слидочок,—

Щоб пташечкы не литалы,

Слиду не топталы,

А щоб мого мыленького

Инши не кохалы!—

(Лъвой стор. Дяшпра.)

Ой по горах, по домынах

По широкых украйнах,

Ой там козак похожае,

У бандурку выгравае,

И сам себе розважае:

„Ой чы мыни женытыся,

Ой чы мыни смутытыся?

Ой чы мыни лысты слаты,

Ой чы мыни перестаты?

Як буду я лысты слаты,

Будуть же нас люды знаты.

Ой гукну я на малбо:

Сидлай коня вороного!

Ты, мисяцю, свиты, свиты,
Ты, коньку, бижи, бижи;
Ты, мисяцю, свиты выдко,
Ворон коню, бижи швидко!
Ты мисяцю, пидбывайся,
Вороний кинь, поспишайся!„
Ой став мисяць захожаты,
Ой став коньк прыставаты,
До дивчыны донжжаты.
Прийхалы пид ворота,
Выйшла дивка краща злота.
Взяла коня за гнuzдечку,
Козаченька за рученьку;
Веде коня у стаdныцю,
Козаченька у свитлыцю;
Дае коню овса-сина,
Козаченьку меда й вына.
Стала чару наливаты,
Стала тяженько вздыхаты;
Ой став козак чару пыты,
Став до дивкы говорыты:
„Чого смутна стала, мыла?
Чы жаль тоби овса-сина,
Чы жаль тоби меду й вына,
Чы жаль тоби постилонькы,
Чы пизньою вечеронькы?„
— Не жаль мыни овса-сина.
Не жаль мыни меду й вына,
Не жаль мыни постплонькы.
Ни пизньою вечеронькы;
А жаль мыни дивованья,

Що прежнього зазнаванья:
 Ой як же мы любылися,
 Все ворогы смутымыся,
 А тепер, як пересталы,
 Все ворогы рады сталы.

(Глухов.)

Задумав козак женыться,
 Йому ниченька не спыться;
 Оженывся, зажурывся
 (На конька похылывся):
 Чы диткамы, чы женою,
 Чы своею головою!
 Сидлай хлопку коня вороного,
 А мени сидлай другого;
 Пойдемо до мылои,
 До голубонькы сывои.

11 Прыйхалы пид ворота,
 Выйшла мыла краща злота,
 Та ничого не сказала,
 Тилько серденьком назвала.
 Бере коня за поводы,
 А мылого за рученьку;
 Веде коня на станицю,
 А мылого у свитльцю;
 Дае коню сина й вивса,
 А мылому меду й вына.
 Сама сила, задумала,
 Кари очи зарюмала.
 „Чого, мыла, задумала,
 Кари очи зарюмала?“

Чы жаль тоби сина, вивса,
 Чы жаль тоби меду й вина?
 — Не жаль мени сина, вивса,
 Не жаль мени меду й вина;
 29 Ой жаль мени коханьнячка,
 Дивоцького гуляньнячка,
 Що як прыйде суботонька,
 Я змыюся й розчешуся,
 А в неділю прыберуся,
 На мылого подівлюся.

(Гадяч.)

11 Ты, мисяцю, свиты, свиты,
 Ты, коньку, спишы, спишы;
 Ты, мисяцю, просвищайся,
 Ты, коньку, поспишайся.

(Житомир.)

29 Я мед-выно поплачу;
 Сино, овес достачу.

(Гадяч.)

Ой по горам, по долинам,
 По козацькым украинам,
 Сызый голуб литае,
 Соби паронькы шукае,
 Товарыша выклькае:
 Товарышу, ридный брате!
 Выкльч дивчыноньку з хаты!
 Выкльч дивчыноньку з хаты,
 Щось я маю ій сказаты,
 За рученьку подержаты,

За рученьку, за другую,
Дивчыноньку молодую.

Коло, коло Дунаю

Дивчына гулае,

На буйную ылечку

Спыльна поглядае,

На быструю ылечку

Спыльна поглядае:

Чы не йиде козаченько

З моря по Дунаю?

Йиде, йиде човнычок

З моря по Дунаю,

На човнычку парубочок

Весламы играе,

На човнычку парубочок

Весламы играе,

А сам схмылив головоньку,

Сльозы прольвае.

Дивчыно, дивчынонько,

Не ходы по Дунаю,

Не жды свого мыленького

Из чужого краю,

Не жды свого коханого

З далекого краю,—

Знялы з нього головоньку

Зліи басурманы!

(Гадляч.)

З горы та в долину у луг по калыну;
 Кохав козак дивчиноньку, як батько дытыну.
 Ой вин іи кохав та не докохався,—
 Вона його осудыла, вин не сподивався.
 Не я, мылий, осудыла, судять же нас люде,
 Що з нашого закоханья ничого не буде.
 Ой з нашого закоханья ни славы, ни вжытку,
 Карым очам сну немає, нижкам одпочынку.
 Ой ты, дивчинонько, ты словами блудыш,—
 Ты сама знаеш, кого вирно любыш.
 Ой знаю, знаю, кого я кохаю;
 Тильки не знаю, з кым я жыты маю.

(Правой стор. Днипра.)

Ой у поли былына, іи витер колыше;
 Горе-ж мыни на чужыни, аж мій дух не дыше.
 Ой голубчычок гуде, а голубка не знае,
 А що голуб голубоньку да покынуты мае.
 Ой голубчычок гуде, а голубка буркоче,
 Що голуб голубку покыдаты хоче.
 Да не кыдай же мене, сызокрылый орле!
 Ой хто-ж мене, молодую, на чужыни прыгорне?
 Прыгортайсь, мыла, ик другому такому,
 Да не скажи сеи правды да що мыни самому.
 Ой голубчычок гуде, а голубка буркоче,
 Да що голуб голубоньку зараз кыдаты хоче.
 Ой не кыдай же мене та на чужій чужыни,
 А я тоби годыть буду, як малій дытыни!

(Радомясь.)

У горóди хмелынонька,
 Грядкы устылае;
 Промиж людьмы дивчынонька
 Ой гирко рыдае!
 Що-ж хмелына зелененька,
 Що не вьється в гору?
 Що́-ж дивчына молоденька
 Проклынае долю?
 Як хмелыни в гору вьється?
 Тычыны немає!
 Як дивчыни не журиться?
 Козак покидыае!

(Глухов.)

1 Ой зйду я на шпыльочок,
 Да гляну я в долиноньку:
 Долина глыбока, а калына висока,
 Аж до долу витьтя гнеться.
 Пид тією калыною
 Стоить козак з дивчиною;
 Дивчынонька плаче; сылненько рыдае,
 Свою долю проклынае;
 Козак дивку вговоряе.
 „Не плач, дивко, не журься —
 Хоч буду далеко, буду тебе знаты,
 Буду лыстонькы пысаты.,,
 — Ой колы-б же я да все знала,
 Ис тобою не стояла . . .
 Гуляла-б у батька, да гуляла до вику
 Дивчиною молодюю. —
 Зйшла дивка на шпыльочок,

Да глянула на свиточок:
 Ой свите мій ясний, ой свите прекрасний! . .
 Доле-ж моя несчаслива!

(Пиратин.)

Ой вийду я на шпыльочок
 Да гляну я на долину:
 Долина глыбока, а калына висока,
 Аж на землю виты гнуться,
 А в тіи дивчыны, а в тіи молодон
 Аж на землю сльозы льються.

(Лебедин.)

Ой любив козак да тры годы одну дивчыну,
 Да не вельть маты тіи дывчыны браты! 2.
 Ой як будеш, сынку, тую дивчыну браты,
 То не кажи, сыну, що я твоя ридная маты. 2.
 Ой не так же маты, ой як меншая сестра:
 „Да не беры, брате, без счастья дивчына зросла, 2.
 Що без счастья зросла, а без доли уродылася,
 Вона-ж тоби, брате, дружиною не судылася!„ 2.
 Ой зійды, зійды, ты зирочко та вечирняя,
 Выйды до мене, дивчыно ты безридная! 2.
 Що зирочка зійшла—усе поле освитыда,
 Дивчына вийшла—козаченька розвеселыла! 2.
 Дивчыно моя, да недоленька твоя,
 Що не сподобала вся родынонька моя. 2.
 Ой не так родына, як менша сестра:
 „Да не беры, брате, без счастья дивчына зросла, 2.
 Що без счастья зросла, а без доли уродылася,
 Вона тоби, брате, дружиною не судылася. 2.

Лучче-ж тобі, брате, з сиротыны насміятся,
 А-ниж тобі, брате, з сиротою повинчатся; 2.
 Лучче-ж тобі, брате, важкый камень пидняты,
 А ниж тобі, брате, з сиротою вик провождаты., 2.
 Лучче-ж, мыни, сестро, да гиркый полынть йисты,
 А ниж мыни, сестро, сиротыну из ума звесты! 2.

(Пирятин.)

Ой изыйды, зыйды, ты зиронько та вечирняя,
 Ой выйды, выйды, дивчынонько моя вирная!
 „Не подоба зирци из вечора та зыходыты,
 „Не подоба дивци до козака та выходыты.,,
 Ой зиронька зійшла, усе поле та й освітыла;
 Дивчына вийшла, казаченька звеседыла.
 „Ой ты козаче, ты хрещатый барвиночку,
 Кто-ж тобі постеле у дорози та постилечку?.,

(Борзн.)

Ой ты козаче! що ты думаеш-гадаеш?
 Чому не женишся, соби пары не шукаеш?
 Не велила маты вдовыной дочки браты,
 А велила маты богатишой шукаты.
 Ой зійды, зійды, зирочко та вечирняя!
 Ой выйды, выйды, дивчыно моя вирная!
 Неподоба зирци без мпсяца та зиходыты;
 Неподоба дивци до козака та выходыты.
 Рада-б зирка зійты, чорна хмара заступае;
 Рада-б дивка выйты, матусенька не пускае.
 А зиронька зійшла, усе поле освітыла;
 А дивчына вийшла, казаченька звеседыла.

(Кіев.)

Ой зійды, зійды, зирочко та вечирная,
 Ой вийды, вийды, дивчыно моя вирная.
 Рада-б зирка зійты, чорна хмара наступае;
 Рада-б дивка вийты, так матуся не пускае.
 Не подоба зирци без місяця та зиходыты,
 Не подоба дивци до козака та выходыты.
 Що зирочка зійшла, усе поле освитыла;
 А дивчына вийшла, козаченька звеселыла.
 Ой ты, козаче, ты хрещатый та барвиночку!
 Хто-ж тобі постеле у дорози та постилечку?
 Ой стелеться минн широкий лыт та бурковына,
 А пид головы голубая та жупанына.
 Що зирочка зійшла, усе поле освитыла;
 Ты-ж минн, дивчыно, у дорози люба та мыла.
 Ой и через межу горошок та постелывся,
 Козак до дивкы ворогамы та поклонывся:
 Ох и поклоніться вы, добріи люде,
 Нехай мойй мылій там легенько буде;
 Ох и поклоніться вы дивчыни небози,
 А що минн добре в далекій дорози.
 Ой ты, козаче, що ты думаеш — гадаеш?
 Чому не женишся, соби пары не шукаеш?
 Ох и як минн та пароньки шукаты,
 Та не вельть маты тебе, дивчыно, браты?
 Та не вельть маты тебе, дивчыно, браты,
 Та вельть минн маты, де чотыри волы, браты,
 Де чотыри волы и два конька в дышли, —
 А як же іи любыты, колы не до мысли?
 Де чотыри волы та ще й пара коней, —
 Ох и як іи любыты, колы сама не до любви? —

(Полтав.)

- У горбди огирочок—зеленый листочок;
 Не бачыла мыленького, болыть животочок.
 Болыть, болыть головонька, и сердце понылю,
 Не бачыла мыленького, и дило не мыло.
5. Перебрыду быстру ричку й половину ставу;
 Сватай мене, козаченьку, не ввoдь у неславу.
 — Сама-ж бо ты, дивчынонько, у неславу входиш,
 Що пизненько — нераненько из йулицы ходыш. —
 „Як же менш, козаченьку, раненько ходыты ?
10. Як визьмеш ты за рученьку, не мусыш пустыты.„
 — Не потурай, дивчынонько, мой размовоньци,
 Держы сама розум добрый в своей головоньци. —
 „Держала-б я розум добрый, да впустила в воду,
14. Не вповала на худобу, а на його вроду.
 З велькою худобою бытысь да сварытысь,
 З хорошою дружиною на свити нажытысь.
 З велькою худобою може й лыхо буде,
 А з мылою дружиною не стыдно й меж люде.„
 Цвите мачок невельчок, нема цвиту змины;
 Хоч як козак забожытыся, не ймы, дивко, впры.
 Козак тума звезде з ума, не буде й любыты —
 Де найбільше челядонькы, там стане судыты.

(Глухов.)

5. Ой плавали утынята по тим боци ставу;
 Сватай мене, козаченьку, и не ввoдь у славу.
10. Що сам стоиш, мене держыш, вельш говорыты.
14. Наплювала-б я на тебе й на твою уроду:
 Що ни вроды, ни худобы, ни третьего зросту!
 Хыба питты утопытыся з высокого мосту!

(Лубн.)

Повій, витре холоденький, з глибокого яру;
 Прибудь, мый чорнобровый, з далекого краю!
 Ой рад бы я повиваты, та глибоко, друже;
 Ой рад бы я перебуваты, та далеко дуже!
 А у броду нема льоду, нема переходу;
 Ой колы-ж ты мене любыш, бреды через воду.
 Перебрела дви риченькы, в половини стала;
 Сватай мене, козаченьку, не вводь мене в славу!
 (Гадяч.)

Я молода пшениченьку жала
 Та ще й не носыла;
 Розсердыла мыленького,
 Та ще й не впросыла.
 Просылы батько и маты;
 Просыла й родына:
 Нехай його ще попросить
 Лыхая година.

(Гадяч.)

— Ой Гаю, Гаю! не робы жалю!
 Як мы любылыся з тобою з-малу,
 Як мы любылыся, та й не побралыся,
 Славы, поговору понабиралыся.
 Ой дивчинонько, чаривныченько!
 Прычарувала биле лыченько!
 — Козаченьку мій, дурный розум твій!
 Колы-б ты стилько знав з синей до хаты,
 Як я умію чым чаруваты:
 В мене чаронькы—чорни бровонькы,
 В мене прынада—сама молода.

(Гадяч.)

Да поглядаю да позыраю да на ту чорну хмару;
 Ой ходимо, товаришу, да на той край помалу.
 Да чого-ж мини, да товаришу, на той край ходыты ?
 Перестала дивчынонька да вирненько любыты.
 Часто ходыв, вирно любыв, вирно женихався;
 Осудыла дивчынонька, да што я й не сподивався.
 Не я-ж тебе да осудыла, судять же нас люде;
 Що з нашого жениханья ничого не буде.
 Що з нашого жениханья ни славы, ни вжитку;
 Карым очам спання нема, а нижкам спочынку:
 Карп очи не сплять ночи, нижки не вгавають ;
 Ой як прыйду да додóмоньку, до вси мене лають.
 Да не лай мене, моя маты, гиркмы словамы;
 Обильюся што-вечора дрибнымы сльозамы.
 Да не лай мене, моя матинко, ще й гирчишымы;
 Обильюся што-вечора ще й дрибнишымы.
 Да не лай мене, моя матинко, николы ни за що;
 Полюбыла прайдывита, превельке ледащо.
 Над моею хатыною чорненькая хмара,
 А на мене молодую поговир та слава.
 А я тую чорну хмару рукавом розмаю;
 Перебула поговоры, перебуду й славу.
 А не пиде дрибен дощык без чорной хмары;
 А не выйде дивка замиж без людськой славы.
 Настучыться, нагрючыться, дрибен дощык пиде;
 Набрешуться вороженькы, дивка замиж пиде.

(Конотоп.)

Ой давно я поглядаю на чорную хмару;
 Ой ходимо, пане-брате, на той бик помалу. —
 „Чого-ж мени, пане-брате, на той бик ходыты ?
 Перестала дивчынонька вирненько любыты.

Часто ходыв, вирно любыв, з нею женихався;
 Вона-ж мене израдыла, я й не сподивався.
 Навидала кубелечко, де вутка несеться;
 Провидала, що я бидный, — тепера сміється.
 Ой не смійся дивчынонько, сама смихом будеш;
 Як дам тобі з-тыха лыха, по-вик не забудеш.
 Хоч я не дам, хоч я не дам, так дасть моя маты;
 Такы тобі лыхо йметься из нашої хаты.
 Будеш, будеш ты лежаты, пытонькы прохаты,
 Та нікому тобі буде и кухля податы.
 Подай, маты, кухоль з хаты холоднои воды;
 Посміялась з козаченька, з хорошой вроды.

(Гадяч.)

— Ой ходімо пане-брате, на той край по-малу!
 — Чого-ж мени пане-брате на той край ходыты?
 Перестала дивчынонька мылого любыты!
 Вирно любыв, вирно ходыв, вирно й женихався.
 Аж що? и слава пропала, я й не сподивався!
 „Не я тебе израдыла, израдылы люды;
 Из нашого жениханья нічо́го не буде!
 Из нашого жениханья ни славы, ни вжывку:
 Карым очям спанья нема, и нижкам спочывку.

(Гадяч.)

Не сіявши, не оравшы, не буде жыто родыты;
 Козака не чарувавшы, не буде й ходыты.
 Як я жыта не сіяла, само жыто родыть;
 Козака не чарувала, сам до мене ходыть.
 Я його не чарувала, хиба моя маты —

Брала пшок из-пид нижок його чароваты.
 Ой не чаруй, моя маты, козака до мене,
 Будуть слава й поговори на тебе й на мене.
 Над мопмы воротамы чорненькая хмара,
 А на мене молодую напрасная слава.
 А я тую чорну хмару пером розмахая,
 А к слави не прислухаюсь, то й гадки не маю.
 Переступлю я синечкы и покутню лаву;
 Пережыла поговори, пережыву й славу.

(Харьков.)

1 Да туман полем, да туман полем,
Да туман тумануться;	2.
А у дивчыны да чорныи бровы,
А любо й подывыться.	2.
Да туман ярлом, да туман ярлом,
Да туманочку трошкы;	2.
А в дивчыны да чорныи бровы,
Як у тиі волошкы.	2.
По тим боци на толоци
Там цыганы стоялы;	2.
Ох и миж тымы да цыганамы
А цыганка ворожка,—	2.
Ой туды-ж бигла да дивчынонька
До цыганочки боса:	2.
— А цыганочка, да ворожечка,
Ой уволы мою волю!	2.
17 Да прычаруй ты да козаченька,
Що гуляе зо мною.—	2.
А цыганочка да ворожечка
Мою волю волыла;	2.

Ой уризала русои косы
Да козака накурыла. 2.

(А иншіи докладають:)

А цыганочка да ворожечка
Мою волю воыла: 2.

Уризала чорнаго чуба
И дивчыну накурыла. 2.

(Переяслав.)

1 Туман яром, туман яром,
Туман ще й горою;
Та не по правди, молодой козаче,
Говорыш зо мною.
Хоч по правди, не по правди,
Не буду казаты . . .
Та не буду, дивчынонько,
Жалю завдаваты!

17 Ой прычаруй казаченька
На-вики зо мною.

(Львой стор. Днѣпра.)

„Ой сон, маты, ой сон, маты, сон головоньку клонить!„
2 — Отто-ж тоби, мій сыночку, своя воленька робить,
Що до тебе, мій сыночку, сама дивчына ходыть. —
„Нехай ходыть, нехай ходыть, вона мене вирно любыть,
5 Вона мене вирно любыть, и дружыною будеть!„
Прыихалы до дивчыны тры казаченькы пизно,
Наварыла им дивчына да вечеряты ризно.
Ой первому вечеронька — да варенычкы в масли,
А другому вечеронька — да шевлія та рута,
А третьому вечеронька — сама щыра отрута.

Сыдыть козак на коньку, коло серденька вьеться;
 Стоить дивка на порози, да з козака сміється.
 — Колы мени, дивчинонько, ся й отрута мынеться?—
 „Тогди тоби, козаченку, ся й отрута мынеться,
 Як у поли на раздоли сухой дуб розвивьется!„
 (Глухов.)

2 Отто-ж тоби, мій сыщочку, своя воленька вольть.
 5 Вона мене вирно любыть, вона мыни правду скаже.
 Що у лиси на гориси тры голубонькы гуде;
 Отто-ж тоби, мій сыночку, тры прыгодонькы буде:
 Що первая прыгодонька—варенычкы в масле,
 А другая прыгодонька—шевлиа та рута,
 А третя прыгодонька—довишня отрута . . .
 Що вчора був жыв и здоров, а сьогдни смерть несчасна:
 Отто-ж тоби, мій сыночку, дивчына прекрасна!
 (Пирятин.)

„Ой сон, маты, ой сон, маты, да голивоньку клоне . . . „
 Оце тоби, мій сыночку, своя воленька робыть,
 Що до тебе молодого сама дивчына ходыть.
 „Нехай ходыть, нехай ходыть: вона мене вирно любыть,
 Вона мыни молодому да дружбиною будеть.“
 6 Запросыла дивчинонька трох козаченькив пизно;
 Наварыла дивчинонька да вечеряты ризно:
 Ой первому поставыла да вареныки в масле,
 А другому поставыла шевли да руты,
 А третьому поставыла превелькой отруты.—
 Йде козак на коньку, коло серденька вьеться;
 Стоить дивка на порози, з козаченька сміється.
 „Колы мыни, дивчинонько, ся отрута мынеться?„

Тоді тобі, козаченьку, ся отрута мынётся,
Як у поли крѣй дорóгы сухый дуб розывѣється!

(Глухов.)

6 У дивчыны чорнявои весь двор на помости;
Та позвала дивчынонька козаченька в гости.
Поставыла козаченьку пыриг на талирци:
В первом рози у пырози — шевлія та рута;
В другим рози у пырози — лыхая отрута.
Ой не вспила дивчынонька край вѣконця сеты;
Поспшывся козаченько той пыриг пзысты.
Выйшов козак из синей — за сердце береться;
Стоить дивка на порози — з козака сміється:
Ой не смійся, дивчынонько, далеби не смійся!
Я у тебе молодои отруты найвся!

(Харьков.)

Ой сон, маты, ой сон маты, сон головоньку клонить!
— Оце-ж тобі, мій сыночку, ся улыця робить. . .
Перестань, мій сынку, да на улыцю ходыты:
Засидають товаришы — хочуть тебе вбыты! —
Одын каже: товаришу, убыймо!
Другый каже: товаришу, из свита не губймо!
Третій каже: товаришу, змовось —
Да на одни вечорныци гуляты зыходьмось!
На тій вечорныци да дивчата чаривныци . . .
Що одна дивчына — ходыть вона ризно,
Затопыла свою хату ризно,
Прыставыла да тры чароньки ризно:
Що первіи чароньки — шавлія та рута,
А третя чаронька — сама чыста отрута!

(Остер.)

„Ой сон, маты, ой сон, маты, головошкку клонить!„
 — Отсе-ж тоби, мій сыночку, та своя воленька робить,
 Що до тебе, мій сыночку, та дивчына ходыть!—
 „Нехай ходыть, нехай ходыть, вона мене вирно любыть,
 Вона-ж мени молодому дружиною будеть.“
 Пришлы до дивчыны тры козаченькы пизно,
 Наварыла дивчынонька тры вечеронькы ризно:
 А першому наварыла варенычкы в масле,
 А другому наварыла шевлін та руты,
 А третейому наварыла лыхон отруты.
 Ой сив козак та на конька, за серце береться,
 Стоить дивчына в порога, з козака сміється:
 Тоди-ж, тоби, казаченьку, ся отрута мынеться,
 Як у поли пры дорози сухій дуб розивьеться!

(Гадяч.)

Йіде козак дорогою
 Широкою стовбовою,
 Та прыйхав до дольны,
 Вьяже коня до ялыны,
 До червонои калыны;
 А сам іде до дивчыны,
 До дивчыны до Маруси
 На пуховій подуси,
 До дивчыны до Марыны,
 На пуховій перыны.
 „Дивчынонько молодая!
 Чы ты мене вирно любыш,
 Що ты мене рано будыш?
 Коы любыш, любы дуже,
 А не любыш, не жартуй-же;

Коломь любыш, любви гаразд,
 А не любыш, кажи зараз ;
 Коломь любыш, так любысь,
 А не любыш, не горнысь ;
 Коломь любыш, любви двичи,
 А не любыш, кажи в вичи.,

(Гадяч.)

Ой не шуми, луже, зеленый буяче !
 Ой чого-ж ты плачеш, молодой козаче ?
 Ой як не шумити минни зеленому ?
 Ой як не плакати минни молодому ?
 Сусиды близькіи, ворогы тяжкіи . . .
 Ни велять ходыты, дивчыны любыты ! . . .
 Я ии не возьму, скоро-ж-бо я й умру :
 Не забувай, мыла, де моя могила !
 Ой моя могила да край Дунаечку,
 Ой край Дунаечку, — тяжко на сердечку !
 Не стій на могили, не кыдай писочку,
 Бо и тяжко й важко серцю й животочку !
 Не стій на могили, не кыдай землю,
 Бо й сама ты знаеш, як тяжко пид нею !
 Зійды на могилу да не тужи дуже :
 Скажуть вороженькы любылыся дуже !
 Верно любылыся да й не побралыся,
 Тилько вороженькы да повтишалыся !

(Глухов.)

Ой не шуми луже, зеленый байраче !
 Ой чого ты плачеш, молодой козаче ?
 Не рад бы я плакать, плачуть мои очи,
 Плачуть мои очи, темненькои ночи.

- 5 Сусиды близькіі, ворогы тяжкіі . .
 Не велять ходыты, дивчыны любыты! . .
 Я дивчыну люблю, а люблячы визьму,
 А люблячы визьму и в-скоросты умру.
 Та поховай, мыла, в зеленом садочку;
 Та высып-же, мыла, високу могылу,
 Та насады, мыла, червону калыну.
 Не стій надо мною, та не тужы дуже;
 Скажуть вороженькы — любылыся дуже!
 Не стій надо мною, та не сып землею;
 Бо й сама ты знаеш, що важко пид нею.

(Рожен.)

- 5 Воритечкы нызькы, сосидочки близькы;
 Не велять ходыты, дивчыны любыты.
 Ой вы, сусидочки, якого вы роду? . .
 Десь вы не знаете любощив из-роду!
 Ой Боже мій, Боже, що та любов може!
 Любов дорогая — розлука тяжкая!

(Овруч.)

Червона калына, чого почорнила?
 Чи витру боишся, чи дошу бажаеш?
 Я й витру боюся и дошу бажаю;
 Кого вирно люблю, з тым и умираю.
 Ой умру я, мыла, а ты будеш жива,
 Не забувай, мыла, де моя могыла.
 А моя могыла край сынього моря;
 Поляглы любощи и щыра размова!
 Не йды на могылу, не махай рукою,
 Скажуть вороженькы, що я жив з тобою!

Не йды на могылу, не кыдай землею,
 Бо й сама ты знаеш, як тяжко пид нею.

(Кіев.)

Ой у лузи, в лузи червона калына;
 То-ж не калына, — молода дивчына,
 Молода дивчына, що вирно любила . . .
 Любила, любила, та й прычаровала;
 Вывела конька, сама осидлала.
 Та вынесла рыбку, ище й хлиба скыбку:
 — Оце-ж тоби, серденько, вечера на-швыдку!
 Вечеряй, вечеряй, та йдь у дорогу, —
 Як не пойдеш, ночуй изо мною! —
 „Рад бы я, серденько, с тобой ночуваты;
 Есть у мене батько и ридная маты,
 Есть у мене жинка и маліи диты, —
 Рад бы я, серденько, тудя полетиты!„
 — Та вже-ж тоби, голубе, тудя не литаты;
 Тут тоби, серденько, в степену погыбаты!
 Русымы кудрямы степену выстыматы,
 Червоною кровью ричкы наповняты! —

(Золотонош.)

Ой пійду я, пійду не берегом, лугом,
 Чи не зостринуся з несуженым другом:
 Здоров, здоров луже, несуженый друже!
 — Здорова дивчыно! любымыся луже!
 Ой любымыся-ж мы чотыри годочки,
 А не бачылыся чотыри недилы;
 Як побачылыся, разом заболылы.
 Лежить козаченько в зеленій дуброви;

Молода дивчына в матуси в комори.
 Перед дивчыною напыткы, найдкы;
 Перед козаченьком гиркин ягідкы.
 До дивчынонькы мед, выно носять
 А козаченько холоднои воды просыть:
 — Ой дайте-ж минн холоднои воды пыты,
 Бо ще я хочу на свити пожиты. —

- 16 В недиленьку рано задзвоннылы дзвоны:
 „Слухай, матусенько, чи по козакови?
 Як по козакови, мене наряжайте, —
 В одній домовинн из ным поховайте;
 Да положить, маты, поруч головамы,
 Щоб була розмова тихая меж нами;
- 22 Да высыпте, маты, високу могылу,
 Посадить в головках червону калыну;
 Да поставте, маты, хресты золотін,
 Щоб сказалы люды: лежать молодіи!„ —

(Глухов.)

- 16 Слухай, матусенько, що люды говорят . . .
 Слухай, слухай, маты, у вси дзвоны дзвонять!
 Як по казакови, наряжайте мене . . .

(Борзн.)

- 22 Насып же, матинко, високу могылу;
 Посады, матинко, червону калыну.
 Туда буде, матинко, зозуля литаты;
 Вона буде, матинко, раненько куваты:
 Тоби буде, матинко, всю правду казаты;
 Минн буде, матинко, легенько лежаты!

(Прилук.)

Ой пиду я не берегом, лугом:
 Чы не стринусь з своим вирным другом?
 — Здоров, здоров, вирный друже!
 Як мы любылыся дуже!
 Як мы любылыся, то сим год и чотыри;
 Як побачылыся, разом заболылы!
 Лежить козак в зеленій дуброви,
 Молода дивчына в батька в комори.
 По дивчыноньци дзвоны дзвонылы,
 А по козакови вовченьки завылы.
 По дивчыноньци отець-маты плаче,
 А по козакови чорный ворон криче.
 Ой выкопай, маты, глыбокую яму,
 Та поховай, маты, сю славную пару!
 Та й поставляй, маты, хресты золотіи,
 Щоб сказалы люды: лежать молодіи!
 Та й высып-же, маты, високу могылу,
 Та й посады, маты, червону калыну,
 Щоб сказалы люды на всю й Украйну!

(Гадяч.)

Ой пиду я молоденька
 Зеленою дольною,
 Ой зломлю я, истопчу я
 Пашну рожу з калыною. 2.
 А над тью роженъкою
 Гнеться явор зеленейкый;
 Пид явором конык стоить,
 На ним козак молоденькый. 2.
 Став-же мене козаченько
 Та дороженьки пытаты;

А я тому козакови
 Посоромилась казаты. 2.
 Куды тая дороженька,
 Куды вона впала:
 Чы в темный луг, чы у поле?
 Йому й не сказала. 2.
 У зеленим, темним лузи
 Червона калына;
 В чыстим поли, край дороги
 Высока могыла. 2.
 Ой у лузи на калыни
 Зузуля кувала,
 Скильки жыты козакови
 Правдоньку казала. 2.
 В чыстим поли, на могыли
 Дивчына стояла,
 Та могылу козакову
 Слизьмы польвала. 2.

(Харьков)

Сывий коню, сывий коню!
 Що ты задумаея?
 Нема тїп дивчынонькы,
 Що я в їй кохався!
 Сывий коню, сывий коню,
 Найжся оброку;
 Поженемся за дивчыною
 У землю гыбоку!
 Сывий коню, сывий коню,
 Тяжко тобі буде:
 Пойдемо разом з витром—
 Попасу не буде!

Бигай, коню, бигай, коню,
 Бо вже вечеріє;
 Ой там сыдыть моя мыла,
 Де з лиса зоріє.
 Выжу мылу, выжу любку:
 Дывыться в виконце;
 Хоч так темно, так не видно —
 Свитыться, як сонце!

(Правой стор. двипра.)

Та бодай тая степовая могила запала;
 Ой як я пид нею жыто жала, вчора вечир утерала.
 Та утерала вчора вечир, втерая й тепера;
 Та чогось моя женышына смутная, невесела!
 Та по-пид мостом, трава з ростом — витер хвилью гонить:
 Ой чогось моя женышына та до мене не говорыть!
 Не говоры-ж ты ни до кого, говоры зо мною;
 Бо як не будеш говорыты, умру, сердце, за тобою.
 Ой умры-ж ты из вечора, а я умру вранци;
 Та нехай же нас поховають с тобою, сердце, в одній ямци.
 Нехай же нас поховають и хрест укопають:
 Та щоб люды дывовались, як мы вирненько кохались!
 Шырокая домовына, глубокая яма —
 Та лежить моя женышына, ой як тая квитка вяла!

(Золотонош., Конотоп.)

Ой у сади, сади, сади виногради.
 Стояв кинь вороный у наряди.
 Нихто тому коню цины не нарядыть . . .
 Де взялься два купчыки з Польщи:

Взямы тому кошо цину нарядымы:
 Пивтораста корбованцив, ще й чотыри.
 Взямы дного купця посадымы,
 В вельку дорогу вырядымы.
 Як прышхав мымый пид нови ворота:
 Выйды моя мыла краща злота!
 А не выйшла мыла, вышла теща:
 Ворочай, зяченьку, хочь нехутко . . .
 А вже твою мылу схоронымы.
 В кедровую труну нарядымы.
 В кедровую труну нарядымы,
 Глыбокую яму выкопалы.
 Ой як прыйшов мымый до мылон:
 Ты билый кампнь, откотыся.
 Ты билый кампнь, откотыся,
 Мыла до мылого озовыся:
 Чы повельш, мыла, журытыся,
 Чы повельш, мыла, женытыся?
 Я не велю, мымый, журытыся,
 Я повелю мымый женытыся:
 Як прыйде недля нарядыся,
 А прыйде другая оженыся. —

(Конотоп.)

— Ой Марку мій, Марку!
 Щось маю казаты:
 Сватай мене, Марку,
 Чы не отдасть, маты!
 Як не отдасть маты,
 Будем мандруваты:

Помандруем прички,
Темменькоп ничкы! —
Мандрувалы поле,
Мандрувалы друге;
На третим же поли
Силы спочываты,
Силы спочываты,
Став Марко дриматы.
— Ой не дримай, Марку,
Не дримай зо мною;
Бо й сам-же ты знаеш,
Що в погонь за мною!
Ой як мене визьмутъ,
А тебе покынуть,
А тебе покынуть,
С плич головку здымуть! —
Ой повезлы Марка
Трьома городамы,
Поховалы Марка
Миж трьома горама:
Оттут лежы Марку
С чорнымы бровама!
Маркив конык идэ,
Да не Марко йиде;
Маркове сидельце,
Да не Марко — сердце;
Маркова дудочка,
Да не Марко грае;
Маркова писенька,
Не Марко спивае:

Ой десь мого Марка
На свити немає!

(Кіев.)

Чы се тая да дивчынонька живе,
Що хорошы да шырыночки шые?
Шые да шые, да все шóвком вышывае;
Тепер ій да дома немає:
В чыстому поли да и пшениченьку поле,
Поле, да поле, да все кукыль выбирае.
Як заглядеть да козаченька на мори:
„Блыжше, да блыжше да ты, козаченьку, к мыни,
Возьмы мене у човен из собою.“
Тылько дивчына да у човен уступыла,
Де-ся взялася да из мóря сыня хвыля:
Верне, да верне всяку рыбу изó-дна,
Вывернула да дивчыноньку з човна:
„Ратуй, ратуй, да ты козаченьку, мене;
Буде тобі превелька плата од мене!“,
Ой, не хочу, дивко, я од тебе платы браты;
Мыслью я й хочу до себе тебе взяты.
„Лучше-ж буду в сыньом мори писок йсты,
Ниж из нелюбом да вечеряты систы;
Лучше-ж буду в сыньом мори потопаты,
Ниж из нелюбом да свій вик коротаты!“

(Глухов.)

Ой у Харькови та у шыночку,
Ой у Харькови зранку,
Заховалы та козаченька
За дивчыну коханку.

Ой казав есы, молодой козаче,
 Не буду Гали любыты;
 Як пидійшов та пид виконечко:
 Та подай, Галю, пыты!
 Та подай, Галю, та подай мни.
 И кухлычок и видерце!
 Сама выйды да сядь била мене,
 Та утиш мое сердце! —
 Ой рада-б я, молодой козаче,
 Та до тебе выходыты:
 Сыдыть маты край виконечка,
 Буде Галю быты.
 Ой не знаеш ты, молода дивчыно,
 Як матуси отказаты;
 Ой одсунь викно да кватырочку,
 Та выгонь голубив з хаты:
 Ой гиля, гиля, сызи голубонькы,
 На высоке литанья;
 Та уже важко, мое серденько.
 Та з тобою горюваньня!

(Изюм.)

- 1 Ой на гори жыто и в долини жыто:
 Пид билою березою козаченька вбыто.
 Ой убыто, вбыто, затыгнуено в жыто,
 Червоною кытайкою лыченько накрыто.
 5 Ой прыйшла одна да й то не такая;
 Ой пидняла кытаечку да й поциловала.
 Ой прыйшла другая з чорнымы очыма,
 Ой пидняла кытаечку да й заголосыла.

Ой прышла третья из новон хаты:

„Було-ж тоби, вражій сыну, нас трох не кохаты!„

(Глухов.)

1 Поїду, поїду, и тебе покыну:

Будеш мыла прыпадаты та до мого слиду.

Ой не буду, мылуй, далеби не буду:

Горювала я з тобою и без тебе буду.

Ой на гори просо, пид горою жыто;

Прыйшла звистка до мылои, що мылого вбыто.

5 Зеленою оливою оченьки залыто.

Прыйшла його мыла, кытайку одкрыла,

Кытайку одкрыла та й заголосыла:

Чы ты мылуй впывся, чы з коныка вбывся,

Чы з иншымы звельчався, мене одцурався?

Прыметила пташка, бия його впала:

Таки очи, таки бровы, як у мого пана!

Прылетила пташка—мальовани крыльця:

Таки очи, таки бровы, як у мого Грыця!

(Лебедии.)

1 Сама-ж я не знаю, де мій мылуй дився:

А чы його звири зылы, а чы вин утопывся?

Як бы звири зылы, то й лугы-б шумилы;

А як-бы утопывся, то-б Дунай розльывся.

Ой на гори ячмишь, пид горою жыто,—

Пид билою березою мыленького вбыто . . .

(Переяслав.)

5 Прыметила пава, коло його впала,

Крылечкамы стрепенула, та й поцпловала:

Чы ты, мымый, впывся, чы з конька вбывся,
 Чы з иншою повинчався, мене одцурався?
 Ой я мыла не впывся, п з конька не вбывся,
 И з иншою не винчався, — тебе одцурався!

(Кролевец.)

5 Прылетела пава, в головочках пала,
 В головочках пала, да й защебетала;
 Прышхала мыла, в головочках сила,
 Да й подняла кытаечку, да й заголосыла:
 Чы ты, мымый, впывся, чы з конька вбывся,
 Чы на другу зальцався — мене одцурався?

(Чернигов.)

Через сад зелененькій дорожка лежала,
 Там Маруся в недужи лежала,
 Чорным шовком головку звязала,
 Заморського зилья забажала:
 „Ой хто минн царь-зилья достане,
 Той зо мною на рушнычку стане.,,
 Обизвався козак молоденькій:
 — Ой е в мене тры конькы в стани:
 Одын коньк—як ворон чорненькій,
 Другіі коньк—як лебедь биленькій,
 Третій коньк—як голуб сывенькій.
 Чорным конем до моря дойду,
 Билым конем море переїду,
 Сывым конем царь-зилья достану,
 З Марусею на рушнычку стану.—
 Ой став козак царь-зилья копаты,
 Стала над ным зозуля коваты:

„Годи тобі копаты царь-зилья
 Бо сьогодни в Маруси весилья.,
 Ой став козак з-за горы выпізжаты,
 Зострив вини Марусино весилья;
 Звеллв-ж вини музикам заграты,
 А сам пишов з нею танцьоваты.
 Взяв-же ин у ливую ручку,
 А шабельку у правую ручку;
 Мы-ж думалы—хмара зашумила,
 Аж в Маруси головка злетила:
 — Оце тобі, Марусю, весилья . . .
 Не посылай козака по зилья!

(Глухов.)

1 Припхалы тры козаки з повку,
 Розвязалы Маруси головку.
 Одын каже: Марусе! Марусе!
 Другый каже: чы любыш ты мене?
 Третий каже: чы пидеш за мене?
 Есть у мене тры кони на стойли:
 Одын коню як голуб сывенький,
 Другый коню як ворон чорненький,
 Третим конем трьох зильий достану!

(Чернигов.)

Ой з-за горы витер віе, калына не спіе;
 Козак дивку вирно любить,—заняты не сміе.
 Тым я ин не займаю, що свататы маю;
 Тым до неї не горнуся, що славы боюся.
 Не бійсь славы, не бійсь славы, не бійсь поговору:
 Я за славу сама стану, ще й выговорюся.

Ой з-за горы из-за кручы орлы вылітають;
 Не зазнаю я роскоши,—вже й лита мынають.
 Запрягайте кони в шоры, кони вороны;
 Доганяйте лита мои, лита молоды!
 Чы догналы, не догналы в-калыновим-мости:
 Вернітеся, лита мои, хоч до мене в гости!
 Не вернемось, не вернемся, не знаєм до ко́го;
 Не вмилы нас шануваты як здоров'я свого.

(Конотоп.)

Коло гаю конем граю, гаю не рубаю;
 Не гнивайся, дивчинонько, що я не займаю.
 Тым я тебе не займаю, що свататы маю;
 Тым до тебе не горнуся, що славы боюся.
 Стала слава, стала слава, стали й поговори—
 Ой на тую дивчиноньку, що чорны бровы.
 Ой не пиде дрибен дощык без грому, без хмары:
 Ой не пиде дивка замуж без людського поговору й славы.

(Глухов.)

Отрывокъ.

.... Я з Києва повернуся,
 Та й возьму шлюб з тобою.
 „Ты пойдеш до Києва,
 А я сама застанусь . . .
 До кого-ж я молодая
 До кого я прыхылюсь?„
 — Прыхыляйся, дивчинонько.
 А до Господа Бога —
 Отой буде отець, матка,
 Вся родынонька твоя!

(Радомисль.)

Ой ты, дубе кучерявий, голья твое рясне;
 Ты, козаче молоденький, слова твои красни.
 Слова твои прекрасніи, превражая думка!
 Покиль тебе я не знала, жыла як голубка . . .
 Жыла, гула як голубка, сила, польнула,
 Сила соби на роздоли: горе-ж мени, горе!
 Знайшла-ж-бо я кубелечко, де утка несеться:
 Ой чую я через людей — вражий сын сміється.
 Не смійсь, не смійсь, вражий сыну, горе тобі буде —
 Хоритынеш, болитынеш, смерти бажатынеш,
 А в моєи матусенькы воды прохатынеш.
 Не дам, не дам водыченькы, не дасть моя маты —
 Будеш-же ты, вражий сыну, и так пропадаты.
 Не дам, не дам водыченькы, не дасть моя титка —
 Тат изсохнеш, изовьянеш як рутвяна квитка!

(Радошсь.)

Ой за горою, за креминною,
 Там сыдыть голуб из голубкою:
 Сыднылы в пари, циловалься,
 Сзымы крыльцями обнималыся.
 Полетив голуб да й сив у жыти;
 Чы не буде мылая по мени тужыты!
 Прыметив орел с чорной хмары,
 Забыв голубця, розлучыв с пары;
 Забыв голубця на кременьни,
 Розлив кров його по всій долини.
 Сыдыть голубка и парикае
 Лыхого орла, и проклинае,
 Що через нього пары не мае:
 „Ой ду-ду, ду-ду, як же я буду!..

Прылетив орел да й сив у пари . . .
 „Нема й не буде, як мій коханий!“,
 Полетив орел до чужых сторин,
 Нагнав голубцив повнесенький двир.
 — Выбирай, голубко, котрый мылий тоби! —
 Хоть ты нажены симсот и чотыри,
 Нема й не буде, як мій мылий!

(Радомисль.)

Уродыма мене маты в зеленій диброви,
 Да не дала мени маты ни счастья, ни доли, —
 Тилько дала стан тоненький та чорніи бровы.
 Було-б тоби, моя маты, сых брив не даваты,
 Було-б тоби, моя маты, счастья-долю даты.
 Розвивайся, сухой дубе, на чотыри лысты;
 Любыв козак тры дивчыны да не мав корысты.
 Одна пишла в осинь замиж, а друга в мяясныци,
 А третя чорнявая пышется в черныци.
 Пишла-б-же я в черныченькы, дак, Боже мій мылий!
 Зостається на Вкраини козак чорнобрыый.

(Конотоп.)

Сьогонда я тута, а завтра не буду, —
 А я сеп Сергіевкы повик не забуду!
 Що у сій Сергіевци трава зелененька,
 Остається дивчинонька моя молоденька.
 Розпустыв вивчар вивци та по кругтій гирци;
 Мени-ж буде тяжко-важко, як ты идеш видсиль.
 Ой розпустыв вивци та не позбираю —
 Мени-ж буде тяжко-важко, як тебе згадаю.
 — Ой як лебедям плысты протыв воды важко,

То так мени, козаченьку, жить без тебе тяжко.
 Ой як ты пойдеш, я не буду жыва,
 Ой тилькы буде выдко—де моя могыла.
 То ты поспытаеш: чья то могыла?
 Ото-ж тїи дивчынонькы, що тебе любила.
 — Чого-ж та могыла та уже запала? —
 Ото-ж тїи дивчынонькы, що вирно кохала! . . .
 Тогди-ж мене, козаченьку, уже не побачыш;
 Може зїйдеш на могылу, та гирко заплачеш.

(Гадяч.)

Через круту гору — та в луг по калыну;
 Любив козак дивчыну як маты дытыну.
 Любив козак, любив козак, а дивчына його;
 Не хоче маты оддаты дивчыны за його.
 — Серденько галочко! я в тоби кохався . . .
 Як ты-ж мене израдыла — я й не сподивався! —
 Ой у поли конопелькы — верхы зелененькы;
 Мыый мылу покыдае, ворогы раденькы.
 Йїде мыый дорижною, аж пидкивкы крешуть;
 За ным идуть вороженькы, як собаки брешуть.
 Брешить, брешить, вражи люды — мы не подамося,
 Ще й на ваше безголовья та й поберемося.
 Колы-б мени не тыны та не переулкы,
 Ходыв бы я до дивчыны так як до голубкы.
 Колы-б мыни не тыны та не перетынкы,
 Ходыв бы я до дивчыны та що вечерынкы.
 Колы-б мени не тыны та не перелазы,
 Ходыв бы я до дивчыны по чотыри разы.
 Через тын утикав, та й не почеркнувся;
 Як поцупыв дядько ципом, так я й осмихнувся!

(Гадяч.)

Наступыла чорна хмара, наступыла сыня . . .

Чом ты мене, моя мамо, рано не збудыла?

— Тым я тебе, моя доню, рано не збудыла:

Ййхав козак по-уз наш двир,—щоб ты не тужыла . . . —

„Ты думаеш, моя мамо, ще вже й не журюся,

А як выйду за ворота, од витру валюся.

Ты думаеш, моя мамо, що я не заплачу,

А як выйду за ворота, стеженькы не бачу.

Куды ййхав, моя мамо, дывлюсь на те мисце,

А як прыйду та додому,—не визьмуся йсты . . .

11 Шовком шыла, шовком шыла, золотом рубыла,—

Не для кого—для мылого, що вирно любыла . . .

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

11 Купы мыни, моя маты, мальовани пъяця:

Я вышыю, вызолочу козаку рукавца.

Шовком шыла, вышывала, золотом рубыла,—

А все-ж тому козаченьку, що вирно любыла.

(Пиратин.)

Ой чы будеш молода дивчыно по мыни журыться,

Ой як пиду та у Крым по силь, та буду барыться?

— Ой не буду, молодой козаче, далыби не буду:

Не выидеш за нови ворота, як тебе забуду.—

Ой не выйхав молодой козак за густин лозы,

Ой узялы молоду дивчыну дрибненькин слезы;

Ой не выйхав молодой козак за билін хаты,

Треба-ж було молоду дивчыну на витер пидняты;

Ой не выйхав молодой козак за високу могылу

Вертайсь, вертайсь, молодой козаче: робы домовну! . . .

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

- 1 Ой израдо, чорни очи маеш:
 Десь у тебе зрада—уся щыра правда . . .
 Козав есы, що свататы будеш,
 А тепер як бачу, що не твоя буду.
 Хоч ты знайдеш з русою косою,
 Та не знайдеш з такою красою;
 Хоч ты знайдеш на лычко биленьку,
 Та не знайдеш по серцю вирненьку;
 Хоч ты знайдеш в червоним намысти,
 Та не знайдеш такой до мысли;
 Хоч ты знайдеш с киньмы, та з воламы,
 Та не знайдеш з чорнымы бровамы. . . .
 Покынь, мылуй, коня вороного,
 Щоб я не забула тебе молодого;
- 15 Покынь, мылуй, золоти удыла,
 Щоб я твого коня до воды водыла.,,
 — На що-ж, мыла, золото теряты?
 Вирно любыш, — то й так не забудеш!

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

- 1 Ой израда, мій мыленькый, зрада!
 Да чому в тебе не щырая правда,
 Не щырая правда!
 Пустыв есы славоньку такую,
 Що сватаеш мене молодую,
 Мене молодую!
 А тепера думаеш—гадаеш . . .
 Мабуть мене покынуты маеш,
 Покынуты маеш!

А хоч знайдеш волю та коровы,
 Да не знайдеш таки чорни бровы,
 Таки чорни бровы!
 А хоч знайдеш рушник на килочку,
 Да не знайдеш бровы на шнурочку,
 Бровы на шнурочку!
 А хоч знайдеш на лычко билишу,
 Да не знайдеш на серце вирнишу,
 На серце вирнишу!
 А хоч знайдеш... да все не такую,
 Як покидаеш мене молодую,
 Мене молодую!

(Глухов.)

- 1 Ой израда, кари очи, зрада!
 Есть у тебе мылый велька неправда,
 Велька неправда:
 Казав же ты, що свататы буду,
 А тепер я бачу, що твоя не буду,
 Що твоя не буду.
- 15 Pokынь, мылый, из коня сиделце,
 Щоб я не забула, що ты мое сердце.
 Що ты мое сердце.
 Зробы, мылый, золоти удыла,
 Щоб я твого коня до воды водыла,
 До воды водыла.,,
 — На-що-ж, мыла, золото теряты;
 Будеш мого коня и так напуваты,
 И так напуваты.

(Глухов.)

Чому в ставу вода руда, мабуть хвилі збыла?
 Чом дивчына не весела, мабуть мати была?
 Мене-ж мати вик не была, сами слёзы льються:
 Од милого людей нема, од нелюба шлються.
 Пришлы-ж, пришлы-ж, мій мыленькый, хоть нароком люде;
 Нехай мени од матуси наруги не буде.
 Од матуси наруженька, од батенька друга:
 Нема-ж мого мыленького, нема-ж мого друга.
 Шумлять вербы в конци греблі, що я насалыла:
 Нема-ж мого мыленького, що я полюбыла.
 Нема-ж мого мыленького, нема-ж мого сося:
 Ни з кым мени розмовляты, сяди у виконци.
 Нема-ж мого мыленького, що каріи очі;
 Ни з кым мени розмовляты, сяди до пивночи.

(Пригук.)

Засвичу я свичку, перебреду ричку,
 До моеи мыленькои, хоть на одну вичку.
 Свичка ясненька, ричка быстренька:
 Чогось моя мыленькая сьогодня смутненька . . .
 Все чогось скучае, важенько здычае,
 З буйнесенькым витерочком зтыха розмовляе.
 Віе витер, віе, од ранку до ночи—
 У моеи дивчынонькы не спить каріи очі.
 Тым же вони не спить, шо милого не вздрять;
 Того вони плачуть, шо нечасто бачуть.

(Харьзов.)

Хоча я убога, не маю грошей,
 Не пиду за тебе, бо ты нехороший.
 Не ходы до мене, не залыцайся:
 Не пиду за тебе, не сподивайся!

Як сюды, так туды, так всюды ривно;
 Як мени, так тоби кохатысь вильно;
 Не ходы ты, куды я хожу —
 Я-ж тоби дориженьку порегорожу.

(Гадаяч.)

„Ой маты Крымынына!
 Чорни очи в дворянына . . .
 Колы-б-же я таки мала,
 Пишла-б-же я, погуляла.,,
 Ой сила, задумала,
 Кари очи зарумала . . .
 „Очерет, — осока
 Чорни бровы в козака! —
 Козаченьку черноусый,
 Чому в тебе каптан куций?.,,
 — Вражи кравци не вгодымы
 И каптан пидкоротымы. —
 „За тобою добре жыты,
 Що ничого не робыты,
 Горилочку та мед пыты, —
 Кругом худобонька,,
 Козак сього не злюбыв,
 Тилько усом закрутив,
 Коныченька осидлав:
 Прощай, дивчыно! — сказав.

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

За ворота выйшла, косу чесала,
 Та на своих дружок погукувала:
 „Ох вы сестрыци, дружечкы мои!
 Заспивайте писенькы, ой хоч одныи!.,,

Через сыне море летять лебеди,
А на синим мори плывуть корабли,
А в тых кораблыках сьдять козаки;
На их шапки чорніі нахымылыся,
За нымы дивчата пожурылыся.
Ой колы-б я знала, де-то буде мій;
То я-б изробыла тыхый перехид
Од сынього моря до новых ворит.

(Изюм.)

Ой високо клен дерево мае,
А ще вышче два соколы литае.
Ой литають воны у Маруси у двори,
Заглядають воны у нову свитлоньку,—
Що свитлонька невыметеная,
Ходыть Марусенька нерозчесаная;
Ходыть Марусенька нерозчесаная:
Хоче іи маты за Ивана ддаты!
Вона Йвана з-роду не любыла,
Вона його за ворота собакамы выпроводыла,
А по його слиду каменем покотыла:
Ой як мыни важко сей каминь котыты,
То так мыни важко за Иваном жыты!
Ой високо клен дерево мае,
А ще вышче два соколы литае;
Ой литають воны у Маруси у двори,
Заглядають воны у нову свитлоньку—
Вже свитлонька, вже выметеная,
Ходыть Маруся вже розчесаная:
Хоче іи маты за Степана ддаты;
Вона Степана з-роду полюбыла,

Вона його за ворота сама выпроводыла,
 А по його слиду персныком покотыла:
 Ой як мыни легко сей перснык котыты,
 То так мыни легко за Степаном жыты!

(Львой стор. Двипра.)

Росте рута, та не тута, по-пид берегами;
 Нельзя мени погуляты та за ворогами.
 Ой у руты верхи круты, пиду посхыляю;
 Вороженькы спаты ляжуть, пиду погуляю.
 Ой выйду я на улыцю, гуляю, гуляю,
 Як білая лебедонька по тихим Дунаю . . .
 Ой пдú я из улыци, вже нагулявшись —
 Сыдять мои вороженькы, понадымавшись.

(Галляч.)

Ой млын меле, ой млын меле, не колесом, лыстом;
 Выкыкае козак дивку не голосом, свыстом:
 Выйды, выйды, дивчынонько, моя — нечужая!
 Выйды, выйды, дивчынонько, потиха ты моя!
 Ой ходíмо, дивчынонько, слидив затыраты:
 Де стоялы, розмовлялы, пидкивочки знаты . . .
 Щоб не знали ни ворогы, ни отець, ни маты.

(Галляч.)

На улыцю не пиду и дома не всыжу;
 Хыба пиду пидкопаюсь до дивчыны в хыжу.
 Бодай тебе копалася лыхая година,
 Що за тебе, мое сердце, мене маты была.
 Была мене маты ключем вид кимнаты,
 Та за тее, мій мыленький, що ты не жонатый

Была мене маты ключем вид коморы,
 Та за тее, мое серце, що ты чернобровый.
 Была мене моя маты ключем вид свитлыцы,
 10 Та за тее, мое серце, що карі очыци.

(Лебедин.)

11 Ой чы была, чы не была, хвалылася быты;
 Перестань же, вражій сыну. до мене ходыты!

(Радомысль.)

Ходыла сорока коло потока, та й крыче;
 Та й крыче, серденько, та й крыче!
 Ходыть Мыкола коло виконця та й плаче:
 Выйды, Наталко, выйды, серденько, та й выйды!
 „Свничечка горыть, батенько не спыть—не выйду,
 Не выйду, серденько, не выйду!
 Свничечка згасне, батенько засне, то й выйду—
 То й выйду, серденько, то й выйду! „,

(Лубн.)

Тым трава зелена, що блызько вода;
 Тым дивка хороша, що ще й молода.
 По травыци хожу, не нахожуся;
 Кого вирно люблю, не налюблюся;
 Кого ненавыжу, по всяк час выжу.
 Козаче, серденько, не ходы у день.
 Не ходы у день, не смишы людей;
 Ходы у ночи при ясной свичи!

(¹) Пѣсня эта поется во многихъ мѣстахъ за веснянку; въ другихъ, напримѣръ, въ Черноморіи, на свадьбѣ. Примѣч. издателя.

И свича горить, матуся не спить;
И свича згасне, матуся засне!

(Гадяч.)

Плыве шука з Кременчука, плыве соби стыха;
Хто не знае закоханья, той не знае лыха.
Плыве шука з Кременчука, луска на їй сяе;
Хто не знае закоханья, той счастья не знае.
Тече ричка невеличка—схочу, перескочу;
Оддай мене, моя маты, за кого я схочу!

(Прилук.)

Зійшла зирка, зійшла зирка, мисяць опизнывся;
Выйшла дивка на улыцю, козак опизнывся ⁽¹⁾.
Льбонь в тебе, козаченьку, старенькая нянька,
Що у тебе молодого вечера пизненька.

⁽¹⁾ Забарывся.

(Гадяч.)

Ой на ричци, та на дощечци,
Там дивчына та полощеться,
Полощеться, обльивається,
В черевычкы обубається:
5 „Дывитесья, чоловиченькы!
Яки в мене черевыченькы . . .
Оце-ж мыни пан-отець покушыв,
Щоб хорошый молодець полюбыв;
А панчишкы пани-матка дала,
Щоб хороша я паняночка була.,,

(Сообщилъ Н. В. Гоголь).

5 „Не дывуйтесь, шевци-ремеснычкы,
 Що у мене нови черевычкы . . .
 Се-ж мыни пан-отець покупыв,
 Щоб мене молодець полюбыв;
 А панчшыкы маты купыла,
 Щоб мене челядь любыла.,”

(Глухов.)

Ой дивчыно, серденько! чья ты?
 Чы выйдеш на улыццю гуляты?

3 „Ой не скажу я: чья я;
 Як ты выйдеш на улыццю, выйду й я.,”
 Ой дивчыно, рыбчыно! куда йдеш?
 Скажы-ж мыни правдоньку: де живеш?
 „Отто-ж моя хата крый воды,
 8 3 высокаго дерева лободы.

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

3 „Не пытайся: чья я;
 Колы выйдеш гуляты, выйду й я.,”
 9 Поставлени кроковкы, кроковкы
 3 ризанаго дерева морковкы.
 Поставлени синечкы, синечкы
 3 ризанаго дерева рипочкы.
 Нехай моя хаточка з лободы,
 Та в чужую, серденько, не веды.,”

(Глухов.)

Ой дивчыно небого!
 Любы мене голого:
 Бо я хаты не маю,
 Женытыся думаю.

Ой гультаю, гультаю!
 Та я-ж тебе пытаю:
 На шо-ж мене сватаеш,
 Коля хаты не маеш?
 Ходим, серце, в чужую,
 Поки свою збудую:
 Зроблю тобі хатыну
 З рожового цвितыну.
 Збудуй хату з лободы,
 Та в чужую не веда —
 Чужа хата такая,
 Як свекруха лыхая.

(Гадая.)

„На шо мене сватаеш,
 Коля хаты не маеш?„
 — Пидем, серце, в чужую,
 Поки свою збудую.
 Збудуемо свитлоньку
 З рожевого квитоньку,
 А кроковкы, кроковкы
 З червонои маковкы,
 А латочки, латочки
 З пахучои м'яточки,
 А дверечкы з редечкы.—
 Поставымо з лободы!—
 „Поставымо з лободы,—
 А в чужую не веда! . .
 Чужа хата такая.
 Як свекруха лыхая:

Хоть буду сама жить,
Абы людям не годить!

(Перелета.)

Добривечер, дивчино, куды идеш?
Скажи мени правдоньку: де живеш?
„Ой там моя хатонька крыи воды
З высокого дерева — лободы!„
— А я-ж к тому прышлету
З высокого дерева — черету.—

*

Ой дивчино, дивчино! чья ты?
Ой чи выйдеш на улыцю гулаты?
Ой я на улыцю не пиду.
Бо нас будуть люды судьиты.
Прийшов козак до дивчины вечирком,
Та й просытсья у дивчины потайком:
— Ой дивчино, дивчино, видчыны.
Соби худой славонькы не чыны!—
— Ой не буду, козаченьку, видчынить,
Бо ты идеш ниченьку ночувать.—
— Ой не буду, дивчино, не буду,
Пожартую тришечкы та й пиду.—
Жартувала дивчина до зори.
Покы стало выдно в хати и двори.
— Иды, иды, козаченьку, додому.
Та не кажы, що робылось, нікому.
Найхалы купчыкы до мене,
Куповаты пивнычка у мене,
А я того пивнычка не продам.
Бо то в мене пивнычок господарь:

На улыци пивнычок громаде,
 Свою курипочку додому проваде:
 Иды, иды, курипочко, до дому,
 Та не давай пирьячка никому!—
 Хыба-ж-бы я, пивнычку, без ума була,
 Щоб я твое пирьячко продала!

(Гадяч.)

По дорози ворон, по дорози чорный:
 „Подывися, галочко, якый я моторный!„
 — По дорози галка, по дорози чорна;
 Подывися, вороне, яка я моторна!—

*

Пани моя, пани моя, пани влюбленая,
 Неревнывая моя, неосудывая!
 Моя душечко, моя крышечко,
 Мое серденько, моя пыточко!
 Моя, моя, моя, моя, моя ласковая,
 Моя, моя, моя, моя, моя вижлывая!
 Моя панночко, моя дивочко,
 Моя непорочная билозирочко!
 Моя голубочко, моя горлычко,
 Моя райская моя пташечко!
 Моя луна богатая, пресвитлее соньце!
 Просвиты, проглянь на мене в небесне виконьце!
 Моя красовыта, моя сановыта,
 Моя слава вельможная и честь именьта!

*

Глянь на мене, серденько: чи я так моторный,
 Як той казав ворин та галочци чорный?„

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

СВАДЕБНЫЯ.

(ВЕСИЛЬНИ.)

Суботин.

На сватаньи, змовынах и заручынах.

Котори заможеньки трохы, роблять заручыны, псля змовы на завтра, а инши и вмисти роблять, заручыны и змовыны. Молодый несе чоботы да шість кнышив, а вона йому дасть чоботы и хлѣб, уже як од винця прийдуть. Да то на заручынах прышывають и квитку червону до шапки молодому. А ще поперид, його за столом посадять, а вона за дверьма з дивчатамы стоить; да тогда иде до його, а чарка стоить на тарильци повна и перстень в чарци. То вона через стил и подасть йому; вин выпьє и перстень надине. (Радомысль). *Примѣч. пѣвицы.*

Вчора, з вечора, та порошенька пала,

А о-пивночи, куночка походила,

А к билому свиту старосты на слид нагодылыся.

Вылай, не вылай, чорная куночка,

А уже-ж од того не ввыляты!

Вылай, не вылай, молодая дивочка.

Выляй, не выляй, по рушнычку давай,
 Старостам по рушнычку, молодому хусточку!
 А вже-ж тобі од того да не ввыляты,
 Щоб старостам рушнычки не подаваты:
 Ой перви прыйшлы, вона тым одказала,
 А других почаствовала,
 А треті прыйшлы, тым рушнычки дала.

(Острожок.)

* *
*

Сватало Марусю да трое сватив:
 Первыи сваты — під синьмы киньмы.
 А други сваты в синечкы ввійшы,
 А третіи сваты в свитлоньку ввійшы.
 Під синьмы киньмы — хусточку дала,
 А що в синьчках — перснечок дала;
 А що в свитлонци — сама молода!

(Остер.)

* *
*

Красна, ясна калына у лузи;
 А красній, ясній Маруся у матки.
 Прыслалося к йой да трое сватив:
 Первыи сваты да по заворитю,
 А други сваты з киньмы під синьмы.
 А третіи сваты — там кубочка стане...

(Чернигов.)

* *
*

Змовлена Марусенька
 Положыла билу руку на заруку:
 „Била-ж моя рученька, що у батенька!
 4 Чы буде биленька у свекорка?

Ой як будеш, Марусенько, смирененька,
 Буде твоя рученька що-день биленька,
 А як будеш вельмы упряма,
 Буде твоя головка що-дець п'яна!..

(Чернигов.)

*

4 „Як піду до свекорка, не буде така!„

— Як будеш покорниша,
 Буде твоя ручка ще билиша;
 А як будеш вельмы непокорна,
 Буде твоя ручка що-день чорна.

(Остер.)

* *

— Чого ты, Марусенько, у сад не ходыш,
 Ой чому ты руты — м'яты не полеш? —
 „Тепер мыш, дивочки, не до руты,
 Що зв'язали из Юрасем били руки!
 Била моя рученька, да у батенька,
 Чы буде билиша у свекорка?„
 — Чы буде смирниша Маруся у свекорка? —

(Чернигов.)

* *

Ой піду я по-тыхеньку,
 По два двори та мынаючы,
 До третього прыхожаючы;
 Ой стану я, та послухаю,
 Та що люды говорять.
 Аж люды говорять:
 Мого свекорка судять,
 А батенька хвалять . . .

Ой дивніи та вы мыни люды !
 Чому мыни давно не сказали,
 Та як рушнычкив не брала,
 Та як мене не змовлялы,
 Та як ручок не прыбывалы?
 А тепер мене та измовылы,
 И рушнычки побрала, —
 Та й ручки прыбылы.

(Острогжск.)

* *
*

Та колы-б я знала, колы-б відала,
 Що засватана буду;
 То мыла-б я стины, щоб булы били,
 Билою рокытою,
 Та терла-б я лавкы, щоб булы глადки,
 Та зеленою рокытою:
 Все для свекорка, та для старенького,
 Та для прыїздоньку його.
 Та колы-б я знала, колы-б відала,
 Що засватана буду;
 То мыла-б я стины, щоб булы били,
 Билою рокытою,
 Та терла-б я лавкы, щоб булы гладки,
 Та зеленою рокытою:
 Все для свекрухы, та для старенькои,
 Та для прыїздоньку іп.

(Острогжск.)

* *
*

— Чом ты, Марусю, не одказала
 Ище вчора из вечера? —

„Ой я думала, мой подруженьки.
 Та що батенько одбаже:
 А мій батенько, та як голубонько,
 Все мною молодою
 Та рушныкы крае,
 Старостам дае, —
 Вин мене заручае.,,

(Острогожск.)

* *
*

Ой на мори та на камени
 Пымо воду та два соколы;
 Напывшыся, говорылы:
 Летим, братця, на заручыны!
 Там Маруся заручається,
 Од батенька одлучається,
 До свекорка прылучається.

(Овруч.)

* *
*

Заручена Марусенька!
 Підпірай ты сины новын,
 Да подай Юрасю водыци:
 Що твоя водыця солодка,
 Солодїй за меду, за вына, —
 Колы-б моя Маруся здорова була!
 Здорова, здорова, як вода,
 А богата, богата, як земля!

(Шклов.)

* *
*

Як дружкы ходять з молододою по селу запрошувать на
веспілья.

Щасливая година настала,
Маруся по родыну послала:
Идуть сестрычки и браты
Марусю за-миж отдаты.

(Луби.)

* * *

Ой Гордій, Гордій, Гордію,
Не дзвоны рано в неділю!
Задзвоны рано в суботу,
Потеряй дивочкам роботу:
Нехай дивочки не прядуть,
Нехай Маруси вильце вьють —
З хрещатого барвинку,
З запашного васильку,
З червоной калыны —
Для молодой княгыни.

(Луби.)

* * *

Ой на мори, та на камени,
Сыне море порозшералось . . .
Там Маруся да потопала
И ратунку бажала:
Ратуй мене, мій батеньку, ратуй,
Не дай мыни да й загнути,
Краси в мори да й утонуты!
Мій батенько та до бережечка,
Нема човна а ни веселечка.

Потім так до матери співають и до молодого:

А молодой Юрко та до бережечка,
Знайшов човна и веселечко —
Выратував Марусю — сердечко.

(Овруч.)

* *
*

Сироти так співають:

- 1 Плывы, плывы, селезеню, тыхо по води;
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку, тепер ик мини.
— Ох рад-бы я, дытя мое, прыбуты к тоби;
- 4 Да насыпано сырон земли на руки мои!
Склепымыся кари очи й устонька мой,—
Не дам тоби порадонькы, бидній сироти . . .
- 7 Ой клакяйся, дытя мое, усій родыни:
Чы не дасть тоби порадонькы, бидній сиротыни! . . .

(Конотоп.)

*

- 1 Плывы, плывы, селезеню, тыхо по води;
Прыбудь, прыбудь, моя маты, тепер ик мыни!
- 4 — Насыпано сырон земли на груди мои:
Не дам тоби порадонькы, бидній сироти!
Склепымыся чорни очи на вси нocy;
Запеклыся уста кровью, не промовлю! . . .

(Чернигов.)

*

- 1 Десь плавала сира утка тыхо по води.
Прыбудь, прыбудь, мій батеньку, тепер ик мени:
Ой дай мени порадоньку, бидній сироти!
- 7 Поклоняся, дытя мое, чужій чужыни, —
Нехай дадут порадонькы бидній сироти.

„Да не раз, не два, мій батеньку, поклонюся, —
И дрибными слізюньками обильюся! . . .”

(Золотонош.)

*

9 Кланялась, мій батеньку, не раз и не три, —
Нихто не дасть порадонькы, такои, як ты!
Що чужая родынонька не посмила;
А ридная родынонька не схотила!

(Хорол.)

* *
*

Суботонька на недиленьку пійшла,
Маруся у шевліенку зайшла.

Хто мене в шевлієньци знайде,
То тому-ж я, молода, та й достануся.

Пишов батенько — не найшов,
Вырвав квіточку, та й пишов.

Суботонька на недиленьку пійшла,
Маруся у шевліенку зайшла.

Ой хто-ж мене в шевлієньци найде,
То тому-ж я, молода, та й достануся.

Пишла-ж їи матинка — не найшла,
Та вырвала квіточку, та й пишла.

Суботонька на недиленьку пійшла,
Маруся у шевліенку зайшла.

Ой хто-ж мене в шевлієньци знайде,
То тому-ж я, молода, та й достануся.

18 Прийшов к їй Юрасько, та й найшов,
Взяв за рученьку, та й пійшов.

(Острогожск.)

*

- 1 Из суботонькы в неділю,
 Пішла Маруся в шевлію ;
 Хто-ж мене в шевліи знайде,
 То того-ж бо я буду !
- 19 Я-ж тебе, молодую, в шевліи знайшов,
 И мой-ж бо ты будеш !

(Овруч.)

* *
*

Да ты душечко наша, Марусе !
 Выйды, матинко, протыв нас;
 Поглянь, матинко, по всіх нас:
 Краща Маруся вид всіх нас !

(Гадяч.)

* *
*

Да ты душечко наша, Марусе !
 Не пизнала маты
 Та свого дытаты, —
 Помиж мыленькымы
 Та за дрибненькымы,
 Карымы оченькамы
 Та за слизонькамы,
 Помиж дружечкамы
 Та за слизочкамы !

(Га дятч.)

* *
*

Обмитайте дворы,
 Застылайте столы,
 Сповняйце кубочки —

От ідуць дружечкы:
Сповняйце повненькы —
От уже близенькы!

(Галля.)

* *
*

Риж, маты, кытайкы,
Застылай столы и лавкы,
Бо ідуць дружкы — панянкы.
Ой матинко, утко,
Уывайся хутко,
Бо вже мы ся увывалы
И все село звойовалы.

(Васильков.)

* *
*

Як вильце вьють.

Вильце — велька галузка (витка), як литом — з яблуні, грушы, або з очеремхы, а зимою з сосны; и до кажног галузкы (пагона) прывязуюць барвінок, калыну и разня квиткы зимовыя, яки хто мае, ниткамы й цвितнымы шовкамы прывязуюць. Побладуць ццлого хліба бухынку резового серед стола и тую витку закладають в хліб; а в-горі забытый цвяшок и прывязаный верлок гильця, щоб не впаў часом, як навшпають багацько, бо він так убраный, що не значно й лыстыя, сами цвнты. И трохы не ццле весілья экончыцца з ным; так и стоить, рясне да хороше. (Овруч).
Примльч. Пьшицы.

Благословы, Боже, се гильце звыть
И молодого звесельть!

(Хорол.)

* *
*

Знаты Марусю, знаты,
 Що не ридная маты;
 Выйшла з сорома з хаты.
 Щоб горилки не даты.

(Овруч.)

* *

Як клыгали нас вилець выты,
 То казали мед — выно пыты . . .
 А воны нас пиддурылы,
 Та водою напоимы.

(Овруч.)

* *

Як мы вилце вылы,
 То горилки не пылы:
 Ходим до крыныци
 Напьемось водици!

(Овруч.)

* *

Не йдить, молодыци,
 До нас вилець выты:
 Зовьемо мы самы,
 З скрыпкамы, з цымбаламы.
 З молодымы боярамы.

(Овруч.)

* *

Коло свитлонькы, коло новои, та рано!

Коло свитлонькы, коло новои, та ранесенько!

Там соловейко облитае, у свитлоньку заглядае, та рано, рано!

У свитлоньку заглядае, та ранесенько!

Там галочки гнзедчко вьють, та рано, рано!
 Там галочки гнзедчко вьють, та ранесенько!
 Выйте, галочки, соби й мыни, та рано, рано!
 Выйте, галочки, соби й мыни, та ранесенько!
 Соби звыйте з руты, з мьяты, та рано, рано!
 Мыни звыйте з пирьячка, та ранесенько!

Коло свитлонькы, коло новои, та рано, рано!
 Коло свитлонькы, коло новои, та ранесенько!
 Там Маруся обѣжжае, та рано, рано!
 Там Маруся обѣжжае, та ранесенько!
 В оконечка заглядае, та рано, рано!
 В оконечка заглядае, та ранесенько!
 Там дивочки вилечко вьють, та рано, рано!
 Там дивочки вилечко вьють, та ранесенько!
 Выйте, дивочки, соби й мыни, та рано, рано!
 Выйте, дивочки, соби й мыни та ранесенько!
 Соби звыйте з руты, з мьяты, та рано, рано!
 Мыни звыйте з барвиночку, та ранесенько!

(Овруч.)

* *
* *

Колы-б я знала, колы-б я відала,
 Що елечко буде,
 То-б я послала свого батенька
 Та в луг по калыну.
 Да батенько пійшов, калыны не найшов,
 Без калыны прыйшов:
 Да стоить, донечко, калына в долини,
 Сыльная зелена;
 И впер не віе, сонце не гріе.
 Калына не зріе.

То ж сливають матери, брату и сестри, а там вже:

Колы-б я знала, колы-б я видала,
 Що елечко буде,
 То-б я послала свого мылого Юрася
 Да у луг по калыну.
 Та Юрасык пійшов, калыну найшов
 Сыльную червону:
 И втер віє. и сонце гріє.
 И калына зріє!

(Чернигов.)

* *
 *

Як мы Маруси вильце вылы,
 То вси лужечкы виходымы, —
 3 Червону калыну выламалы:
 Тагы мы Маруси вильце звылы!

(Лубн.)

*

3 Зеленый барвинок вытопталы. . . .

(Хорол.)

* *
 *

Уже лужечкы, бережечкы вода поняла;
 Молодую Марусю журьба обняла.
 Молоденькый Юрочко музыки найма,
 Молоденькій Мани тугу розважа.
 Молоденька Маня все плаче, рыда:
 „Не плач, не плач, Марусю, — тепер ты моя!“,
 Чы мы-ж тоби, Марусенько, не казалы,
 Чы мы твого серденьтка не втишалы?
 Не йды, не йды, да до броду по воду;
 Та не слухай голубонькив, де рано гудуть:

Воны твое дивованья в поле занесуть!

Воны тебе молодую да израдать,—

Од батенька до свекорка переманять,

Из дивчины в молодыцю нарядять!

(Золотонош..)

* *
* *

Ой куды-ж ты, Марусю, походыла,

Що ты соби Юрасенька полюбыла?

Ой ходыла, подруженькы, з гир на подил;

Тым я його полюбыла, що судывся мій.

Да кому-ж ты, Марусю, кланяешся з-тыхенька,

Що у тебе да матинка неридненька?

Есть у поли да бымына зелененька,

Й а в Маруси та матинка неридненька . . .

Я чужій чужыни клонюся,

А своєї матуси не дождуся!

(Золотонош.)

* *
* *

А в виру, в вирочку,

На жовтим писочку.

Щука рыба гра,

Золоте пиро втеря.

Играй, не грай, бобре,—

Звымы вилечко добре!

(Чернигов.)

* *
* *

Да не самы мы елечко вылы:

Звымы елечко два донци,

Да й поставымы на столыци.

(Чернигов.)

* *
* *

Ой чы есть ясный мисяць на зори,
 Ой чы есть господарь на двори,
 Чы выкупить елечко на столи?
 Щоб наш коровай ясен був,
 Щоб наш молодой красен був!

(Черингов.)

* *
* ***Як винки вьють.**

Прийде вже молода в-вечери з дружками, в плахах, у корсетах, кажна убереться так гарно. Пиде старша дружка, выруба вильце з вышни, здилають його в бумагу, у цинь, в колоскы з жыта, в калыну, барвинок; а то все на вильце, — так врасять його! Як изроблять вильце коло порога, то на хатньому порози благословляться: «Старосты — пани-старосты!» — Рады, слушаем! — «Благословить се вильце в весильный-дом унести!» А воны: «трычи разом благословимо!» и прясать на дружку, да бють ципком у дверя навхрест трычи. Внесуть вильце, — поставлять на столи у хлеб у жытній. Дружки посадають за стил, а молода перед столом стоить. Молода поклоньтсья трычи дружкам, а старша дружка ий. Молода нахылтсья на стил, одшпылыть старша дружка винкы в неи, перериже на двое, и повеють уже на дви шпылыкы, щоб було уже два винкы, и прышпылять упять молодій, у ленту, у стричку на голови до правого боку. (Луби.) *Примльч. пьвицы.*

Благословы, Боже,
 Пречыстая згоже —
 3 Сін винчочкы звыты,
 Сей дом звеселыты!

(Луба.)

*

3 И отець, и маты —
 Виночки пошыты,
 Сей дом звеселыты!

(Лубн.)

* *
*

1 Пусты мене, мій батеньку, на гору тую:
 Нехай же я на тій гори погуляю,
 И цвितочку на квиточку нащипаю,
 Хвіялочок на виночок назрываю:
 — На що-ж тобі, дытя мое, сей сыненкій цвит,
 Що вже тобі, дытя мое, зав'язаний свит! . .

(Гадяч.)

*

1 Ой на гори полуцвитки процвітають,
 Ни одной дольноньки не мьняють;
 Дочка в батенька прохалася:
 Ой пиду-ж я, мій батеньку,
 На круту гору погуляю
 И квиточок назрываю . . .

(Гадяч.)

* *
*

Ходыла дивочка по полю,
 Звыла собі виночок з коколю.
 Носы, носы, дытя мое,
 Сей виночок да до вечора;
 Увечери дружкам оддасы:
 Воны твій виночок розивьють,
 Воны тобі, дытя мое, жалю завдадут!

(Чернигов.)

* *
*

Марусенька сыриточка, а Юрасько пан;
 Було-б тоби да шукаты такои, як сам . . .
 Ой выиздыв всю Краинну, увесь билый свит,
 Да не найшов такои, як Маруся цвпт!

(Чернигов.)

*

На гори хвіялочка зелененька,
 Туда ишла Марусенька молоденька,
 А за нею Юрасенько из-тыхенька:
 Вернись, вернись, Марусенько, уже-ж ты моя!
 Вона стала — одгадала: ще-ж я не твоя!
 Ще я в батька паняночка, а ты в свого пан;
 Шукай соби паняночки, такои, як сам!
 „Изъиздыв я, Марусенько, усн города,
 Та не найшов такои, як ты молода.“

(Лубн.)

* *

Ой ходыла Марусенька по новим двору,
 Ой сіяла вынни квити из прыполу,
 А просыла батенька прозьбою:
 Ой зачынай, мій батеньку, новий двир,
 Ой не пускай, мій батеньку, боярив у двир;
 Бо вытопчуть вынни квити копытамы
 И вынесуть за ворота пидковкамы.
 „Ой не жалуй, дытя мое, да вынних квит,
 Ой пожалуй, дытя мое, молодых лит!
 Ище-ж твои вынни квити изростуться —
 Батьковыи роскошеньки помынутья;
 Помынутья, дытя мое, так як бачеш,
 Не раз, не два, дытя мое, та й заплачеш!

(Овруч.)

*

Да ходыла Марусенька по городу,
 Да садыла сад — виноград из прыполу,
 Да забула воритечок зачыныты,
 Да мусыла свого пан-отченька попросыты:
 Ой зачыны, мій батеньку, воритечка,
 Поки прыйде Юрасько з боярмы,
 Да вытопче сад — виноград чоботамы.,,
 — Ой не жалуй, донько моя, сых вынновых квит,
 Да пожалуй, моя доньку, молоденьких лит:
 Сіи дві квіточкы да зростуться,
 Твои вси роскоши да мнуться. —
 „Да мынаються роскошенькы, сама бачу,
 Не раз, не два по роскошах та заплачу!,,

(Радомысль.)

* * *

Да ходыла Марусенька по свитлоньци,
 Да носыла мед — выно у скляноньци,
 Частовала отця — неньку и всих у-поряд.
 — Исправ мини, пан-отченьку, весь панській наряд:
 Да зеленую суконечку по земельку,
 Щырозлотній поясочок на станочок,
 Червоніи черевычкы на нижечкы. —
 „Да нащо-ж тобі, доньку, зеленои сукни?
 Да як буде да твій мылий да ривныый,
 То зеленее суконечко излежыться,
 Щырозлотній поясочок иржа перейсь,
 Червони черевычкы изосхнуться,
 Уси твои роскоши мнуться!,,

(Золотонош.)

Ходыла Марусенька по комнати,
 Будыла пан-отченька з кровати:
 Да устань, устань, пан-отченьку, годи тобі спать!
 Да исправ минни, пан-отченьку, дорогой наряд:
 Да шовковее сукенечко аж по земли,
 Щырозлитній поясочок на станочок,
 Червоніи черевычки на нижечки!—
 Да на що-ж тобі, дытя мое, дорогой наряд,
 Як буде твій мылий наровлывий?
 Дорогіи сукенечки излежаться,
 Щырозлитній поясочок поломнеться,
 Червоніи черевычки пылом прыпадутъ,
 Тилько тобі, дытя мое, жалю завдадутъ!

(Радомысль.)

* *

Прийхав Юрочко до Маруси в гости,
 Та й сив билия неи, та й дывыться на неи:
 Чы такая сукня у неи, як у мене молоденького?
 Щоб не було та поругоньки од батенька та ридненького,
 Од свекорка та старенького,
 Од матинки та ридненькой,
 Од свекрухы та старенькой.

(Галлч.)

* *

Ой у саду, у садочку, да на зеленій рути,
 Плакала там да Марусенька, да виночки вьючы.
 Да зачув Юрась да по кони йдучы:
 „Да чого ты, Марусенько, слизненько плачеш?„
 — Ой як-же мыни да й не плакаты,
 Що у тебе молодой да родыны много,

А у мене молодон да дары немного. —
 Ой я татка упрошу, да родыны уменшу,
 А мамочки упрошу, да дары приболшу,
 Таки тебе, да Марусенько, за себе возьму!

(Чернигов.)

* *
*

Гей из синечок, гей двое дверечок,
 Гей в вышньовый садочок;
 А у садочку два васыльочки —
 Которого ущыпне, пахне.
 А у Маруси аж два виночки —
 Который возьме, плаче.
 „Ой не дай мене, ты-ж мій батеньку,
 Хоть сей рочок од себе:

Та нехай похожу, нехай повьялю
 Сых два виночки у тебе „,
 Ой есть у мене, доненько моя,
 Ще меншая од тебе;
 То та походить, то та повьялять
 Сых два виночки у мене.

(Васильков.)

* *
*

Ой из синечок двое дверечок;
 Там Маруся овесець брала,
 Голубонькив годовала:
 „Да гудить, голубы, куйте зозули,
 Щебечить соловейки!
 Да задайте тугу темному лугу
 И моему пан-отченьку.
 Що вин мене дае, свит мени завязуе

Червоною да кытайкою, чорною да нагайкою!,
 Я-ж тебе, доненько, даю, —
 Я-ж тоби даю, што в доми маю,
 А доленьки не вгадаю
 Да просы, доненько, Господа Бога,
 Щоб щаслыва доля!

(Золотонош.)

* *
*

Ой йхалы бояре горою,
 Да клыкалы Марусю з собою:
 „Ходы, ходы, Марусю, из намы,
 Дамо тоби виночок з перламы.,,
 — А я того виночка не зношу:
 Полюбыла Юрасенька, як душу.

(Радомысль.)

* *
*

Через сины садочок;
 Вылы Маруси виночок,
 Та й покотылы по столи,
 По квитчастому скатертю:
 Та прыймы, батеньку, виночок,
 Из ярои руты сердечко¹.
 Не прыйму, доненько, не прыйму,
 З жалю ручечок не здйму,
 За слизонькамы не бачу;
 Есть у тебе, доненько Марусю, служечка,
 Старшая дружечка:

(¹) Значыць, верхокъ из ярои руты. *Примѣч. пльвицы.*

Вона встане и гляне,
Вона и привытать,
И на здоров'є спытать.

(Дуби.)

* *
*

На посади молодій, въ субботу.

Ой чому, чому, в сим новим дому
Так рано засвичено?
То-ж молодая Марьечка
В свого батенька благословеньня просыть:
— Благословы-ж мене, та мій батеньку,
На сим посади сныты! —
„Ой сидай ты, моя доненько,
З усима святымы,
З дружечкамы молодымы!„

(Хорол.)

* *
*

Ой идé Маруся на посад,
Зострича іи Господь сам —
Ой из долею щасльвою,
Из доброю годиною!

(Хорол.)

* *
*

Ой хто-ж тобі, Марусю,
 Сей хорошенький посад дав ?
 Ой дав мыни Господь Бог,
 И мій батенько старенький,
 И моя ненька риденька!

(Острогжск.)

* * *

(Тій шо без матери.)

Да хыба в тебе, Марусю, да родыночку нема ?
 Никому стоять поконець стола,
 Никому прохать Господа Бога,
 Щоб добрая доля ?
 Е в мене батенько, буде стояты, буде прохаты,
 Щоб добрая доля.

(Чернигов.)

* * *

Чорна галочка на рокыти сыдила:
 Хотила-ж вона рокыту поламаты;
 Вона-ж ии не зломыла,
 Тилько вершок схымыла.

Молодая Маруся на посад сила:
 Хотила батенька звеселыты;
 Вона-ж його не звеселыла,
 Тилько гирше засмутыла.

(Звенигород.)

* * *

Та израдується, извеселыться

 Що посадыла, постановыла

Янголя в виногради,
 Та й обсадила, обстановила
 Округы хмарочкамы,
 Повными зирочкамы.

Та зрагується, звеселиться
 Марусына матинка,
 Що посадила Марусеньку на посади,
 11 Та й обсадила, обстановила
 Округы дружечкамы,
 Повными зирочкамы.

(Гадяч.)

*

11 Та й обсадила молодими дружечкамы
 Й обстановила повними кубочкамы.

(Гадяч.)

* *

Да колы-б я знала, да колы-б відала,
 Що засватана буду—
 Да не кувала-б я, да не золотыла
 Золотого перстенечка;
 Да покувала-б я, да позолотыла
 Золотіи крылечка,
 Да полетила-б я, да поленула-б я,
 У чужую сторононьку,
 Да роснытуючы, да розвидуючы
 Чужою сторононьку,
 Да не так сторони, да не так чужою,
 Як чужого батенька:

Да чы вшн же добрый, да чы добровильный,
Да чы такой, як мій ридный! . .

Що у мого батька да усюды горы,
Да гуляты до-воли.

А у свекорка да усюды ривно,
Да гуляты неவில்но.

Ой у городи крыныченька одна,
Да вырынае холодная вода.

Там дивчынонька били руки мыла,
З батеньком говорыла:

Ты-ж мій батеньку,

Ты-ж мій ридненькій,

Да ты-ж мій повильненькій свиту!

Да куды я пиду, я й забарюся,

Видтіль идú, да й не боюся!

А в горóди крыныченька одна,
Вырынае холодная вода.

Там дивчына били руки мыла,

З свекорком говорыла:

Ты-ж мій свекорку,

Ты-ж мій батеньку,

Ты-ж мій неவில்ный свиту!

Да куды я пиду, да й не барюся

Видтіль йду, та я й тебе боюся!

(Конотоп.)

*

Да колы-б я знала, да колы-б я відала,

Що заручена буду,

То-б я не робыла и не ковала

Золотого перснечка.

То-б поробыла, та я-б поковала

Золотіи крылечка.

Та я-б полетела в чужу сторононьку,

Та я-б розвідала, розгледила чужою сторононьку,

Да не так сторононьку, як чужого пан-отченька:

Да чы вин гризний, да чы вин негризний,

Да чы вин та такой, як мій ридный?

Хоч гризний, хоч негризний,

Да не такой, як мій ридный!

Що в свекорка всюды ривно, да гуляты невильно,

А у мого хоч и горы, да гуляты до-воли:

Да куды пйду, хоч забарюся, да не боюся, —

У свекорка хоч и не барюся, а боюся.

(Золотонош.)

*

Ой за снъмы, снъмы,

В зеленому зильли

Рублена крыныченька.

Там Маруся рученькы мыла,

З батеньком говорыла:

„Батеньку цвите, рожевый квите,

Мій прокльмьненкій свите!

Я гуляты идú—не пытаюся,

Забарюся—не боюся;

Я в воритечка, ты в виконечно:

Аж идé моя донечка!

За снъмы, снъмы,

В зеленому зильли

Рублена крыныченька.

Там Маруся рученькы мыла,

Из Юрасем говорыла:

„Юрасю цвите, рожевы́й квите,

Мій завязаны́й 'свите !

Я гулять идú да й пытаюся,

Забарюся, до т́ боюся;

Я в воритечта, ты в виконечко:

Нагайка на колочку !„

(Овруч.)

* *
*

1 Плавле утенья, плавле сирее

Коло лыпы, коло кореня;

Ой боіться—ж воно да лютой зимы,

Да холодной воды.

Не бійсь, утюнко, да не бійсь сирая !

Зимонька да не лютая;

Ой хоч лютая, хоч нелютая,

Не буде такая як лито було:

Що не будуть та садочки зелениты,

Тилько будуть снижечкы билиты.

Плаче Марусенька у свитлыци,

Прыхылившы головонку ик скамници.

Ой щож вона та плачучы говорила?

14 Що не буде такой свекорко, як батенько бувъ!

Ой не плач, Марусю, да не бійся,

Свекорко да негризенький.

Ой хоч гризенький, хоч негрозенький,

Да не буде як риденький !

(Остер.)

*

1 Ковала зозуленька в садочку,

Прыхылившы головонку ик лысточку;

Ой що-ж вона та куючы говорила?
 Що не буде така зима, як лито було . . .

14 Що не буде так у свекра, як у батька було!
 Що не будуть та гуляты посылаты:
 Бижы, бижы, дытя мое, не барыся,—
 На синечпому порози заверныся!

(Остер.)

*

Сироти:

Пошлю сокола да powyще неба—
 Мыни батенька треба!
 Чорну галочку на Украиньчку—
 По свою всю родыночку:
 Ни сокола з саду, ни батенька з раю,
 Ни родыны з Украйны!
 Ще соколонько не долитае,
 А батенько на догад знае:
 Ох и рад-же-б я, дытя мое,
 До тебе встаты, тоби порядок даты.
 Да сырая земля двери залегла.
 Оконечка заклепыла!

(Остер.)

*

Сироти:

Знаты дивочку по веселійку,
 Що убогая сырточка—
 Двир іи вельк, собор невельк¹,
 Не вся іи родыночка.

(¹) Хотя велький двир. невелький збир.

(Глухов.)

Шлю зозуличку на Вкрайночку
 По свою родыночку,
 Шлю соловейка маленького
 Та по свого батенька ридненького.
 Ни соловейка з чужою сторононьки,
 Ни моего батенька з сырою земельки . . .
 Ой рад бы я встаты к своему дытаты
 Та порадочку дати:
 Сырая земля двери залегла,
 Виконця зослоныла;
 Жовтый писочок залиг носочок,
 Нельзя продохнуты! . .

(Шклов.)

*

Що летять галочки ряд по рядочку ¹,
 Зозуленька по-передочку.
 Та вси галочки на гильи силы ²,
 Зозуля на калыни.
 Уси галочки защебетали,
 Зозуленька закувала.
 7 Вишы дружечки ряд по рядочку,
 Марусенька по передочку;
 Уси дружечки за столом силы ³,
 Марусенька на посади.
 Да вси дружечки писенькы спивають,
 Марусенька слыно рыдае ⁴.

(¹) У два рядочки . . . у тры рядочки . . .

(²) На осычки . . . по дугах . . .

(³) За стил . . . на лавоньци . . .

(⁴) Уси дружечки та й заспывали, Марусенька заплакала . . .

Вси дружечки спивають писечкы, Маруся заплакала . . .

Ой чого ты плачеш, чого жалкуеш,
Марусенько молодая?

Ой чы жалко тоби батенька свого,
Чы подвирьечка його?

Не жаль же мыни батенька свого,
Ни подвирьечка його —

19 Як жаль мыни русои косы
И дивоцькои красы!

(Чернигов.)

*

7 Ой чого куеш, чого жалуеш:

Чы гиркои та калыноньки?

Я не того кую, що дуже жалую

Та гиркои калыны,

11 А того я кую, що вид вас одстаю,

Мои чорни галочки!

19 Ой тяжко жаль мыни русои своей косы,

Красоты дивоцькои!

Бо дивкы гуляють — знай кискамы мають,

22 А мене вже не прймають! . . .

(Черномор.)

*

11 Ой жаль мыни раннього куванья

И пизьнього литанья,

Що я рано встаю

И раненько кую . . .

*

23 А хоть же приймуть и прыгорнуть,

Так правды не скажутъ:

Ой пиды, пиды, ты заручена,

Ты од нас одлучена;

Ой пиды, пиды, ты повинчана, —
Ты-ж од нас одмичена!

(Хорол.)

*

7 Да чого-ж ты куеш, да чого жалуеш,
Сывая зозуленька?
Да чы жаль тоби темного лугу,
Чы червоной калыны?
Ой не жаль мыни темного лугу,
Ни червоной калыны —
Тилько жаль мыни куваньнечка
И раннього вставаньнечка:
Я рано кую, я рано кую,
На калыни ночую . . .

(Радомысль.)

*

11 А жаль же мени да тін туполи,
Що на чыстому поли,
Да де я летаю, да де я буваю —
На туполи спочываю;
А тепер истято и гилья забрато:
Нигде систы да й одпочыты . . .

23 Ой хоть же прыймутъ, ой хоть не прыймутъ, —
Да не скажутъ, що самы знаютъ!

(Чернигов.)

* *

Виддаеш мене, мій батеньку,
Та й сам знаеш,
Що не раз, не два ты за мною
Та й заплачеш!

Як вышенькы, черешенькы
 Та цвистымуць,
 Як дивочки та виночки
 Та плестымуць,
 Мымо твоих воритечок
 Та нестымуць,
 Та не будуть та до хаты
 Прывертаты,
 Та не будуть та кватырочки
 Видсуваты,
 Та не будуть та Маруси
 Выклякаты !

(Котоп.)

* *

Сироти:

Зеленая та дибривонько !
 Чого в тебе та борив много,
 Зеленого та ни одного,
 Пароста ни од одного ?
 Молодая та дивчынонько !
 Чого в тебе та батькив много,
 А ридного та ни одного,
 Порадонькы ни од одного ?
 Усе тін, що пыты, гуляты,
 Та нікому порадонькы даты;
 Усе тін що напытыся,
 Та нікому зажурытыся !

(Котоп.)

*

Зелена дубривонько!
 Чого в тебе пеньку много,
 Зеленого да ни г'одного,
 Порастоньки ни од одного?
 Молодая Марусенька!
 Чому в тебе батькив много,
 Що ридного да ни г'одного,
 Порадоньки ни од одного?
 Колы-б мини мій батенько,
 Вся моя порадонька!

(Чернигов.)

* *
*

„Ой татоньку, мій голубоньку!
 Десь я тобі та докучыла
 По твоему двору ходячы,
 Кискою маючы,
 Твій двор вельчаючы!„
 — Да донечку Марусенько!
 Ты-ж мини не докучыла;
 Да докучылы-ж мини
 Частыи да сваты твои . . .
 Що з вечора не дають спаты,
 А до свита не йдуть з хаты!

(Радомысль.)

* *
*

Не стій, сосно, розвивайся!
 Извий, сосно, симсот квіток и чотыри,
 Усим буяром по квітци,
 Нашому Юрасечку квіточкы не стало:
 Есть у нього квітка,
 Марусенька дивка.

(Звенигородк.)

* *
*

Дивин вечер зряжений,
 Та дивит-вечер !
 Да рано, рано, да ранесенько !
 Да на тры стины камъяны,
 А на четверту золотую;
 Да рано, рано, да ранесенько !
 А на тій стини макивочка,
 А на макивочки ластивочка;
 Да рано, рано, да ранесенько !
 Да вывела диткы-однолиткы;
 Да рано, рано, да ранесенько !
 Шо перве дытятко—молодый Юрочко,
 А друге дытятко—молада Маруся.
 Да рано, рано, да ранесенько !

(Золотонош.)

* *
*

Зеленая явирыночка !
 Чом ты мала невеличечка ?
 Чы ты росту не велького ?
 Чы коринья не глыбокого ?
 Чы ты лысту не шырокого ?
 Я й росту высокого,
 Я й коринья глыбокого,
 Я й лысту шырокого.

Молодая Марусечко !
 Чом ты мала невеличечка ?
 Чы ты роду не велького ?
 Чы ты батька не багатаго ?
 Чы ты матки не розумной ?
 Я и роду велького,

Я и батька багатого,
Я и матки розумной!

(Шклов., Овруч.)

* *
*

Плыве утинка з утенятами на море почуваты,
А за ею, ею сыв селезень у плавки уплыває:

Пожды, утинко, пожды, сирая,

Я скажу тобі висть!

Був я на мори,

Чув поговори

На тебе, сира утко!

Там плетуть ситки

На твои дитки,

На тебе, сира утко!

„Нехай плетуть, переплитують —

Я того не боюся:

Диточки пурнуть,

Ситочки порвуть.

Я стара перелечу.,,

Ишла Маруся из дивочкамы на гору погуляты,
А за ею, ею молодой Юронько у слидки уступае:

Пожды, Марусю, пожды, дивочко,

Я скажу тобі висть!

Був я на мисти,

Чув я тры висти

На тебе молоденьку;

24 Там шують швачки

Чепци скидачки

На твою головоньку.

„Нехай же шують, шовком гафтують. —

Я-ж того не боюся:
 А з недиленьки на понедилоч
 Я в тее уберуся;
 Отцю й матци поклонюся,
 Свой родыни
 И вирній дружыни.,,

(Овруч.)

*

24 Крають кытаечку . . .
 Сшыють кыбалочку
 Та на твою головочку!

(Хорол.)

*

Ой як мини тых дружечок позбираты,
 Ой де мини их з-высока посажаты?
 Позбираю тых дружечок по надвирью,
 Посажая их з-высока по застилю:
 А сама сяду, молодая, що найвыще всих,
 Схылю-склоню головоньку ныжче всих,
 Та заплачу, молодая, дужче од усих!

(Хорол.)

* *

За вечерю.

Суботонька — недиленька, так як одын день,
 Сумовала Марусенька сей день увесь день.
 Ой як мини сін сумы пересумовать,
 Ой як мини свекорка батеньком назвать?
 Назвала-б я батеньком, так жаль буде;
 Назвала-б я свекорком, так быть буде.
 Суботонька — недиленька, так як одын день,

Сумовала Марусенька сей день увесь день.

Ой як мини сіп сумы пересумовать,

Ой як мини свекруху матинкою звать ?

Назвала-б матинкою, так жаль буде;

Назвала-б свекрухою, так быть буде.

Суботонька — недиленька, так як одын день,

Сумовала Марусенька сей день увесь день.

Ой як мини сіп сумы пересумовать,

Ой як мини диверка братиком назвать ?

Назвала-б я братиком, так жаль буде;

Назвала-б я диверком, так быть буде.

Суботонька — недиленька, так як одын день,

Сумовала Марусенька сей день увесь день.

Ой як мини сіп сумы пересумовать,

Ой як мини зовицю сестрыцею звать ?

Назвала-б сестрыцею, так жаль буде;

Назвала-б зовицею, так быть буде.

Суботонька — недиленька, так як одын день,

Сумовала Марусенька сей день увесь день.

Ой як мини сіп сумы пересумовать,

Ой як мини Юрасенька дружыною звать ?

Назвала-б дружыною, так жаль буде;

Назвала-б Юрасенько, так быть буде!

(Лубн.)

* *

Не стій, вербыно, розкыдайся;

Не сыды, Марусю, розмышляйся:

Чым свого свекорка называть будеш ?

Назову я свекорка ридным батеньком:

Я-ж по тому, я-ж по тому

Лыха не буду.

Не стій, вербыно, розкыдайся;
 Не сыды, Марусю, розмышляйся:
 Чим свою свекруху называть будеш?
 Назову свекруху ридною матинкою:
 Я-ж по тому, я-ж по тому
 Лыха не буду!

(Тож спивають сестри и брату).

(Шлялов.)

* *
 *

Ой ходыла дивчынонька по горóду
 Та сіяла дрибный мак из прыполу.
 Ой як мини сей дрибен мак позбираты?
 Ой як мини та свекорка называты?
 Позбираю дрибен мачок сызым голубцем,
 Назову я та свекорка ридным пац-отцем;
 Позбираю я дрибен мачок сывою голубкою,
 Назову я та свекруху ридною матинкою!

(Конотоп.)

* *
 *

Коровайнін.

Стари посылають клыкаты на коровай; идуць жинкы на коровай и мукы несуть по мысци. Вчыняць коровай, и на другый день печуть: губци вырижуть, да скотыць, да от и шышка, и так шышка до шышки кладеться; на самому дни, коржа жытнього класты,—да насыплють туды хмелю; жыта, да на тому уже й печуть; а сажають в пич из вика. Голубци з тиста зроблять, калыною постромляють очкы, и положять навхрест, и яйця цили навхрест, тилько покроме од голубцив. А лопатою як посадять коровай, у чотыри хатьніи углы стукають. (Радомысль).

Примльч. пльвицы.

Да колы мы Марьечци коровай липымы,
 До Дунаю воды ходымы;
 Да Дунай з намы говорыв:
 Не берите воды з Дунаю,
 И вашего короваю не знаю;
 Да берите воду з крыныци,
 Липить коровай з пшэныци.

(Остер.)

* * *

Ой прыйхалы подоляне з подолу,
 Ой привезлы мирку пшэныци на коровай.
 Хвалыць бо Бога, пшэнышный буде наш коровай.
 Ой прыйхалы подоляне з подолу,
 Ой привезлы мирку солы на коровай.
 Хвалыць бо Бога, солоный буде наш коровай!
 Найхалы подоляне з подолу,
 Ой привезлы копу еець на коровай.
 Хвалыць бо Бога, з яйцямы буде наш коровай!
 Прыіхалы подоляне з подолу,
 Ой привезлы свои игронькы с собою;
 Ой загадалы хорошенько играты,
 А старости з сванечкою скакаты;
 Ой найхалы подоляне з подолу,
 Ой привезлы свои игронькы с собою;
 Ой загадалы хорошенько играты,
 А парубку з дивчыною скакаты.
 „Лучче я буду крутыи горы копаты,
 Як я маю з поганым скакаты!„

(Овруч.)

* * *

До бору, бояре, до бору,
 Да рубайте сосну до-дому!
 Трощите на огни —
 Загничоваты коровай,¹
 Щоб наш коровай ясен був,
 Щоб наш увесь рид весел був.

(Остер.)

* *
* **Сироти:*

Ой де пишов Марусын батенько?
 Да нехай увійде, да нехай уступе
 У сю нову свитлоньку!
 Да нехай запалить, да нехай засвистить
 Трейчатую свичку!
 Да й стане по-конець стола,
 Щоб видно його дятяты
 Коровай бгаты.

(Чернигов.)

* *
* *

Прылетила да тетеречка,
 Прылетила да теперечка,
 Сила-пала на виконечку,
 Пытається на здоровьечко:
 „Чы тут тыи коровайнычкы,
 Що шытыи да рукавочки?
 Ой шкода им даты
 Коровай бгаты!
 Да из села да селяночка,
 А из миста мищаночка,

А-з Кыева войтовая —
То-ж наша майстровая.

(Чернигѣв.)

* *

Ой зашумила, заговорила яра пшениця у стоzi:
„Та не подобонькы мини в стоzi стояты,
Та подобонькы з мене коровай бгаты.
Хорошіи коровайнычкы,
Хорошенько коровай бгають,
Сырцем прысыпають,
В маслечко вмочають.

(Хорол.)

* *

Выйся, короваю,
Ще вышче од гаю,
Як душенька по раю,
А рыбонька по Дунаю.

(Брацлав.)

*

Пытаясь коровай перепечы:
Чы е стежка да до печы?
Ой е стежечка да маленькая —
Муравочка зелененькая;
Ой заросла да сунычным,
Зацвила поленычным¹.

(¹) Зилья таке. *Примьч. пьвицы.* Суныци — клубника, полуныци — земляника.

Примьч. Издателя.

(Остер.)

*

Пич наша регоче,
Коровая хоче;
А прыпичок усмихається,
Коровая еподивається.

(Радомысль.)

*

Кучерявый пич вымитае,
А хороший заглядае,
Бог йому помагае;
Пич на сохах,
И дижа на руках.
Поцилуйтеса, помылуйтеса,
Хто кому мыл.

(Радомысль)

*

Зрясять на вици коровай, у пич посадять из вика, дижу бьють об
стелю, та се й спивають. (*Примлч. пвещицы*):

Пич стоить на сохах,
Дижу носять на руках:
Пече, наша пече,
Спечы нам коровай изречій !

(Лубв.)

* *

Ой Бог нам дав,
Коровай наш вдавь:
Ясный, красный, —
Як мисяченько,
Як яспее соненько

(Брацлав.)

* *

Короваю-ж мій, маю,
 Я-ж тебе убираю
 Да в рожевыи квиты,
 Щоб любымыся диты.

(Радомысль.)

* *

Да богат, Юрасю, батько твій!
 Густо пшеници на новыни,
 Да высоки стоги на гумни,
 А ще вышче коровай на столи.

(Чернигов.)

* *

Пытається коровай у перепечи:
 Чы есть стежечка до клети ¹?
 Ой есть стежечка да маленькая,
 Абы наша рутонька зелененька,
 Абы наша Марусенька молоденька.

(1) Относится к древнему обычаю выносить на ночь с субботы на воскресенье коровай в комнату.

(Чернигов.)

* *

Як коровай посадять, дружкы розійдуться, прыйде молодой до тещи на *домовыны*, из музыкамы прыйдуть старосты да дружкы, чотыри чоловика з ним, за стил посадають, пытаються: скилкы брать поизду? «як будуть чоботы, черевыкы, так беры тры свитылыкы, дви свашкы, боярив пять, и старостив два, и дружкив два и визныку.» А як нема чобит и черевыкив, так поизду менше: свитылок дви, свашка одна, боярив тры; а те: визныку и старостив, и дружкив, треба, то вже не переминяться. Там же, на домовынах, домовляються: скилкы на кони брать, килкы на *винку*. Ото выпьють горилкы и пидуть до-дому. (Лубн.) *Примльч. пльвицы.*

На кони брату молодои, на винку сестри. Як за молодою вин приїде, з своим поїздом, да у двір их впустять, до брат молодои візьме ципок у його, да на их коня сїдає и поїде; йдуть його просьуть, — карбованця, як богати, дадуть йому, чарку горилки и шышку. Сперву грошы візьме — на тарилку все кыдають, все кыдають: «та берить уже, свату — нам ще велька дорога, то багацко грошей треба!» — Я на те, сваты, не соглашаюсь: я качаны крав, да свою сестру годовав, а вам за тры копійки ддам? Не ддам! — Упросьть його, вже вин оддасть ципок. А там дали, як у хату ввійдуть, молодои сестра убується в чоботы в зятеви, що матери од молодого подаровани, и стане на ослони, де бояры сьдять, воны посунуться, а вона стане. Нахылыться молада; одшпылять винок їй одын, а з молодого шапку знимуть. Сестра молодои винок прышпылять до молодого шапки и надине соби на голову. Підскакує на ослони, та й кланяється, и кланяється, молодым, а воны їй кланяються и кыдають старости гроши на тарилку; а вона шапку піднїме, та глянє, що мало грошей, та впьять скаче, та впьять скаче. Отогди вже спивають: *скаче, свистонька, скаче*. Як исповнїть, скільки там на домовынах поставлено, так вона забере, шышку візьме, и чарку горилки выпье и шапку молодому оддасть уже, а молодїй укыне грошей, за плечы треба кыдать.

(Лубн.) *Примьч. той-же пьвицы.*

Недїльни.

Як до винця и од винця йдуть або йидуть.

Сыроты.

Як будеш, Марусенько, к винцю йты,
 Не забувай молада до маткы зайты:
 Росточы нижкамы травку-муравку,
 Розмый елизкамы жовти пискы,
 Изнимы ручкамы гробови дошкы—
 Поклонься матонци нызелько у нижкы!

(Шклов.)

* *
 *

Ихала Маруся до винця,
 Да впустила до-долу гребенця:
 Да подай, Юрасю, гребенця—
 Зачесать русу косу до винця.
 Я-ж тобі, Марусю, не молодець,
 Щоб я тобі подавав гребенець.

(Чернигов.)

* *

Чы чуется кониченьки, на сылу?
 Чы пидвезете княгыню
 Да пид тую гироньку крутую,
 Да у тую церковку святую?
 А у тый церковци Святий Спас,
 Винчав диткы-однолиткы в Божій час.

(Радомысль.)

*

Ой коню, коню вороний,
 Чы берешся на сылу?
 Чы звезеш нашу княгыню,
 На тую гироньку крутую,
 У тую церковку святую?
 А у тій церковци, Святий Спас,
 Звинчай диточки в гожей час.

(Радомысль.)

* *

Отступитесь ворогы,
 Из щасливои дороги!
 Пидобьють кониченьки погы !,

А супостаты пид п'яты,
Щоб пересталы брехаты.

(1) Пид ноги.

(Чернигов.)

* *
*

Ламните роженьку,
Стеліте дороженьку
Нашому молодому
До Божого дому.

(Чернигов.)

* *
*

Пономар ключыкы ховае,
Юрась Марусю пытае:
Чы я-ж тобі, Марусенько, вельмы люб,
Що ты зо мною брала шлюб, —
Пид царськым винцем стояла,
За билую рученьку держала?
Из правої рученькы перстень зняв
Да на мою рученьку липшій дав.

(Чернигов.)

* *
*

Схымылася верба
Зверху да до кориня;
Винчалася Маруся
З ранку да до полудня.

(Радомсль.)

* *
*

Да булы-ж мы у церкви,
Молюмыся Богу, Духу Святому,

И кнѣгы читалы
И двое диток звинчалы.

(Новоград-Волыиск.)

* *
*

Не гуды, рою,
По-над головою!
То не рій гуде —
То Маруся до дому иде.

(Звенигород.)

* *
*

Стелыся, хмелю, по тыну,
А ты, золото, по йому,
Бо иде наша княгыня до дому.

(Звенигород.)

* *
*

Май мае, коса грае¹
Од винчанья пдучы.

(¹) Относится къ обычаю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расплетать косу передъ вѣнчаньемъ.

(Радомысль.)

* *
*

Не вѣй витре, дибровою,
Повѣй, витре, да дорогою —
За нашою молодою!
Розмай іи косу,²
Як литнюю росу
По червоному поясочку,
По одному волосочку.

(²) Тоже относится къ тому же обычаю.

(Золотонош.)

* *
*

Леты, леты, соколоньку, до батька мого!
 Нехай же вин столы тесовый застылае,
 Нехай свичы восковыи зажыгае,
 Нехай мене молодон ожыдае!

(Чернигов.)

* *
*

Ой маты, маты старая,
 Застылай столы коврамы!
 Да не сама я иду — з боярмы,
 Да не сама я сяду — з панамы.

(Чернигов.)

* *
*

Сиченая калынонька, сиченая,
 А вже-ж наша Марусенька винчаная;
 Червоныи чоботки на нози,
 Що купыв Юрко в Остроzi.

(Радомысль.)

* *
*

Старшій братику! одчыны воритця
 До кинця —
 Иде твоя сестрыця
 Од винця!

(Радомысль.)

* *
*

Сяду — паду ластивкою
 Перед моею матинкою:

Матиночко моя!

Тепер я не твоя —

Тепер я того пана,

Щож з ным обвинчана.

Леты, леты, соколеньку, поперед нас,

Запеси там вистоньку перше за нас:

Що добродій мылостыв на нас —

Выбрав диву чорнобрыву одну из нас,

Щоб пан-отець, пани-матка и вся родына

Выйшли повиталы та й з донькою сына.

(Васильков.)

* * *

Выйды, матинко, протыв нас,

Запытай, матинко, усих нас:

Де твое дытятко бувало,

Що твое дытятко чувало?

„Пид царськым винцьом стояло,

З правои рученькы шлюб брало.

Одчынитесь воритьця,

Одкотитесь колисьця,

Одступитесь ворогы

Из щаслывои дороги,

Бо у нас коньк вороний —

Пидобьем ворогы пид ноги!

(Васильков.)

* * *

Выйды, маты, з хаты —

Познаваты дытаты,

Вчора було наречене,

А тепер повинчане.

(Новоград-Волыск.)

* * *

Выйды, маты, з хаты
 Познаваты дытяты,
 Еднаго родженого,
 Другого судженого!
 Выйды, матинко, з хлибом —

Прыїхала донечка з дидом:
 На билому рушнычку стояла,
 Щырую правдоньку казала;
 Шлюб брала, шлюб шлюбовала,
 Перед попом й перед дяком
 З Юрком козаком.

(Овруч.)

* *
*

Выйды, матинко, выйды.
 Не зробылы тоби крывды:
 Прывезлы тоби дочку
 У зеленому виночку!

(Радомысль.)

* *
*

Попльву я утюнкою
 Да перед матюнкою.
 Ой матюнка моя!
 Да вже-ж я не твоя:
 Вже-ж я того пана,
 З кым я шлюб прыймала, —
 Шлюб брала, хрест цювала.
 Богу прысягала —
 Из молодым Юрасем!

(Остер.)

* *
*

Выйды, выйды, напиматко, проты нас,
 Да вытай купочок усих нас,
 Да пытай донечкы: чы твоя?
 Вже-ж я, пани-матко, не твоя,
 Вже-ж я, панп-матко, винчаная,
 Вже-ж я, пани-матко, Юрасева вичная.

(Чернигов.)

* *
*

Та выйшла маты з хаты.
 Не становысь, матинко, край порога:
 Стань, матинко, край двирця:
 Иде твоя дочка од винця.

(Лубн.)

* *
*

Ой де-ж вы бувалы?
 Ой що-ж вы чувалы?
 Да булы-ж мы у Бога
 Да у Духа святого,
 Да выдады два винци,
 Два винци на столци,
 А третій на головонци,
 На русій косонци.

(Чернигов.)

* *
*

Ох у нас бояре,
 Як мак зацвитае!
 Щиплите роженьку,
 Да стелить дороженьку

Од сельця до сельця,
Куды йшлы од винця.

(Чернигов.)

* *
*

У горóди вышенька, за горóдом дви,
Зацвилы воны разом обыдвн;
На их цвнточкы утрое —
Хорошіи молодята обое!

(Звенигород.)

* *
*

Молодїй на посади у неділю.

Повстають у неділю, до церкви пидуть: зйдуться дружкы до молодои, уберуть їи и йдуть до церкви. А молодой пиде, боярив поклыче вранци, да й пиде до церкви з боярамы Писля церкви, молодой бере своих боярив снадать, а молода дружок. Поснидають, бояре и дружкы йдуть до дому, а в молодого музыкы грають,—дак посходьтєся челядь до молодого й танцюють. Молодой у себе кланяється, просыть свитылок, свашок просыть, щоб йшлы; нарижуть бумагы, да бумагою, барвинком, або лентамы и позначать свитылкы, и свашкы, и музыкы, и возныку, и старосту, и дружкнв, и уснх. Тым до шапок, а днвчатам до стрнчок, а жннкам до платкнв з правого боку. Як посндають значыть,—дак старша дружка од молодон прыйде и у молодого набере на свадьбн дружок (снх не значать; то молодой значыть тнлько свїй рнд), и поведе до молодон. Як прыведе дружок до веснльного-дому молодон, стануть,—и вынесе маты ослнн з хаты, и лнжнныком застеле; и сяде батько, там маты и брат,—шапку з себе скыне и шапкою молодую надавыть,—поклоняе їи. Батько: хлнб нз снльно держыть та на голову їн покладае; поклоньтєся вона трычы, там батько прыказуе їн: «Дарую тобн, дочко, щастям и здоровїюм, и внк довгый и розум добрый,—щоб якый сей хлнб чесный та велычннй, щоб такн и вы булы.» Там до матерн тож покло-

няють, и те саме гаворыць и маты. Тэпер ужо в хату йдуць. Брат бере
молоду за руку и кругом столу трычы обведе та й сяде вже молада.
За молодую и дружкы идуць в хату и спывають: Сад саджу, прысаджаю,
выноградячко (Лубн). *Примьч. пьвицы.*

*

Похылее та дерево та ялына,
Покірнее та дытятко та Марьечка:
Щаслывой годыночкы родылась—
Ридненькому отцю, неньци поклоньлась.

(Гадяч.)

* *
*

Благословылась Марусенька

Да у свого татка на посадоньку сисы.

— З Богомъ, донечко, з Богом, да й Бог тоби на помоч,

Бог тоби на помоч, а янголы на радость.—

Просылася Марусенька у свого Юрася из застилья:

„Пусты, пусты, Юрасенько, из застилья

Да погляжу ¹ я по надвирью.»

— А в недиленьку да святыи день:

Було глядять да увесь день!—

А в недиленьку вранци да бояре збурмалы,

Да бояре збурмалы, да на море стріялы—

На билую да лебедочку.

А обозвався молодой Юрасенько:

Не есть бо то да лебедочка,

То-ж моя да Марусенька,

Що в недиленьку прыбиралася,

Да зо мною винчалася,—

Мини-ж вона и осталася.

(1) похожу.

(Чернигов.)

* *
*

Вынограде-выноградочку,
 Прошу-ж тебе не порабочку!
 Прошу-ж тебе, не зыходь рано,
 Прошу-ж тебе, не цвѣты красно,
 Прошу-ж тебе, на зроды рясно.
 Вы, гроночки, не гронітєся,
 Вы з нєлюбом не любітєся!
 Вынограде-выноградочку,
 Прошу тебе на порабочку!
 Прошу-ж тебе, нєзыходь рано,
 Прошу-ж тебе, зацвѣты красно,
 Прошу-ж тебе, нєзроды рясно.
 Вы, гроночки, погронітєся,
 Вы, диточки, полюбітєся!

(Золотонош.)

* *
* *

Кгли мого двора шовкова трава,
 Золотом восоджена!
 По тій травьци, по тій шовковій,
 Маруся з подружкамы;
 Поперед іи матинка іи
 З повнымы кубочкамы.
 Доненько моя! ридная моя!
 Просы, донечко, своих подружок!
 Не буду просыть, розгниваюся
 Я на тебе, моя матинко, моя ридная:
 Шыла кошульку з тонкого рубку,
 Та й я-ж іи не зносыла;
 Тилько носыла, красовалася,
 Що я в ен звинчалася.

Прийшовши до-дому, кошульку до-долу,—
На тобі, моя матохно !,

(Шблов.)

* *
* *

Сад саджу, присаджаю, виноградячко.
Що в нашого пана свата,
Що в нашон пани свахы
За билим столом.

(Лубн.)

* *
* *

Марусю ! та просы у Бога щастя !
Бо вже твій Юрочко з-за горы вишжджае,
Из-за горы вишжджае, сиви кони поганяе !

Маруса виры, не йняла,
Слізкы не вронила.

(Лубн.)

* *
* *

Ой пидленув соколонько пид зелений садъ,
Та вдарывся крылечкамы об зелений сад:
Чы тут моя та галочка, чы немає,
Чы з иншымы соколамы та литае ?
Озоветься та галочка у садочку,
Прыхылившы головоньку ик листочку:
Ой помалу, соколоньку, та не щебечы,
Коло мене та галочок та не обжены.

Ой прыйхав Юрко над тестив двир,
Да вдарывся кинь конытом об новий пориг:
Чы тут моя, Марусенька, чы немає,
Чы з иншымы молодцями та гулае ?

Обозветься та Марьечка у свитлыци,
 Прыхылившы головоньку ик скамныци:
 Ой помалу, Юрасенько, та не гомоны.
 Коло мене та дружечок та не обжены.

(Гадяч.)

* *
*

Ой ты, галочко, перемовочко!
 Перемовыла сокола
 З темного дугу в вышне в сад!
 — Ой не я-ж його перемовыла,
 Вин сам за мною залетив;
 За моим тыхым польотом,
 За моим сызым пирьячком.
 Ой ты, Марьечко, перемовочко!
 Перемовыла Юрася,
 З чужого села в свое!
 Ой не я-ж кого перемовыла,
 Вин сам за мною заихав,
 За моим тыхым походом.
 За моим нызькым поклоном.

(Гадяч.)

* *
*

Як молодой иде до молодой у неділю.

У синечках голубець гуде,
 А в свитлоньку голосок иде, —
 Де Юрко наряжається,
 Все батенька та пытається:
 Порадь мене, та мій батеньку.
 Скільки мини та бояр браты?

— Беры, сынку, всю родыноньку,
 И блызькую, и далекую,
 И вбогую, и багатую!
 Багатую за-для славоныкы,
 Убогую для порадоныкы, —
 З багатою мед-горилку пыты,
 А вбогою порядкы чыныты.

(Гадяч.)

* *
*

Та поїхав Юрко женыцца,
 Та забув батеньку вклоныцца:
 Стійте, бояре, вернуся —
 Я свойму батеньку вклонюся!
 Да покуль батеньку я вьеднав,
 Я свою шапочку зтер та змяв.
 Та поїхав Юрко женыцца,
 Та забув матуси вклоныцца.
 Стійте, бояре, вернуся —
 Я свой матуси вклонюся! . . .

(Тож спивають сестри и брату).

(Шклов.)

* *
*

Соколонько та на вылети,
 Козаченько та на выизди;
 Соколонько та по галочку,
 Козаченько та по дивчыну;
 Соколонько по чубатую,
 Козаченько по багатую:

Соколонько по сизокрылу,
Козаченько по чорноброву!

(Гадяч.)

* *
* *

Як саме маты хусткою виводить из двору молодого :

Маты Юрася родыла—
Мисяцем обгородыла,
Сонечком пидперезала:
До мылои выряжала.

(Лубн.)

*

Йидь, мій сыночку, не стій,
В тебе коныченько не свій!

Ниченька темненькая,
Дороженька далекая!

Ижшов мисяць и зоря,

Выйпжджае Юрко з подвирья.

А выризав тры ризкы з беризкы,
А ударыв коныченька та по-пид нижкы:

Бижы коню, да не спотыкайся,

До моеи тещенькы простои,

До моеи тещенькы гордои,

До моеи Маруси молодои.

Маты Юрася родыла,

Мисяцем обгородыла,

Зорою пидперезала,

До тещи одпроважала.

(Басильков.)

* *
* *

А в кого коңи, сидайте,

А в кого сыны, выряжайте!

Ой поїдемо в чужыну,
 У чужую сторону;
 Ой там чужая сторона,
 Щоб нам не дойдты соромы.
 Ой не бійся, Юрку, там не чужа сторона,
 А в нас родына все своя.

(Радомысль)

* *
*

Да не куй, Юрку, золотого ножыка,
 Пидкуй, Юрку, вороного конька!
 Да будемо йихать бором зеленым,
 Бором зеленым, мѣстом камьяным:
 Бор буде шумиты, а камень звениты . . .
 Да зачують люды, нам слава буде;
 Та зачуче Марусенька, нам рада буде!

(Чернигов.)

* *
*

Ой лугом, лугом вода йде.
 А по-пид лугом стежечка —
 З Туды-ж молода Маруся ходыла.
 И из луговою водою говорыла:
 „Ой водо, водо луговая!
 Як була я у батенька молодая, —
 То я тебе видеречком набырала,
 Та все свое биле лычко вымывала,
 Шытым, билым рушнычком вытырала;
 Шытый билый рушнычок покаляла,
 Таки я того Юрся сподобала.”

Лугом, лугом вода йде.
 По-пид лугом стежечка.

Ой туды йихав староста —
 Из далека коныченька зупыняе,
 Из-пид бока шабеленьку вытягае,
 Та на тую калыноньку замиряе.
 Стала тая калынонька к йому промовляты:
 „Ой стій, старосто, не рубай!
 Не для тебе ся калынонька сажена, —
 За-для тебе сванечка зряжена.

Лугом, лугом вода йде,
 По-пид лугом стежечка.
 Туда йихав молодой Юрасенько.
 Из-далека коныченька зупыняе,
 Из-пид бока шабеленьку вытягае,
 Та на тую калыноньку замиряе.
 Стала к йому калынонька промовляты:
 „Ой стій, Юрасю, не рубай!
 Не для тебе ся калынонька сажена, —
 За-для тебе Марусенька зряжена!„

(Хорол.)

*

З Туда йихав та староста старенький,
 А пид ным коныченько вороненький —
 С-пид тыхого ¹ коныченька поганяе,
 А с-пид бока шабелечку вынимае
 Та на тую калыноньку замиряе;
 Став на тую калыноньку замиряты,
 Стала к йому калынонька промовляты:
 Не для тебе ся калына посажена, —
 Не для тебе ся сванечка ² изряджена.

(¹) Стыхенька. (²) Молода-б-то. Примьч. пьвицы.

Туда ййхав та Юрко молоденький,
 А пид ним же кониченько вороненький;
 С-пид тыхого ¹ кониченька погоняе,
 А с-пид бока щабелечку вынимае,
 Та на тую калыноньку замиряе.
 Став на тую калыноньку замиряты,
 Стала к йому калынонька промовляты:
 За-кгля тебе ся калына посаджена,
 За-кгля тебе да Маруся изряджена.

(Луби.)

* *
*

На лумельському помирку, ²
 Стояла береза в барвинку.
 Тудою ййхав Юрасько,
 Выломав з берозкы тры розкы.
 Сягнув кониченька пид ножкы:
 Бижы, бижы, кониченьку, в тестя двир,
 А до моеи Марусенькы по-за стил;
 Пустымо стрилу перлову,
 Выбьемо стину камьяну,
 Визьмемо Марусеньку молоду!
 Я-ж свою Марусеньку познаю,
 Я-ж їй косоньку розмаю,
 Я-ж їй слизонькы розолью,
 Я-ж їй с собою посаджу.

(Овруч.)

* *
*

Сама зоря до мисяця:
 Рано, рано, ранесенько!
 Мисяченьку, мій братику,

(¹) Стихенька. (²) Огородъ; Лумля — деревня, откуда пѣвица. Прим. Изд.

Не зиходь же ты наперед мене ;

Рано, рано, ранесенько !

Та зійдемо, обое разом,

3 Освितымо небо и землю ;

Рано, рано, ранесенько !

Як острахнеться звирь у поли.

Та зрадується гость у дорози :

Рано, рано, ранесенько.

Слала Маруся до Юрочка :

Рано, рано, ранесенько !

Мій Юрасеньку, мій друже вирный !

Не сйдай же ты наперед мене :

Рано, рано, ранесенько !

Та сядемо й обое разом,

Та звесельмо отця й ньеньку,

Усю родыноньку !

Рано, рано ранесенько !

(Остер.)

*

3 Освитымо звиря в поли.

Щуку-рыбу в мори.

Чумака у дорози.

(Гадля.)

* * *

Не мисяць свитыть, не зора.

Выижжае парубок из двора.

Чы чуєте, вороньи кони, да на ноги,

Що перебігли чотыри мыли дороги,

А пятаю да зализнымы мостамы,

Щоб дивочку в свого батенька застала.

(Остер.)

* * *

Ой на зятя та метиль мете,
 На сванечок дрибенъ дощ иде:
 Крийся, зятю, та куныцями,
 Куныцями та лысыцями,
 Братикамы та сестрыцями!

(Лубн.)

* *

Що у гордого тестя
 Стій, зятю, за воротами!
 Що на зятя та метиль мете,
 Дрибен дощык иде.
 Крийся, зятеньку, крийся,
 Да кунамы та бобрамы,
 Чорненькымы та соболямы.
 Ой де-ж минн соболив набраты,
 Свое військо та покрываты?
 Та пустить нас до хаты!

(Кочетоп.)

*

Пусты, свате, в хату:
 Мы-ж тоби не докучымо,
 Сюю ничку заночуемо,
 И бочечкы попорожнымо,
 И дивочку соби возьмемо.

(Чернигов.)

* *

Не гнивайся, тестю!
 Не у-мнози зять иде,
 Не багато бояр везе:
 Да сто коней верховых,

А симдесят возовых,
 И чотыри сванечкы,
 Ридныи сестрычкы.
 Сестрыци вы порадыници,
 Порадыте—ж вы мене:
 Чым теста да даруваты?
 Да даруй, братко, дары,
 Соби дивочку беры!

(Остер.)

* * *

Дары йдуть, дары йдуть
 Од Юрася молоденького,
 Од його ненькы да старенькои,
 Дары йдуть!

(Радомысль.)

* * *

Нашіи чоботы, нашіи чоботы
 Шевської роботы;
 З Києва привезены,
 Шовком помержены.

(Радомысль.)

*

Молодой дружину собирае да й идуць по молоду. И свитылка буде коло молодого в стричках убрана, и свичка в ей в руках, обвыняна хусткою, и коло свичкы хрест держыть деревяный и хлиба, зризанного з цилушкы, цила бухынка, а дали туды, на Полисься,—свитылка держыть хрест, выризанный из хлиба, прыидуть пид двир молодон, а коло ворит стоять старыкы яки два, чы чотыри з палыцямы, и буде мыж нымы ныначе война: кіямы махають, да не пускають тых. Сват, що

з ным (один з двох старост його) дае кварту горилкы и верча (невельчка булочка, да шышечка посередыни), да й идуть у двір. (Радомысль.)

Примѣч. пѣвицы.

Понзд п. шижджа до ворит, а сваты (парубкы, що на свадьби молодои) не пускають; то боярын визьме, горилкы пляшку дасть им через ворота,—а вони выпьют на воротах нахылкы и пидкынуть пляшку в гору. Повѣжджають в двір, коні поставляють и стануть вси так у ряд и спивають свитылкы: *Пусты, свате, в хату . . .* (Лубн.)

Примѣч. пѣвицы.

**Як вже впусять в двір понзд молодого, а там и в хати
зайде весілья.**

*

Ой на хати зилья,
А в хати весілья:
На двори бояре,
Як мак процвітае.

(Гадяч.)

* *
*

Пусты, свате, в хату,
Тут нам не стояты,
Травыци не топтаты
Чорвонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы.

(Лубн.)

* *
*

Дружки з хаты на одвит:
Просым, бояре, до хаты,
Годи травыци топтаты

Червонымы чобиткамы,
Золотымы пидкивкамы.

(Лубн.)

* *
*

Як дружнко и пиддружнже увійдуть у хату:

Чы вы, боаре, коней позычали,
Чы вы, боаре, жупанив добували,
Що нерано до нас найхалы? —
„Наши коныкы по стаях стоялы,
Наши жупаны у скрынях лежалы, —

А в нашего Юрася да ласкавая ненька:
Наповала нас солодкымы медамы,
Годувала пшенишнымы калачамаы,
Да просыла прозьбою и грозьбою,
Щоб мы не довго гостылы,
Не в порожни попрыздымы, —
Щоб мы прывезлы скрыню й перыну
И Марьечку княгыню.

(Золотонош.)

* *
*

Ой ты, душенько, наша Марійко!

З-пид похылой вышны
Два друженькы выйшлы;
Не вмилы говорыты,
Ни шапочкы зняты,
Ни рученькы даты:
Шапочкы прыштыт,
Рученькы прыбыты!
Дай же им сыру йнсты,
Щоб умилы у нас систы;

Дай же им пыва пыты,
Щоб умилы говорыты!

(Гадяч.)

* *

Як дають дружкам йисты:

Крамаре, крамарочку,
Прочыны комирочку:
Сып перець на паперець.
Нам перець тепер треба —
Пересыпать печеню
Дружбонькам на вечерю.

(Овруч.)

* *

Край, дружку,
Козыную нижку
Да по чорному кружку.

(Овруч.)

* *

Йилы дружкы, йилы,
Цилого барана зйилы!
На столи а ни кришечкы,
Пид столом а ни кисточкы.

(Овруч.)

* *

Як мьють руки:

Мылы дружкы ручкы,
Поглядалы на колочкы:

Чы не высять рушнычкы
Нам потеры ручки ?

(Овруч)

* *
* *

Потруть руки рушныкамы та й поперевишуютъ через плечи и впять выходятъ дружко и подружье з хаты до своих. А маты вынесе решето хусток и рушныки; на тарилку положить рушнык, й дадутъ дружкови, пиддружому и старостам. Свитыякам хусткы шыти й свашкам; боярам перетыкани заплоччю та голубцею. Музыкакам подають хусткы. «А що вы, сваты, довольни?» — Ни, ще недовольни! — Тепер уже выпесутъ молодому хустку червону и горщя хмелю; возьмутъ хмилъ там у ногах высыплють з горщяты йому, молодому; старшый боярын перекине горщя через хату; хустку перегорнуть и втрутъ молодого, трычи по-пидрукамы обведутъ и перевяжутъ праву руку. Тут же зараз йдутъ и дары брату молодому на кони. (Лубн.) *Примѣч. пльвицы.*

Як дають рушныкы.

Оце тобі, дружку,
За твою послужку
Тобі рушнык дано.
Що в Києві ткапо.
З Києва привезено,
Шовком помережено.

(Овруч.)

* *
* *

Не дывуйтеся маршалкы ¹.
Що коротеньки подаркы:
Ненька старенька, а сестра маленька,
А я, молодая, гуляты раденька.

¹) Бояре.

(Радомысль.)

* *
* *

Стришки, оришки котяться;
 Чогось наши бояре смутяться,—
 Що коротки подарочки . . .
 Конопельки не вродылы,
 Подарочки вкоротылы!

(Гадяч.)

* *
* *

Та спасыби, моя ненько,
 Що будыла мене раненько,
 Та я слухала, вставала,
 Старости рушнычок напярла.

(Хорол.)

* *
* *

Як молодой стоить пид дзверыма и просыть впусыть у хату:

Пышна сваха, пышна,
 Протыв зятя не выйшла:
 Чы сорочки немае,
 Чы чобит добувае,—
 Чы в постолы озувається,—
 На зятьовы сподивається?

(Овруч.)

* *
* *

Як маты ляка зятя:

Вубралась теща у вовчыны
 Для зятньои прычынкы;
 Да хотила зятя злякаты—
 Не хотила дочкы оддаты.

Да зять того не боїться,
Близько кля дочкы сядовыться.

(Чернигов.)

* * *

Як маты обсыпае молодого:

Ой сьп, матинко, овесець,
Щоб наш овесець рясен був,
Щоб наш Юрасько красен був!
Ой сьп, матинко, пшеничку,
Щоб наша пшеничка рясна була,
Щоб наша Маруся красна була!

(Хорол.)

* * *

Ой сыру-ж, мій, сыру,
Да билій же ты снигу;
Ой зятю-ж мій, зятю,
Да мылій же ты сыну !
Я-ж тебе змовляла,
Да виронькы не ймала;
Тепер виронькы йму,
Що за зятенька прийму.

(') Сьпа.

(Чернигов.)

* * *

Як ввійде у хату молодий:

Шовкова трава по полю полягла,
Молода Маруся до столу прылягла.
Ой устань, Марусю, кльче тебе батенько!
Не встану, не гляну й не привитаю!

Есть у мене служечка,
 Старшая дружечка —
 Вона встане й гляне, й привитае.
 Ой устань, Марусю, клыче тебе матинка!
 Не встану, не гляну й не привитаю,
 Есть у мене служечка,
 Старшая дружечка—
 Вона встане, й гляне, й привитае.
 Ой устань Марусю, клыче тебе Юрасю!
 — Ой устану и гляну, и привитаю,
 И Юрася на здоровья спытаю!

(Лубн.)

* * *

Ой имла, имла
 По полю лягла;
 Молода Маруся
 К столу прылягла.

(Гадляч.)

*

Ой имла, имла
 Да по полю лягла,
 А наша молодая
 К скамьи прылягла.
 Ой устань, Марусю, не лежы,
 Он батько идé, гостынци несе.
 Я не встану, не привитаю,
 Гостынци не прынимаю.
 Ой устань, Марусю, не лежы,
 Он Юрасько идé и гостынци несе.
 Ой я встану и привитаю
 И гостынци прынимаю.

(Чернигов.)

* * *

Котыться хмиль из-миж горóда,
 Та пидкотывся пид ворота.
 Стельсь, стельсь, хмиленьку, по тыну!
 Грайте музыки по двору!
 Сыпте золото по столу!
 — Мы вашего золота не беремо!
 И своей дивочки не дамо!

(Луби.)

* * *

*Як зкупають шурына з покутя, щоб молодому систы коло
 молодои:*

Не стій, зятю, за плечыма,
 Не свиты очыма:
 Треба, зятю, треба зятю,
 Сим день молотыты,
 Щоб шурына, щоб шурына
 З покутя зкупыты.

(Радомисль.)

* * *

Як с покутя шурына зкупылы:

Не у правди братко кохався,
 Що за сестрыцю змагався,—
 Да побачыв чарку на тарилци,
 Пропыв сестрыцю на горилци.
 От тепер я козак,
 Що на мыни червоный ковпак!
 Не смієте, не вмієте
 Ко ми прыступыть.

Зо мною говорити,
Мед, горилочку п'ять!

(Чернигов.)

* * *

Татарин, братко, татарин!
Продав сестрицю за тарель,¹
Русу косу за шостак, —
А билеє лыченько пишло так!

(¹) Талир.

(Чернигов.)

* * *

Заводять молодого за стил:

Ой вився рій, вився,
Да хотив полетити
На Юрасеву сосну;
А Юрасева сосна
Тонкая да высокая,
Тонкая да кудрявая,
На пчолы прыдавая!

(Овруч.)

* * *

Як за столом сидять:

Бояре шляхетськіи,
Вы, сыны отецькіи!
Меж вами женышыще,
Як горилеє дныще!
Боярам свынн пасты,
Молодому загащаты, —
Що не вміє цилуваты!

(Овруч.)

* * *

Як скыне шапку и цилуе молоду:

У саду соловейко защебетав,
Юрко Марусю поциловав!

(Овруч.)

* * *

Дружкы спивають:

Сванечкы, наши голубочки,
Заспивайте нам писенькы —
Весильной, приизжон!

Сванечкы:

Дружечкы, наши голубочки!
Не вміємо, не сміємо . . .
Се чужа сторона,
Доведе сорома.

Пишкы ишли,

Шышкы неслы:

Пидбылыся, потомылыся;

Улыци тисни, погубылы писни —

Просымо вас!

(Дубн.)

* * *

Дружкы:

Сванечкы наши, голубочки!
Заспивайте нам прежнюю хорошую писеньку!

Сванечкы:

Дружечкы, дружечкы, наши голубочки!
Не сокил перенис по дубнычкам, по березнычкам:

Потомымыся, писенькы поспивалы —
 Спывайте вы самы, то й мы будем з вамы!
 (Гадяч.)

* * *

*Як прышывають молодому квітку до шапки, а дали вин иі
 выкупае, и танцюють весильни гости.*

Я з Києва швачка;
 Я з Києва Кьяночка,
 А з города гордяночка,
 Я по торгу ходыла,
 За копу шовку купыла,
 За таяра голку—
 Прышыты зятеви квіточку
 Ик билому лычку.

(Луби.)

* * *

Я шваля з Вильбова,
 Прыехала до свого двора—
 Квіток прышываты
 Да по таяру даваты.
 А в мене ручки биленьки,
 А в мене голкы тоненьки:
 Не шкода мыни даты,
 Квіток прышываты!

Сю спывають и на заручынах, де есть обычай прышывать до шапки молодого и в той час квітку. *Примльч пльвицы.*

(Радомысл.)

* * *

Ой дай, маты, йголку
 И ныточку шовку—

Прышыты квіточку
 К зеленому барвіночку,
 Червоній кытайци,
 К Юрасевій шапци.

(Остер.)

* * *

*Як схопить сестра молодои шапку молодого на себе и не
 отдае йому:*

Ой глянь, зятеньку, на мене,
 Меншая свистонька од тебе!
 Чы не сором тоби, зятеньку,
 Що в поле идеш без шлычка,
 А в тестя стоиш без лучка,
 Без сестрыного виночка?

(Хорол.)

*

Чы тоби, зятеньку, не сором,
 Що ты идеш полем без лучка,
 Сидаеш за столом без шлычка,
 Без сестрыного виночка?

Зять на те не погляне,

Що свисть винок каляе—

Об стелю, об стельночку,

Об билую паперыночку.

Глянь, зятеньку, на мене:

Кращая свистонька одь тебе,

В зятьньому шлычку,

В сестрыному виночку.

Маните, не маните,

Шлычка не выманете, —
 Шостака не кладите!
 Як купкою брязнеш—
 Тоди шлычок возьмеш.

Не боюся, зятю, отамана—
 Клады, зятю, пив-галаяра;
 Не боюсь я усих намиснычквив—
 Клады, зятю, пидкиснычкы!
 Не боюсь я усих людей—
 Клады, зятю, симсот рублей.

(Гадяч.)

* * *

Скаче, свистонька, скаче,
 Чого-сь вона хоче—
 Срибного золотого
 Од зятя молодого!

(Гадяч.)

* * *

Як мало грошей.

Ой казалы люды—зять багатый,
 Ой казалы люды грошей мих . . .
 Кладе копійку як на смих!

(Хорол.)

* * *

Линыви, бояре, линыви,
 Сим день молотылы—
 Шостака заробылы,
 Шлычок выкупылы!

(Гадяч.)

* * *

Ой на хати зилья,
 А в хати весилья;
 На двори бояре,
 Як мак процвитае.
 Ой на порози паньчи стоять,
 А за столом панночки сидять.
 Просымо до столу,
 У свою господоньку.
 Посаджаем на ослононьку
 Та будемо шановаты,
 Щоб повелы танцьоваты—
 Боярив оглядаты:
 Чы не криви, чы на горбати,
 Чы вміють танцьоваты?

(Лубя.)

* * *

Любо-мыло дывытыся,
 Де бояре танцьовалы:
 Наробылы хмарно жупанкамы,
 Испустылы дощык стрилочкамы,
 Наробылы ясно шабелькамы.

Любо-мыло дывытыся,
 Де дивочки танцьовалы:
 Наробылы хмарно юпочкамы,
 Испустылы дощык кисонькамы,
 Наробылы ясно перстенькамы.

(Острогожск.)

* * *

Як старша дружка частуе молоду:
 Маруся триски брала,
 Гусята заганяла:

Гиля, гиля, сыв селезень,
 Который на вечерю!
 Который сызокрымый, —
 Юрась чернобрывый!

(Обруч.)

* *
**Як матир частують :*

Матинко, повная роже,
 Дывытыся на тебе гоже!
 Прошу тебе на почасточку,
 На цюю чарочку:
 Чарочка повнёсенька,
 Горилочка солодесенька.

(Обруч.)

* *
**Як сваху частують :*

Сванечко, пышная пани,
 Поговорым — ты з намы!
 Прошу тебе на почасточку
 На цюю чарочку.
 Чарочка повнесенька,
 Горилочка солодесенька;
 Не знаю, як тебе зваты —
 Мушу тебе частоваты.

(Обруч.)

* *
**Як сваха не хоче брать :*

Не кпыся, сванечко, не кпыся,
 Возьмы чарочку, напыйся —

У нас горилка не вода,
Частуе дружечка молада.

(Овруч.)

* * *

Бояр частують:

Боярыну, красный панычу,
Доброго здоровья жычу!
Прошу тебе на почастьку
На цюю чарочку;
Чарочка повнесенька,
Горилочка солодесенька.

(Овруч.)

* * *

Свитылку:

Свитылочко, повная роже,
Дывытыся на тебе гоже —
Прошу тебе на почастьку
На цюю чарочку, —
Чарочка повнесенька,
Горилочка сододесенька.

(Овруч.)

* * *

Як коровай дилють:

Благословы, Боже,
Пречыстая — згоже
Коровай подилыты,
Сей дом звесельты!

(Овруч.)

* * *

Тогди вже старшый дружко крае коровай и дилты буде зараз; пориже на шматочки, визьме на тарилку чарку горилкы и кусок короваю, и кмыче: «гей, чы е, чы нема» (нехай там буде) «Наталка, Марусына маты? як нема, то на запорозцив оддам!» та обзываецься, що есть вона и пидходить; дае їй коровай и каже: «просыть сват и сваха, князь и княгынька на цей дар и на горилку», а вона подякуе гарненко: — дай им, Боже, и счастья и здорыве и вик довгый и розум добрый, — и дарую,» каже, «им тельчку,» або що небудь даруе им. Дружко їй скаже: «спасыби» и пидходить до стола: «Даровала Марусына маты тельцю и жычыть молодым счастья, здорывья, и вик довгый и розум добрый;» а там вже йде до батька, свата и свахы, и всих, хоть и чужых, так выкмыкае.

(Овруч.) *Примьч. пьвицы.*

Дружко коровай крае,
Семеро дитей мае,
Та вси з кошелямы,
Увесь коровай забрали.

(Хорол.)

* * *

Чы бачыш ты, дружко,
Що бояре коровай крадуть.
То в мих, то в кишеню,
Батькови на вечерю, —
То в мих, то в рукавыци,
Дивчатам на вечерныци.

(Золотош.)

* * *

Десь у тебе, Марусе,
Камьяне сердечко —
Вечор сыдыш, не заплачеш,
Матинкы не розжалыш!

Нашо маю плакаты,
Свое лыченько тыраты ?
Мое лыченько як яблучко,
Сама я як ягодка.

(Овруч.)

* * *

А де ти дивчины маты,
Що велила стричкы зняты —
Из такой молоденькой,
Як ягоды, червоненькой.

(Овруч.)

* * *

Як косу росплитають :

Кувала зозуля в садочку,
Приклавшы головку к лысточку ;
Плакала Маруся у свитлыци,
Приклавшы головку ик скамныци:
Хто-ж мою русу косу росплете ?
Хто-ж мои упльоты побере ?
Росплете русу косу братичок,
А сестрыця упльоты побере.

(Шклов.)

* * *

Ой брат сестру за стил веде та й пытае:
Сестра моя! коса твоя — краса моя!

(Чернигов.)

* * *

Ой брат сестрыцю та росплитае,
Все рожу помынае:

Та не йды, сестрыце, молада за-миж!

Вже рожа процвітае,

А хрещатенький та барвіночок

Устылае садочок,

А запашнёнький та васыльчок.

Из тыном ривняецься.

(Васильков.)

* * *

Ой брат сестрыцю расплітав;

Де-ж ты упльоты подивав?

Да на мисто пишов — не продав,

Меншій сестрыци отдав:

От тоби, сестрыце, сестрыцын упльот,

Да суды Боже й тоби так.

(Остер.)

* * *

Брат косу распліта;

Де вин та выплітки подива?

Понис на торжок — не продав,

Меншій сестрыци дурно дав.

„Оце-ж тоби, сестрыце, за тое:

Не плеты кисонькы у-трое!

Заплеты кисоньку в дрибушкы,

Вже-ж тоби не ходыть у дружкы!„

— Ой косо, косо кохана!

Сим лит я тебе кохала,

Що суботонькы чесала,

Що недиленькы вбирала,

За 'дын вечер я тебе збросала.

(Хорол.)

*

Ой на гори жыто,
 А в долини просо;
 Ой жаль мени тебе,
 Моя русявая косо!
 Ой просо, просо — волотья,
 Ой косо, косо — золотья!
 Да не рик я тебе кохала,
 Що суботоньки чесала,
 Що недиленьки вмывала, —
 За одын ранок зтырала!
 Ой седины лебеди на води,
 Та й полетили на рики —
 Роспустылы русу косу на вики.
 От тоби, Маруню, за тое:
 Не плеты кисоньку у-трое;
 Завтра заплеты кисоньку в дрибушки,
 Та вже-ж тоби не ходыты в дружкы!

(Васильков.)

* * *

Росплитала дядына,
 Да не жалослывая,
 А сестрыця прынялася,
 Так слизкамы облылася!

(Остер.)

* * *

Я завывають у намитку:

Догадайся, Марусю,
 Чого маты у комору пишла:
 Чы по рутвяный винок,
 Чы по биле завывайлечко?

Билеє та биленькеє,
 До папиру ривненькеє,
 Що з билого цвиту
 Та по всьому свиту.

(Радомирсь.)

* * *

Ой де пишла, де подилася
 Да Марусына маты ?
 Да нехай иде из-пид мысу,
 Да нехай несе мальовану мысу
 И билеє завывалечко.
 Ой билеє та биленькеє,
 Як дым да тоненькеє,
 Ой билеє да завывайло.
 4 Да вичнее покрывайло.

(Золотонош.)

*

Ой ты душечко наша, Марусенько,
 Ой глянь на пориг: дыво !
 Несуть твое дило,
 Я биль билесеньке,
 Як папир тонесеньке;
 Биле билуваньня,
 Вичне покрыванья !

(Хорол.)

*

Поглянь, Марусю, на пориг;
 То иде дружбонько, вориг твій,
 Та несе коровай на вици,
 Билеє завывало на тарильци.
 Як биль биленькеє,
 Як папир тоненькеє;

Та ни витор його не звіе,
 Ни сонце його не запале,
 Ни дрибен дощук не змоче:
 Молода Маруся износе!

(Острогожск.)

* * *

Бережися, сестрыце, бережися:
 Он твій братець из виком идé,
 И биле завиванье у вици несе.
 Мени сее завиванье да не на нич;
 Мени сее завиванье на увесь вик,
 Пійде славонька на увесь свит!

(Чернигов.)

* * *

Я-ж тебе, сестрыце, напынаю,
 Щастьем, здоровьем надияю:
 Будь здорова, як вода,
 А будь богата, як земля,
 А прыгожа, як рожа!

(¹) То спивають дви свахи и пидносять намитку на голови, так, раз у раз. Беруть трошки льону и завывають їй разом с косою, щоб бильше було косы; хоть и велики косы, то завше треба той льон, и то называється зачиска—та *кичка*. По кичци накладывают каптур, як у других, серпанок, чи очипок. Тилько що накладуть молоду, то дружкы їй спивають: *Ой погано, Марусю, погано...* (Обвуч.) *Прим. пльвицы.*

*

1 А я тебе, сестрыце, накрываю.
 Щастьем, здоровьем надияю:
 Та будь здорова, як вода,

4 Прыгожа, як ягода,
А богата як земля.

(Радомясь.)

*

1 Мы-ж тебе, сестрыце, скрываем . . .

4 Богатая, як земля,
А погожа, як-бы рожа!

(Васильков.)

* * *

Ой погано, Марусю, погано!
Скынь чепець пид столець,
Латку поганку
Скынь пид лавку!
Рутвяненькый виночок
Склады на головку!

(Овруч.)

* * *

Це-ж тобі, Марусю, не сподоба —
Не прыстав чепець до лоба¹.

(¹) То княгыня схватуге хутенько з головы и кыне пид стил, до трьох раз; которых же батько, чы маты, мають пчолы, то просяць іі щоб вона не скыдала. *Примьч. пьвицы.*

(Овруч.)

* * *

Захимлымы химлушечку,
Як у поли грушечку;
Свому, тому химлушечка,
А Юрасю, як душечка.

(Овруч.)

* * *

Тепер нарядымы,
 Як самы схотилы:
 З кныша паляныцю,
 З дивкы молодыцю.

(Овруч.)

* *

Колы-б мы схотилы,
 Мы-б іі розвертилы,
 Повелы-б у лискы,
 Заплелы-б у кискы.

(Радомысль.)

*

Колы-б мы схотилы,
 Мы-б іі розвертилы,
 Повелы у садочок,
 Извылы виночок,
 Дивкою нарядылы,
 Из собою посадылы,
 Да склалысь по грошу,
 Купылы стричку хорошу.

(Овруч.)

* *

Як вильце зрывають:

И де-ж ваше ёлечко,
 Що в пятныцю вылы,
 В суботоньку да повывалы,
 В недиленьку да потерялы!

(Чернигов.)

* *

Тилькы што молодій стричкы познимають, да будуць намітку напынать, до зараз дружкы и буяре ухватаць вильце и порвуть; тилько кажуть: «Уже тоби вильця не треба!» (Овруч.) *Примльч. пьвицы.*

Молодыци спивають:

Перед порогом могыла,
А в тій могыли калына,
Спустылы гилечку додолу—
Час вам дивочки додому!

Дружкы:

Ище не час, не пора,
Ще зпрочка вечирня не зійшла.

(Хорол.)

* *
* *

Неметена улычка, не метена.
Ще старша дружечка не ведена ¹.
Треба улычку проместы,
Треба дружечку провесты.

(¹) Относится къ обычаю проводить старшую дружку къ ея дому.

* *
* *

По одходи дружок, свахы спивають:

Зажурылась перепелочка:
Бидна моя та головочка!
Що я рано из вырїю вылетила—
Нигде мыни гнизда звыты,
Нигде мыни диток наплодыты,—

Що по горах снігы лежать,
 По долинах воды бижать!
 Озоветься соловеечко:
 Не журыся, перепелочко!
 Есть у мене три сады зелени:
 Що в першому та гніздо зовьем,
 А в другому диток наведем,
 А в третьому диток погодуем.

(Хорол.)

* * *

Боярам, як намісто дружок сідать коло молодых:

Здвигнулыся сины,
 Як бояре силы, —
 А ще не так здвигнуться.
 Як пыва напьються.

(Лубн.)

* * *

Матери, як дружкы одідуть.

Давай, маты, вечераты:
 По вечери, подимыся.
 Ходим, маты, у комору.
 Подилым добро з тобою:
 Тоби, маты, ныты й бердечко,
 Мини давай полотенечко;
 Мини, маты, скрыни та перыны,
 Тоби, маты, горох — горохвыны;
 Тоби, маты, новыи дойныци,
 Мини давай рябыи тельци;

Тоби, маты, новыи обору,
 Мини давай рябыи коровы;
 Тоби, маты, порожніи бодни,
 Мини давай тилько довезты!

(Овруч.)

* *
*

Тоби, мамко, да навыйчыкы,
 Мини мамко, да сувыйчыкы;
 Тоби, маты, ныты й бердечко,
 Мини, мамо, полотенечко;
 Тоби, маты, та стина нима;
 Мини, мамо, постиль била.

(Радомысль.)

* *
*

Ой дамы-ж нам дивку:
 Дайте ще постильку, —
 Зкрыню и перыну,
 И в двир господиню.

(Радомысль.)

* *
*

Як дуже бидна постиль:

Да чого ты, Марусе, без кубла?
 Да чы ты куделькы не скубла,
 Да чы тоби матинка не давала,
 Да чы тебе охота не брала?

(Радомысль.)

* *
*

Перед вечерю:

Синечки мои яворови!
 Будете не метени:
 Ненька старенька, а сестра маленька,
 Я піду вид батенька.

(Гадяч.)

* *
* *

Через гору гуска летіла,
 З перцем юшка кипіла;
 Хоть з перцем, не з перцем.
 Просымо з щырым серцем!

(Дубн.)

* *
* **За вечерю молодым:*

Де-ж був селезень,
 Де-ж була утинка?
 Селезень на ставу,
 Утинка на плаву;
 Тепер на одному
 Вони сидять плаву,
 Вкупи на плавочку,
 Та йдять рясочку;
 Пьють вони водицю
 З одныи крынщи.
 Де-ж був Юрасенько,
 Де-ж була Марьечка?
 Юрасько у батечка,
 Маруся у матицьки.
 Тепер у купоньци

У одній свитлоньци;
 Йдять паляныци
 З ярои пшеници,
 Пють вони мед-выно
 Из кубка одного.

(Черномор.)

* *

Ты душечко наша, Марусе!
 Забарныи гости забарымыся в хати;
 А на двори коня взято,
 За Дунай завдато —
 За мед, за горилку,
 За Марусю дивку.

(Лубн.)

* *

Ой не находь, Лытва:
 Буде з нами бытва;
 Будем воюваты,
 Марьечкы не даваты!

(Гадяч.)

*

Не наступай, Лытва:
 Будем тебе быты!
 Будем быты, войоваты,
 Марусенькы не даваты!

(Лубн.)

* *

Йилы бояре, йилы,
 Цилого вола зылы;

По столу качаючы,
 У попел вмочаючы.
 На столи ни кришечкы,
 Під столом ни кисточки.
 Наша капуста родыла,
 Наша Маруся садыла,
 Раненько вставала,
 Частенько помывала,

(Черномор.)

*
**Після вечери:*

Жаль мині, мій батеньку за тебе,
 Остається мое зильячко у тебе!
 Уставай раненько,
 Да помывай зилья частенько:
 Ранними и пизними рисоцькамы,
 Дрибными своїмы слизоцькамы.

(Гадяч.)

*
*

Як молодой выбирається до-дому, а там и молоду
 за ним повезуть.

Що в синечках голубець гуде,
 А в свитлоньку голосок іде.
 Ой то-ж бо то не голуб гуде,
 То-ж тестенько з зятеньком говорити:
 Ой тестеньку, ты мій батеньку,
 Не гай мене, выряжай мене!
 Тепер ничка да теменькая,

Дороженька да далекая . . .
 — Не бійсь, зятю, ничкы темненькой,
 Дориженькы да далекои;
 Я дам тобі проводныченька,
 Вороного да коныченька,
 И шабельку для охотонькы,
 И дивчыну для розмовонькы:
 Шабелькою коня погоняты,
 З дивчыною будеш розмовляты!

(Коногоп.)

*

А в синечках голубець гуде,
 А в свитлоньку голосок идé;
 Мы-ж думалы—голубець гуде,
 Аж Юрасько тестя просыть:
 Тестеньку, мій батеньку!
 Пусты мене да до-домоньку:
 Тепер ничкы да темненькыи,
 Дориженькы да непевныи:
 Кони наши потомымыся,
 По колина поодбывалыся! . .

(Червигов.)

* *

Ой кони, кони—медведи!
 Чы чуется на сылу?
 Чы довезете княгыню—
 Через тіи ричкы быстрии,
 Через тіи горы крутіи,
 Та в тіи коморы новіи?

(Гадля.)

*

Ой кони наши сываши,
 Чы булы вы на паши?
 Чы чуетесь на сылу?
 Чы довезете княгыню
 Да на тую гироньку крутую,
 Да у тую свитлоньку новую:
 У тій свитлонци мед-выно пьють,
 Там тебе, Марусю, давно ждуть.

(Золотонош.)

* *
*

На гори Юрасько ходыть,
 Шаблею кійло косыть,
 Та пид коныченька носыть,
 Да коныченька просыть:
 Йиж, коню, билее кійло,
 Що-бы здужав та Дунай плысты,
 Нашу Марусеньку везты!

(Радомысль.)

* *
*

Старшая дружечко,
 Одчыны да оконечко,
 Погляды да на сонечко:
 Да колы же рано,
 То ще й погулаймо:
 Колы же пизно,
 Розійдимося ризно!
 Ище рано,
 Ище погулаймо:
 Ще зирочка од мисяця не одыйшла, —
 Ще Марьечка од свого батенька не одыйшла.

(Остер.)

* *
*

Ой Юрасько у тестенька мед-выно пье,
 Попереду соколенька до батенька шле:
 Леты, леты, соколеньку, до батенька в двир!
 Нехай двory-частоколы повымитають,
 Нехай кубкы срибра-злота наповняють,
 Нехай свичи до пивночи не стухають —
 Нехай мене з Марусею дожыдають!

(Золотонош.)

* *
 * *

Нўте, нўте, бояре, до коней!
 Не бійтеся темной нocy,
 Бог вам та до помочы,
 А Пречыстая Маты
 Буде вас зостричаты!
 Марусенька догадалася
 Да помостыла мосты
 З калыновой трошы;
 Да погатыла гаткы
 То з руткы, то з мьяткы.
 Юрко до-дому радыться,
 А Маруся догадується;
 Вывела и коня з стани,
 И вынесла и сиделечко:
 „Юрасю, мое сердечко!
 Переночуй хоця ниченьку!„
 — Ой Марусю, моя душечко,
 Попытайся своен матинкы:
 Чы буде частуваты?
 Як буде частуваты,
 Дак будемо дви ночоваты;

Як не буде частоваты,
 То поїдем о-пивночы.
 Йили кони гречку,
 Як їхалы по дивочку;
 Тепер йиште солону,
 Бо поїдем до-дому! —

(Овруч.)

* *
*

Чого, свитлонька та новесенька,
 Чого стоиш темнесенька?
 Чого, Маруся молодесенька,
 Чого сыдыш смутнесенька?
 Ой як же мини молодесенькій,
 Не сыдиты смутнесенькій,
 Що обсила мене чужа чужына,
 Юрасева вся родыночка.
 Що з правого боку усе зовыци—
 Юрасевы все сестрыци,
 А з ливой руки все диверкы—
 Юрасевы все братыки.

(Золотонош.)

* *
*

Говорыла куна из куною,
 Сидячы над водою:
 А чы-ж добре тоби, моя куночко,
 Сидячы над водою?
 Поты добре, поky дожчыв немає;
 Дожчи пійдуть, бережечкы зальють,
 И мене зженуть.
 Говорыла сестра из сестрою,

Сидячы за скамною:
 Да чы добре тоби, моя сестро,
 Да сидячы за скамною?
 Поты мині добре, покі бояр немае:
 А бояре прыйдуть,
 Мед-выно попьють
 И мене з собою возьмутъ!

(Золотонош.)

* *

Сироти:

Да увійды, увійды, да чужый батенько,
 У новую свитлоньку;
 Да стань, да послухай,
 Як сыритонька плаче.
 Да сирота плаче, сылненько рыдае,
 Що порядку немае;
 Що вси тії що напытыся,
 А нікому зажурытыся;
 Що вси пыты да гуляты,
 Да нікому порадонькы даты.

(Золотонош.)

* *

Як тоби, да тетирько,
 По пожару да не килко?
 Де пожар погорыть,
 Крыльцямы пидлечу;
 Де травця полягла,
 Нижкамы пидбижу.
 Як тоби, да Марусю,
 У чужого батенька?

Я свекорку угожу,
 Билу постиль постелю;
 А свекруси угожу,
 В головоньку погляжу;
 А диверку угожу,
 Кониченька запряжу;
 А зовици угожу,
 Русу косу заплету!

(Радомирск.)

* * *

Та клыновий лыстоньку,
 Куды тебе витер несе?
 Чы з горы да в долину,
 Чы в чужу украинну?
 Молодая та дивчынонько,
 Куды тебе батько оддае?
 Чы миж Туркы, чы миж Татары,
 Чы в чужую землю,
 Чы в вельку семью? . . .
 Чужа земля пид кориньячком,
 Чужа семья пид наливьячком.

(Ковотол.)

* * *

Да вже, ньенько, нераненько . . .
 Навчай мене, моя матинко,
 Як свекорку годьты!
 А свекоркови годы:
 Билу постиль стелы;

Да годы, доненько, годы!

А свекруси годы:

Головочку гляды;

Да годы, доненько, годы!

А диверку годы:

Хустыночку перы;

Да годы, доненько, годы!

А зовыци годы:

Русу косу плеты;

Да годы, доненько, годы.

А Юркови годы:

Билесенько воды;

Да годы, доненько, годы!

Да не так старому,

Да не так малому,

Як Юрасю молодому!

Щоб у синечках видерце водыци повненьке,

А на колочку рушнык биленькый.

(Золотонош.)

*

Та вже-ж, ненько, неравенько . . .

Чом мене не вчыш, ненько?

Навчы мене, моя матинко,

Як свекорку годыты.

„Годы, доненько, свекорку, як батеньку:

Раненько встань, на день-добрый дай,

В ниженькы уклонися;

Держы, доненько, свитлоньку, як у виночку —

Рушнык на колочку,

Выдеречка все новеньки,

Водыци повненьки.,,

(Остер.)

*

Да вже пизненко, пераненько . . .
 Научай мене, мамко! —
 Дытатко мое! ты не мале —
 Будь само розумне!
 Раненько встань,
 Свекорку добрый-день дай;
 Держы хаточку, так як у виночку,
 Рушнычок на колочку;
 Держы видерце що-день биленьке,
 Да й водыцею повненьке.

(Чернигов.)

* *
*

Добре було, моя матинко,
 Та горилочку пыты . . .
 Якогось буде, якогось буде
 Да без донечкы жыты!
 Пидеш, матюнко, у поле
 Та зеленого жыта жаты;
 Та займеш шырокую постать:
 Ни з кым жыта жаты! . . .
 Сядеш, маты, да полуднаты,
 Ни з кым розмовляты . . .

(Радомисль.)

* *
*

Чи я в тебе, пани-матко,
 Не дытатко,
 Що ты мене протыв ничкы
 Выпроважаеш причкы?
 Ой дай мини провиднычка
 Ридного братичка;

Дай мнѣ провидницю,
 Хоть ридну сестрицю!
 „От-се тобі, провидниця—
 Ясний місяць,
 От-се тобі провидниця—
 Ясна зоряця!„

(Золотонош.)

* *
*

Ой запрягайте батьковы кони,
 Ой щыри, ворони;
 Батьковы кони смутненько иржуть,
 Та з двора княгню не везуть.
 Ой запрягайте свекровы кони,
 Сири, лививі;
 Свекровы кони веселенько иржуть,
 Та з двора княгню везуть.

(Острогжск.)

* *
*

Да вже кони запряжены!
 Чого сыдыш Марусенько?
 Чом не дякуеш батеньку?
 Да вже кони запряжены,
 Пид ворота пидведены!
 „Я велю коням оброк дать,
 Возныченькам постоять.
 Як прийде мій батенько з саду,
 З саду, з винограду,
 Так Марусенька з посаду:
 Ой спасыби, мій батеньку.

За твое гулянейко!
 Що я в тебе гуляла,
 Важкого дила не знала;
 Що в недилечки та все дивочки, —
 Там же я молодая!,,
 Ой чого же сыдыш, Марусенько,
 Чом не дякуеш мамонци?
 Да вже кони запряжены,
 У двир уведены.
 „Велю коням оброк дать,
 Возныченькам постоять, —
 Заки маты прыйде з саду,
 З саду, з винограду,
 До дочки на пораду:
 Спасыби тобі, моя мамочко,
 За твое гуляньечко!
 Що я в тебе гуляла,
 Важкого дила не знала;
 Що в недилечки та все дивочки, —
 Там же я молодая!,,
 Ой чого сыдыш, Марусенько,
 Чом не дякуеш братику?
 Да вже кони запряжены
 И пид сины пидведены.
 „Велю коням оброк дать,
 Возныченькам постоять,
 Поки братик прыйде з саду,
 З саду, з винограду,
 Так Марусенька з посаду:
 Спасыби тобі, мій братику,
 За твое гулянейко!

Що я в тебе гуляла,
 Важкого дила не знала;
 Що в недилечкы та все дивочки,—
 Там же я молодая! . .

(Чернигов.)

* *
*

Стань, моя матинко, в порози,
 Вже-ж я молода в дорози.
 Не жалссыва матуся!
 Навпротыв ночы вон гоныш,
 И проводныка не даеш!
 Стань, моя матохно, в порози:
 Я-ж тоби, матохно, вклонюся!
 Кискою земельку устелю,
 Слизкамы нижкы оболою!

(Шклов.)

* *
*

Загрибай, маты, жар, жар,—
 Чы не буде дочкы жаль, жаль;
 Закыдай маты дрова,
 4 Зоставайся здорова!

(Чернигов.)

*

5 Закыдай, маты, трискы,
 Сподивайся невесткы.
 Отто тоби, маты,
 И прац у загати:
 Як будеш прачом праты,
 Будеш мене спомынаты.

(Обруч.)

* *
*

Витер воритечка одчынив,
 Братець сестрыцю проводыв:
 От-се тоби, сестрыце, дорога—
 Йиндь од мене здорова!

(Золотонош.)

* * *

Ой брат сестру проводыв,
 А мисяць дорогу посвить:
 От тоби, сестрыце, дорога—
 Йиндь од мене здорова;
 Будь здорова як вода,
 Будь богата як земля,
 7 Будь прыгожа як рожа.

(Чернигов.)

*

7 Будь же ты красна, як весна.

(Галяч.)

* * *

Одступітєся ворогы
 Из князевон дорогы,
 Бо пидобьют коныченькы пид ногы,
 Ой пидобьют коныченькы, пидобьют,
 А щоб не було ворогив тут!

(Чернигов.)

* * *

Ой дивчыно та Марусечко,
 Позасивай свои стежечкы,
 И стежечкы и дорижечкы.
 То рутою, то мятою,
 Хрещатецькым та барвиночком,

Запашненькым та васылечком.
 Туда йтыме твоя матинка,
 Те зильячко прогорататыме,
 Марусенькы та шукатыме.
 Зилья мое та охайнее,
 Дыты мое та коханее!
 Я-ж тебе та охаяла,
 Марусеньку та угаяла;
 Я садыла, я поливала,
 Марусенька як не бувала!

(Конотол.)

* *
*

Бряжчалы колокола, бряжчалы,
 Туды-ж нашу Марьечку помчалы;
 Выйду я за воритечка, аж уже свит,—
 Куды Марьечку помчалы, тилькы слид.

(Острогожск.)

* *
*

Ходыть кизочка по крутій гори;
 Нижкою як туп, так туп!
 Сирому вовку наругається:
 „Я-ж тебе, сирый вовку, не боюся!“,
 А в недиленьку рано по-раненьку
 Кизочки як нема, так нема;
 Тилько осталыся нижкы та рижкы
 Та билін копытыця.
 Ходыть Марьечка по новых синях;
 Нижкою як туп, так туп!
 Свойму Юрасеньку наругається:
 „Я-ж тебе, Юрасю, не боюся!“,

А в понедилок рано по-раненьку,
 Марусеньки як нема, так нема;
 Тилько осталася русая коса,
 Та дивоцькая краса.

(Шлюв.)

* *
*

Як привезуть посаг до свекрухи:

За воротами вышня,
 Туда наша матинка вийшла;
 Ягодки зобала,
 Молодон невесточки ждала.
 Выйды, матинко, огляды:
 Що тобі бояре привезлы?
 И скрыню й перыну,
 Й молодую княгину!

(Гадяч.)

* *
*

Понедилкови.

Ой у саду, у садочку, там голубчык гуде;
 Там Юрочко парубоство здае:
 „Ой на́те вам, парубочки, парубоство мое!
 А вже-ж я пиду
 В чоловичу раду,
 Чоловикам на пораду!„
 Ой у саду, у садочку, там голубка гуде;
 Ой там Маруся дивованье здае:

„Нате-ж вам, дивочки, дивованье мое!

А вже-ж я пиду
В жиночу раду,
Жонкам на пораду!„

(Радомысль.)

* *
*

А в понедлок рано
Маты дочки шукала,
В саду и в горóди-выногради
И у сусидок пытала:
Мои сусидочки, мои голубочки,
Чы не бачылы моеи дочки?
Да иды, моя доню, додому,
Погляды у головоньку!
Да погляжу, моя мамочко,
Да не тоби — свекрухни!

(Чернигов.)

* *
*

Ой тыхо, тыхо витер віе,
Аще тыхше до дочки маты иде —
Свого дытаты одвидоваты.
Десь мое дытятко не пыло, не йло:
Да колы-б пыло, то-б пьяне було;
Да колы-б йло, то-б не змарнило.

(Чернигов.)

* *
*

Що-ж бо то да за зилья,
Чорнее да насинья?

Вчора було да на стебли,
 А сьогодні на землі.
 Що-ж бо то за наровы
 Да у нашой Маруси?
 Вчора була та у батенька,
 А сьогодні у свекорка . . .

(Радомысль.)

* *
*

Да виведте наше!
 Да нехай нам попляше, —
 Червоними чоботками,
 Золотымы пидковками!

(Чернигов., Остер.)

* *
*

Хто в мене по синечках походыв,
 А хто в мене дилечко поробыв?
 Я-ж думала що чорная галка,
 Аж то моя левихна коханка.

(Чернигов.)

* *
*

По двору, по двору
 Да пороша упала;
 А на тій пороши,
 Слідкы хороши.
 Да свекрухна каже,
 Що куна ходыла;
 А свекорко каже:
 Да не есть то куна,
 То невестка моя!

(Чернигов.)

* *
*

Да чого-ж ты, матинко, барышся,
Да несты мого сорому боишся?

Не бійся, матинко, не бійся:
В червоныи чоботки обуйся!

Топчы ворогы пид ноги,
А супостаты пид п'яты,
Щоб перестали брехаты!

(Радомысль.)

* *

Да пишов дождык краплыстый,
Да уродыв черчык черчыстый.
Да не вмила Маруся носыты,
Да не вмила красыты,
Да мусыла Юрася просыты:
Ой окрасы, Юрасю, сей черчычок мій,
Да звеселимо увесь рид свій!
Що первый рид—свекоркив,
А другый—батенькив.

(Золотонош.)

*

Розливайтесь береги,
Не втишайтесь вороги!
Заробыла Маруся пироги,
Хоч не пшенишни, да яшни —
Своему родови подячни:
Первый рид свекоркив,
А другый рид—батенькив.

(Золотонош)

* *

Знаты, Марусю, знаты,
 В которій вона хати:
 И лавки и прылавки
 З червонои кытайкы;
 Калыною обтыкана,
 Рожою обсыпана.

(Золотонош.)

* *
*

Ой пиду я у луг по калыну,
 Да выломлю калынову витку,
 Да застромлю за билу намитку;
 Нехай моя калынонька вяне,
 Нехай моя родына гуляе.

(Радомысль.)

* *
*

Калынонька наша Маруся
 Пид калыною лежала,
 Калыну ломала;
 Чорным шовком у пучкы вязала,
 На дорожку бросала,
 До батенька слала:
 От тоби, батенько,
 От тоби да подарочок —
 Червоная да калыночка
 Од любои да дытыночки.

(Чернигов.)

* *
*

Темного лугу калына,
 Доброго батька дытына;

Така вона дренька
 Як рожа повненька.
 Ничого дывуваты,
 Така була іі й маты:
 Запысать іі в лысты,
 Щоб іі булы такі й сестры;
 Запысать іі в квиты,
 Щоб булы такі іі й диты!

(Хорол.)

* *
*

А у нас овес рясен,
 А у нас увесь рид красен:
 Яка маты, така дочка,
 Як красна калыночка.

(Новоград-Волинск.)

* *
*

До пана идемо́,
 Гостыньци несемо́:
 Жытній, пшенишныи, —
 Мы в пана вельчныи.

(Овруч.)

* *
*

Ой пане, паночку!
 Ведем тобі пидданочку:
 Вчора була у виночку,
 А сьгодня в серпаночку.

(Овруч.)

* *
*

У нашого пана,
 Зелена брама;

Золоти одвирки,
Дасть нам пан горилки.

(Овруч.)

* *
*

Ще, колы молода зь червоною стричкою, то довго весилья тягнеться. Ходять собі зь хаты до хаты жингы, свахы, колы хочуть, та спивають :

Через улыцю перезва
Нам дороженьку перейшла;
А все в злоти, в аксамыти
И в червоних чоботях.

(Овруч.)

* *
*

Казалы вражи люды,
Що Маруся недобра буде;
А вона добресенька,
Як рожа повнесенька.

(Овруч.)

* *
*

И тогда, як ходють с перезвою, одна сваха носыт на кійочку навшыняный льонь,—пряде, йдучы, ныбы-то така вже робоча, що йдучы пряде, и спивають самы собою:

Колы-б ты, прыданочко, добра;
То-б сидила у-дома,
А в тую метельцю
Куделья-б кудельцю.

(Овруч.)

Бо вони не вважають,—хоть якый дощ, або метельця,—вони ходять и танцюють по дорози. И музыка йде; там, хоть одна скрипка, або цымбалы, а йде. (Овруч.) *Примьч. пьейцы.*

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЯ.

— Запорожець, мамцю, запорожець
Вывив босу на морозець! —

До морозку нижкы прыкыпають,
Запорожци дивку пидмовляють:
„Не любви, доню, що в жупани;
Полюби, доню, що з постоламы,
Що всякій день ходыть за воламы,
Хоть не за своїмы, за чужымы,
Щоб нас, сердце, люды не судылы.“

— Уповала, мамцю, на жупаны,
Думала буты за ным пани;
И в жупанах, мамцю, не ходыла,
Доброй свыты не зносыла.
Уповала, мамцю, на керею,
Думала буты попадею;
И в кирей, мамцю, не ходыла,
Доброй свыты не зносыла.

(Радомысль.)

Ой гаю мій, гаю, густый, не прогляну;
Велять мени женытыся, да й сам я не знаю.

Велять мени браты у вдивонькы в хати,
 А в тыен да вдивонькы тры дочки в кимнати.
 — Чы ту, мамо, сватать, що головка гладка? —
 „Сватай, сынку, й людей пытай, чы метена хатка.,,
 — Чы ту, мамо, сватать, що намыстечко высить? —
 „Сватай, сынку, й людей пытай, чы дижу замисить.,,
 — Може ту, мамо, сватать, що дрибненько ходыть? —
 „Сватай, сынку, й людей пытай, чы дилечко робыть.,,
 — Робыть вона дило, да все хорошенько:
 Благословы-ж ты нас, Боже, и ты матусенько! —

(Глухов.)

Поставлю я коня у в'ограду,
 А сам пиду в хату на пораду;
 Аж мій батенько коло ворит ходыть,
 На рученьках сиделечко носыть:
 „Ой на́, сыну, сидельце, не гайся,
 Щоб вид того війська не зостався:
 Ой військо иде, оруженько мае,
 Попереду музыка играе.,,
 Поставлю я коня у в'ограду,
 А сам пиду в хату на пораду;
 Аж мый братик все по двору ходыть,
 У рученьках гостру шаблю носыть:
 „Ой на́, брате, шаблюку, не гайся,
 Щоб вид того війська не зостався:
 Ой військо иде, оруженько мае,
 Попереду музыка играе.,,
 Поставлю я коня у в'ограду,
 А сам пиду в хату на пораду;
 Аж моя ненька по рундуку ходыть,

У рученьках сорочечку носыць:
 „Ой на́, сыну, сорочку, не гайся,
 Щоб вид того вѣйска не зостався:
 Ой вѣсько иде, оруженко мае,
 Попереду музыка играе.,,
 Поставлю я коня у в'ограду,
 А сам пиду в хату на пораду;
 Аж моя сестра все по хати ходыть,
 У рученьках хустыночку носыць:
 „Ой на́, брате, хустыну, не гайся,
 Щоб од того вѣйска не зостався:
 Ой вѣсько иде, оруженко мае,
 Попереду музыка играе.,,
 Поставлю я коня у в'ограду,
 А сам пиду в хату на пораду:
 Аж моя мыла по свитлыци ходыть,
 На рученьках дытыночку носыць:
 „Ой на́, мылый, дытыну, не гайся,
 Та зо мною ще раз попрощайся!
 Ой мылый друже, люблю тебе дуже!
 Серденько мое, покидыаеш мене:
 Ой як мени забуваты тебе?
 Як итынеш мымо того жыта,
 Згадай тоди про мое ты жытьтя . . .
 Ой милый друже, люблю тебе дуже!
 Серденько мое, покидыаеш мене:
 Ой як мени забуваты тебе!,,

(Екатеринослав.)

— Ой хмелю-ж мій, хмелю, а хмелю зелененький!
 Де-ж ты, хмелю, зимувався. що не розывався? —

„Зимувався я, хмелю, в зеленій лисчини,
 Ночував я, моя мати, в молодон дивчыні!„
 — Ой сыну-ж мій, сыну! негаразд ты робыш;
 Жаліються молодыци, що ты шкоду робыш! —
 „Таки буду ходыты, таки буду робыты;
 Ой що-б тоби, моя мати, молодым оженыты!„
 — Оженыся, сыночок, оженыся, небоже!
 Та не беры удивонькы, та не дай тоби Боже!
 А в удивонькы серце, як зимнее сонце:
 А хоть воно як ни гріе, та холодный витер віе.
 А возьмы-ж ты дивчыну, бидну сыротыну;
 Будеть тебе шануваты, як мати дытыну.
 А в дивчыны серце, як литнее сонце:
 Хоть воно хмарнесенько, та таки теплесенько.

(Гадяч.)

Ой хмелю, мій хмелю, да де ты зиму зимував же?
 Ой зимував я у темному лузи, да й не розвивався.
 Ох и сыну, мій сыну, де ты ничку ночував же?
 Ох и ночував я в своен дивчыны, да й не розбувався.
 Ох и сыну мій, сыну, не гаразд же ты робыш;
 Хвалымыся чужи молодыци, що ты шкоду робыш.
 Буду, мати, ходыты, буду шкоду робыты;
 Ой було-б мене, моя матусенько, да молодым оженыты.
 Ой женыся, сыну, да женыся, небоже,
 Да не беры вдовы молодон, не суды тоби Боже!
 Ой женыся, сынку, ой женыся, небоже,
 Ой беры, сыну, молоду дивчыну, поможи тоби Боже!
 Що у вдовы серце да як зимнее сонце:
 Ой хоть воно янесенько гріе, да холодный витер віе.

А в дивчыны серце, да як литыее сонце:
 Ой хоть воно хмаресенько гріе, да тепленький витёр віе.
 Шо у вдовы диты, да нигде их подиты,
 А в дивчыны да дитей нема, люба-мыла розмова.

(Конотоп.)

Наступыла чорная хмара, наступыла й сыня.
 „Навчы, навчы, бидная вдова, да свойого сына.
 Як не будеш научаты, будем кароваты:
 Окаруем руки й ноги и чорніи бровы,
 Щоб не ходыв до дивчыны молодой.
 Окаруем руки й ноги, и карыи очы,
 Щоб не ходыв до дивчыны о-півночи.,”

(Глухов.)

Ой у недилю рано по-раненьку ясна зора зыходыла;
 Збиралася кривная родына, мене в військо выпроводыла.
 „Провожай, провожай, моя матусенько, чы не жаль тобі буде,
 Ой як поїду в чужу сторононьку да помеж чужіи люды!
 Спогадай, спогадай, моя матусенько, ой як сядеш хлиба йсты:
 Ой десь мій сын, десь моя дытына, да немає йому висты!
 Спогадай, спогадай, моя матусенько, ой як сядеш обидаты:
 Ой десь мій сын, десь моя дытына, що нікому одвидаты.
 Ой як буду, моя матусенько, да я в війську помираты,
 Приймай мою вирную дружыну да за ридну дытыну!”,
 Не такой же свит, не така годына да тепера настала,
 Щоб чужая, чужая дытына да за ридную стала!

(Борзн.)

Дорижка, дорижка, та шырока, —
 Та шырока, и далека;

Як по тій дорижци да жовтіи писочки,
 А на тых писочках стоять три садочки:
 Що в первому садочку соловейки свыщуть,
 Що в другому садочку зозуленька кую,
 А в третьому садочку маты з сыном стояла,
 Маты з сыном стояла, маты сына пытала:
 Ой сыну, мій сыну! хто-ж тобі вирнишый —
 Чи жинка, чи теща, чи маты ридная?
 „Маты моя, маты, на що се й пытаты,
 На що се й пытаты? можно самій знаты,
 Що теща для прывиту, жинка для совиту,
 А ты, стара маты, порадныця в хати;
 Родыла й болыла, страждала, вмирала,
 Кров прольвала — смертонькы бажала!„

(Прилук.)

В чыстим поли бл камень лежить.
 Ой на тим каменю сыз орел сыдыть,
 Ой сыдыть орел да й размышляе;
 Иде козак дорогою, орла пытае:
 — Ой чы був, орле, в мойй сторони?
 Ой чы тужыть моя мыла по мени?
 „Ой тужыть—тужыть, на лижку лежить,
 Правою рученькою за серце держыть.,,
 Ой уставай мыла, скажу тобі висть:
 Ой прійде твій мыленькый, буде в тебе гисть.
 Ой устала мыла, як не лежала,
 Усю челядоньку порозбужала:
 Ой уставай, челядь, засвity свичи,
 Нехай-же я подывлюся мыленькому в вичи.
 — Ой чого-ж, мій мыленькый, з лыченька зпав?—

„Через тебе, моя мыла, що тебе не выдав.
 Ой чого-ж, моя мыла, з лыченька знала?„
 —Через тебе, мій мыленькый, що тебе не выдала.

(Глухов. Радомысль.)

Ой выйду я за воритечка, да рыне вода, рыне;
 Не сылуйте мене за нелюба, да нехай же вин згыне!
 Ой колы-ж вы мене сылуєте, дак вы-ж мене 'тдайте;
 Ой колы-ж мени а горе йметься, то на мене и дбайте!
 Ой хожу, блужу я по улоньци, як прыблудная овця,
 Да ни до кого мени промовыты да виренького словця.
 Ой туман, туман да по дорозп, ой туман качається;
 Ой десь мене пры лыхій годыни увесь рид цурається.
 Ой не цурайсь мене, родынонько, не цурайся ты мене,
 А пры лыхій да годыноньци прызнавайся до мене.
 Да нема-ж цвиту найповнишого над ту макивочку;
 А нема роду найвирнишого над ту матиночку.
 Да нема цвиту найсынищого над ту ожыноньку,
 А нема слова найвирнишого над ту дружыноньку.
 Ой туман, туман да по дорозп а туман по облози . . .

(Переяслав)

Искладу я дило, — нехай на петривку!
 Заберу дитей я та пиду в мандривку.
 Ой зайду я на могылу, та розвьяжу я торбыну:
 Роспущу я свои диты на всю украину.
 Ой зайду я у долину, — стану, погадаю, —
 Як возьму я своих диток вмисто позбираю!
 Ой ходыла та блудыла, диток понудыла —
 На що-ж мени чужи люде, з мене своих буде!
 Ой два сыны оре, чотыри молоте,

А дванадцять дочок за постать заходе,
 А два сыны годую — у військо готую . . .
 (Ізюм.)

Ой повинь, витроньку, з горы в долиноньку,
 А з горы в долину, де маю родыну.
 И витер не віє, и сонце не гріє;
 Тільки степом — полем трава зеленіє.
 Пусты, мій мыленький, голубчык сивенький.
 До броду по воду — одвидаю роду.
 Я й сам не пиду, и тебе не пушу,
 Бо ты скажеш роду об свою прыгоду.
 Не буду казаты, а ни спомянаты,
 Як обильють слёзы, то я выйду з хаты;
 Выйду за ворота, стану як сырота —
 Хто йде, то мынає, бо роду немає.

(Житомир.)

Ой гаю мій, гаю, гаю зелененький!
 Чом на тебе, гаю, ни витер не віє?
 Ой витер не віє, гилья не колыше;
 Тільки брат до сестры часто лысты пыше,
 Пыше на вкранну, туды их шле швидко:
 — Сестро моя, сестро, сестро украинко!
 Що мени на свити з тобою робыты?
 Чы прывыкла, сестро, на чужини жыты? —
 „Хоча не прывыкла, треба прывыкаты,
 Колы уродыла без доленьки маты.“

Крый тихого броду, пье сывый кинь воду.
 Просымася-мыла да до своего роду:
 — Пусты мене, мымый, голубонько сывый.

Да до мого роду, хоть по шую в воду.
 Хоть я замочуся, в роду просушуся,
 Таки з родыною да й наговорюся. —
 „Ой не пушу, мыла, да до твого роду;
 Бо ты свойму роду скажеш всю прыгоду.,,
 — Ой не буду, мылий, прыгоды казаты;
 Тилько буде знаты отець старый, маты. —

(Глухов.)

Не спивайте пивни, бо ще я не спала:
 Ще своему роду правды не сказала.
 Выйду за ворота, стану як сырота —
 Хто йде, то й мынае, бо роду немае.
 Ой повій, витроньку, з горы на долину;
 Ой прынесы, Боже, здалека родыну!
 И витер не віе, гилья не колыше, —
 Тилько брат до сестры да мыстонькы пыше:
 Сестра-ж наша мала! чи привыкла сама?
 Ой хоч не привыкла, треба привыкаты,
 Колы породыла безсчасную маты!

(Остер.)

Ой ты соловей, пташечко мыла!
 Ой не щибечы садом летючы,
 Ой не оббывай ранньою росы:
 Нехай обибье матюнка моя,
 До мене йдучы, одвидуючы,
 Моего жыття распытуючы!
 Матюнка моя, ридная моя!
 Прийды до мене, одвидай мене:
 Ой як я жыву, як я горюю —
 Я своих диточок не погодую!

(Глухов.)

Ой ты, соловей, ранья пташечка,
 Ты не щечечы рано на-зори,
 Да не обтрусы раньньої росы:
 Нехай обтрусить моя матюнка,
 До мене йдучы, одвидуючы,
 Мого жыття розвидуючы!

7 Чоловече мій, дружыно моя!
 Завиз ты мене, де роду нема,
 Де роду нема, да все чужына:

10 Никуды пійты, поговорыты,
 В серци печали да роздильты!
 „Ой, жынкo моя! пійды до кумы,
 Пійды до кумы, огню наберы,
 Из серця печаль з кумою роздиль!„
 — Ой, я й ходыла, и говорыла,
 С кумою печали не роздильма. —

16 На дубочку два голубочки
 И цилуються и мылуются,
 Моему жытьтю дывуются.
 Ой вы, голубы, вы сызенькіи,
 Вы цылуйтеся, вы мылуйтеся,
 Моему жытьтю не дывуйтеся!„

(Глухов)

7 Ой як я живу, як я горюю.
 Не так живеться, як горюється:
 Богатого роду все цурається,
 И ридна сестра не признається;
 Як стала жыты, розживатыхся,
 Стала родына признаватыхся,
 А и ридна сестра у гости прыйшла,
 У гости прыйшла, ще й мову найшла.

- 10 Никуды питты, огню добуты,
 Ни с кым статьи, поговорыты.
 Тугы—печали та й розважыты.
 Жиночко моя, дружино моя!
 Пиды до кумы, огню наберы,
 Сядь з кумасею да й поговоры!

(Конотоп.)

- 16 В чыстому поли стоять два дубы,
 Да схымымыся верхы до купы.

(Харьков.)

Чоловиче мій, дружино моя!
 Та завиз ты мене в чужу сторону,
 В чужу сторону без родыночкы;
 Никуды питты поговорыты,
 Та на серцю печаль розвесельты.
 Й ой жинко моя, дружино моя!
 Ой есть у поли та дви тополи,
 Третья былына—то вся родына:
 Туды пійдемо та поговорымо,
 Тогди печаль на серцю розвесельмо!
 Чоловиче мій, дружино моя!
 Вже-ж я ходыла и говорыла—
 До мене тополя не промовыла,
 Та на серцю печаль та й не розвесельма.

(Васильков.)

Посію я руту да м'яту
 В зеленому саду да саду;
 Рута та м'ята та не прынялася,
 Родынонька да й одреклася.

Перечула через люды,
Що мій батько в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла.
Аж мій батько іде да іде,
Вин до мене да й не зайде:
Нич моя темна а зиронька ясна,
Доленька моя несчасна!
Перечула через люды,
Що матинка в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла;
Аж матинка іде, да іде,
Да до мене не зайде:
Нич моя темна, а зирочка ясна,
Доленько моя несчасна!
Перечула через люды,
Що братичок в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла.
Аж мій братичок іде, да іде,
Да й до мене не зайде:
Нич моя темна а зиронька ясна,
Доленько моя несчасна!
Перечула через люды,
Що сестрыця в гости буде:
Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
Воритечок не зачыняла;
Аж сестрыця іде да іде,
Вона до мене да й не зайде:
Нич моя темна, а зирочка ясна,

Доленько моя несчасна!
 Перечула через люды,
 Що мій мылий в гости буде:
 Ждала я, ждала, ждала, дожыдала,
 Воритечок не зачыняла.
 Аж мій мылий іде, да іде,
 Да й до мене вии заіде;
 Нич моя темна, а зиропька ясна,
 Доленько моя прекрасна!

(Конотоп.)

Да вымитала галка з зеленого гайка,
 Да вымитала друга из темного луга;
 Сила на дубочку в вишневым садочку:
 Да не хылыся, дубе, бо жытьтя не буде;
 Да не хылыся, сосно, бо й так мени тошно;
 Да не хылысь, береза, не пьяна — твереза;
 Да не хылыся, гилько, бо й так мени гирько,
 Не хылыся нызько, нема роду близько;
 Тилько в мене й роду — два братикы зроду:
 10 А третя, сестрыця, пишла в сад гуляты,
 Пишла в сад гуляты бративив шукаты:
 Ой прыйдить, братикы, в недиленьку вранци,
 Намочым горилкы — в зеленій пляшци,
 Намочым горилкы з перцем, из инберцем,
 Выпьем, братикы, з своим щырым сердцем.
 Да чого-сь мени, братикы, горилка не пьеться,
 Коло мого серденька як гадына вьеться.
 Есть мени, братикы, из хмелю похмилля —
 Коло мого серденька вельке журиньня.

(Золотонош.)

10 Та й ти прыбувають десятого году.

(Изюм.)

— Ой мылий мій, мылий, мылий соловейку,
 Прыбуди-же до мене в недилу раненько;
 Прыбуди же, мій мылий, в недилу у-ранци, —
 Заправлю горилки в крышталевій пляшци,
 Из перцем, з инберцем, з моим щырым сердцем! —
 „Чомусь мени, мыла, горилка не пьється:
 Коло мого серденька, як гадына вьється.,,
 — Ой то-ж не гадына — то лыха годына
 Коло твого серденька соби гнздо звыла. —
 Выметила галка, чужа, подолянка,
 Сила-пала галка на зеленим дуби:
 „Не хмыся, дубе, бо й так мени буде,
 В чужій сторононьци бидній головонци.,,
 Выметила галка, чужа, подолянка,
 Сила-пала галка на зеленій сосни.
 „Да не хмыся, сосно, бо й так мени тошно,
 В чужій сторононьци бидній головонци.,,
 Выметила галка, чужа, подолянка,
 Сила-пала галка на зеленій гильци.
 „Не хмыся, гилько, бо й так мени гирко —
 В чужій сторононьци бидній головонци!

(Золотонош.)

Вымитала галка, з зеленого гайка,
 Сила, пала галка на зеленим жыти:
 Не хмыся, жыто, бо й так мене быто!
 Сила, пала галка на зеленій сосни:
 Та не хмыся, сосно, бо й так мени тошно!
 Сила, пала галка на зеленій вильси:

- Не хылыся, вильхо, бо й так мени гирько!
 В недиленьку вранци збирайтеся, братци!
 Та намочим горилкы у зеленій плящи,
 Та вышьемо, братци, горилкы по чарци!
 Та чомусь мени, братци, горилка не пьеться,
 Край мого серденька гадынонька вьеться,
 Извела гниздечко, де мое сердечко;
 14 Извела кубельце, там де мое сердце.

(Гадяч.)

- 15 А то не гадына—то лыхая годына:
 Изсушыла, извъялыла невірна дружина!

(Золотонош.)

Не хылыся сосно, бо й так мени тошно;
 Не хылыся гилько, бо й так мени гирько.
 Сыва зозуленько, не куй жалибненько,
 Та не збуды мого гостя дорогого,
 Гостя дорогого братика ридного!
 Ой я сама знаю, колы избудыты—
 Як ясне сонечко стапе изходыты:
 Ой встань, мій братьку; ой встань, пробудыся!
 Ой там у садочку водыця в кубочку,
 А в новій свитлоньци рушнык на килочку.
 Водыцею вмыйся, рушнычком утрыся,
 Тогди, мій братику, на скамью садыся!
 Будем говорыты, будем розмовляты,
 Як маленьких диток та й догодоваты.

(Гадяч.)

Грушыце моя! чом-же ты не зелена?
 Везена—не вкрывана, посажена—не поливана,

Сырою землею не осыпана!
 Мылая моя! чом-же ты не веселая,
 Як ты в своен матинкы росла,
 В ридного батенька жыла? —
 „Мыленький, мылесенький мій!
 Дай мени воленьку таку,
 Як в своен матинкѣ росла.
 В ридного батенька жыла!„
 — Мылая, мыленька моя!
 Зроды мени девять сынив,
 А десяту дочку хорошу,
 Тоди дам тобі воленьку таку.
 Як ты в своен матинкы росла,
 В ридного батенька жыла. —
 „Мыленький, мылесенький мій!
 Збудуй мени девять домив,
 А десятый терем высокый:
 В тим теремн будемо жыть,
 Жыть, жыть, да Бога хвалыть,
 Сынив женыть, а дочок давать,
 Родычив на весілья звать! . . .”

(Гадля.)

- Що поузь мій двир, воритечка, голубка летила:
 Не дав мене мій батенько за кого хотила.
 Отдав мене мій батенько та за воеводу,
 У чужый край, сторононьку, далеко од роду.
 Ой вырву я з рожн квитку та пушу на воду:
 Плывы, плывы, з рожн квитко, аж до мого роду.
 7 Плыла, плыла з рожн квитка та й стала крутыться;
 Выйшла маты водн браты, та й стала дывыться:

- Чого ся з рожн квитка на води зовьяла ?
 Ой десь моя да донечка в педузи лежала !
 Не лежала, моя маты, ни дня, ни годыны;
 Попалася в лыхи руки невирній дружыни.
- 13 Запрягайте, слугы мои, кони вороніи;
 Наздогоньте, слугы мои, мита молодін.
 Як нагнали слугы мои на рубленим мости:
 Вернитесь, мита мои, хочь до мене в гости.
 Хочь вернемось, не вернемось, да вже не до тебе;
 Шановаты було-б тогди, як мы были в тебе.
 (Конотоп.)
- 7 Плыла, плыла з рожн квитка аж до м'ен хаты;
 Аж там выйшла стара ненька тец воды браты,
 Стала тую з рожн квитку в води познаваты:
 Ой десь же ты, моя доню, цилый рик лежала,
 Ой що твоя з рожн квитка на води зовьяла.
 (Житомир.)
- 1 Тече вода холодная з-пид кореня дуба;
 Нема мени одрадонькы од мого нелюба.
 Нема мени одрадонькы ни д отця ни д ненькы;
 Сушать мене, вьялять мене мои вороженькы.
 Изушылы, извьялылы, як витер былыну:
 Було лычко як яблучко, стало як ожина !
 Изушыла, извьялыла невирна дружына !
- 13 Ой запряжу сирн волы, вороньи кони :
 Да пойду доганяты счаслывои доли.
 Як нагнала счастья й долю на калыновим мости:
 Верньсь, верньсь, щастя й доле, та до мене в гости !
 „Не вернуся я до тебе, була я у тебе:
 Було тобі шановаты, було поважаты.

Було тобі що-вечора билу постиль слаты.,,
 Бодай же ты, гирка доле, сього не лождала,
 Щоб я тобі що-вечора билу постиль слаа!

(Золотонош.)

7 Ой прыплыла квитка до баткового двора:
 Чого сая квиточка на води зовъяла?
 Десь моя донечка сим лит лежала!—
 „Не лежала, таточку, ни дня, ни годыны,
 Ни дня, ни годыны, й часу, ни часыны:
 Далы мени мужа—певирного друга—
 Що його не зминять, що його й не продать;
 Тилько за целюбым свій вик каратать!

(Остер.)

Ой до горах, по долынах пташечкы литають;
 Не знала я роскоши, вже лита мынають.
 Чы я спыла, чы я зпыла, чы гарно сходыла?
 Тилько мой вси роскоши, що гирко робыла.
 Ой запряжу сири волы, кони воронін,
 Та пойду здоганяты лита молодіи.
 Наздожену молодости в калыновим мости:
 „Вернитесь, лита мой, хоч до мене в гости!„
 — Не вернемось, не вернемось, не маем до кого:
 Не вмила ты шановаты здоровъчка свого!—
 Ой вырву я з рожі квитку, та пушу на воду:
 Плывы, плывы, з рожі квитка, аж до мого роду!
 Плыла, плыла з рожі квитка, на берези стала,
 Выйшла маты воды браты, квиточку піймала.
 „Десь ты, моя дытынонько, тры лити лежала,
 Ой що твоя з рожі квитка на води зовъяла.,,
 — Не лежала, моя маты, ни дня, ни годыны,

Попалася в лыхи руки невірній дружыни.
 Тече вода з-пид горóда, з-пид кореня дуба;
 Нема мени обрадоныкы од мого целюба!

(Борзи.)

- Ой давно, давно я в роду була,
 А вже-ж тая дориженька терном заросла,
 3 Терном заросла, лыстом прыпала,
 Червоною калыною понависала.
 Ой як я схочу, терен высичу,
 6 Червоную калыноньку в пучкы повьяжу,
 Такы свою родыноньку хоч в рик побачу;
 Червоную калыноньку у пень выломлю,
 Да до своей матюнкы в гости полену.
 Буду литаты, буду коваты,
 Чы не выйде моя маты з новои хаты.
 Моя маты спыть, — спыть да й не чуе;
 Невисточка, голубочка, тее-ж учула:
 — Устань, матюнко, устань, утюнко!
 Що-сь у нашому садочку за пташка куе!
 16 „То-ж не пташечка, то-ж моя донечка,
 То-ж моя безчасная, безталанная;
 Тут родылася тут хрестылася.
 У чужую сторононьку да й одбылася.,,

(Глухов.)

- 3 Ой терном, терном, ще й шепшыною,
 Як була у батенька ще й дывчыною.
 6 Ой сяду-впаду у батенька в саду,
 Травоньку зелену слизамы зилью,
 Своєю сухотою весь сад высушу!

(Гадяч.)

- 16 „То-ж не пташечка сыва зозулька . . .
 Колы-ж ты зозулька, леты в щырый бир;
 Колы-ж ты моя донечка, ходы ко мни в двир.
 Ходы ко мни в двир за тысовый стил!„

(Чернигов.)

Ой маты дочку мала, та їи за-муж дала:
 Як давала, то приказувала, щоб у гости не бувала.
 А дочка не втерпила, в рик прылетила,
 Скынулася сывой зызулькою, у вышпвовим саду сила.
 Ой сила-ж вона, сила, да стала коваты:
 Ой чы не выйде моя ридна маты, да чы не выйде з хаты!
 Аж матусенька выйшла, да стала на порози:
 Ой изгадала свою ридну дочку, да облялы їи слёзы.
 „Колы ты зызуля, то леты в луг коваты;
 А колы моя ридная дочка, то прошу я до хаты.„
 А зузуля стрепенула, в темный луг польнула,
 Сила соби на высоким древи. отця їи матку спомынула!

(Житомир.)

- Одала мене моя матинка
 У чужую стороньку меж чужїи люде.
 Ой як отдавала да їи приказовала:
 4 Щоб ты, доню, писля не бувала!
 Пожыла я годок, пожыла я другый,
 А на третїй стала искучаты . . .
 7 „Ой колы-б же я зузуленька, та крылечка мама,
 Польнула-б до матинки в гости . . . „
 Лугамы летила, лугы потопыла;
 Садамы летпла. сады звесельма;

Сила, пала в матинкы в садочку
 На тоненькому бересточку.
 Старшый брат коныченька сидлае,
 А пидстаршый ружжьо заправляе:
 Хотать тую зузуленьку вбыты,
 Хотать тую зузуленьку з свита изгубыты.
 А матинка сыдыть край виконця,
 Гирко плаче, не промовить словця . .
 Ой не быйте, сынчкы, теи зузуленькы!
 Та посыпте жемчужного проса,

Та меду вкубочку:

Хай вона та й найдається,
 Солодкого меду та й напывається!
 — Та я наймся у поли пшеници,
 А напыюся водыци з крыньци;
 Та годи сыдиты да пора летиты,
 Доси плачуть та маленькїи диты;
 Та уже насыдилась, та уже накувалась.
 З своею матинкою нарорювалась!¹—

(¹) В спискѣ: наговорылась.

(Копотоп.)

- 4 Щоб ты, доню, сим лит не бувала!
- 7 Обернувшысь зозулею та й в год прилетила.
 Як сила—ж я в батька в сади, —
 Ой як же я закувала, весь сад поламала!
 Ой як же я затужыла, весь сад заглушыла!
 Идѣ—ж моя маты калыны ламаты,
 А за нею мїй братичок зозули стріяты.
 Ой не стріяй, сынку, сіен зозуленькы:

Як же отсій зозуленьци, то так моїй донци,
То так моїй донци на чужій стороньци.

(Харьков.)

- 6 А червоную калыну в прыпил выломлю,
Та до своєї матинкы в гости полыну!
Ой як летіла, луг поламала;
А где спочывала — кырныця стала!
Ой сяду я, впаду, в матинкы у саду,
На цій черешоньци, що расно родить:
Аж моя маты по двору ходить . . .
Ой буду коваты и промовляты:
Чы не выйде матинка з хаты!
Матинка выходить, невесток будить:
„Невисточки, голубочки! згляньте, зачуйте —
Щось в нашем саду за пташка кує!“,
— Ой це не пташка, се ваша дочка,
Що вродылася без таланочка!
Ой що без счастья та без доли вродылася,
У чужій стороньци жыты забылася!
Чужая сторонька без витру шумить, —
А чужый батенько не бье, та больить, —
З чужою матирью горе в свити жыть —
Пиде до сусиды та ще й осудить:
„Чужая дытына не хоче робить,
Выйде за ворота — ляже та й спить . . .“

(Васильков.)

Ой у хати у комнати сыдыть стара маты.
Порадь, порадь, моя маты, як нелюба называты?
Ой сядь, моя доню, за тесовым столом,
Да назовы нелюбого ты сывенькым соколом.

Лучче-ж мыши, маты, важкый камень зняты,
 А пнж мыши нелюбого сывым соколом назваты.
 Ой лучче-ж мыши, маты, гиркый полынь йсты,
 А пнж мыши из нелюбом а вечеряты снсты.
 Ой загремы да громьку пад моею кимнатою,
 Да побый-же нелюбого у кимнати на кровати.
 Ой летла зозуля через сад куючы;
 Да вже-ж мыши докучыло на снм свити горуючы.
 Ой летла зозуля да сказала: куку!
 Да вже-ж мыши докучыло сюю терпячы муку.
 Ой летла зозуля через делованья;
 Верны, верны, мыый Боже, мое дивованья!
 Покы свита сонця дивкою не буду,
 Поты свого горованья я повнк не избуду!

(Переяслав.)

Ой у лузи калына увесь луг изкрасыла:
 Невирная дружинонька извальма, изсушыла.
 Ой я тую калыну зтопчу, зломлю да й покыну;
 З невриною дружиною куды пйду, то загыну.
 — Порадь мене, моя маты, як нелюба называты?—
 „Ой сядь же ты, допько моя, за тесовым столочком,
 Ой назовы нелюбого да ясным соколочком.,,
 — Лучче-ж мыши, моя маты, гиркый полынь йсты,
 А пнж мыши из нелюбым за тесовым столом снсты;
 Лучче-ж мыши, моя маты, кругу гору роскопаты,
 А пнж мыши нелюбого соколоньком называты!
 Круту гору роскопаю, сяду, одпочыну;
 Як пйду я за нелюба, то й навикы загыну.
 Не сыловав мене батько, не давала мене й маты:
 Сама стыда полюбыла, пн на кого жалковаты.

(Глухов.)

Ой у лузи калына увесь луг закрасыла;
 Невирная дружина звьялыла, зушыла.
 Ой я тую калыну зтопчу та й покыну;
 З невірною дружиною куды пиду, то й загыну!
 Ой маты, маты, порадыця в хати!
 Порадь мене, моя маты, як з нелюбом горюваты!
 — Ой доно моя, доно, порадь-же ты мою волю,
 Та посады нелюбого вечерять з собою.
 — Ой лучче мѣни, маты, гиркый польнь істы,
 А ниж мени з нелюбом вечеряты сисы;
 Лучче мени, маты, гиронькы копаты,
 А ниж мени з нелюбом та спаты лягаты.
 Лежыть мылый у постели, як печына у попели;
 Ой пожался, мылый Боже, дивчынонькы молодой!

(Изюм.)

Ой за гаем, гаем зелененькым,
 Та иде Дунай не тихый — быстренький,
 Над Дунаем явир зелененький,
 Пид авором коньк вороненький,
 А на кони козак молоденький,
 Та все стыха у гуслонькы грае,
 Струна струни тихо прѣмовляе:
 Нема впыну вдовыному сыну!
 Як бѣ, так бѣ що-дня свою мылу!
 Лежыть мыла як буз сынесенька,
 Стопть нелюб як нич темпесенька:
 — Ой чы будеш по щыросты жыты?
 То не буду повик тебе быты!—
 „Ой хоть буду в сырій земли гныты,
 А не буду по щыросты жыты.“

— То-ж-бо й горе, що не по любви
Загубив я лита свои з молодости!

Сидай, мыла, вечерять зо мною;

Любы, мыла, розмову з тобою!—

„Лучче-ж мени гиркий полынй йсты,

А ниж з тобою вечеряты систы.,

— То-ж-бо й горе, що не по любви
Загубив я лита з молодости!

Лягай, мыла, спатонькы зо мною;

Любы, мыла, розмову з тобою!—

„Лучче-ж мени у дверей стояты,

А ниж мени з тобою лягаты.,

— То-ж-бо й горе, що не по любви
Загубив я лита свои з молодости!—

Подай, мыла, свою билу ручку,

Прыложыты до мого сердечка.—

„Лучче-ж буду над жаром держаты,

А ниж тоби билу ручку даты!.,

(Изюм.)

Ой у поли пшениченька,

Ой там поле дивчинонька;

Вона поле, вона поле,

На сонечко поглядае:

Чы высоко, чы низенько

Сыв голуб литае?

Вин литае, буркутае,

Соби паронькы шукае:

Як буркуку, так буркуку,

Подай, мыла, билу руку!

— Ой рада-б я, мий мыленький,

Обыдвѣ тоби податы:
 Положила мене маты
 Из нелюбом спаты.
 Ой нелюбий, нелюбочку!
 Не бый мене в головочку:
 Мене маты годувала,
 В головочку не вбывала;
 Ой як будеш мене быты.
 То не будем вкупи жыты.
 То я пиду прич од тебе,
 Нехай тебе орда визьме.
 Нехай тебе изрубает!

(Гадяч.)

Ой не сама, не сама та былиночка в поли,
 Да не дав мнѣ Бог да ни щастья ни доли.
 Тилько дав мнѣ Бог чоловіка не до любви,
 Що вин пье да гуляє и мене розорие,
 А як прыйде додому, не говорить зо мною . . .
 Хыба-ж мнѣ, сердце мое, розыйтися с тобою?
 Не я тебе полюбыла, полюбыла моя маты:
 Жывы, жывы, моя доню, ой така твоя доля.
 Ой пйду я молодая та до броду по воду,
 Поставлю я видеречка нид крутою горою.
 Поставлю я видеречка нид крутою горою;
 Не бачыла дивчынонька перевизчыка з роду:
 Перевизчык, перевизчык, перевезы до роду;
 Нехай же я побачуся хочь четвертого году!
 Озоветься моя маты та по тим боци моря:
 Жывы, жывы, моя доню, ой така твоя доля!
 Чы я в тебе, моя маты, увесь хлѣб пойла,

Що ты мене моя маты та на вик зайла ?
Чы я в тебе, моя маты, усе платья поносыла,
Що ты мене, моя маты, та навикы затопыла ?
Ой завьяжы, моя маты, та билим платком очн;
Веды мене, моя маты, та темненькон noci ;
Веды мене, моя маты, та де вода холоднйша ;
Топы мене, моя маты, а що я найкращйша.
Бижыть вода с-пид каминя, да не холодна,—тепла;
Моя маты ридненькая, вызволяй мене з пекла !

(Копотоп.)

Ой гости мои зазванн,
Ой очи мои заспани !
Ой маты моя старая,
Нащо ты мене скарала:
За ланця мене отдала !
Ланцюга щодня дуже пье,
Прийде додому та й не бье,
Вин не бье мене, не лас,
Вин мене словом карае.
„Урикай, доню, урикэй,
Та й у садочок утикай ! „
А у садочку калына,
А на калыни зозуля,
Вона не куе, воркуе —
Нихто зозули не чуе;
Тилько зачула невихна,
По воду рано идучы,
Повни видерця несучы.
Прыходе мыла додому,
Ходе миленькый по двору:

21 Чого ты, мыла, така,
 Як водиченька мутная?
 — Я правду тобі всю скажу:
 Я твоїй неньци не вгожу;
 Постелю постелю, не ляже;
 Прыпичок помажу, невгоже;
 Чобитки помью, не вбуе;¹
 Ой вона багато гордуе!

(Ізюм.)

21 Чого ты, мыла, плачеш?
 Чому ты мени не скажеш?
 — Того-ж-бо я й тужу,
 Твоїй матери не вгожу!
 Помью ноги у лузи —
 Вона помаже в калюжи:
 Помью ноги у мыли,
 Вона помаже у глини;
 Постелю постіль, не ляже . . .
 Моему серденьку докаже!

(Житомир.)

„Ой ты, багачу, я-ж тебе давно знаю!
 Не сватай мене, бо я корив не маю!
 У мене коровы—тільки чорни бровы,
 У мене тельци—карыи очыци.,,
 — Ой ты, дивчыно, дивчыно небого!
 Не скажу тобі за коровы ничего.—
 „Хоч ты не скажеш, скаже твоя маты:
 Да встань, невистко, час до череды гнаты;
 Да встань, невистко, щоб здорова не встала!
 Подій тїи коровы, що од-батька нагнала,

Попрогонь овечкы, що родына здаровала.,
 — Ой годи, маты, сым очи выбываты :
 Я з твоим сыном тры вечоры стояла,
 Я твоему сыну всю правду сказала. —
 „Я-ж тебе брала, да й не хотила браты;
 Ты сама знала, чым сына чароваты.,,
 — Бодай же ты не знала од синей до хаты,
 Ой як я знала, чым сына чароваты.

(Глухов.)

Галочко-ж, галочко моя чорненька!
 Скажи галочко: де моя мыленька?
 — Твоя мылая в лузи над водою,
 Умывається гарячею слизою,
 Утырається зимьячком крушыною,
 Утишається малою дытыною,
 Выхваляється вирною дружныю. —
 Прыйшла свекруха невихну побужаты:
 — Вставай, невихно, вставай ты молодая!
 Подій коровы, що вид батька нагнала,
 И ти овечкы, що маты дарувала! —
 „Ой на що-б маты, сым очи выбываты ?
 Я твого сына не сылувала браты,
 Я з твоим сыном весь вечир проходила,
 Я з твоим сыном си речи говорыла:
 Не сватай мене, в мене коров немає;
 В мене коровы — чорненькі бровы,
 В мене овечкы — ласкавіи словечкы!,,

(Изюл.)

— Ой умру я, мій мыленький, умру;
 Зробы мени з клын-дерева труну!

— Ой де-ж, мыла, клын-дерева взяти?
Будеш, мыла, в дубовій лежати!
— Ой надинь, мылий, лянную сорочку,
Зховай мене в вышневим садочку,
Насып, мылий, високу могылу,
Та й посады червону калыну;
На калыни будуть зозули куваты,
Вони мени будуть правдоньку казати.—
Мій мыленькый по садочку ходыть,
Одно дытя за рученьку водыть,
А другее на рученьках посылыть:
Разхылитися, калынови виты;
Пріймы, мыла, хоть маліи диты!
— Ой не хочу я дитей прійматы,
Будеш, мылий, и сам годувати!
— Ой чи вельш, мыла, женытыся,
А чи вельш журытыся!
— Ой не велю-ж я, мылий, журытыся,
А велю-ж я женытыся;
Та не велю удивоньки браты,
Бо не буде дитей годувати!—
Обизветься вдова по тим боци моря:
— Беры-ж мене козаченьку;
Та я буду калыпу ламаты,
Буду твоих дитей годувати!—
Обизветься мыла, мыла й чорноброва:
— Бодай-же ты, вдово, вдово, й не диждала,
Щоб ты сюю калыну ламала,
Щоб ты моих дитей годувала!
Продай, мылий, з скрыни тканку,
Та наймеш мамку й няньку:

Бо ти-ж будуть дитей годуваты,
Тебе-ж, мылий, будуть зодягаты.

(Гадляч.)

Ой умру, мій мыленький, умру,
Зробы минн кедровую труну.
— Ой де-ж, мыла, кедрыны достаты?
Будеш, мыла, и в сосновій лежаты! —
„Высып, мылий, високу могылу,
Да посады червону калыну;
Як калына буде процвитаты,
Минн буде легенько лежаты.
Продай, мылий, рябую корову,
Годуй дитей, чыны мою волю;
Продай, мылий, червону запаску.
Родуй дитей, чыны мою ласку!„

Ой в неділю раннім-пораненьку,
Я-ж думала що сонечко сходить,
Я-ж думала, що яснее сходить:
Аж мій мылий по садочку ходыть,
Двоих диток за собою водыть,
Маленьке на рученьках носыть,
Жалибненько свою мылу просыть:
Устань, мыла, устань, дорогая!
Росплакалась дытына малая.
— Нехай плаче, вона перестане—
Вже-ж матюнка до вику не встане.
Нехай плаче, воно перебуде;
Вже-ж матюнки до вику не буде!

(Глухов.)

Ой по-пид гайом, гайом зелененькым,
 Ой там ходыла мылая з мыленькым.
 „Ой мій мылый, ой мій мылый друже,
 Болыть в мене головонька дуже;
 Ой болыть, болыть, подобно я умру:
 Гей, зроби мени з цыдрыны трумну.,,
 — Где-ж тобі, мыла, цыдрыны взяты?
 Будеш, моя мыла, в дубовій лежаты.—
 „Гей продай, мылый, коня вороного,
 Та купы мени полотна тонкого,
 Гей скажи вышыты тонкую сорочку
 И поховаты в вышньовим садочку.
 Скажи высыпаты високу могылу
 И посадыты в головках калыну;
 А ты будеш по саду ходыты
 И другую мылу за руку водыты:
 — Ой що то, мылый, що це за могыла,
 Що я свои били нижкы об ей побыла?
 — Ой моя мыла! то тая могыла,
 Що в ней лежить перша моя мыла.
 — Ей було, Петре, в саду не ховаты,
 Гей було ій сорочки не даты,
 Було обвертиты в подрану рядныну,
 Було іи вывезты у степ на долину.
 — А щоб-же ты, жинко, того не дождала,
 Щобы моя перша на степу лежала!—
 Ей там у садочку по могыли хожу
 И мале дытя на рученьках ношу:
 „Гей устань, мыла, першая дружина,
 Бо за тобою вся худоба гыне!.,,
 — Ой нехай гыне, нехай пропадае:

Ой маеш ты жинку, нехай помагае! —
 „Гей устань, мыла, першая дружина,
 Бо за тобою мали диткы плачуть.“
 — Ой нехай плачуть, — воны перестануть,
 Бо вже мои били ручки да до ных не встануть:
 Ой рада-б же я их та на руки взяты —
 Сыра земля наверхула, не могуць пидняты. —

(Васильков.)

О мій мылый друже, не бый мене дуже,
 Бо я буду слаба лежаты в недужи.
 Ой як я буду в недужи лежаты,
 То прошу, мій мылый, мене одвидаты.
 Ой умру-ж бо я, мій мыленький, умру;
 Зробы мени с кедрынонькы труну . . .
 Де-ж тоби, мыла, с кедрыны набраты?
 Будеш, моя мыла, в сосновій лежаты.
 Дасте на мене шытую сорочку,
 Поховаете мене в вышньовим садочку.
 Де-ж тоби, мыла, шытои узяты?
 Будеш, моя мыла, в плоскинній лежаты.
 Высыпте-ж на мене высоку могылу,
 Посадить в головках чирвону калыну;
 Як будеш, мылый, другу жинку браты,
 То прыйды до мене калыны ламаты.
 А в недилю рано, ще й сонце не сходить,
 А вже мій мыленький по садочку ходыть.
 Ой устань, мыла, устань, чорнобрыва,
 Бо вже за тобою вся худоба гыне.
 Нехай гыне, нехай пропадае;
 Побачать люде як друга надбае.

Устань, мыла, устань, чернобрыва,

Плаче за тобою малая дытына.

Нехай плаче, нехай перестане—

Вже моя головка до його не встане! . . .

(Житомир.)

Як прыйхав мій мыленький с поля,

Та й заплакав крый конька стоя:

Десь ты, мыла, лежала недужа,

Що не вийшла до свого мужа?

Ой умру я, мій мыленький, умру,

Зробы мни тисовую труну,

Высып на їй високу могылу.

Сады на їй червону калыну:

Як калына буде процвитаты—

Мни буде легенько лежаты.

Ой у саду дрибен дощык имжыть,

Мылесенький до мылои бижыть:

Ой розступысь ты, сырая земле,

Приймы мене, мылая, до себе!

Ой рада-б я до себе прыняты,

Дак хто-ж буде диток годуваты?

— Ой ё в мене старенькая маты—

Вона буде диток годуваты,

Ой хоть буде вона годуваты,

Да все не так, як ридная маты . . .

Продай, мылый, червону запаску—

Годуй дитей, чыны мою ласку;

Продай, мылый, рябую корову—

Годуй дитей, чыны мою волю!

(Глухов.)

- Ой прійхав козаченько з поля,
 Привязав коня беля порога,
 Сам став й задумався край коня.
 — Ой ты-ж, моя головонько, бідна!
 Чогось моя мыленька поблидла!
 Чи я їн по лыченьку вдарыв,
 Чи я їн здоровья умалыв? —
 „Ни, мій мыйй, ни, мій мылесенький!
 Ой ты-ж мене по лычку не вдарыв,
 Ой ты-ж мени здоровья не вмалыв!
 Ой умру я, мій мыленький, умру;
 12 Зробы мени тесовую труну,
 Зховай мене в вышнеvim садочку,
 На своему, мыленький, слидочку.
 15 Будеш, мыйй, по садку ходыты,
 Мылых диток на руках носыты,
 Будеш, мыйй, мыленьку будыты:
 Ой встань, мыла, моя господня;
 Зацвила твоя червона калына,
 Зхылымыся калынови виты,
 Розплакалысь маленькїи диты . . .
 Було-б мыйй, давно шануваты,
 Ниж тепера из гроба вертаты.”

(Харьков.)

- 12 Зробы мени яынову труну.
 15 Высып, мыйй, високу могылу,
 Та посады червону, калыну:
 Уродються великїи виты
 Забавляты маленькїи диты.
 Озвалася неридная маты:

— Ой хто має диток доглядаты,
 До той буде си виты ламаты —
 Малых диток буде забавляты. . . —
 Будеш, мыый, по садочку ходыты,
 Одно дытя на руках носыты,
 А другее за ручку водыты,
 Буде третее слидом ходыты;
 Будеш, мыый, серденько, просыты:
 Устань, мыла, устань, дорогая;
 Уже плаче дытына малая.
 — Ой не встану, мій мыый, не встану,
 Твоих диток малых не догляну.

(Канев.)

Ой гай, маты, гай,
 Або мене за-миж оддай!
 Та не давай мене за пьяныченька,
 Оддай мене, мамо, за козаченька,
 Оддай за козаченька до добрых людей.
 Поважай-же, доненько, свою воленьку,
 Та не попадайся в неволеньку,
 В такую, як я.
 Поважала¹ свою воленьку,
 Та попалась у неволеньку
 Ще гирш, а-ниж ты.
 Колы-б-же вин, матинко, пыв, —
 Прийдучы додому та не бив,
 Та я-б була, матинко, молоденька,
 Як у садку дерево зелененьке,
 На дереви ягидка червоненька!
 А то-ж вин, матинко, усе пье,

Прыйде додому, мене бье;
 Того-ж я, матинко, зажурылася,
 Та в таком гори изнурылася,
 Та стала стара, як маты моя.

(¹) Въ спискѣ: подала.

(Изюм.)

Головонько моя бидная!
 В мене маты та неридная:
 Посылае рано по воду
 Незобуту, незодягнуту,
 Головочку не обявану, —
 Тилько лычком пидперезану.
 Итты мени через батькивскый двир;
 Побачыла ридна матинка:
 „Не плач, доню, ни на батька свого,
 Не плач, доню, ни на матинку, —
 Заплач, доню, та на свою волю:
 Вона пидвела тебе в неволю.”

(Изюм.)

1 Да кохав мене батько, як билу тополю,
 Оддала мене маты в тяжкую неволю.

Ой же, маты, що ты гадала,
 Що за нелюба замиж давала!¹

Було не рубаты у поли тополи,

Було не свататы мене молодоп.

Ой же, маты, що ты гадала,

Що за нелюба замиж давала!

Було не рубаты в садоньку вышни²,

Було не свататы, колы не пид мысли³.

11 Ой же, маты, калыновый цвит,
Що завязала за нелюба свит!

Варианты: (1) Ой маты, маты! що ты гадала . . .

(2) У садочку вышни . . . зеленой вышни . . .

(3) Коли не до мысли . . .

(Глухов.)

1 Десь ты мене, маты, на мисти купыла,
Що ты мене, маты, навикы втопыла!
Ой маты, маты, що ты гадала,
Що за нелюба свит завязала!
Та було-б не рубаты зеленого дуба;
На що було браты, колы я нелюба.

11 Та було-б не рубаты зеленого гаю:
На що-ж було браты из иншого краю!
Ой маты моя, калыновый цвит,
Що завязала за нелюба свит;
Лучче мени, маты, горяч писок йсты,
Ниж из нелюбом вечеряты систы!
Ох маты моя, що ты гадала,
Що за нелюба свит завязала.
Лучче-ж мени, маты, тяжкий каминь зняты,
Ниж за нелюбом та вик карататы!

(Харьков.)

„Горе мое, горе, нещасная доля!„
Выюрала дивчинонька мысленькамы поле,
Карымы очыма та й заволочыла,
Дрибненькымы слизонькамы все поле зросыла:
„Десь ты мене, моя маты, в церкву не носыла,
Що ты мыни, моя маты, доли не спросыла.
Десь ты мене, моя маты, в барвинку купала,
Купаючы заклынала, щоб доли не мала.“

— В церкву я ходыла, Богу молюлася;
Така тоби, моя доню, доля судылася. —

(Чернигов.)

Десь ты мене, маты, в барвінку купала,
Купаючы проклянала, щоб доли не мала.
„Проклянала, доню, тогди твою долю, —
На гору йшла, тебе несла, ще й воды набрала.”
— Було-б тоби, маты, водыци не браты,
И моеи щастя-доли да й не проклянаты. —
„Ще я тогди, доню, долю проклянала,
Як у степу пры дорози пшениченьку жала,
Пшениченьку жала, снопа заробляла,
А ты мині, моя доню, спаты не давала.”
— Було-б тоби, маты, пшеницы не жаты,
И моеи щастя-доли да й не проклянаты. —
„Ище тогди, доню, долю проклянала,
Мала пичка — петривочка, я всю нич не спала,
Всю пичку не спала, тебе колыхала,
Тогди твою, моя доню, долю проклянала.

(Глухов.)

Було-б тоби, маты, та й не колыхаты,
И моеи щастя-доли да й не проклянаты.

(Золотонош.)

„Чы ты чула, матусенько, як я в тебе була,
Пид напильным виконечком як голубка гула?,”
— Ой хоч чула, хоч не чула, не озывалася;
Я на тебе, дытя мое, не сподивалася. —
„Десь ты мене, моя маты, в барвінку купала, —
Купаючы прывовляла, щоб доли не мала.”
— А я тебе, дытя мое, в любыстку купала, —
Купаючы прывовляла, щастья даровала.

Тоди-ж тебе, дытя мое, дуже прокльнула,—
 У поли йшла, тебе несла, ще й водыцю брала.—
 „Було-б тобі, моя маты, в поле не носыты;
 Исповывшы, положывшы лягай, доню, спаты!

(Конотоп.)

„Пусты мене, маты, в поле жыта жаты:
 Буду жаты и ввязаты, доленькы шукаты.,,
 — Ой не пушу, доню, щоб ты не заблудыла;
 Бо ты, доню, свою долю на вик загубыла.—
 „Пусты-ж мене, маты, у луг погуляты:
 Буду бигать и гуляты, доленькы шукаты.,,
 — Ой не пушу, доню, щоб ты не заблудыла;
 Бо ты, доню, свою долю давно загубыла.—
 „Пусты-ж мене, моя маты, на ричку купатысь:
 Буду плавать, пуринаты, доленькы шукаты.,,
 — Ой не пушу, доню, щоб ты не втонула;
 Бо вже, доню, твоя доля давно потонула.—
 „Пусты-ж мене, маты, у гай за грыбама:
 Буду шукать и збыраты, доленькы шукаты.,,
 — Ой не пушу, доню, щоб ты не заблудыла;
 Бо ты, доню, свою долю давно загубыла . . .

(Кролевец.)

Котылася зоря з неба та впала додолу;
 Ой хто мене молодую проведе додому? 2.
 Проводь, проводь, козаченьку, проводь, не барыся,
 Щоб за мною молодую весь мир не журывся; 2.
 Не так же мир, не так же й рид, як ридная маты.
 Пусты мене моя маты, в поле жыта жаты! 2.
 Ой не пушу, моя доню, щоб не заблудыла:
 Вже-ж ты, доню, свою долю давно загубыла. 2.

Пусты мене, моя маты, в лис орихив рваты:
 Буду рваты, прорываты, доленькы шукаты. 2.
 Пусты мене, моя маты, на море купаться:
 Буду плавать, пурынаты, доленькы шукаты, 2.
 Вже я тебе, моя доню, в купели купала;
 Тогди, доню, твою долю дуже проклянала.
 (Харьков.)

Налетили голубы из чужой стороны,
 Силы, палы голубы у вдивонькы у двори,
 У вдивонькы у двори, та жалибно загулы.
 Не гудите, голубы, не клопочить головы,
 Бо я вдова молода, нахлопочу я й сама.
 Ходе удивонька по полю та збирае родыну,
 Та не найшла родыны, найшла в поли былыну.
 Найшла в поли былыну, матусыну могылу;
 До могылы прыпала, матусенькы гукала.
 Ой куды ты, доню, йшла, що ты мене тут найшла —
 Чы чорною хмарою, чы дрибненькым дощыком,
 Чы тихою водою? живы-ж, доню, з бидою:
 Жывы, доню, як живеш, бо ты мене не звездеш!..
 (Ромен.)

1 Ой загуду, загуду, у сим сели не буду!
 Бо в сим сели ворогы кругом мене обяглы:
 Куда пиду — не люблять, из кым стану — осудять.
 Наленулы голубы из чужой стороны
 (Гадяч.)

Лае мене матусенька,
 Та хвалыться мене быты.
 Посылае на Вкраину жыты.
 На Вкраини все чужии люды.

Ой там мени родины не буде,
 Та не буде й ридного никого.
 Ой у поли стоить два дубочки,
 Схымылся верхи до купочки;
 То то-ж мои ридніи браточки.
 Ой у лузи зеленая груша;
 То-ж мій отець, то-ж моя матуся.
 Ой у лиси зацвилы кошыци;
 То-ж мои ридніи сестрыци.
 Ой у лиси билый цвит ожина;
 То-ж моя вирна дружина.

(Острогожск.)

Сама не знаю, чом доленьки не маю!
 Прокляла маты малою дытыною;
 З кым вирно любила, не стала дружиною.
 Ох пойду я не берегом, лугом
 Чы не зострипую з несуженым другом:
 „Здоров був, луже, мій несуженый друже!“,
 Здорова, дивчыно, мы любылыся дуже.
 Ты-ж мене любыв, я в тебе кохалася;
 Ты-ж мене покинув, я сама зосталася,
 З малымы дитками горенька набралася . . .
 Диточки-ж мои! горенько мени з мамы,
 Що не мається батенька над мамы.
 Матинко наша! не журыся ты мамы;
 Як поростемо, пійдемо у наймы.
 Буде нас, маты, по горах, по долинах;
 Буде нас, матинко, по чужых украинах;
 Будем мы, матинко, по чужым людям годыты,—
 Будуть нас, матинко, чужи люди судыты.

Сама не знаю, як ворогам годыты:

Чи у білому, чи у чорному ходыты.

Ходыла-б у білому, дак скажуть: чепуриться!

Ходыла-б у чорному, дак скажуть: ледащыця!

(Копотоп.)

Ой березо, березо,	2.
Не стій край дороги,	3.
Ой не шуми по дуброви.	
Бо я тудою йтыму	2.
До батенька у гостыну,	3.
До матнікы на пораду:	
Ой порадь мене, маты,	2.
Як мени ца свити жыты,	3.
Як нелюбому годыты:	
Ой годы, доню, годы,	2.
Та добре тобі буде.	2.
Завыдоватымуть люде.	
Ой пойду-ж я до братка,	
Ой пойду я до братка —	
Аж у братка нова хатка,	
Нова хатка на помости;	2.
Йде до братка сестра в гости.	
Сестра воритця одчынае,	2.
Брат до жинкы промовляе;	
Ховай, жинко, хліб из стола,	
Бо йде в гости сестра моя:	
Ховай, жинко, тарилкы;	
Бо схоче сестра горилкы.	
Ой стій, братко, не лякайся,	2
Хлібом-силью не ховайся,	
Бо я в-дома обидала,	

Абы братка одвидала.

Не так братка, диток твоих, —

Що не мала зроду своих . . .

(Житомир.)

„Ой ты братику, зайвороночку, пусты мене у сосиды!„
— Ой ты сестрыце, перепылице, колы маеш диток много !.—

„Ой ты братику, зайвороночку! я йстыму—гадаю—
Як ты сядеш обидаты, я диток порозсылаю.

Идить, диточки, идить, маленьки, в садок ягодок рваты,
Бо вже мій братко зайвороночок сидае обидаты.

Ище диточки, ище маленьки ягодок не нарвалы, —

Вже мого братка зайвороночка за столом не застала.„

— Чого сестрыце, перепельце, слизками умываешся? —

„Того братику, зайвороночку . . . диток цураешся!

Ты-ж мій братику, зайвороночку, не цурайся мене!

Хоць сывою зызуленькою то накажы до мене,

Хоть сывою зызуленькою, або соловейком —

То вин мени розвеселить мое бидне серденько!„

(*) Т. е. какъ мнѣ это сдѣлать, когда у тебя много дѣтей, некуда их дѣвать.

(Житомир.)

Що брат из сестрою по садочку ходыть;

По садочку ходыть, стыхенька говорыть:

Отдай мене, брате, в чужую деревню,—

В чужую деревню, миж вельку сѣмью,

Де багато дила, щоб я поробыла,

Свекру и свекруси дилом угодыла,

И до тебе, брате, у гости ходыла.

Жде брат недиленьку, жде брат и другуя:

На третюю сам брат до сестрыци иде . . .

А сестра не пышна протыв брата выйшла,

Ворита дчыняе, стыха промовляе:
 „Ой пойдьмо, брате, свичок куповаты:
 Щоб перва горила, як я заболіла;
 А друга палала, як я умирала.,,
 — Оце тоби, сестро, чужая деревня,—
 Чужая деревня, велькая сёмья,—
 И багато дила, ты й не поробыла . . .
 Свекрови, свекруси дилом не вгодыма! . . .
 (Копотоп.)

А в неділю рано во вси дзвоны дзвоняць:
 Там брат из сестрою по рыночку ходяць,
 По рыночку ходяць та радоньку радяць:
 Сестро-ж моя, сестро, час тя замуж даты!
 „Отдай мене, брате, не за селянына,
 Отдай мене, брате, та за мищанына;
 Бо у мищанына новая деревня,—
 Новая деревня, велькая сёмья.
 У новій деревни люблю прохажаты,
 У велькій сёмьи люблю розмовляць.,,
 Ой у мисти, в мисти, на новим помости,
 Ой там прыжжае брат до сестры в гости:
 Сестро-ж, моя сестро, чи дуже здорова?
 „Не пытайся, брате, чи дуже здорова;
 Запытайся, брате, яка моя доля:
 Шовковая хусточка в ручках моих стліла,
 Нагайка-дротянка кровью обкыпила!.,,
 — Ото-ж тоби, сестро, новая деревня,—
 Новая деревня, велькая сёмья! . . .
 У новій деревни любыш прохаджаты,
 У велькій сёмьи любыш розмовляць!
 (Бердичев.)

— Що ты, мылый, думаеш-гадаеш,
 Лыбонь мене покынуты маеш? —
 „По чим мене мыла прымичаеш?„
 — По тим, мылый, тебе прымичаю:
 Рано встаеш, коня наповаеш,
 Зеленого синьця пидкладаеш,
 Жовтенького вивса пидсыпаеш;
 В синечкы йдеш — сидельця пытаеш,
 В свитлычку йдеш — важенько здыхаеш. —
 Ой у порога ревнула корова . . .
 „Зоставайся, мылая, здорова!„
 Ой ревнуло ще й мале телятко . . .
 „Зоставайся ще й мале дытятко!„
 Ой ревнула корова из череды йдучы;
 Наскучыло мыленького ждучы:
 Мылая з хаты выбигала,
 Свого мылого за стремено хватала:
 — Ой вернися, мій мылый, вернися!
 Вареной горилкы напыйся . . .
 „Не вернуса мыла, не вернуса, —
 Я в дорози сырой напыюся„
 — Ой не идь же, мій мыленькый, нызом,
 Закидыана дориженька хмызом. —
 „Есть у мене коньик вороненькый, —
 Перескочить той хмызок дрибненькый„
 — Ой у поли вовкы та лысыци . . . —
 „Ой то-ж мон браття та сестрыци!„
 — Ой у поли чорный ворон кряче . . . —
 „То-ж вин мою голову баче . . .„

(Сообщилъ Н. В. Гоголь.)

Ой не пугай, пугаченьку,
 В зеленому байраченьку!
 — Ой як мии не пугаты,
 Що нигде мии проживаты,
 Що все горы да долины?—
 Да йшла вдова долиною
 Из малою дытыною,

8 Сила вдова отдыхаты.
 Плаче вдова и рыдае,
 Що пана ' в ии немає.
 Сыдыть орел над водою,
 Розмовляе з удовою:

14 Не плач, удово, не журися;
 Ой я твого пана знаю,
 Трейчы на день попас маю,
 А снідаю й обидаю,
 Полудную й вечераю,
 Биле тило выщыную,
 Жовти кости розношую
 Ой по горах, по долинах,
 По широких байраченьках.

(¹) Мужа, хозяина.

(Глухов.)

8 Стала вдова спочываты
 И дытыну годуваты,
 Ох из дытыною розмовляты:
 Дытя мое маленькое!
 Де мы будем спочываты,
 Твого батенька шукаты?

14 Ты вдовонько прекрасная!
 Доля твоя нещасная!

Чом ты мене не пытаеш?
 Що я твого мужа знаю:
 Трычы на день налитаю,
 На кучери наступаю,
 Й очн з лоба выбираю,
 Червону кров выпываю,
 20 Жовтеньку кисть розкыдаю!

(Золотошов)

20 Жовтеньку кисть розношаю
 Да по горах, по долинах,
 Все по чужых украиннах.

(Лебедн.)

Да пыла, пыла Лемерыха на меду,
 Да пропыла свою дочку молоду:
 — Ой хто купыть цебер меду и вына,
 Того буде Лемеривна молода.
 Обизвався Шкандыбенко на меду:
 — Ох и я куплю да Лемеривну молоду!
 Ох и я куплю цебер меду и вына,
 Да нехай буде Лемеривна вже моя!—
 У недпленьку да ранесенько до сонця
 Ой плакала да Лемеривна в виконця.
 — Ой загыну, моя матинко, загыну!
 Я-ж не люблю Шкандыбенка, покыну.
 Наступае, моя матинко, темна нич,
 Ой покыну Шкандыбенка, пійду прич.—
 „Колы любыш, моя доненько, винчайся,
 А не любыш, дытя мое, цурайся.,
 Ой як пишла да Лемеривна горою,
 А за нею Шкандыбенко в погоню.

Ой догнав вин Лемеривну да й не бѣе,
Тилько-ж ин вин словечкамы картае :
— Ой чого-ж ты, Лемеривно, пишки йдеш?
Да чи ты в мене вороных коней не маеш?—
„Ой хоч-же есть вороныи кони, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты минни.,,
Ой чого-ж ты, Лемеривно, боса йдеш ?
Десь у тебе черевычкив не маеш?—
„Ой хоч-же есть черевычкы, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты минни.,,
— Ой чого-ж ты, Лемеривно, в святи йдеш ?
Да чи в мене дорогых суконь не маеш?—
„Ой хоч-же есть дорогии сукни, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты минни.,,
— Ой чого-ж ты, Лемеривно, сама йдеш ?
Да чи ты в мене молодых слуг не маеш?—
„Ой хоч же й есть молодии слугы, то твои,
Да и сам молод не до мыслонькы ты минни.,,
Ой побигла Лемеривна тернамы,
А за нею Шкандыбенко конямы.
„Ой дай минни, Шкандыбенку, гострый ниж,
Повыйматы чорный терен з билих ниг.,,
Не влучыла Лемеривна в ниженьку,
Да влучыла Лемеривна в серденько:
„Кыпы, кыпы, мое серденько, на ножи,
А ниж в того Шкандыбенка на двори!.,,
Ой як узав тую Лемеривну до двора:
— Ой одчыйнай, моя матинко, ворота,
Я везу тоби певисточку пьанейку.—
„Ой од чого, мій сыночку, выплася?
Ой од чого, дытя мое, выплася?.,,

— Ой упылась, моя матинко, од ножа,
 А заснула, моя матинко, крый коня. —
 „Ой не везы у двир ии, не везы,
 Да везы-ж ии, мій сыночку, до тещи.“
 — Ой одчынай, моя тещенько, ворота,
 Я везу тобі дочку твою пьяненьку. —
 „Ой од чого, мій зятеньку, выплася?
 Ой од чого, дытя мое, выплася?
 — Ой упылась, моя тещенько, од ножа,
 А заснула, моя тещенько, край коня. —

(Прав. и лѣв. стор. Дибра.)

Оженыла маты неволею сына,
 Да взяла невестку да й не до любви: 2.
 Не билее лыченько, не чорныи бровы!
 Ой послала сына у путь у дорогу,
 Молоду невестку в поле браты льону;
 Ой як посылала, да ще й приказала:
 Не выбереш льону, то не йды додому! —
 Не выбрала льону, не пишла додому, 2.
 У чыстому поли да й заночувала,
 До билого свита тополею стала.
 Як прыйхав сыне з пути, из дороги,
 Вклоньвся матуси нызенько й у ноги:
 Маты-ж моя, маты! щось маю казаты;
 Ой выиздыв, маты, усю украину, — 2.
 Не бачыв тополи, як на своим поли!
 Тонка та висока, та листьём шырока;
 Без витроньку мае, без сонечка сяе . . .
 Ой выгостры, сыну, гострую сокыру,
 Да пойдь у поле — изрубай тополю, 2.

Тонку та високу та листьом шыроку.
 Як прыхав сыне до тп тополи:
 Як цюкнув же раз, вона зашаталась;
 Як цюкнув у—друге, вона похылылась;
 Як цюкнув у—трете, — та й заговорила: 2.
 Ой не рубай мене, бо я твоя мыла . . . 2.
 Се—ж твоя матуся нам так поробыла!
 Що тебе послала у путь, у дорогу,
 А мене послала в поле браты льону;
 Ой як посылала, да ще й прыказала:
 Не выбереш льону, то не йды додому!
 Не выбрала льону — не пишла додому:
 У чыстому поли да й заночувала,
 До билого свита тополею стала!

(Золотонош.)

Ой я молодая сюю ничку не спала,
 Ой я свого мыленького из гуляньячка ждала.
 А вже—ж свит биленькый, иде додому мій мыленькый:
 Головонька змыта и кошуленька била.
 Да не иде у свитлоньку, да иде просто у станеньку;
 Не говорыть зо мною, да говорыть з коныкамы.
 „Ой коню—ж мій, коню, да порадь—же ты й мене!
 Хочу йхать тобою прич из чужою жоною.,,
 — Ой пане—ж мій, пане, ты—ж молодой розум маеш,
 Що свою жону покидаеш, а з чужою прич гадаеш.
 Маеш свою жону, ох и дрибныи диткы,
 А чужп зряжаеш як рожеви квиткы!—
 А вин копя не послухав, осидлав коня да поихав.
 Да йдутъ воны поле, да йдутъ другее;
 На третьому поли стали воны спочываты; 2.
 Ой став чужый муж у чужон жоны пытаты:

Ой послухай, чужа жоно! чы дубривонька гуде,
 Чы дубривонька гуде, чы мылая в погонь йде?
 Чы соловьи щебечуть, чы то-ж мои диткы плачуть?
 Не дубривонька гуде, то мылая в поли йде;
 Не соловьи щебечуть — ой то-ж мои диткы плачуть!
 Бижи, чужа жоно, по полю купою!
 А ты, кинь вороний, стань зелененьким явором!
 А я ляжу молод козак да билесеньким каменем!,,
 Да бигла жона, бигла, да на камени сыла . . .
 Да на камени сила, жалосненько заплакала! . .
 — Ой щоб сим каменю тут тяжко-важко лежаты, —
 А ще-ж мени тяжче й важче из диткамы гореваты!..

(Радомысль.)

Ище сонце не зыходыло,
 Щось до мене да прыходыло.
 Прыходыла моя матюнка,
 Прыходыла моя ридная,
 Порадонька моя вирная.
 6 Вона в мене не обидала,
 Тилько мене да одвидала;
 8 Вона в мене не полуднала !,
 Тилько мене прыголубыла;
 Вона в мене не барылася,
 Тилько сила, пожурылася!
 Проведу я свою матюнку,
 Проведу я свою утюнку,
 14 За тры шляхы за шырокин.
 За тры лисы за высокин,
 Сама стану пид калыною
 Из маленькою дытыною.
 18 Озырнеться моя матюнка,

Озирнеться моя ридная,
 Порадонька моя вирная:
 21 „Чого стоиш, моя доненько?
 Чому не йдеш да до-домоньку?
 Чи травця погы спутала,
 Або роса очи выбыла?„

25 --- Не травця погы спутала,
 И не роса очи выбыла;
 Зпутало мене замужьечко,
 Невирнее мое подружьечко.

(¹) Полудновала.

(Глухов.)

6 Вона в мене не вечеряла,
 Вона в мене не обидала,
 Тилько мене да одвидала.

14 За три лисы за высокіи,
 За три степы за широкіи,
 За три ричкы за глыбокіи . . .

18 Оглянеться моя матинка,
 Оглянеться моя ридная:
 „Чого стоиш, моя доненько?
 Чи попалася в невольеньку?
 Чи хмельна нижкы спутала,
 Чи тонкая паутыночка?„
 — Ни хмельна, ни хмельночка,
 Лыш неvirная дружныочка. —

(Гадяч.)

14 За гирионькы за крутенькіи,
 За лисонькы за густенькіи;
 Сама сяду пид калыною
 Из маленькою дытыною.

— Чого-ж, доню, ты осталася?
 Чы хмиль, доню, головоньку клонить,
 Чы дытына билы руки ломить? —
 „Хмиль, маты, головки не клонить,
 И дытына билых рук не ломить,
 А мині мылого словечко доходить.“
 (Кочотоп.)

18 Моя маты оглядається,
 Слизонькамы облывається . . .
 (Глухов.)

6 Вона в мене не вечеряла,
 Тилько мене запечалыла;
 Вона в мене не обидала,
 Тилько мене да одвидала;
 Вона в мене не полуднала,
 Тилько мени та занудыла;
 Вона в мене и не снадала —
 Головонько моя бидная!
 Изпошу я сюю пятинку,
 Проведу я свою матинку,
 За дві горы та высокіи,
 За два яры та глыбокїи
 (Радомысль.)

Жона мужа выражала,
 Выряжаючи прокынала:
 — Бодай іхав, не доіхав,
 Щоб йому кинь горою став.
 А шабелька дорогою,
 А шапочка купыною,

Сыни сукни чыстым полем,
А сам молод явороньком! —
Пишла вдова в поле жаты;
Стала хмара набигаты,
Да й став дощык накрапаты . . .
Пишла вдова пид явора:
— Явороньку зелененький!
Прькрый диты сырytonькы! —
„Ой и я-ж не яворонько,
Я-ж тым дитям да батенько:
Згадай, як мене выряжала,
Выряжаючи прокльшала!

(Глухов.)

Ой не литай, сира утко, до озера воды пыты:
Засидають два стрельчыкы, хочуть тебе вбыты.
— Ой як мыни не литаты до озера воды пыты?
Есть у мене на озеру маленькiи диты,
В мене диты малолиты, не здужають в степ летиты.
Ой не ходы, удивонько, на цвынтарь тужыты:
Засидають два диверкы, хочуть тебе вбыты!
— Ой як мыни не ходыты на цвынтарь тужыты?
Положыла мыленького, зосталыся мали диты,
Мали диты, малолиты, ни з кым мыни в свити жыты! . . .

ПѢСНИ ЖИТЕЙСКІЯ.

ПОМИНАЛЬНЫЯ ПЛАЧИ И ПРИЧТАНІЯ.

Плач матери над дытыною.

Дытынко мое, галочко мое,
Яблучко мое, сахарнее мое,
Откотылося, отщепылося
Ты од мене!

(Остер.)

Плач дитей над матерью.

Моя матинко ридненька!
Ой на що-ж ты нас покидаеш, сыриток?
Ой видкиль нам тебе дожыдать, из якои стороны?
Ой колы нам тебе сподиваться,
Шоб нам як тоби прыбраться?
Чи к Риздву, чи к Велькодню, чи к Святій недилі?
Ик Риздву стежки позамптае,
К Велькодню воды порозльвае,
А к Святій недилі травкою позаростае,
И николы тебе не сподиваться!

(Гадяч.)

Плач дочкы над могылюю матери.

Ой ненько моя ридненька, зозуленька, сывая голубонько!
На-що ты мене пещасну бросыла, на-що-ж ты мене, моя

ненько, безщасну покинула? Чи я свое щастя в неділю проспидала, чи я свое щастя в пятницю проспивала! . .

Моя доля безщасна, моя доля безталанна; минулася моя доля и воля без моеи неньки ридненькой; не стало моеи зозуленьки! Никому мене тепер пожаловаты, никому тепер зо мною ласкового слова казаты!

Встань, моя матинко! встань, моя риднесенька! Прыкажи мыни, мамочко, що робыты? мов слова ласкови, мов слова привитльви!

Не чуеш, моя родытелько, не чуеш ты мене, моя риднесенька! Одходылы твои ниженьки, одробылы твои рученьки, оддывылысь твои оченьки. Не чуеш, моя ненько, прогнивалась? занимлы твои губочки, заплющылысь твои оченьки, закрипылысь твои реченьки!

Що-ж ты так крипко розгнивалась на мене, моя ненько, що и не хочеш зо мною слова казаты? Що-ж ты мыни, моя ненько, не казала, як мыни горе гореваты? Що-ж ты, моя ненько, не казала, видкиль нам тебе выгядаты? Из якои стороны и колы нам тебе в гости ждаты? Чи к Риздву? снігом занесе! Чи к Велькодню? водою залье! Чи к Святій недилоньци? травою заросте! Як не будеш к Мыколи, то не будеш николы! так вси твои тропки и дороженьки заростуть . . .

Колы буде зозуля коваты, я буду ей пытаты: чи не бачыла моеи неньки ридненькой? Скажи ій, зозуленько, як мни тошно, як мни гирко без неньки жыты! Хто завыдыть, той мене, сыротоньку, зобыдыть, — а зозуленька не буде правды казаты! . .

Ой ненько моя риднесенька! На-шо ты, моя ненько, безщасну мене покинула? Де-ж, моя ненько, тепер мыни щастя шукаты? Чи мое щастя в огни згорило, чи в води потонуло, чи мое щастя витром роздуло? —

(Записано въ Саратовской губерніи.)

ПѢСНИ ГОДОВЫЯ.

ВЕСНЯККИ.

Первая встрѣла веслы.

Зрынулася водыця з Дунаю,
З Дунаю тыхого, бережку крутого.

(Чернигов.)

* * *

В танку.

Поставлю я хыжку,
Там, на вырижку.
Выступцем тыхо йду,

А вода по каменю, а вода по бѣлому

Ище й тыхше.

Засвичу я свичку,

Иду через рѣчку;

Выступцем тыхо йду,

А вода по каменю, а вода по бѣлому

Ище й тыхше.

Ой у тѣй хыжци парубочки сыдять,

Постольци мостють;

Выступцем тыхо йду,

А вода по каменю, а вода по бѣлому

Ище й тыхше.

А в комирци дивочки сидилы,

Хусточки шылы;

Выступцем тыхо йду.

А вода по каменю, а вода по билому

Та й ще тыхше.

Шане Вышневецкій,

Воевода крецькій;

Та выведу танчык

Сама молоденька, сама молоденька.

По-нимецькій.

(Острогжск.)

* *
* *

Въ хороводъ въ день Благовъщенія.

Дьвушки берутся за руки:

Корогод велик, улыця мала.

Лююшкы-люли, улыця мала!

Никуды витру проходыты!

Лююшкы-люли, проходыты!

Все за бабамы, все за старымы.

Лююшкы-люли, все за старымы!

Сплетаются вокругъ шей руками.

Заплитайся, плетинь, заплитайся,

Завывайся, труба золотая,

Заверныся, кума косатая

Расплетаются:

Росплитайся, плетинь, росплитайся,

Розвывайся, труба золотая,

Розверныся, кума косатая! . . .

Берутъ другъ друга за платье и растягиваются гусемъ:

Утка йшла по бережку,

Сирая по крутому,

Вела дитей за собою,

И старого и малого,
 Середнього с-пид бильшого.
 Шиды, утыця, додому,
 Шиды, сирая, додому:
 В тебе семеро дитей,
 Осьмый селезень,
 Девьятая утка;
 Ворочайся хутко!

(Чернигов.)

* *

„Ой мы поле оремо, оремо,
 Зеленая моя рутонька, жовтый цвѣт!“
 Ой мы жыто сіемо, сіемо.,
 — А мы кони пустымо, пустымо.—
 „А мы кони займемо, займемо.,“
 — А мы кони выкупым, выкупым.—
 „Ой що-ж вы нам додасте, додасте?“,
 — Ой мы дамо сто рублив, сто рублив.—
 „Мы сто рублив не визьмем, не визьмем.,“
 — А дамо тысячу, тысячу.—
 „Мы тысячи не визьмем не визьмем.,“
 — А мы дамо дивочку, дивочку.—
 „За дивочку ни слова, ни слова;
 За коныченькы да й з двора, да й з двора!“,
 — Пустите нас, пустите нас у двир погуляты.—
 „Не пустымо, не пустымо, мосты поломыте!“,
 — А мы мосты поломымо, а мы Лумлю² построимо,
 „Построимо, прич поїдемо“

(1) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(2) Деревня, откуда происхожденіемъ пѣвица.

(Овруч.)

*

Ой мы нывку выйорем, выйорем;
 Та й у лад ладом выйорем, выйорем.
 Й а мы просом засіем, засіем;
 Та й у лад ладом засіем, засіем.
 Й а мы стадом запустым, запустым;
 Та й у лад ладом запустым, запустым.
 Й а мы стадо займемо, займемо
 . . . Дамо мы вам дивочку, дивочку,
 Та й у лад ладом дивочку, дивочку;
 В золотому виночку, виночку,
 Та й у лад ладом виночку, виночку.

(Лубя.)

* *

Ой пиду я в зеленый лис.
 Выщиплю, выломлю кленовый лист:
 Ой напишу я грамотку,
 Пошлю пислоньки до батенька:
 Ой чи звельть мыни гуляты,
 Чи додому ступаты?
 Гуляй, доненько, скільки хоч:
 Двичи молода не будеш!
 Як замиж пидеш, забудеш;
 Як стара станеш, згадаеш!

(Острожеж.)

* *

Дубовая дощечка, дощечка;
 Там ходыла Галечка, Галечка.
 Цебром воду носыла, носыла;
 Дибривоньбу гасыла, гасыла.

Килько в цебри водыци, водыци,
 Тилько хлопцям правдыци, правдыци;
 Килько в решети дирочок, дирочок,
 Тилько хлопцям дивочок, дивочок!

(Житомир.)

* * *

На провесни.

Ой городе, городе!
 Куды ты стоиш воритьмы?
 Чи на Дин, чи в подил,
 Чи на улыцю шыроку,
 Чи на долину глыбоку?
 6 А в Дону рожа стояла,
 Пид тою рожею дивочка
 Русую косу чесала,
 Соби мылого бажала:
 До мене, мыленькый, до мене!
 Завью я тобі квиточку,
 Из рожевого цвиточку!

(Гадяч.)

6 Ой на подоли рожа стояла.

* * *

Малая зиронька. малая;
 С кым ты, Галочко, стояла?
 С тобою, Васыльку, с тобою,
 Пид зеленою вербою;
 С тобою, Васыльку, молодцем,
 Пид вышиваным рукавцем.

(Радомысль.)

* * *

Дунай танчок водыла.
 Веде, веде та й стане,
 На дивочок погляне:
 Уси дивочки в таночку,
 Рожы-спажи немає.
 Маты рожу чесала,
 А чешучы навчала:
 Донько моя рожонько!
 Не становись край Дунаечку!
 Дунай зведе из ума;
 За рученьку визьме,
 Золот перстень издйме.

(Радомысль.)

*

Тума танчок водыла.
 Що выведе, та й стане,
 На дивочок погляне:
 4 Чи вси дивочки в таночку? -
 Лыш роженькы немає!
 6 Маты рожу чесала,
 А чешучы навчала:
 Дою моя роженько!
 Як ты пидеш в таночок,
 Не становись край тумы:
 Тума зведе з розума;
 На ниженьку наступить,
 Червоный чобит покаля;
 За рученьку издавить,
 Золотый перстень издйметь.

(Гадач.)

*

1 Шума танчок водыла.
 4 Чи вси дивкы в таночку?
 6 Рожа дочку чесала.
 Як чесала та й навчала:
 Дочко моя роживно!
 Не становись протыв шумы!
 Шума зведе из ума;
 Били ручки покаля,
 Сырую кисть полама,
 Перстеныкы познима.

(Гадля.)

* *
*

Весняночка-паняночка
 Десь у садочку, шые сорочку;
 Шые-ж вона, вышивае,
 Свому мылому посылае;
 Шые вона шовком, билью,
 Свому мылому про недилю.

(Лубя.)

* *
*

С-пид билого да каменю руда вода капле,
 А нашому Васылечку мандривочка пахне.
 Мандруй, мандруй, да Васылечку од Луки до Прылуки!
 За им иде да Галочка, ламле били руки.
 — Вернись, вернись, да Васылечку, батенько вмирае . . .

Що Васыльку колосочок купыв поясочок;
 Пидперезав да Галочку, глядыть на станочок.
 Ой п десь-же ты, да Галочко, с кудрявои мьяты!
 С кым стояла, говорила, пидкивонькы знаты . . .

(Чернигов.)

*

Да вже весна, да вже красна, из стрих вода капле;
 А вже тобі, вдовин сыну, мандривкою пахне.
 Мандруй, мандруй, вдовин сыну, у чыстее поле!
 За ним идé дивчынонька: верныся, соко́ле!
 Не вернуся, не вернуся, гордуеш ты мною;
 Буде твое гордованья все перед тобою.

(Лубн.)

* *

Не стій, дубе, пры дорози;
 Там тобі, дубе, горе буде,
 Як тій невістыци у свекрухы:
 З ночи до ночи на роботы,
 Прыйде до-дому у скорботи!
 Стань собі, дубе, у садочку,
 У хрещатому барвіночку!
 Там тобі, дубе, добре буде,
 Як тій донечци у матинкы:
 З ночи до ночи у таночку;
 Прыйде до-дому у віночку,
 У хрещатому барвіночку,
 У запашному васылечку.

(Рядомысль).

* *

Летіла сорока з-высока,
 Попускала пирья додолу:
 Час вам дівочки до дому!
 А ты, дивонько, останься:
 Прыйде козаченько вінчаться!

(Остер)

* *

Спивалы дивкы, спивалы,
 В решето письни складалы,
 Да й поставылы на верби.
 Да де ся взялыся горобѣи,
 Да й скинули письни до долу:
 Час вам дивочки до дому:
 А ты Галочко, зостанься.
 Да з Ивасем звинчайся!

(Остер.)

* *

По-пид мостом, мостом, трава зеленіе.
 А за хорошим мужем жона молодіе;
 Да по-пид мостом, мостом, трава посыхае,
 За ледачым мужем жона погыбае;
 По-пид мостом, мостом, трепле рыба хвостом,
 А я в тебе, моя маты, невелика ростом.
 Пусты мене, моя маты, на юльци погуляты;
 Пусты мене, моя маты, — я не забарюся,
 Тилько хлопцив подражню, да й назад вернуся.

(Остер.)

* *

Ой пид вербою не метено,
 Пид зеленою не прометено.
 Та устань, Галочко, ранесенько,
 Обместы вербу чыстесенько!
 Ой там Павлусь з крамом стане,
 З хорошим крамом, обидцямы!
 Всим дивочкам роспродае,
 Дивци Галочци даром дае.

(Острогж.)

* *

Що зирочка по хмарочци як бродить, дак бродить;
 Що Васылько до Галочки, як ходить, дак ходить.
 Вже зирочци по хмарочци да не набродяться;
 Васылечку до Галочки да не находяться.
 Що Галочка воду несе, коромысел гнетьяся,
 А Васылець в оконечко як береза леться . . .
 Гныся, гныся, коромысел, да не переломыся;
 Васылечку, серце мое, не плач, не журыся!

(Чернигов.)

* *

Ой веселая весна да звеселыла уси гирочки;
 Да не так гирочки, як долиночки,—
 Де парубочки збиралыся,
 Да на мед-горилку складалыся.
 Да клады Васыльку бильше всех,
 Бо твоя Наталка краща за всех . . .

(Чернигов.)

* *

А в городи шафран, шафран;
 Стоить Васылько як пан, як пан!
 А коло його петрушечка,—
 Стоить Галюся як душечка!

(Радомысл.)

* *

Ой вербо, вербо, вербыще!
 Ты на распутьячку стояла,
 Ты далеко чула-бачыла:
 Кудя мій нелюбый пойихав?
 Ой туды трава полегла!

И клен-дерево завьяло,
 И мое серденько застряло!
 Ой вербо, вербо, вербыще!
 Ты на распустьячку стояла,
 Ты далеко чула-бачыла:
 Куды мій мыленький поїхав?
 Ой туды трава вже шовкова,
 И клен-дерево зелено,
 И мое серденько весело.

(¹) Або: вылегла. Прижѣ. пѣвицы.

(Остер.)

* * *

Калыно-малыно!
 Чы пры лузи стояла,
 Чы пры лузи стояла,
 Що ты чула-выдала?
 Ой я чула-выдала,
 Що зозуля ковала! . .

(Радомысль.)

*

Та летила гусы рядком, рядком,
 Та крыкнулы-ж вони разком, разком.
 Та выйшли люды дывыться,
 Иде Петрусь женыться.
 Сам же вин сыдыть на коныку,
 Посадыв панночку у возыку;
 Бѣ по коныку нагайкою,
 А накрыв панночку серпанкою.

(Остер.)

* * *

*

Та дубривная та зозуленька;
 Да не куй же рано у дуброви,
 Да не збуды мене молодой:
 Да избудать мене ранній тебе!
 Що у мене свекир да не батенько,
 Що у мене свекруха та не матинка,
 Що у мене диверко та не братичок,
 Що у мене зовыця та не сестрыця.
 Та избудать мене ранній тебе:
 Уставай, невестко, неробитнице,
 Та нашому добру некукибнице,
 Та нашому роду непрывитнице!

(Конотоп.)

* *
* *

Сызенькы голубчыку
 Та седыть на дубчыку;
 Очы його кары,
 Бровы його чорны,
 Лыченько биленьке.
 Прылетила пава,
 На дворыку пала,
 Вона про те знала,
 Вона про те мыла,
 Що мыленькы робыть.
 Мыленькы-ж те робыть:
 Коныка сидлае,
 За двир выйжжае
 До мылой в гости.
 Вин про тее знае,
 Вин про те видае,
 Що мыленька робыть,

Що мыленька його
 Седить у виконци,
 Та все выгядас
 Свого мыленького:
 Шыс, вышивае
 Золоти узоры,
 Тонкий рукава
 Плаче и рыдае,
 Сльозы утирае
 Правую рукою.
 Лентой голубою.
 Русою косою

(Козелец.)

* * *

Йиде мылий у дорози, волю поганяе:
 За ім мыла у погоню, волюв здоганяе.
 Ой став мылий серед поля, волю выпрягае:
 Мыла-ж йому у погоню с плачем вымовляе:
 „Вернись, мылий, голубчыку, вернись додому
 — Не вернуса, моя мыла, горечко с тобою! —
 „Чом не хочеш ты робыты и дома седиты,
 Чом не хочеш жыть зо мною на билому свити? „
 — Ой ты-ж мыла, мое серце, ой де-ж ты бувала:
 Чы у поли льон ты брала, чы пшеницю жала? —
 „Ой я в поли льон не брала, пшеници не жала;
 Я не здужала робыты, з похмилля лежала. „
 — Ой колы-б ты добра жинка, ты-б седила дома,
 Та пьятюнку испостыла, — послужыла-б доля! —
 „Ох выйду-ж я на городаы, та гляну в провалья:
 Усим людям шасце, доля, минн-ж безталанье!
 Ой колы-б же я дознала свою гирку долю, —

Не пишла-б же я и замж, не пишла-б николю.
 Пишла-б лучше я в черныци с черною косою;
 На терпила-б я горечка оттак молодю.

(Козелец.)

* *
 *

Да лететь стрила та удовж села,
 Ох гей-лею! да удовж села!
 Да убыва стрила вдовыного сына;
 Ох гей-лею! вдовыного сына!
 Ой лежить тило, як папир биле,
 Ой ништо к тилу не прыступыться,—
 Прыступымыся аж тры пташечкы,
 Аж тры пташечкы щebetашечкы.
 Ой одна сила у головоньках,
 А другая сила в билых ниженьках,
 А третья сила протыв серденька.
 Що в голивоцьках, то сестра його;
 В билых ниженьках, то жона його;
 Протыв серденька, то маты його.
 Ой сестра плаче од року до року,
 А маты плаче од вику до вику,
 А жона плаче до недиленькы,
 А в недиленьку извыла виночок,
 Извыла виночок, побигла в таночок,—
 Ой пишла-ж вона да гукаючы,
 Соби мыленького да шукаючы,
 Ох гей-лею! да шукаючы!

(¹) Такъ повтoрятcя Ох-гей-лею съ послѣднею половиною стиха за каждыиъ стихомъ.

(Радомисль.)

* *
 *

Да кыкала невихна зовыцю на нич:
 Гей, рано моя! зовыцю на нич!
 Да ходы до мене да зовыце на нич:
 Гей, рано моя! да зовыце на нич!
 Прийшла зовыця до невихны на нич,
 Темной ночи да й о-пивночи;
 Полягали спать в новій комиронци.
 Стукотыть, грукотыть коло комиронькы . . .
 — Да невихно моя, да голубко моя,
 Стукотыть, грукотыть коло комиронькы.
 — Да не бійся-ж ты, да зовыця моя;
 То не гайдамакы, то поночлежничкы². . .
 Що у сыньому двери одбывае.
 А у зеленому замкы одрывае.
 А у голубому положок пидняв,
 А у червоному да зовыцю узяв.
 — Да невихно моя, да изгубныця!
 Изгубыла мене темной ночи,
 Темной ночи да й о-пивночи!
 Гей рано моя! да й опивночы!

(¹) Гей-рано-моя съ послѣдними словами стиха повторяется за каждымъ стихомъ.

(²) То-б-то ти, що скоту в ночи глядять. *Примѣч. плевцы.*

(Радопись.)

* *
* *

РУСАЛЬНЫЯ.

Сыдила русалка
 На крывій берези,
 Просыла русалка
 У жиночок намиток.

У дивочок сорочок.
Жиночки-подружки,
Дайте мнi намитку!
Хоть вона худенька,
Да абы-б бiленька!

(Мглин.)

* *
*

На грaнiй недилi, на грaнiй недилi,
Русалкы сьдiлi, сорочок просьмi,
Сорочок просьмi: да й дайте, дивочкы,
Молодiи молодкы, дайте рубашку.
Старенькый дидько по городу ходe,
Внi оре, скороде, конопелькы сiе;
Молодая молодка по двору ходыла,
Голубив маныла:
Шугы, шугы, голубы,
На дидовы коноплi,
Да щoб мнi их не брать—
Билых рук не драть!

(Мелин.)

* *
*

Як проводять русалок.

Проведу я русалочки до бору,
Сама я вернуся додому!
Ой колы-ж мы русалочки проводымы,
Щoб до нас часто не ходымы,
Да нашoгo жытeчка не ламалы;
Бо наше жытeчко в колосочку,
А нашiи дивочки у вiночку.

(Остер.)

* *
*

КУПАЛЬСКІЯ.

Иване, Ивашечку!

Не переходь-же да дорижечкы;
 Иване-Ивашечку, Иване-Ивашечку!
 Як перейдеш, выноват будеш;
 Выноват будеш — и конька збудеш!
 Як поймаем, порубаем,
 На дрибен мак, на капусточку,
 Та посіем тебе в трьох городочках;
 В трьох городочках та на трьох грядочках!
 Та виросте з тебе тры зилыны;
 Тры зилыны любыстыны;
 Перва зилына — любысточок,
 Друга зилына — барвиннына,
 Треття зилына — васылечок,
 Любысточок для любощив,
 Барвиночок для дивочок,
 Васылечок для запаху!

(¹) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Копіюп.)

*

Иване, Ивашечку!

Посичем мы тебе на дрибен мак,
 Иване, Ивашечку!
 Да й посіем тебе на тры города!
 Да й зійдеш ты трой-зильлечком:
 Первое зильле — любысточок,
 А другее зильле — васылечкы
 А третее зильле — мьята;
 Любысточок для дивочок,

Васылечкы для пабочей,
А мяточка для любощей.

(¹) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* * *

Купала на Івана!
Идем дивкы та в ягідкы.
Купала на Івана!
А вси дивкы понабрала,
Одѣа дивка не набрала.
Идем дивкы та ричку брысты,
А усн-ж дивкы перебрымы.
Одна-ж дивка та потонуда.
Дорогін шаты помочыла,
Серебрани ключи упустила:
Рыбакы-ж мои, рыболовнычкы!
Не ловить-же вы мойй падчеркы,
А вловите мыни дороги шаты,
Переймите мыни срибрани ключи.

(¹) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Шклов.)

* * *

Купала на Івана!
В купалочки тры дочкы,
Купала на Івана!
Перва дочка товста, горбата;
Друга дочка слипа, косоока;
Треття дочка тонка, висока.
Не беры-ж тоси тонкои, високои;
Не беры-ж тоси слипои, косоокои;

Возьмы-ж тую товсту, горбату:
 Товста, горбата буде богата.
 Тонка былышка переломыться;
 Слшпа, косоока слиду не бачыць;
 Товста, горбата буде богата!

(¹) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Шклов.)

* *
 *

Купалочка с купа выйшла,
 Та й кропом очи завишала,
 Та тому люды дывовалыся . . .
 Не дывуйтеса-ж вы сьому, люды!
 Бо я бачыла ще и дывнишшее:
 Що щука рыба сукно ткала,
 А рак неборак цивки сукав,
 Муха горюха йсты варыла,
 А комар пыщыць,
 Та й в воду тащыць.

(Гадяч., Радомысль.)

*

Летила сова из чужого села,
 Окропом очи завишала,
 Соломою уши позатыкала.
 Та тому люды дывовалыся . . .

(Радомысль.)

* *
 *

ПЕТРИВОЧНЫЯ.

Мала ничка Петривочка,
 Що не выпалась наша дивочка.

Всю ніч не спала, биль сукала;
 По гори ходыла, биль бильла,
 А до тоєи били говорыла:
 Биле мой, биле, тонка, била,
 Як я тебе убильла!
 Як пиду я, биле, за нелюба,
 То я тебе, биле, у свято зношу;
 Як пиду я, биле, за мылого,
 То я тебе, биле, у будень зношу,—
 То я тебе, биле, шановатыму,
 И в будень и в свято надиватыму.

(Дубн.)

* *

Да малая ничка Петривочка,
 Да не выпалася наша дивочка;
 Да й усю ниченьку не спала,
 Да усе хусточки вышывала;
 Та шыла шовком, шыла й билью
 Свойму мылому про недилю.

(Конотоп.)

* *

У моего батька двир вельк;
 Я мала-маленька, невелычка!
 А на тим двори троснык вельк;
 В тим тросныку вовчок вые,
 Вовчок вые, істы просыть.
 Ой не іж, вовчок, мого батенька,
 А изъиж, вовчок, мого свекорка!
 У моего батенька двир вельк;
 А на тим двори троснык вельк,

В тим тросныку вовчок вые,
 Вовчок вые, ѝсты просыть.
 Ой не ѝж, вовчок, мою матинку,
 А изъиж, вовчок, мою свекровку !
 У моего батенька двир велик;
 А на тим двори троснык велик;
 В тим тросныку вовчок вые,
 Вовчок вые, ѝсты просыть.
 Не ѝж, вовчок, мого братнейка,
 А изъиж, вовчок, мого диверка !
 У моего батенька двир велик ;
 А на тим двори троснык велик ;
 В тим тросныку вовчок вые,
 Вовчок вые, ѝсты просыть,
 Ой не ѝж, вовчок, мою сестрыцю,
 А изъиж, вовчок, мою золовку !
 Я мала-маленька, невелычка !

(*) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Шклов.)

* * *

К О С А Р С К І Я .

Выйшы в поле косари
 Косыть ранком на зори.
 Эй нуте, косари, бо нерано почалы;
 Хоть нерано почалы, так багато утялы !!
 До обида покосылы,
 Гостри косы прытупылы !
 По обиди отдыхалы.
 Потим косы поклепалы.

О полудни греблы сню,
 И в валочки клалы щыльно.
 А в вечери холодком
 Клалы в копычки рядком.
 Завтра треба рано встаты,
 У стижечкы щоб покласты
 Як стижечкы покиньчаем,
 По-козацкый погуляем!
 Эй пуге, косари, бо перано почалы;
 Хоть перано почалы, так багато утялы!

(¹) Последнее двустишие повторяется послѣ каждыѣ двухъ стиховъ.

(Чернигов.)

* * *

А вже ворон кряче,
 Пан по хлибу плаче.
 Ой не плач, пане,
 Ще хлиба стане;
 Не плач, не журысь,
 Хоч иды подывысь!
 Уже ворон злетив,
 Обидаты зхотив;
 Ой паночку наш,
 Обидаты час!

(Острогжск.)

* * *

Косарыкы косять, а вдывочка походжае,
 Дрибнымы слезама покосы польвае:
 — Поривняй, Боже, и горы й долины, —
 Немае мыни вриной дружыны!

(Борзн.)

* * *

ГРЕБЕЦКІЯ.

У чужых селах дощи йдуть.
 А на наши села рички течуть.
 Загорожу я тыном ричку,
 Та зажену лебидя и лебидочку:
 Лебидь буде купатыся,
 А лебидочка вмыватыся.
 То-ж не лебидь купається,
 Не лебидочка вмывається, —
 То козаченько купається,
 Молода дивчына вмывається.

(Гадяч.)

* *
*

Ой зійду я на шпыль гору, на лебедив крикну!
 У сим сели родылася, нигде не привыкну.
 Ой там моя привыченька пид тыном на травци;
 Ой там-же я спаты ляжу у темненькій пичци.

(Гадяч.)

* *
*

Збирайтеся, подруженькы, де вчора булы;
 Уже-ж наши васылечкы од сонця повьялы.
 Нехай вяануть, привьявають;
 Як мы прыйдем, воны й повставають.

(Гадяч.)

* *
*

Закотылось сонычко за зеленый гай,
 Пидемо вечераты за тыхий Дунай.
 За тыхим Дунаем сухарыкы на столи,
 И рыба печена—то-ж наша вечера!

Закотылось соннычко за зеленый сад,—
 Цилуються, мылуются а хто кому рад;
 Закотылось соннычко за новенький млын,—
 Цилуються, мылуются а хто кому мыл.

(Лубн.)

* * *

Ой сив орел на маку, весь мѣк поламав.
 Козаченько за дивчыну та тры копы дав,
 Та щоб ин ништо не займав,
 Ништо не займав, за ручку не взяв,
 Перстены не зняв и доганы не дав.

(Гадяч)

* * *

Ой пиду я бором, говорячы з Богом:
 Ой дай Боже, дай, Боже помагай!¹⁾
 Ой дай мини, Боже, багатаго свекра,
 Ой дай мини, Боже, ласкаву свекруху,
 Щоб не посылала в поле жыта жаты,
 А щоб посадыла крамом крамоваты, медом шынкуваты!
 Ой дай Боже, дай, Боже помагай!

(1) Повторяется за каждымъ стихомъ.

(Гадяч.)

* * *

Та вже не багато,
 Та вже не далеко,
 Та вже видно край:
 Боже помагай!
 Ой нумо, ой нумо,
 Та прыпыльнуймо;
 Як не будемо пылновать,
 То тут будем почувать—

Пид зеленым дубом.

Э козаком голубом.

(Гадяч.)

* *
* *

Ой час и пора

Нам до свого куриня,

А в курини панотця

Вечеряты вариться.

(Гадяч.)

* *
* *

Наша пани домуе.

Нам вечерять готуе :

А мы не йдемо.

Прыказу ждемо.

Наша пани бджилочка¹.

Есть у ен горилочка:

Сама це пье

И нам не дае.

Мы своему пану

Изробылы славу:

Сино погреблы и покопылы:

Таки мы вечеряты та заробылы!

Одчиний, пане, ворота,

Иде твоя робота:

Одчиний, не бары.

Идять комари!

Одчиний, пане, комору.

Давай греблям червону:

Одчиний, не бары.

Бо идять комари!

(¹) Паша пани ягидочка . . . (Гадяч.)

(Копотоп.)

* *
* *

Уже сонечко в рози,
 А мы на дорози.
 Пускай, пани, нас—
 Нам додому час!
 Ой дай, Боже, дай,
 Боже помагай!

(Гадяч.)

* *
*

Одчыняй, пане, ворота,
 Идэ твоя работа,
 Ой дай Боже, дай, Боже помагай!¹⁾
 Чы рад-же ты ій.
 Роботи свой?
 Як-же я нерад,
 Що мій виноград!
 Одчыняй, пане, сины.
 Щоб вже гребчыкы силы:
 Одчыняй, пане, комору,
 Давай гребцям червону:
 Одчыняй, пане, хату.
 Давай гребцям плату!
 Ой дай Боже, дай, Боже помагай!

¹⁾ Повторяется послѣ каждаго двустишя.

(Гадяч.)

* *
*

Закотылось сонечко за зеленый бир;
 Мы пидемо вечераты у богатый двор.
 А в богатому дворі
 Горилочка на столи;
 Горилочка в плясци,
 Варенычки в масли.

Закотылось соньчко за сад-виноград;
 Цилуйтеса, милуйтеса ой хто кому рад!
 Наталка Мыколи раденька була.
 Взяла його за рученьку та й спать повела.

Вже сонечко кружком, кружком;

Пам до-дому лужком, лужком.

Лужком, бережком,

Жовтепським піском,

Калыновым мостом

Нам до-дому просто.

Вже сонечко на лану,

Я до-дому полыну;

Полынула-б я,

Неволя моя,

Неволя моя,

Чужа сторона!

Вже сонечко котытеса,

Нам до-дому хочеться;

Хочеться давно, а мы не йдемо,

А мы не йдемо, приказу ждемо.

Поки прыйде пан,

Та прикаже нам.

Вже сонечко над ланком,

Прыпылнуйте холодком;

Ой нумо, нумо,

Та й прыпылнуймо!

Як не будемо пылноваты,

То будемо ночоваты;

А як прыпылнуем,

Та й не заночуем.

(Луби.)

* * *

Ой чии си гребци,
 Дивкы та молодци?
 Самы молодыи.
 Грабли золотыи;
 Греблы, пыльновалы.
 Грабли поламалы.
 Ой як було рано,
 Серце въяло;
 Як повечерило.
 Та й повеселило:
 Наш пан молодой.
 Шид ным кинь вороный:
 Коня осидлае,
 Та нас посажае;
 А як запряже,
 Та й нас повезе.
 Пан, пан, копытан, не нашои виры:
 Чужи люды полуднують, мы й доси не йлы.
 Уже сонце котыться.
 Нам до-дому хочеться:
 Хочеться й давно, —
 Так мы не йдимо.
 Прыказу ждимо
 Од пана свого.
 Од молодого . . . !¹

(¹) Дальше слѣдуютъ стихи, встрѣчающіеся въ предъидущихъ вариантахъ
 (.Лубн.)

* *
 *

Ой на гори свитлонька та новая;
 Горе мыни на чужыни, що сама я.
 Ой чужая сторинонька без витру шумыть:

Чужий батько, чужа маты не бье, то болыть;
 Тилькы ходыть по свитлонци та все гомонять:
 Ой ледащо неvistочка, не хоче робыть,
 Тилько спыты, та згуляты, хороше ходыть.

(Гадяч.)

* *
*

З А Ж Н И В Н Ы Я .

Ой добра-нич, шырокее поле,
 Жыто ядрянее!
 Добра-нич, на здоровья,
 Жнии молодіи, серпы золотіи!
 Приходьте завтра раненько,
 Як солнійко зійде, росыця опаде:
 Та прыносьте по бохону хлиба,
 По билому сыру.
 Вже солнійко зійшло, росыця опала,
 А мои жнійкы не бувалы.
 Чы повтомылыся, чы поморылыся,
 Чы на мене, нывку, забулыся?
 Мы не позморылыся, не повтомлялыся,
 И на тебе, нывку, не забувалыся.

(Шклов.)

* *
*

Розгорыся, вечерняя зоря, перед ранньою стоя;
 Прыберыся, наша господынька, перед намы жніями:
 Одинь тыи куні, собо́ли, та били горностои.
 Не гріють мене тыи куні, собо́ли, ни биліи горностои;
 А тилько гріе мое здоровье,
 Мужыкове ' пидворье.

(') Або: мужыне.

(Шклов.)

* *
*

Ой чыи-ж то жени —
Дивкы та молодци ?

Ой паночку наш,
Обжыночкы в нас !

Самы молодыи,
Серпы золотыи.

Ой паночку наш,
Обжыночкы в нас !

(Борзн.)

* *

Чужи паны, як пугачи,
Держать людей до пивночи.

А наш соловейко
Пускае раненько.

Пускай пораній,

Зьбидать комари:

Кусають и тнуть,

Робыть не дають !

Наш пан добродію,

Пускай про неділю —

Головкы чесать.

Свита повыдаты !

(Борзн.)

* *

Наша пани хупава !

Роспустыла рукава,

И сама не робыть,

И нас не прыгонить.

Наша пани пышна.

Як у саду вышня.

И ноги помыла,
 Й сама чернобрыва;
 Вышня зелененька,
 Сама молоденька.

(¹) Хупава—чепурна, а чепурна—опрятная, красивая.

(Борзн.)

* * *

А в недилоньку рано-пораненьку
 Збирае женьци коваленко,
 Збирае женьци а все прыбирныи—
 Дивкы, парубкы а все молодыи.
 Та повив же их на долину.
 На пшениченьку на озыму:
 — Ой жните, женьци, розжынайтесь.
 А назад себе не оглядайтесь!—
 Аж з-за горы Орда иде.
 За собою ковала веде:
 Йому руки позавязовани,
 Йому очи позаглажовани.
 Отто-ж будеш, ковалю, знаты.
 Як недилоньку шановаты.
 — Ой дай, Боже, такую годину,
 Щоб зобачыты свит хоч на часыну:
 То буду вже знаты,
 Як недилоньку шановаты!—

(Вольнь.)

* * *

Ой чые-ж то поле
 Заспывало стоя'!
 Заспывало нам,
 Хорошым женцяя.

2.

А чье-ж то поле
 Задримало стоя?
 Задримало там,
 Нашим врагам. 2.
 Ой чья-ж то борода²
 Сриблом злотом обвыта?
 Любои пани жыто
 Сриблом, злотом обвыто,
 А чужои пани жыто
 Коноплямы обвыто:
 Ой обвыто там
 Нашим врагам. 2.

(Глухов.)

* *
*

(¹) Выраженіе «поле заспывало стоя» означаетъ, что жито уже созрѣло, поспило, — созрѣвшее — спиваетъ, шумитъ, подъ серпомъ; «поле задримало стоя» означаетъ, что жито переспѣло, *задримало* — склонило головки, колосья, полегло, — какъ это бываетъ съ перезрѣвшимъ житомъ. —

(²) Когда пожнуть жито, то на послѣдней нивѣ оставляютъ жмею, (горсть) несжатаго, и скручиваютъ, что и называется борода. (Глухов.)

Когда полотъ бороду:

Ой чья то борода
 Чернымъ шовкомъ облыта?
 Иванова борода
 Чернымъ шовкомъ облыта.
 Сыдыть пивень на копи,
 Дывуется борода:
 Ой дыво-ж мыни
 Об сій борода!
 Ой чый же то челядын

Обжыночки нарядыв?

Ой Иванив челядыи

Обжыночки нарядыв.

Ой наш папе, наш,

Обжыночки в нас!

Сыдыть пивень на маковци,

Та маковку пье: 2.

Сыдыть наш пан на покути.

Горилочку пье, — 2.

А мы будем дывытыся,

Коло його живытыся.

Ой дай, пане, дай.

Горилочки нам!

З велькои праци

Горилкы по чарци:

З велькои муки

По дви чаркы в руки.

(Борзен.)

* * *

Сыдыть ведьмидь¹ на копн.

Дывується бороди:

Ой дыво мыни

Об тій бороди!

Ой чія-ж то борода

Чорным шовком увыта?

Чорным шовком увыта,

Сриблом-злотом улыта?

Иванова борода

Чорным шовком увыта,

Сриблом-злотом улыта!

Васылева борода

Мачуламы увята,
А смолою улыта.

(Сосниц.)

* * *

(1) Въ отдаленныхъ отъ лѣса селеніяхъ, вмѣсто *ведьмидь*, поють—
воронь.

Когда кончаютъ дожинать:

Нуте, нуте, до межи,—

Варенычки у дежи.

Ой нуте, робить,

Себе не барить!

Нуте, нуте, по пять,—

Варенычки кыпять.

Ой нуте, робить,

Себе не барить!

Не будете пилновать,—

Тут будете ночувать.

(Борзн.)

* * *

Борода.

Когда жинають жито, то на послѣдней нивѣ хозяина оставляють *жменю* жита, которое связываютъ красною или бѣлою ниткою, и это называется—*борода*.—Траву въ бородѣ выполивають, въ срединѣ боро-
ды, на землѣ, оставляють краецъ изъ цѣлаго, никѣмъ нетронутаго
хлѣба, дрибокъ (кусочекъ) соли, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и *цурку*,
которую вяжутъ снопы, и усѣвшись вокругъ борода, женцы поють
особенныя, приличныя этому случаю, пѣсни, въ которыхъ главный пред-
метъ—*борода*.—Изъ обжиночныхъ пѣсень видно, что *бороду обшивали*
краснымъ или чернымъ шолкомъ, и *обшивали*, или *накрывали*, *краснымъ*
шовкомъ, т. е., вѣроятно, судя по другому куплету пѣсни (гдѣ сказано,
хотя и въ проницескомъ смыслѣ, борода чернымъ *рядномъ* покрыта)
кускомъ шолковой матеріи.—Все это дѣлается, вѣроятно, для того,
чтобъ и на будущій годъ былъ урожай хлѣба.

Винокъ.

Когда снимутъ рожь у извѣстнаго хозяина, то, вечеромъ, по снятiи ржи, женцы, обыкновенно женщины, съ особыми обрядными пѣснями, идутъ къ дому хозяина или хозяйки. Одна изъ женщинъ, старшая, идетъ впереди и несетъ на рукахъ винокъ изъ жита. Такимъ образомъ, они подходятъ къ самому дому хозяина или хозяйки, которая, услышавъ пѣсни, выходятъ къ женщинамъ съ испеченнымъ хлѣбомъ, на которомъ положенъ дрибокъ соли. Старшая жница подходитъ къ хозяину или хозяйкѣ, и кладетъ житяный вѣнокъ на хлѣбъ, приговаривая: «Дай Боже, щобъ и на той годъ родывъ хлѣбъ,» и проч. Хозяинъ съ хлѣбомъ, накрытымъ винкомъ, идетъ въ хату, и кладетъ ношу, съ почетомъ, *на покути*, подъ иконами. Винокъ, на Спаса (6 Августа), снимаютъ съ хлѣба и несутъ въ церковь, съ почетомъ, — гдѣ его святятъ съ яблоками и проч. Хозяинъ угощаетъ женцовъ, принесшихъ къ нему винокъ, вечерю и горилкою.

(Этотъ обрядъ записанъ очевидцемъ его, Н. М. Бѣлозерскимъ, въ Борзенскимъ уѣздѣ.)

О С Е Н Н И Е .

Вже минулы супыченькы й полуныченькы,
Вже наспили осинни та вечерныченькы.

(Гадая.)

* *
*

Чы було лито, чы не було лита.
Що воно мыни не докучыло?
Бо в мене ньенька нериденька,
Мене на вулицю не пускае,
Та в комирочку зашпрае,
А в комирочци виконечко.
А в виконечку кватырочка!

(Гадая.)

* *
*

Зійдімося, подруженьки, де вчора гуляли,—
 Бо вже наши васылечки без сонця зовьялы.
 Нехай вянуть, нехай вянуть, нехай повьявають:
 Як зійдемося до-купочки, вони повставають.

(Гадяч.)

* *

У чужих селах дощи йдуть,
 А на наши села рики течуть,
 Загорожу я тыном ричку,
 Жажену лебеда й лебидочку.
 Там буде лебидь купатыся,
 Лебидочка вмыватыся.

(Гадяч.)

* *

Зійшов мисяць из зорью, та й обгородився;
 Счастливои годинькы козак уродився:
 Куды вин подумае, то й Богъ помагае,
 Через тую дивчыненьку що свататы мае.
 Сватай, сватай, козаченьку, сватай, не варуйся,—
 За твоєи головонькы роботы навчуся.

(Гадяч.)

* *

Во время уборки конопель.

Ти вси мои звиздочки,
 Ти вси изо мною,—
 Ти вси мои ясныи
 Передо мною,—
 А одной мойй звиздочки
 Нема изо мною,—
 А одной мойй яснои
 Нема предо мною.

(Чернигов.)

* *

КОЛЯДКИ.

Над морем глыбокым
 Стояв явор высокый;
 Грай, море, радуйся, земле,
 Вик до вику '!
 А на тим явори сыз орел сыдыть,
 Сыз орел сыдыть да в воду гледыть,
 У воду гледыть, з рыбою говорыть:
 9 Ой быть нам, рыбо, у одного пана,
 Пана в Ивана —
 Тобою, рыбо, гости витаты,
 А моим пером лысты пысаты !

(') Последнее двустишие повторяется за каждым двумя стихами.
 (Остер.)

*

9 Ой рыбо-ж, рыбо, ты моя пара !
 И быть нам, рыбо, в одного пана,
 В одного пана, пана Ивана:
 Що тобою рыбо, гостей витаты,
 А моим пером лысты пысаты.
 Да бувай же здоров и в вику довгий,
 Не сам собою, с своею жоною,
 З усим родом, з Господом Богом.
 З Исусом Хрыстом, з святым Рожеством.

(Остер.)

* *
*

Ой ясна, красна у лузи калына,
 Святый вечер !

А ще краснища у пана дочка Орына;
 Вына стерегла, крипко заснула:
 Налетили райськіи пташкы—
 Выно попымы, чашкы побымы.
 Ой шугы в лугы, райськіи пташкы:
 Чашок не быйте й вына не пыйте;
 Нам сього вына багато треба—
 Брата женыты, сестру тдаваты!
 Пане господарю,
 С празныком поздоровляю!

(¹) Прип'євъ за каждымъ стихомъ.

(Луби.)

* *
 *

А в пана Ивана, на його дворн.
 Святый вечер!
 На його двори стоить свитлыця,
 А в тій свитлыци стоить Орышечка.
 Убиралася, то-ж и наряджалася;
 До церкви пишла, як зоря зійшла,
 У церков вийшла, и засіяла!
 Там паны стоялы да їи пытамы:
 Чы ты царивна, чы колоривна?
 Я не царивна, ни колоривна—
 Батькова дочка, славная панна!
 Да бувай здорова, красная панна,
 Красная панна, панна Орыся!
 Не сама собою, с отцем, матирью,
 Из родом, с плимьем, с кым тоби Бог дав!

(¹) Прип'євъ послѣ каждого стиха.

(Остер.)

* *
 *

А в лиску, лиску, на жовтим писку.

Святыи вечер!

Там пава ходыла, пирье роныла;

Святыи вечер'!

За ею ишла панна Марьечка,

Пирье збирала, да в рукав клала;

З рукава брала, на скамьи клала,

А с скамьи брала, да винок плела;

Извыла винець, да пишла в танець.

Ой де взялыся да буйни витры,

Искынули винок да в тыхий Дунай.

Ой пишла-ж вона лужком, бережком,

Да й стрила вона тры рыбалочки:

Вы рыбалочки молоді!

Закыньте мыни шовковый невод,

Шовковый невод да в тыхий Дунай?

Поймайте мыни перловый винок!

Я вам, молода, даром не схочу:

Первому рыбалци перловый винок;

Другому рыбалци щырозлотный перстень;

Третьому рыбалци сама молода!

Да бувай здорова, красная панна!

(¹) Прип'язь послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* *
* *
* *

У нашего пана хороша пани;

Бог йому дав славную жону у його дому!

По двору ходыть, як мисяць сходыть;

По синьцях ходыть, як зоря сходыть;

Садыла сынкы в чотыри рядкы,

Садыла дочкы в тры рядочки.

Сыночки зрослы—у школу пишли,
 А дочки зрослы—у швачкы пишли;
 Сыночки идуть, книжечкы несуть,—
 А донечкы идуть, хусточки несуть:
 Книжечкы на стил, батеньку до ниг,—
 А донечкы хусткы на пил, матюнцы до ниг.

(¹) Припѣвается и такъ: Богъ йому дав, Богъ йому послав—уиную
 жону у його дому.

(Остер.)

* * *

Дивка Орыночка перевиз держала;
 Святый вечер!
 Перевозыла царив, та панив, та отецькых сынив.
 Наихало до неи симсот молодцив:
 Перевезы—ж нас, дивко Орышечко!
 — Колы—ж мыни вас та перевозыть?
 Прихав до мене братик з вѣйська дорогы;
 Вин привиз мыни та тры радости:
 Первая радисть—зелена сукня,
 Другая радисть—золотый перстень;
 Третья радисть—перлова камка . . .
 Зелена сукня слид замитае;
 Золотый перстень на руци сѣе;
 Перлова камка голову клонить!
 Та бувай здорова, дивко Орынко,
 Не сама собою, з отцем, з ненькою,
 Из мылым Богом, из усим родом.
 Боже, дай вечир добрый!
 Та давайте дохид довгий!

(¹) Припѣвъ послѣ каждаго стиха.

(Гадяч.)

* * *

А у поли, поли, да край дороги.
 Ой там ходыть вороная стада!
 Помиж тый стади сывый кинь ходыть,
 Нихто того коня да не поймае,
 Да ни поймае, ни осидлае,—
 Тилько поймае, да осидлае Иванко:
 Я-ж того коня маю — поймаю,
 Маю — поймаю, да й осидлаю,
 Да и пойду я к тестеньку в гости —
 Ой люды скажутъ, що сокол летыть;
 Тестенько скаже: се мій зять йде . . .
 „Одчыйнай, тестенько, тесови ворота;
 Стелы мойму коню да просту солому,
 Да дай мойму коню сина да овса,
 Мини молодому пухови подушки,
 Дай мини молодому меда да вына..”
 Да бувай здоров, злышний панычу,
 З своею мамкою да з сестрыцею.

(Чернягов.)

*
*
*

Ой в поли, в поли, да й в выноколи,
 Святый вечер!¹
 Грай, коню, пид молоденькым Йвасем!
 Ой там Ивась полем играе, копые выхае,
 Да пидызджае пид Выжгорода;
 Вышлы к йому вси городяне;
 Вывелы йому коня в наряди:
 Вин тее прыняв, шапочки не зняв,
 Шапочки не зняв, не подяковав.
 У Вильбови² на оболони,
 Грай, коню, пид молоденькым Йвасем!

Ой там Ивась конем играе, копые выхае.

Да пидызджае пид Выжгорода;

Вышлы к йому вси городяне,

Да вынеслы йому мысу червонцив:

Вин тее приняв, шапочкы не зняв,

Шапочкы не зняв, не подяковав.

У Вильбови на оболони.

Грай, коню, пид молоденькым Ивасем!

Ой там Ивась конем играе, копые выхае.

Да пидызджае пид Выжгорода;

Вышлы к йому вси городяне,

Вывелы йому панну в наряди:

Вин тее прыняв, шапочку зняв,

Шапочку зняв, да й подяковав.

(¹) Повторяется. (²) Во Львовѣ.

(Остер.)

*

Там вѣйсько ишло и ладу не найшло;

Святый вечер¹!

Иванко ишов, лад вѣйську найшов;

Велив гарматы порыхтоваты,

На Вырвин-город стрилы спускаты.

Вси мищаночки полакалыся;

По рынку ходять, рученькы ломять,

Рученькы ломять й радоньку радять:

Що тьому паняти за дару даты?

Вынеслы йому мысу червонцив,

А вин на той дар и не споглянув:

Не поклоньвса, не покорьвса;

Шапочкы не зняв, не подяковав;

Велив гарматы порыхтоваты,
 На Вывин-город стрилы спускаты.
 Все мищаночкы полякалыся;
 По рынку ходять, рученькы ломять,
 Рученькы ломять й радоньку радять:
 Що тьсому паняти за дару даты?
 Вывелы йому коня в наряди,
 А вин на той дар и не споглянув:
 Не поклонься, не покорься;
 Шапочкы не зняв, не подяковав;
 Велив гарматы порыхтоваты,
 На Вывин-город стрилы спускаты.
 Все мищаночкы полякалыся,
 По рынку ходять, рученькы ломять,
 Рученькы ломять, радоньку радять:
 Що тьсому паняти за дару даты?
 Вывелы йому панну в наряди,
 А вин на той дар да и споглянув,
 Шапочку зняв и подякував,
 И поклонься и покорься.
 За сим же словом та й бувай здоров!
 Не сам с собою, з отцем, з маткою,
 Из мылым Богом, из усим родом.

(¹) Примѣч. пѣвицы.

(Овруч.)

* *
* *

А в поли, в поли биленькій намет;
 Приспивують Ой-дай Боже! або Святый вечер!

А в том намети пышнее пани,
 Пышнее пани—молодой Иванко;
 В лижечку лежать, конька держать,
 Конька держать, с коньком говорить:
 Коню-ж мій, коню, я тебе продам,
 Я-ж тебе продам за сто червоных.
 — Пане-ж мій, пане, не продавай мене!
 Не продавай мене, спогадай на тее,
 Як мы з тобою з вийська втикалы:
 За нами гналысь Туркы, Татары;
 За нами кули землю зборалы,
 За нами стрилы як синг литалы!

(Обруч)

* *
 *

Молодой Ивасенько, чы е в тебе батенько?
 Не був я дома, служыв я в пана Гетьмана!
 Молодой Ивасенько, чы е в тебе матинка?
 Молодой Ивасенько, чы е в тебе братичок?
 Молодой Ивасенько, чы е в тебе сестрыця?
 Молодой Ивасенько, чы е в тебе мыленька?

В мене батенько — кинь вороненькій,
 Не чорне пиро по коньченьку полегло!²
 В мене братичок — тугенькій лучок:
 В мене сестрыця — ясна ручныця;
 В мене мыленька — постиль биленька.

(¹) и (²) Повторяется за каждым из следующих стихомъ.

(Грайворон.)

* *
 *

А в поли, в поли, й у выноколи,
 Стоять наметы з білого шовку,
 А в тих наметах все столы стоять;
 Все столы стоять позастыланы,
 Позастыланы все кылымамы;
 А на тих столах все кубкы стоять,
 Все кубкы стоять понаповняны.
 По за столамы все паны сыдять;
 Миж тими панамамы красный панычу,
 Красный панычу, пане Иване.
 Перед панычем вирныи слугы;
 Просяться воны у Невир-землю:
 Пусты нас, пане, у Невир-землю!
 Пустымо стрилу, як грым по небу;
 Пустымось киньмы, як дрибен дощык:
 Блыснем шаблямы, як сонце в хмари!

(Остер.)

* * *

Да пане Иване обмуровав двир,
 Святый вечер'.
 Обмуровав двир билым каменем,
 А воритечка з жовтои меди.
 А по тій меди стоять наметы,
 Стоять наметы як биль биленькы,
 А в тих наметах сыдыть пан Иван,
 Стрилочки струже да в лучок кладе.
 А з лучка бере, да й заправляе.
 Ой стучыть-гремыть з поля сторожа.
 Да вдарыться в жовтыи ворота:
 Пане Иване, чы спыш; чы не спыш?

Ой колы-ж ты спыш, Господь з тобою!
 А колы не спыш, промов зо мною:
 Що в наши города Туркы вступымы,
 Туркы вступымы пополам с Татармы,
 Пополам с Татармы, с киньмы з сто пармы,
 А я-ж тих Туркив да й не боюся:
 Ой я з імы в пыл перебьюся!
 Ой дайте мыни коня воронця,
 Коня воронця й гострого меча!
 Його матинка выпровожала,
 Выпровожаячы да й найучала:
 Сыну Ивасю! як пойдеш с королем на войну,
 То не выхвачуйся поперед вуйська,
 Да зоставайся позаду вуйська!
 А вин матюнкы да не послухав:
 Поперед вуйська конем играе,
 А позад вуйська мечем рубает;
 Хвалыться конем перед королем,
 Перед панною гострою шаблею.
 Ой чый то сынок, сынок Иванок,
 Поперед вуйська конем играе,
 А позад вуйська мечем рубает;
 Хвалыться конем перед королем
 Перед панною гострою шаблею?
 Ой дам я йому половыну царства и свого панства
 И свою дочку королевничку.

(¹) Припівъ, послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* *
*

А с поля, поля, да туман устает,
 Святый вечер ¹,

А з-за того туману Иванко йде ;
 Да й пидвижжае пид царев-город,
 Да й вымыкае царя з города:
 Турецкій цару, выйдь на войну,
 Воеватися, муштроватися! —
 Як изыхалысь, так и вдарылысь:
 Ударыв копытамы як гръм на неби,
 Засялы сабли, як сонце с хмары:
 Пид ймы кони попрыпадады,
 Золотін грывы попрымагалы.
 Турецкій царь другим наказав:
 Колы-б я знав — чый то сын воював,
 То-б я за його свою дочер отдав,
 Свою дочер отдав, царство отпысав —
 Половину царства, трейтыну счастья!

(¹) Повторяется послѣ каждаго стиха.

(Остер.)

* *
*

ЩЕДРИВКЫ.

Нодь новый годь.

У Києви та на рыночку,
 Щедры вечор, щедры вечор, та й добры вечор,
 Добрым людя та й на здоровье!¹
 Там дивчына сад садыла,
 Сад садыла, поливала.
 Поливаючы промовляла:
 Росты саду вышче мене,
 Вышче мене, краще мене.
 У тому саду тры корысти:
 Перша корысть — оришечкы.

Друга корысть — красны вышенькы,
 Третья корысть — то яблочки.
 Оришкамы читоваться,
 Вышенькамы забавляться,
 Яблучкамы пидкыдаться.
 Та бувай же здорова з отцем, матирью,
 Из мылым Богом и з усим родом!

(¹) Это двуступише повторяется послѣ каждаго стиха.

(Чернигов.)

* *
 *

Вылетила ластивочка,
 Сила на виконьци;
 Стала щебетаты,
 Господаря выкыкаты.
 Выйды, выйды, господару,
 Подывыся на кошару:
 Чы вси вивци покотымысь,
 Чы ягныци поплодымысь?
 Чы баранци крутороги,
 Чы ягныци чорноброви?
 Добрывечир!

(Звенигород.)

* *
 *

Ластивочка—перепелочка
 Пидлетила пид окенечко:
 Очикныся, господинечко!
 И коровочки потелымыся,
 И овечкы покотымыся:
 Сыр на полицы,
 А масло у дойныцы . . .
 А мыни дай дви паленыцы!

(Чернигов.)

* *
 *

Прымытила, прыгадала,
 На виконци щебетала;
 Устань, устань, пане господару,
 Та побуды челядь свою гарну!
 Та побуды челядь молодую,
 Та засвиты свичку восковую;
 Та походы по дворочку,
 Як пчилочка по садочку!
 Добрывечир!

(Звенигород.)

* *

Ой на рици, на госоци,
 Там пльвае клынов лыток:
 На тым лытку напысано
 Тры письмечка:
 Перве письмо—ясен мисяць,
 Друге письмо—ясне сонце,
 Трете письмо—ясни зоры.
 Ясный мисяць сам господар;
 Ясне сонце—його жинка;
 Ясни зирки—його диткы.
 Добрывечир!

(Звенигород.)

* *

Ой на гори, на каминьній,
 Там Волохы церкву ставлять;
 Церкву ставлять, викна будують:
 Одно виконце—ясне сонце,
 Друге виконце—ясен мисяць,
 Трете виконце—ясни зиркы.
 Ясне сонце, то господиня;

Ясен місяць, то господар;
 Ясни зирки, то його дитки.
 Добровечир!

(Звенигород.)

* *
*

Щедрий вечер, пане господару!
 Стережи, Боже, твого товару,
 Стережи, Боже, твого спадку!
 Цилуй Христа в ноги за отця и матку!
 Гарненьку хазячку маеш,
 Гарненько ии споряжаеш,
 Як пчилочку у меду,
 Як барвинок по саду.
 Цилуйте Христа у нижки,
 А нам выносьте пырижки,
 Добровечир!

(Звенигород.)

* *
*

Ой у нашого пана Оврама
 У садочку стояла свитлонька ориховая,
 А в тій свитлоньци — Оксютка.
 Щедры-вечор, добры-вечор,
 Добрым людям на здорowie!
 Шьють-вышивають дороги сукни;
 Укравочки на подарочки,
 Обризочки на цвiточкы.
 Та бувай здорова, красная панна,
 Панна Оксана!
 Не сама из собою,
 Из своею матюнкою.
 Та бувай здорова з Исусом Хрыстом,

З святым Рожеством!
 Щедры-вечор, добры-вечор,
 Добрым людям на здоровье!

(Козелец.)

* *
*

Н О В О Г О Д Н Я .

На новый годъ при засѣваньи.

Сіто, сіто
 На нове літо.
 Зароды, Боже, жыто, пшеницю.
 Усяку пашныцю.
 Сього жолаю,
 Празныком поздоровляю!

(Чернигов.)

* *
*

Ходе Илья
 На Васыля —
 У його пуга жытяная:
 Де пугою махне,
 Там жыто росте.

(Чернигов.)

* *
*

Ходыть Илья
 На Васыля:
 Куды махне.
 Жыто пахне:
 С того колосочка
 Жыта бочка!
 Добрывечир!

(Звенигород.)

* *
*

ПРАВСТВЕННО-ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ.

Дума про вдову та сынив.

У святую неділю як та бідна вдова,
Старая жона,
У своїй домівці з диточками маленькими гомонида,
Та по наймах не пускала,
Чужым людям у руки на стараніе не давала;
То вона собі пры старости лит прожить сподивала.
Сталы сыны до розума дохожаты,
Сталы собі молоде подружжа маты,
Сталы свою матир рідненьку, вдову стареньку, зневажаты,
З домівки зганяты:
Иды-ж ты, маты, в чужый дом прожываты,
Хай наши молодіи жоны не будуть з тебе насмихаты,
Дитки маленьки не будуть тоби докучаты.
Тоди вдова тее зачуває,
Словамы промовляє:
Ай сыны-ж вы мои, диты молодіи!
Стильки я з вами рік горювала,
Пучками та ручками хліба заробляла,
Та вас годувала,—
Тепер чого я од вас диждала!
Де-ж мыни смерты диждаты,

При старости лит вику свого докинчаты? —
 Тоди близький сусида тее зачувае,
 До вдовы словами промовляе:
 Ой удово, старенькая жэно! Не плач, иды в мій дом прожываты:
 Будеш ты в мене хату помнитаты,
 Малых диток доглядаты;
 Будеш ты в мене до смерты-вику хлїб-силъ ужываты,
 Я буду тебе за матир ридненьку почитаты.
 Тоди вдова на чужому подвирью прожывае,
 По всяк день дрибнымы слизамы прольвае,
 А сынам усим трьом на своему подвирью уже й прожытку немае.
 Сталы люды тее зачуваты,
 Сталы з удовыченкив посмихаты,
 Сталы вдовыченкив на смих пыдїяматы.
 Що змове найменшый удовыченко до своих старших братив-
 козакив словами:
 Братики мои старши, ридненьки,
 Як голубоньки сывеньки!
 Недобре мы, уси тры браты, починали,
 Що свою матир ридненьку, вдову стареньку зневажали,
 Та з домивкы зигнали,
 Ходимо-ж мы, уси тры браты, на чуже подвирья,
 Свой матери ридненькїй, удови старенькїй, до ниг упадимо,
 Свою матир ридненьку, удову стареньку, у свїй дом призовимо..
 „Иды-ж ты, маты, у наш дом прожываты:
 Лучче мы будем молодых жон научаты,
 Лучче мы будем малых дитей изпыняты,
 Будем тебе до смерты вику почитаты й поважаты..
 Тоди вдова тее зачувае,
 Словами промовляе:
 Ой Боже, мый Боже!

Що теперишнього часу не успив батько й мати молоде по-
дружка за свого сына взяти,

Стане хлибом-силью нарикаты;

Що которий чоловік батькивську-матчыну молитву чтыть,
шануе, поважае,

Отцевська-матчына молитва в купецтви, в ремесви на
помич спомагае,

Отцевська-матчына молитва зо дна моря достягае,

Од грихив душу одкупляе,

До царства провожае.

Дай Боже миру Гетьманьському, народу Хрыстіаньському, у
сім на многи лита!

(Записано отъ кобзаря въ городѣ Ахтырскѣ.)

*

А не в бору сосна зашумила,

Не зелена диброва з буйным витром говорила,

А та вдова старенькая в домици з маленькымы диткамы гомонила.

Мала соби трьох сынив як соколив, вона их з-малку годовала;

Зросту, славы, памьяты, спрожытку сподивала.

Стали ти сыны до розуму дохожаты,

Стали соби молоди подружка знахожаты, —

Стали вдову стареньку зневажаты,

На чуже подвирьря зсылаты:

Иды, ты, маты, в чужый дом пробуваты;

Нехай наши не будуть мелоди жоны з тебе насмихаты,

Альбо диткы маленькы тоби докучаты.

То вона тое зачуvas, словами промовляе:

Сыны мои, соколы мои!

Ще не стилькы я лит з вами горювала,

И вас дожыдала;

Я вас хлибом-силью годовала,

По наймах не пускала, —
 Славы, памяты, спрожытка сподивала, —
 Тепер од вас чого дождала!
 Де мени смерты своен дождаты,
 Альбо вика свого докоротаты? —
 То близький сусида тое зачувае,
 Словамы промовляе:
 Иды ты до дому, старенька жоно!
 Будеш ты дома пробуваты,
 Будеш минн хатбу вымитаты,
 Будеш ты в мене хлїб-силь вкушаты,
 Маленьки диткы доглядаты,
 Буду я тебе за матку стареньку почитаты.
 То вдова тое зачувае,
 В чужый дом унжае,
 Дрибными сльозамы умывається.
 Сталы ти вдовычєнкы без отця, без нєнкы пробуваты,
 Сталы отцеву й нєнчыну молитву забуваты, —
 Тогди их став Господь безневинно караты,
 Тогди сталы з их близькїи и дальнїи сусиды насмїхаты.
 То найменшый вдовычєнко тое зачувае,
 Словамы промовляе:
 Недобре мы, братця, самы починали,
 Що матку стареньку зневажали,
 Та з своєи домивкы выслали.
 Та в недїлю рано-пораненьку добре мы, братця, вчынимо,
 На чуже подвирьря пїйдимо,
 Шапкы в руки знімимо,
 Матерп старенькїй на землю в ноги вклонимось:
 Иды ты, маты, в свїй дом пробуваты;
 Лучче мы будем своих жон зопыняты,

Дитки маленьки научаты.

Тогди вдовыченкы в чужій двір впадады,

Шапки в руки знималы,

Матери старешкій пизенько в ноги уклонялися:

Иды ты, маты, в свій дом пробуваты;

Можем мы тебе за матку старешькую до смерти почитаты.

То вдова тое зачувае,

Словамы промовяе:

Мый Боже! Добрый Боже!

Що тепер на свити таке становиться:

Не вспив отецъ и маты

За молодого сына подружжа поняты,

А зараз стане хлѣбом-силью нарикаты

А который чоловік отцеву й матчыну молитву чыть-поважае,

То отцева-матчына молитва зо дна моря вынимае,

Од пекла до выкупу, до царства небесного душу проважае,

В купестви, в реместви, на поли й на мори помагае!

(Записалъ А. Л. Метлинскій отъ кобзаря въ Зѣньковскомъ уѣздѣ)

*

В недилю барзо рано-пораненьо не сыва зозуля заковала:

Вдова,

Старенькая жена,

Посты постыла

И молитвы творыла,

Господа мылосердного соби на помич просыла:

Господы едѣный!

Поможы мни дѣла сѣн:

Дитей згодоваты,

И з их розума доброго дождаты!

То вже вдова Богу домолылася:

Сыннв поженыла и дочок замѣж поодавала,

И з их розума доброго дождла.

Як стали вдовыченкы в своим доми з жонамы проживаты,

Стали старон пани-маткы насмихатыся,

Стали хлибом-солью докоряты:

„А йды-ж ты, стара пани-матко, из нашого дому

До чужого дому проживаты;

Нехай мы будем знаты,

Як без тебе господарство содержаты,

И будем жен своих страхаты,

И малых дитей униматы!„

То в недлю рано-пораненью не сыва зозуля заковала:

То вдова,

Старенька жона,

Из свойого дому изхождала,

В гору руки изнимала,

Сынив своих кляла—прокмынала,

За слизамы свиту Божого не выдала,

И на воротях звалылася

Та старшый брат у кватыру поглядае,

Стару пани-матку у воротях зобачае,

До меньших братив словами промовляе :

„Чы бачете, братця, що наша стара пани-матка горилкы

напылася,

И на воротях извалылася? . . . „

То бльжняя сусида,

Молодая челядына,

По воду выхождае,

Стару пани-матку до свойого дому благае :

— Иды ты, старая пани-матко, до мойго дому проживагы,

Не будеш пры старости литях хаты пидмитаты,

И не будеш диток моих дозыраты,
И только будеш мене, молодую челядыну, на добрый розум
наущаты.

Як стали вдовыченки без старой пани-маткы у свойому
доми проживаты,

Не став им Господь ни в чим помагаты:

Ни в пахарстви,

Ни в бурлацтви,

Ни в третем—купечерстви,

Не стали их люде знаты,

И в их хлиба-соли ужываты;

Только воны, с тоскы та с печали, идуть у корчму гото-
ваго осьмака пропываты . . .

Стали им люде у слух докоряты:

— Чы бачете, братця, що у наших вдовыченкив хлиба-
соли пемае,

Що их стара пани-матка трынацять лит у чужим доми
проживае?

То так, панове братця, годыться отця, матер поважаты,
До смерти шановаты!—

Теперешнього часу,

Люду царьского

И народу хрыстьянського,

И всим православным хрыстьянам выслухающим

Многыи лита, многыи лита, многыи лита!

(Записалъ Н. М. Бѣлозерскій, отъ кобзаря Ивана Ромаенка, въ
с. Британахъ, Борзенскаго у., Черниговской г.)

Як у неділю весьма барзде рано-порану, то не сыва зозуля
заковала;

То вдова,

Старенькая жена,

Посты постыла

И молитвы творыла,

Господа мылостывого на помич просыла:

„Боже мій мыйй,

Боже мій едынй!

Поможы ты мыни сін диты згодоваты

И з их помочы дождаты „

То вже-ж то вдова Господа упросыла:

Сынив поженыла

И дочки замиж поодавала.

Як стали удовыны сыны з женамы свонмы у доми пробуваты,

Та стали из старои пани-маткы насмихаться,

Хлибом-солью докоряты:

„Иды ты, маты,

До чужого дому пробуваты;

Нехай мы будем керез тебе жен своих страхаты,

Диток малых униматы „

То тогди, як у неділю весьма барзде рано-порано не сывая
зозуля заковала,

Як бидна вдова з своего дому выступала,

За слизамы свиту Божого не выдала,

На воротах извалылася, —

То болшой сын у кватыру поглядае,

Ище з старои пани-маткы насмихається:

„Огляньтеся, браття, десь наша маты велького хриха на-
бралася —

Горилкы рано напылася,

На воротах извалылася „

Тоди-ж то стали удовыны сыны з женамы у доми пробуваты,
То став Бог выдымо ни в чим помагаты:

Ни в пахарстви, ни в реместви,

Ни в третем купецтви.

Тоди-ж то удовыны сыны один до днога истыха словамы
промовлялы,—

То бѣлшый брат:

„Гляньтеса, браття, якый я був соби дом избудовав,

Та як стару пани-матку из двора зогнав,

То мій дом Бог громовою тучою скарав.,

Середулшый брат вельке мылосердые мае,

У чужый двор уходяе,

Старій пани-матци крыжем у ноги упадае:

— Иды ты, маты,

До нашого дому пробуваты,—

Нехай мы будем знаты,

Як своих жен страхаты,

Дитѣк малых униматы

Уже-ж нам далась тяжкѣя беда и без тебе знаты!—

О тогди-ж то, у недилю, весма-барзде рано-порано, то не
сыва зозуля заковала,

Як бидна вдова з чужого дому выступала,

За сльозамы свиту Божого не выдала,

Ище стыха словамы промовляла:

„Боже мій мымый.

Боже мій едыный!

Поможы ты минн сїи диты опрощаты;

Що я, в чужим доми трынадцять лїт пробувала,

Ни от кого соби кривды не мала,

Тилько своих сынив кляла, та прокльнала!„

Тогди-ж то, як стали удовыны сыны свою пани-матку содер-
жаты,

Став Бог выдымо во всьом помагаты —

И в пахарстви, и в реместви,

И в третем купецтви.

Тогди-ж то вони один до дного стыха словамы промовлямы:

„Гляньте, браття! правду святе пысьмо свидчыть, высвидчае,

На всякый час моленые показуе:

Который чоловик отця своего, матер штыть, поважае,

Тому Бог во всякый час помагае.”

Подай, Боже, на многи лита!

(Записано отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровѣ, Сосницкаго у., Черниговской г.)

Дума про сон и про жену.

У неділю святую снывся, прыснывся вдовыченку—

Барзо-пречуден сон, та ще дуже й предивен.

Скоро вин з свого сна розбужае.

Свого сна козацького не вгадае,

Матери старій словамы промовляе:

Маты моя старенькая! ты людям вгадуеш, малым диткам
помагаеш:

Вгадай мени, маты, сей сон,

Що выдыться—на отцевському дворі на моему

Тры горы камьяні процвиталы;

Перва гора процвитала красным цвитом выновая.

„Желае за тебе мужняя жена на сторону мандрувати:

Не будеш ты з нею ни якого промишканія маты:

Дасть тобі Господь диджаты Риздва Хрыстова,

Альбо найпаче Світлого Воскресенія;

То вона буде кватирку одсувати,

По рынку поглядати.

Чи не йде муж первий дружыны шукаты.,

Друга гора процвітала зеленым цвѣтом выновая.

„Желае за тебе вдова богата, гордая;

Не велю тобі сыну іи брати:

Не будеш ты з нею щастя іи доли маты:

Дасть тобі Господь Риздва Хрystова.

Альбо найпаче Пресвітлого Воскресенія диджаты;

Будуть до пен кумы-побратымы наижжаты,

Будуть пыты та гуляты,

Будеш ты у порога стояты,

Будуть тебе наймытом нарикаты,

Будуть тебе ще іи на сміх підійматы.,

Третья гора процвітала білым цвѣтом камьяная.

„Желае за тебе сырота безщасна, безридна, дивчына
молодая.

Велю я тобі сыну іи брати:

Будеш ты з нею щасте іи долю маты;

Де муж з женою живе, проживае,

Там святий Мыколай на радость ухожае.,

(Записано отъ кобзаря въ Ахтыркѣ.)

Чужына.

(Дума.)

На Святую неділю, то в неділю барзо рано по-
раненьку,

То не сыва зозуля закувала,

Як сестра до брата з чужої сторони поклоняла,
 Поклон посылала, словамы промовляла:
 Братику мій ридненький,
 Голубоньку сивенький!
 Одвидай мене безридну та бездолну в чужій
 стороні,
 Пры лыхій хуртовині.
 То брат зачуває,
 Словамы промовляє:
 Рад бы тебе одвидаты да не могу за темными лугама,
 За шырокымы степама,
 За быстрымы рикама.
 Сестра то зачуває,
 Словамы промовляє:
 Прошу тебе, через быстри рики билым лебедоньком
 переплывы,
 Через шыроки стены малым невельчыкым перепелоньком
 перебижы,
 Через темни лугы ясным соколоньком перелеты,
 А в моім двори сивым голубоньком сядь-пады,
 Жалібненько загуды—
 Тугу мою, брате, роздилы . . .
 Що тепер, брате, святыи день, Вельк-день,
 Празнык роковый,
 Що люды з церкви йдуть,
 Як бджилонькы гудуть—
 Одно одного на здоровья пытае,
 Одно одного на бенкет зазыває,
 А мене нихто по родыни не займае,
 Будто воно мене та й не знае!

Поки мы у отця та у маткы бувалы,
 Поки у нас нывалы та йндáлы,
 Тогди нас кумы й побратымы добре зналы,
 На силъ, на хлиб, на бенкет зазывалы,
 И не свит и не зоря ще, на день добрый давалы,
 А тепер прышыбла мене лыхая хуртовына.
 Одцуралыся кумы й побратымы!
 То так-то тяжко, та так важко—
 Земли без травы, рыби без воды,
 Птыци без лиса пробува́ты:
 То так то тяжко та важко чоловику в чужій чужини,
 На чужій сторони,
 Без отця, без неньки, без сердешного роду
 пробува́ть!

(Записаль отъ кобзари А. А. Метлинскіи въ Зѣиковскомъ уѣздѣ.)

 Вдова.

Ой з-за горы буйный витер віе;
 Там удивонька пшениченьку сіе;
 Посіявши, стала волочыты,—
 Заволочывшы, стала Бога просыты:
 „Суды, Боже, сю пшеницю, як лаву,
 На вдовине счастья, на людьську славу!„
 7 Ой ище вдова та до-дому не дойшла,
 А вже люде кажутъ, що пшениченька зойшла;
 Ище вдова да на лавци не сила,
 А вже люде кажутъ, що пшениця поспила.
 Аж прылитае орел под удовыну хату:
 — Годи тобі, вдово, та на лавци лежаты.

Беры серпа та йды пшеницы жаты! —
 Ой пошла вдова та пшеницы глядиты,
 Аж там вывела перепелыченька диты.
 „Перепелыченько! не литай так по-ночи,
 Бо повиколуюеш на стерныночку очи„
 — Як же мени, вдово, по ночах не литаты.
 Колы маю дрибны диткы, та ничым их годоваты. —
 „Не турбуйся-ж ты, наша матинко, намы!
 Як подроствуть крыльця, то розлетымося й самы
 То по густым лиси, то по чыстому поли —
 Будем гуляты, наша маты, доволи;
 Едне пиде на украину, друге на полисься —
 Уже ты нас, наша маты, и у гости не сподійся!
 (Житомир.)

1 Ой з-за горы та буйный витер віе,
 Бидна вдова пшениченьку сіе;
 Ой з-за горы дрибен дощык мочыть,
 А бидная удовыця пшениченьку волочыть . . .

7 Ще-ж тая удивонька до дому не дойшла,
 А вже-ж теи удивонькы та й пшениця изойшла;
 Ще тая удивонька та й на лавци не сила,
 Уже-ж теи удивонькы да й пшениця поспила;
 Ще-ж тая удивонька и вечерять не варыла,
 Вже-ж теи удивонькы та пшениця поспила.
 Пишла тая удивонька та пшеницы глядиты,
 Аж вывела перепелочка мрленькїи диты:
 Перепелочко! та не литай темненькою ночи;
 Бо повиколуюеш на стебельця очи!

(¹) Въ этой пѣснѣ, кажется, выражено покровительство Промысла слабымъ, въ лицѣ вдовы, и благодарность къ Провидѣнію, выраженная въ милосердіи вдовы къ птичкѣ, свившей гнѣздо въ ея пшеницѣ.

Олексій.

Ой у Бога великая сына!
 Та й оженив батько неволею сына;
 Не зхотив вин из жинкою жыты,
 Пишов же вин по пуцах блудыты;
 Блудыв же вин сим год и чотыри,
 Прыблудывся к обидній годыни;
 Його батько й маты не пизналы,
 Та й за старця його засчыталы.
 — Велю слугам келеньку зробыты.
 Велю старцю у келеньци жыты,
 Велю старцю йстоньки носыты.—
 Ой час-пора слугы посылаты,
 Нехай идé батько жытія чытаты.
 Батько идé, жытія чытае,
 З велького жалю и сам помирае:
 — Ой Боже мій, окрашений свите!
 Сыну Олексію, як рожевий квите!
 Я-ж на тебе та й не надывывся,
 Тилькы за тобою та й запечалывся!—
 Ой час-пора слугы посылаты,
 Нехай идé маты жытія чытаты.
 Маты идé, жытія чытае,
 З велького жалю сама помирае:
 — Ой Боже мій, окрашений свите!
 Сыну Олексію як рожевий квите!
 Я-ж на тебе та й не надывылась,
 Тилькы за тобою запечалылась!—
 Ой час-пора слугы посылаты,
 Нехай идé жинка жытія чытаты.
 Жинка идé, жытія чытае.

З велького жалю сама помирае:
 Ой Боже-ж мій, окрашений свите!
 Мужу Олексію, як рожевий квите!
 Я-ж з тобою та й не нажылася,
 Тилькы за тобою та й изнебулася!

(Гадяч.)

1 А в Господа велькая сьма!
 Одружив . . . по неволи сына.
 Одружившы, казав в пари жыты,
 А вин пишов на пуцу блудыты.
 Ходыв сим лит не йвши, не пывшы:
 Прыйшов к отцю, як земля вчорнивши.
 Отець, matka його не позналы,
 В своим доми за старця прынялы.
 Казав його до келіц взяты,
 Казав слугам йсты доношаты . . .
 Слугы самы все те пожыралы,
 А йому тее, що псам, доношала.

(Радомысль.)

Найкраще.

Та скажы мыни правду, мале пахоля.
 Над якее зилья' и в свити нема?
 Чы над той же запашный васылок?
 Чы над той же хрещатый барвинок?
 Чы над роженьку?
 — Запашный васылок тры запахы ма²,
 Хрещатый барвинок сады устыла,
 А над тую та роженьку.
 А над тую червоную
 У свити нема! —

„Та скажи мыни правду, мале пахоля,

Над якую птыцю у свити нема?

Чы над того ясного сокола?

Чы над того малого соловья?

Чы над тую зозулю?„

— Той ясный сокол высоко литае,

Мале соловья сады розывае:

А над тую зозуленьку,

А над тую сывенькую,

И в свити нема!—

Та скажи мыни правду, мале пахоля!

Над якое дытэ⁵ и в свити нема?

Чы над тую бидную вдову?

Чы над тую мужнюю жену?

Чы над дивчыну?„

— Та⁴ мужняя жена з мужем розмовля,

А бидная вдова плаче та рыда,

А над тую дивчыноньку,

А над тую молодую

И в свити нема

(¹) Над якую зилыну. (²) Все для запаха. (³) Над якую людну. (⁴) Шо.

(Гадяч.)

Скажи мыни правду, мое сердынятко,

Которая зелень найперш процвитае.

Чы кратчастый барвиночок,

Чы запашный васылечок,

Чы повна рожа?

Кратчастый барвинок сады устылае,

Запашный васыльок тры запахи мае;

А над тую повну рожу,

А над тую чирвоную
На свити немае.

Скажи мыни правду, мое сердынятко,
Которая пташка найраньше вставае:
Чы биленький лебедонько,
Чы маленький соловейко,
Чы зызуленька?

Билый лебедонько по води плавае,
Малый соловейко щебече ранешко,
А над тую зызуленьку,
А над тую рабенькую
На свити нывае.

Скажи мыни правду, мое сердынятко,
Которая душа найлучче вживае?
Чы молода дивчынонька,
Чы бидная удивонька,
Чы мужня жена?

Молода дивчына ничкы досыпляе,
Бидна удивонька сорок думок мае,
А над тую мужню жону,
А над тую господыню
На свити немае.

(Радомысль.)

Загадки.

Ой за гаем зелененьким
Брала дивка льон дрибненький,
Вона брала, выбирала,
И ходячы тонко слала,

И ходячы тонко слала,
Сыру землю прокмынала:
„Ой ты земле, ты сырая!
Прыняла-ж ты отця й неньку,
Прыняла-ж ты отця й неньку,
Приймы мене молоденьку, —
Прыняла-ж ты всю родыну,
Приймы мене сыротыну!„
— На що-ж тебе прыниматы?
Треба тобі пару даты! —
Йихав козак з украины,
Та зайхав до дивчыны.
— Здрастуй, здрастуй, дивчынонько! —
„Здоров, здоров, козаченьку!„
— Загадаю сим загадок;
Одгадаеш — моя будеш,
Одгадаеш — моя будеш,
Не отгадаеш — дурна будеш.
А що вьеться по дереву?
А що росте без кориня?
25 А що цвите без насинья?
А що плаче, слиз не мае?
А що грае, голос мае?
А що свитыть да й не гріе?
А що бижыть без перестани? —
Дивка стала, подумала,
Сим загадок отгадала:
„Що хміль вьеться по дереву,
Каминь росте без кориня,
Верба цвите без насинья,

Сова плаче — слиз не мае,
 Скрыпка грае — голос мае,
 Мисяць свитыць та й не гріе,
 Вода бжыць без перестани.,,

(Ковотоп.)

Ой у лиску пид вильхою
 Стояв козак з дивчыною.
 — Ой ты дивча безумная,
 Сим загадок загадаю.

25 А що йде без прогону?
 А що свитыць без зазору?
 А що пече без жарыны?
 А що живе без дружыны? —

34 Човен йде без прогону,
 Мисяць свитыць без зазору,
 Сонце пече без жарыны,
 Козак живе без дружыны.,,

(Кіев.)

. Л и т а .

Выліталы орлы з-за крутой горы:
 Выліталы, буркоталы, росгоши шукалы.
 Ох и скількы не літалы, треба вныз спустытысь:
 Ой у поли, в поли тры дороги, треба розризнытысь.
 Запрягайте, хлопци, кони вороныи,
 Да поїдем доженемо літа молодіи.
 Ой нагналы літа на калыновим мости':
 Ой вернитесь, вернитесь, хоть на часок в гости!
 Не вернемось, не вернемось, не будем вертаться:

Було тобі, молодому, було шануваться.
 Шануваты було да здоровьячка свого:
 А тепера не вернемось, бо ни-за-для чого.

(¹) На зеленим мости.

(Золотонош.)

Д о л я.

Ой уродыла маты сынка на святу недилу,
 Дала менн нещасную долю: де я ін дину?
 Ой взяла нещасную долю у пысану торбу,
 Та понесла нещасную долю на торг продаваты,
 А тепера люды та порозумили не йдуть купуваты!
 Ой возьму я нещасную долю, понесу до-дому,
 Та кыну-ж нещасную долю з плеча додолу:
 Пиды, пиды, нещасная доля, в поле заблудыся,
 Ты вид мене молодой, молодой одчыпыся!
 „Хоть же я, молода дивчына, в поли заблужуся,—
 Ты прыйдеш жыто зажныаты, я за тебе вчеплюся;
 Ты будеш, молода дивчыно, жыто зажныаты,—
 Я буду у борозках лежаты . . . „
 Пиды, пиды, нещасная доле, в лиси заблудыся!
 „Ты прыйдеш, моя дивчыно, калыну ламаты,
 А я буду пид кущем лежаты. „
 Пиды, пиды, нещасна доле, в мори утопыся!
 „Ты прыйдеш, моя дивчыно, биле плаття праты,
 А я буду на кладци лежаты. „
 Ой пиду я, пиду з сього села по-пид лисом горою,
 А оглянуся — идé бида за мною.
 Ой вернись, бидо! чого ты вчепылась?

„Не вернусь, дивчыно, я з тобою вродылась!„
 Ой вернись, бидо! чого ты вв'язалась?
 „Не вернусь, дивчыно! я з тобою винчалась!„

(Гадяч.)

Ой пиду я долею по-над сыном морем
 Доленьки шукаты, доленьки шукаты.
 Не найшла я доли, найшла я рыболовив:
 „Ой вы рыбалочки, вы рыболовы!
 Закыньте невид вид Днипра до моря:
 Чы не выплыве к вам щаслывая доля!„
 Невид закидалы й доли не піймалы.

„Як була-б щаслыва, то я вам заплачу;
 А як була-б нещасна, то й даром не хочу.

Ой пиду я, пиду, сяду в зеленому жыти:
 Чи не прыйде щаслыва доля та до мене жыты.

Витер повивае, жыто розхылае,
 А до мене щаслывои доленьки немае.

Пиду я засяду в зеленом ячмени:
 Чи не прыйде до мене моя доля як мойй дочери.

Витер повивае, ячмнь розхылае,
 А до мене щаслывои доленьки немае.

Пиду та сяду в зеленому саду:
 Чи не прыйде щаслывая доля та до мене на пораду.

Витер повивае й вышневы сад розхылае,
 А до мене щаслывои доли й на пораду немае.

Пиду я сяду в зеленых конопельках:
 Аж иде до мене доля вже трощки й пьяненька.

Де-ж ты, доле, була, що й мене й забула?

— Ой я в людях була, горилочку пыла, тым я тебе й забула.

Пиду-ж я сяду в зеленом садочку:

Аж иде моя доля, пропыла й сорочку!

Була, каже, в шыночку, пыла горилочку, пропыла й сорочку,

А до тебе прийшла, щоб ты й другу найшла.

(Гадяч.)

Сыритство.

Не з-за горы, з-за байраки,

Видтыля йдуть гайдамаки,

Из сокырамы, з тупорами,

Та хотять байраки рубаты.

Изрубавшы зволочыты,

Зволочыты, й запалыты.

Зволочылы и запалылы

Соловьево гнездо попалылы,

Соловьевых дитей посмалылы.

Ой матинко та лебидочко!

Годуй же нас та немнижечко,

Поки вбьемся в свое пирьячко!

Як поростемо, полынемо,

Та сядемо в темному лузи:

Оттепра мы самы друзи!

(Гадяч.)

Ой вывела перепелочка диты,

Сама полетила пшеныченьки глядиты.

Повстричав ии маленький соловейко:

Ой куды летыш, малая перепелко?

Не литай же ты, перепелочко, в ночи;

Повыколюеш на былыночку очи.

Ой як же мыни не литаты?

Маю диток — ничим воспытаты!
 Матинко наша! не хлопочы намы:
 Мы поростем, розійдемося сзмы;
 Буде нас, матинко, по горах, по долинах,
 Буде нас по чужых украиннах!

(Гадяч.)

*

- 1 Ой ты ремезо, да ты ремезонько,
 Да не мосты гнизда да по-над Десною;
 3 Бо Десна, — Десны що день прибуває:
 Вона-ж твоих диток да й позатопляе!
 3 Бо Десна з весны що-день прибуває.

(Переяслов.)

Недобрый сынъ и дочка.

У недилю порापеньку
 Проганяе сын неньку:
 „Да пды, нене, прич од мене,
 Будуть, нене, гости в мене,—
 Та все в сукнях, да в жупанах.
 А ты, маты, в сирій свыти.,,
 — В тебе е, сыну, друга хатка . . .
 Скажуть люды — твоя прядка:
 Буду тобі кужель прясты
 И дытыну колыхаты.—
 Да пишла маты в поле блукаты,
 Стричається из дочкою.
 „Чого, мамко, ты блукаеш?
 Десь ты моен господонькы не знаеш!
 Да ходы-ж, мамко, ты до мене;

Да не бороны-ж, мамко, ты мене!
 Ой як буде чоловик быты-убываты,
 До не иды, мамо, рятоваты . . .,
 Да через два дни перегодывшы,
 Иде сын до матуси, вклонывшы:
 Да идіть, мамочко, до мене!
 Сталась мыни лыхая година —
 Умерла жинка, осталась дытына! . . .,
 — Нехай згорыть твоя хата й кимната,
 Та й не пійду, сынку, до тебе рятоваты.
 (Радомысль.)

Багатство и убожество.

Ой ишли чумаки з Украины,
 Сталы на попаси край долины,
 Выкресалы огню з оружны,
 Да пустылы пожар по долини,
 Запалылы диты соловьины;
 Сталы соловейки щебетаты,
 Сталы бурлаченьку прокlynаты!
 Ой нарву я хмелю зеленого,
 Да наварю пыва солодкого,
 Да зазову сестру богатую,
 А сестра убогая сама прыйде.
 Посажу богату в кинци стола,
 А убогу небогу край порога:
 Ох и пый ты, сестро, мед и пиво,
 Ох и йиж ты, сестро, калачи.
 А убогу небогу край порога:
 Ох и пый ты, сестро, гирке выно,

Ох и йиж ты, сестро, сухарыкы.
 Стала сестра сестру частуваты,
 Стала сестра сестри вымышляты:
 Сестро моя, сестро убогая!
 Ой чого-ж ты, сестро, прийшла?
 Чы в тебе свытына pozyчена,
 Чы в тебе хатына не своя?
 Сестро моя, сестро убогая!
 Чом ты так не робыш, як я роблю?
 Що я раненько устаю,
 По два починочки напрядую,
 Да свои скрынечки наповняю,
 Да своих диточок зодягаю! —
 — Сестро моя богатая!
 Що я раній тебе устаю,
 По тры починочки напрядую,
 Да чужі скрынечки наповняю,
 Да чужых диточок зодягаю!

(Копотоп.)

 Убожество.

Тым на свити теряється,
 Що братик сестры цурається;
 Сестра к двору прыїзжае,
 А братик в воконце выглядае:
 Прыймы, жинко, хліб из стола,
 Бо йде в гости сестра моя.
 „Стій, братику, не лякайся,
 Из хлібом и сілью не ховайся —
 Бо я дома, брате, обидала,
 Тилькы-ж твого жытья одвидала!

А я дома хлиба заробляю —
 Прийди, брате, в гости, не ховаю;
 А я дома хлиба загорюю —
 Прийди, брате, в гости, нагодою.

(Лубн.)

Вдова.

Никому так не гирко жыть, як бидній вдови,
 Лежить ии нывка неораная, стоить ии пшепыченька непосіаяная.

Ой найму—ж я ведмедыка за плугом ходыть,
 А вовчыка сиренького волю погоныть,
 А зайчыка маленького передни водыть,—
 Сама пиду до господы обидать варыть.
 Розсердывся ведмедык та й плуг поламав,
 А вовчычок сиресенький волю розигнав.
 А зайчычок малесенький излякався —
 В темни лугы, в густы кущи заховався.
 Идэ, идэ бидна вдова, озыраецься —
 Лежить ведмидь над горою, усмихаецься;
 Взяла вона ключечку та й выорала,
 Взяла вона пшепыченькы та й посіяла,
 Взяла вона грабелькы — заволочыла,
 А дрибными слизонькамы та й прымочыла.

(Лубн.)

Смерть.

А ще сонце не заходыть, а я спаты ложуся;
 До сповиди готуюся, да все Богу молюся.
 Помолывшися я святому Богу¹: прощай, моя мыла, в останній дар!
 Да положить мое биле тило на тисовой лави,
 Да изроблять на мое биле тило труну тисовую,

Да положить мое биле тило в глыбоку домовыну,
 Да поставять труну тесовую на высокіи мары,
 Да упустьять мое биле тило у глыбокую яму,
 Да насыплють на мое биле тило високу могылу,
 Да задзвонять в уси дзвоны по останній дорози;
 Отклонюся отцю й неньци й усій родыни;
 Покидыаю срибло-злато, золотіи чаши —
 Уже-ж мени из собою их не братья! забрав-же-б из собою,
 Так там их не треба . . .
 Сажень земли да чотыри дошки,
 Да спасенья трошки! . . .

(¹) Подразумѣвается: *говорю или прощаюсь.*

(Конотон.)

С у д.

Та прожив я свій вик, не так як чоловик:
 Що люды живутъ, як цвиты цвितуть;
 Моя голова як вяла трава!
 Не пиду у мыр, пиду в манастыр,
 Щоб душу спасти, щоб Господь протыв:
 И душу спасу, и кости ссушу . . .
 Недвыжно лежать, страшно суда ждуть!..
 Страшный суд прыйде, всим розбор знайде:
 Праведным душам увесь свитлый рай,
 А гришным душам вичнее пекло.
 Що праведни души звеселылыся,
 У рай идучы, псалмы поючы;
 А гришни души ужახнулыся,
 У пекло йдучы, сыльно плачучы . . .
 „Проклятый час — тая годына,
 Що нас отець, маты на-свит породыла,
 На добрый путь не навчыла! . . .”

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

БУВАЛЬЩИНЫ.

А.) ИЗВѢСТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

I. До временъ козачества (до XVI вѣка).

1. Про Малого Гарю (1493-1501 г.).

Згвалтовалы лыху чутку
Нашы хуторянци,
Як почулы, що з Лытвою
Бьются Поморянци;
Як почулы, що гвалтивно
На нашы угоды
Идутъ Крымци да поганци
Чыныты нам шкоды.
Навижены таборыща
Малого Гарю
Запсовалы нашы хаты,
Глумылысь з семейо

(Записалъ отъ стариковъ, въ м. Олишевкѣ, Козелецкаго у., Черниговской г., А. Шишацкій-Илличъ.)

II. Со времени козачества до Уніи (XVI вѣкъ).

2. Про Венцеслава (около 1534 г.).

Ой поїхав Венцеслав на море гуляты,
А повисыв через плечы та сайдак богатый...

(Львой стороны Днѣпра, записано до 1843 г.)

3. Про Дмитра Самійленка-Коломійця (къ концу XVI в.).

На розсвити, на заранци,
Ище спалы бисурманци,
В Наддніпранським спалы мисти,
А козаки, в имѣя Боже,
Покынувшы Запорожже,
Плывли з Дніпра в чайок двисти;
Плывли з Дніпра, плывли та на Чорне море
Буде-ж слава козаченькам, бисурманам горе!
В Наддніпранським ще сплять мисти,—
Вже на мори чайок двисти,
Аж море зтемнило.
Сичовыкы мед кружляють,
На бандурках выгравають,
Що слухаты мыло.
Иден тилько пан-отаман що-сь трохы сумуе,
Не пѣе меду, чайкы личыть, по мори пантруе.
Чого-ж то вин зажурывся,

В море так вдыввся:
 Чы вин тужыть за степами,
 Чы за дивчатамы?
 Чы вин батька спогадав,
 Що в Лятчыни де-сь пропав,
 А по сым мори зо славою гуляв?
 „Не тужу-ж я за степами,
 Ни за дивчатамы,
 Ни я батька спогадав,
 Що в Лятчыни де-сь пропав,
 А по сым мори зо славою гуляв;
 Но тужу-ж я, тужу, тужу та сумую,
 И по Чорному мору очамы пантрую,—
 Що як злая хвортуна потягне,
 А Турок на нас нагряне:
 Я з батька Самійленко, Коломієць з роду—
 Не потоплю вражых сынив в солоную воду...
 Подывиться, казаченькы, по сыньому мору:
 Чы то выдно мисяченька, чы вечирню зору?
 Чы буйни витры на море стягають,
 Чы Турецьки кораблыкы на нас наступають?„
 — Ны мисяць то, а ны зоры
 Сіяють по мори,
 Ны буйни витры стягають;
 То Турецьки караблыкы на нас наступають.—
 „Годи-ж уже, козаченькы, пляшкы спорожняты.
 На бандурках козацькыи песни выграваты,—
 Тепер густо з самопалив на Туркив цылыты,
 Бо вже-ж бо нам раз послідній з нымы ся-побыты...
 Ой нене-ж моя, нене, матинко старенька,
 Орлыце сызопера, голубка сывенька!

Що-ж я тобі вдіав,
 Що ты мене прокляла,
 Як на війну выражала?
 Колы-б же вид тебе ўбоч витер повіяв,
 И ридньому твому сыну
 Опрощенне прынис а несщасну годину...
 Хто-ж тепер тебе буде потишаты,
 Хто дарамы надараты,
 И по твоим двору конем выграваты?...
 Ты-ж мыни казала, ты-ж до мене промовляла,
 Як на війну выпроваджала:
 Тилько-то роду и плоду, що ты, мій сыну...
 Бувай же здоров, та й повертайся та й в риднюю
 Украйну!...»,
 Ище довше пан-отаман голосыв бы красно,
 Наступалы бисурманы на козакив расно.
 Загудилы козаченькы з самопалив густо,—
 По всим мору по сыньому зробылося пусто;
 Покинули самопалы, а взялысь за шабли,—
 Нема чайок на всим мори, тилькы-но корабли.
 Лынув сокил в Украйну, та й прыносять висты:
 Не побачыть Запорижже своих чайок двисти!
 Лынув сокил в Украйну, промовыв словами:
 Погыб козак Самійленко з всими козакамы!

(Записаль около 1820 г. въ г. Умани, Кіевской г., отъ Якова
 Самійленка-Коломіенка, Г. Изопольскій. «Athenaeum», 1844 г.,
 Т. V. стр. 26 и 27.)

IV. Отъ времени Уни до Богдана Хмельницкаго. (отъ начала XVI в. по 1647 г.).

4. Про Хвеська Кганжу Андыбера (до 1647 г.).

а.

Ой подем, подем Кылыинськым,

Бытым шляхом Ордынськым,

Эй гуляв, гуляв козак бидный летяга сим год и чотыри,

Да потеряв з-пид себе тры кони воронны.

На козаку бидному летязи

Тры серомязи,

Опанчына рогожовая,

Поясына хмеловая;

9 На козаку бидному летязи сапьянци—

Выдны пяты и палци,

Де ступить—босои ноги сид пыше;

А ще на козаку бидному летязи шапка-бырка,—

Зверху дырка,

Шовком шыта,

Буйным витром пидбыта,

А околыци давно немає.

17 Ище-ж то козак бидный летяга до города Кылыи прыбувае;

Та не пытається де-б то статы,

Ковня попасты,—

А пытається, де корчма новая,

Шынкарка молодая,

Настя кабашна:

Тая на нас. на бидных летяг, хоч зла да й обашна.

Городом Кылыею идé,

Слухае, прыслухається:

Чы не радзіцца хто на славіне Запорожжэ гуляты;
 Аж тількі радзіцца, поражаюцца
 Тры дука-срэбраныкы
 На кабак итты
 Меду да оковытой горилкы попываты.
 Тоді-то козак добра дбав,
 Попереду сабі у кабаку кватэру займав:
 Крей грубы сідзе;
 Плечы сваі козацкы прыгрывае.
 Тоді дука-срэбраныкы у кабак ужодалы,
 У стала сідзлы.
 По цебру меду, оковытой горилкы постановлялы.
 Первы дука-срэбраныка Гаврыло Довгополенко Переяславскы,
 А другы Войтенко Ніженскы,
 Трэці Золотаренко Чернігавскы.
 Ішце-ж біднаго козака лятагы не вытаюць
 Ны медом шклянкою,
 Ны горилкы чаркою:
 То козак бідны лятага на дуківа-срэбраныкыва скоса поглядае:
 То оды дука-срэбраныка був обачны,
 Гаврыло Довгополенко Переяславскы:
 Из кармана людску денежку выймав.
 Насті кабатні до рук добра дадавав,
 А шце стыха словамы промовляв:
 „Эй, каже, ты шынкарко молада, ты Насте кабатна!
 Ты, каже, до сых бідных козаківа лятаг, хоч злая, да й обашна;
 Колы-б ты добра дбала,
 Сю денежку до рук прыймала,
 До погребіва одходыла,
 Хоч норцоваго пыва уточыла.
 Сьому козаку бідному лятагы

На похмиле жывит його козацькый скрипыла.,

Оттогди-то Настя кабашна денежку прыймала,

До погребѣ одходила,

Меду да оковытои горилкы вточыла,

Козаку бидному летязи коновку в руки втербыла.

Оттогди козак бидный летяга, як узав коновку за уxo,

Оглядыться, — аж и в дни сухо.

Оттогди-то козак бидный летяга,

Як став у соби хмиль козацькый зачуваты,

Став коновкою по мосту погриматы;

Сталы в дукив сребраныкив

Из стола чаркы й шклянкы литаты:

69 Оттогди-ж то козак бидный летяга,

Як став у соби билшый хмель зачуваты,

Став з-пид панчыны рогожовой,

З-пид поясыны хмеловон,

Щирозлотный обушок выиматы,

Став шынкарци молодій за цебер меду застановляты;

Сталы дуку сребраныкы

Одын до одного стыха словами промовляты:

„Эй шынкарко молода,

Настя кабашна!

Нехай сей козак бидный летяга

Не мається в тебе сен заставщыны выкупляты;

Нам, дукам сребраныкам,

Нехай не зарекається волю поганяты,

А тоби, Насти кабашній, груб топыты.,

Оттогди-то козак бидный летяга,

Як став сін слова зачуваты,

Так вин став по-конець стола сидаты,

Став чересок выниматы,

Став шынкарци молодій.

Насті кабашній.

Увесь стил червинцямы устыматы.

Тогди дуки сребраныкы,

Як стали в його червинци зоглядаты.

Тогди стали його вытаты

Медом шклянкою

И горилкы чаркою.

Тогди й шынкарка молода

Настя кабашна

Истыха словамы промовляе:

„Эй козаче, каже, козаче!

Чы снадав ты сьгодні, чы обидав?

Ходы зо мною до кимнаты,

Сядем мы з тобою поснидаем.

Мы пообидаем.”

Тогди-то козак бідный летяга

По кабаку походяе,

Кватуру очыняе,

На быстрии рикы поглядае.

Клыче, добре поклыкае:

„Ой рикы, каже, вы рикы низовыи.

Помошньци Днипровыи!

Або мыни помочы дайте,

Або мене з собою визьмите!.

Оттогди один козак иде,

Шаты дорогыи несе.

На його козацьки плечы надіе;

Другый козак иде,

Бóты сопяно́ви несе,
На його козацьки ноги надіе;
Трейтій козак идé,
Шлычок козацькый несе.
На його козацьку главу надіе.
Тогди дуки сребраныкы
Стыха словамы промовляв:
„Эй не есть же се, братци.
Козак бидный летага,
А есть се Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый!
Прысунься ты до нас, кажуть, ближче,
Поклоньмось мы тоби ныжче:
Будем радьтисья,
Чы гаразд добре на славній Украины проживаты..
Тогди стали його вытаты
Медом шклянкою
И горилкы чаркою.
То вин тее од дукив сребраныкив прыймав,
Сам не выпывав,
А все на свои шаты прольывав:
„Эй шаты мои, шаты!
Пыйте, гуляйте:
Не мене шанують,
А вас поважають;
Як я вас на соби не мав,
Ныхто мене й гетьманом не почитав..
Тогди-то Хвесько Кганжа Андыбер,
Гетьман запорозькый,
Стыха словамы промовляв:
„Эй козаки, каже, диты, друзы, молодци!

Прошу я вас, добре дбайте,
 Сых дукив сребраныкив,
 За лоб, паче волив, из-за стола вывожайте,
 Перед окнами покладайте,
 У тры березыны потягайте,
 Тогди-ж то козаки, диты, друзы, молодци,
 Добре дбалы.
 Сых дукив сребраныкив за лоб бралы,
 Из-за стола, паче волив, вывождалы,
 Перед окнами покладалы,
 У тры березыны потягалаы,
 А ще стыха словамы промовлялы:
 „Эй дуки, кажутъ, вы дуки!
 За вамы вси лугы и дўкы,
 Нигде нашому брату козаку летязи статы
 Й ковя попасты!„
 Тогди-то Хвесько Кганжа Андыбер,
 Гетьман запорозькый,
 Хоча помер,
 Дак слава його козацька не вмере, не поляже!
 Теперешнього часу,
 Господы утверды й подёржы
 Люду Царського,
 Народу хрыстыянського,
 На многая лита.

(Записаль отъ кобзаря Андрея Шута — въ м. Александровкѣ, и Андрея Бешка — въ м. Менѣ, — Сосницкаго у., Черниговекой г., П. К.)

б.

9 Ище боты сапьянѣви,
 По мужычи—постолы лутѣви;

А ще обори шовковьи,
 По жоночи — валовьи,
 У—трое несуканы.

17 Тоди-ж то вин до города Кылыи прыбував,
 Городом Кылыею проиждав,
 Слухав, прослухав:

Чы не радыться хто, порадыться на славную Украину
 гуляты;

Аж ныхто не радыться, не поражається на славную
 Украину гуляты,

Тильки радяться тры дуки сребраныкы
 До Насти кабашной меду да оковытот горилкы пидпываты:

Первый дука сребраныка Ниженський Войтенко,

А другый Черниговський Попаденко,

А трейтій Грыцько Коломієць.

Тоди-ж то воны до Насти кабашной у кабак ухождагы,
 Мед да горилку оковытую подпывалы.

Тоди-ж то козак бидный летяга у кабак ухождае,

Коло грубы сидае,

Козацьки свои бидныи плечы согривае.

Тоди-ж то одын дука сребраныка велькее мылосердые
 соби мав,

Людську денежку з кармана выймав,

Да Насти до рук добре отдавав,

А ще стыха словами промовляв:

„Эй Насте кабашна!

Ты, каже, для сых бидных козакив летяг, хоч злая, да й
 обачна.

Велю тобі до погребя одходыты,

Хоть норцового пыва уточыты,

Сьому козаку бидному летязи
 На похмелье жывит його козацькый скрипыты.,
 Тогди-ж то Настя кабашна сама до погребя не одходыла.

Служебку повирну посылала:

„Эй служебко, каже, ты моя повирна!

Велю тоби до погребя одходыты,

Хоть норцового пыва уточыты.

Сьому козаку бидному летязи

На похмелье жывит його козацькый скрипыты.,

Тогди служебка повирна до погребя одходыла.

Дви бочки помыновала,

Да у трейтёи бочци горилкы оковытои вточыла.

Козаку бидному летязи коновку в руки втеребыла.

69 Оттогди-ж то вин поблыжче их сидав.

Щырозлотный обушок з-за пазухы выймав,

Настя кабашний за цебер меду застановляв.

Оттогди-ж то дуку сребраныкы стыха словамы промовлялы:

„Эй козак ты бидный летяга!

Не подоба сього обушка Настя кабашний застановляты,

Подоба тоби нам, дукам сребраныкам, волю поганяты.

А Настя кабашний груб топыты.,

Оттогди-ж то козак бидный летяга на дукиив сребраныкиив

Велькее пересердые мав,

Коло окна сидав.

На окно поглядав,

А ще стыха словамы промовляв:

„Эй рикы, каже, рикы нызовыи.

Помошныци Нистровыи!

122 Тогди-ж то дуку сребраныкы

Стады на козаку бидному летязи дороги шаты зоглядаты,

Стады його медом и оковытою горилкою вытаты.

Тогди-ж то вин меду и горилкы не пидпывае,

Тильки на свои шаты злывае,

А ще стыха словами промовляе:

„Эй шаты, каже, мои шаты дорогыи!

Не мене шанують,

Вас поважають;

Як я вас на соби не мав,

Да и честы од дукив сребраныкив не мав.,

164 Тогди-ж то дуку сребраныкы

Стыха словами промовляи:

„Эй не есть ты козак бидный летяга,

А есть ты Хвесько Кганжа Андыбер,

Гетьман запорозькый „

Тогди-ж то Хвесько Кганжа Андыбер,

Гетьман запорозькый

Умер, и т. д.

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Бешка, въ м. Менѣ, Сосницкаго у.,
Черниговской г., П. К.)

IV Времень Богдана Хмельницкаго.

(1647-1657 г.).

3. Про Хмельницкаго та Барабаша. (1647-1648 г.).

Як из день — годыны

Счыналися вельки войны на Украини,

Оттогди-ж то не могли обибраты,

За виру хрыстьянську одностайно статы;

Тильки обибрався Барабаш да Хмельницькый,

Да Клыша Билоцеркивський.

Оттогди вони од своих рук лысты пысалы,

До кроля Радыслава посылалы.

Тогди-ж то кроль Радыслав лысты чытае,

Назад одсьмае;

У городи Черкаськом Барабаша гетьманом настановляе:

„Будь ты, Барабаш, у городи Черкаськом гетьманом,

А ты, Клыша, у городи Билой Церкви полковнычим,

А ты, Хмельницький, у городи Чыгрыни хоть писарем
військовым.”

Оттогди-ж то небагато Барабаш, гетьман молодый, гетьмановав,

Тильки пивтора года.

Тогди-ж то Хмельницький добре дбав.

Кумом до себе гетьмана молодого Барабаша зазывав,

А ще дорогими напыткамы його вытав,

И стыха словами промовляв:

„Эй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодый!

Чы не могли-б мы з тобою у-двох королевських лыстив
прочитаты,

Козакам козацькы порядкы подаваты,

За виру хрыстьянську одностайно статы?”

Оттогди-ж то Барабаш, гетьман молодый,

Стыха словами промовляе:

„Эй пане куме, пане Хмельницький, пане писару військовий:

На-що нам з тобою кролевськы лысты у-двох чытаты,

На-що нам козакам козацькы порядкы даваты?

Чы не лучче нам из Ляхамы,

Мостывымы панамы,

С упокоем хлиб-соль по вик вичный ужываты?”

Оттогди-ж то Хмельницький на кума свого Барабаша

Вельке пересердые мае,

Ще кращымы напыткамы вытае.

Оттогди то Барабаш, гетьман молодый,

Як у кума свого Хмельницького дорогого напытку напивсь,
 Дак у його и спать повалывсь.

Оттогди-то Хмельницький добре дбав,

Из правой руки, из мезинного пальца щырозлотный перстень
 изняв,

Из ливои кышени ключи выймав,

З-пид пояса шовковый платок высмыкав,

На слугу свого повирного добре кыкав-поклыкав:

„Эй слуго ты мій, повиреный Хмельницького!

Велю я тоби добре дбаты,

На доброго коня сидаты,

До города Черкаського до пани Барабашевои прыбуваты,

Кралевськи лысты до рук добре прыйматы „

Оттогди-то слуга, повиреный Хмельницького, добре дбав,

На доброго коня сидав.

До города Черкаського скорым часом, пылною годиною прыбував,

До пани Барабашевои у двор уижджав,

У сини ввійшов—шлычок из себе скидав,

У свитлицю ввійшов—нызький поклон послав,

Тыи значкы на скамьи покладав,

А ще стыха словамы промовляв:

„Эй пани, каже, ты, пани Барабашева, гетьманова молодая!

Уже-ж тепер твій пан Барабаш, гетьман молодой,

На славній Украини з Хмельницьким вельки бенкеты всчыняютъ,

Велилы воны тоби сии значкы до рук прыйматы,

А мини лысты кролевськы оддаты;

Чы не могли-б воны из кумом своим Хмельницьким

У-двох прочытаты,

И козакам козацьки порядкы даваты? „

Оттогди-ж то пани Барабашева, гетьманова,

Ударыться об полы рукамы,

Обильється дрибными слезами,
Промовить стиха словами:
„Эй не з гора-биды мойму гану Барабашу
Схотилося на славній України з кумом своим Хмельныцькым
Вельки бенкеты всчынаты!
На що-б им кралевськи лысты у-двох читаты?
Не лучче-б им из Ляхама,
Мостывымы панамы,
С упокоем хлиб-соль вичныи часы ужываты?
А тепер нехай не зарекається Барабаш, гетьман молодой,
На славній України огнив да тернив изгашаты,
Тилом своим панськым комары годоваты—.
Од кума своего Хмельныцького.„
Оттогди-ж то пани молодая Барабашева
Стиха словами промовляе:
„Эй слуго повиренный Хмельныцького!
Не могу я тоби лысты кралевськи до рук податы,
А велю я тоби до ворит отхождаты,
Кралевськи лысты у шкатули из земли выйматы.„
Оттогди то слуга повиренный Хмельныцького,
Як си слова зачував,
Так скорым часом, пыльною годыною до ворит отхождав,
Шкатулу з земли з кралевськымы лыстами выймав,
Сам па доброго коня сздав,
Скорым часом, пыльною годыною до города Чыгрына прыбував,
Своему пану Хмельныцькому кралевськи лысты до рук добре
одавав.
Оттогди-то Барабаш, гетьман молодой, од сна уставае,
Кралевськи лысты у кума своего Хмельныцького зогляда;
Тогди й напытку доротого не попывае,
А тильки з двора тыхо зыждае,

Да на старосту свого Крачевського клыче, добре поклыкае:

„Эй старосто, каже, ты мій старосто Крачевський!

Колы-б ты добре дбав,

Кума мого Хмельницькаго живцем узяв,

Ляхам, мостывым панам, до рук подав;

Ще-б нас могли Ляхы, мостывыи паны, за билозоров почитаты.,

Оттогди-то Хмельницький як сін слова зачував,

Так на кума свого Барабаша вельке пересердые мав,

Сам на доброго коня сїдав,

Слугу свого повиреного з собою забував.

Оттогди-то прыпало йому з правои руки

Чотыры полковныкы:

Первый полковныче Максиме Олшанський,

А другый полковныче Мартине Полтавський,

Трейтій полковныче Ивана Богуне,

А четвертый Матвій Бороховычу.

Оттогди-ты воны на славному Украинну прыбували,

Кролевськы лысты читали,

Козакам козацькы порядкы давали.

Тогди-то у святой день у божественный у вовторник

Хмельницький козаків до сходу сонця пробуждае,

И стыха словами промовяе:

„Эй козаки, диты, друзы, молодци!

Прошу я вас, добре дбайте,

Од сна уставайте,

Руський очынаш чытайте,

На лядськы табуры напжджайте,

Лядськы табуры на тры часты розбывайте,

Ляхив, мостывых панив, у пень рубайте,

Кров их Лядську у поли з жовтым писком мишайте,

Виры своен хрыстьянськои у поругу вичны часы не подайте!.,

Оттогди-ж то козаки, друзы, молодци, добре дбалы,
 Од сна уставалы,
 Руський очынаш читалы,
 На Лядський табуры напжджалы,
 Лядський табуры на тры часты розбывалы,
 Ляхив, мостывых панив, у пень рубалы,
 Кров их лядську у поли з жовтым писком мишалы.
 Виры своеи хрыстыянської у поругу вичны часы не подады.
 Оттогди-то Барабаш, гетьман молодой, конем поижджае,
 Плаче-рыдае,

Истыха словамы промовляе:

„Әй пане куме пане Хмелныцький, пане пысару вийськовый!
 На що-б тоби кролевськи лысты у пани Барабашевои вызволяты?
 На що-б тоби козакам козацьки порядкы даваты?

Не лучше-б тоби з намы из Ляхамы,

З мостывымы панамы,

Хлиб-соль с упокоюм ужываты?„

Оттогди-то Хмелныцький

Стыха словамы промовляе:

„Әй пане куме, пане Барабашу, пане гетьмане молодой!

Як будеш ты мни сымы словамы докоряты,

Не зарикаюсь я тоби самому с плич головку, як галку, зняты,

Жону твою и дитей у полон живцем забраты,

Турьскому салтану у подарунку одослаты.„

Оттогди-то Хмелныцький як си слова зговорыв,

Так гаразд добре й учынив:

Куму свойму Барабашеву, гетьману молодому,

З плич головку як галку зняв,

Жону його и дитей живцем забрав,

Турьскому салтану у подарунку одослав,

С того-ж то часу Хмелныцький гетмановаты став.

Оттогди-ж то козаки, диты, друзы, молодци,

Стыха словами промовлялы:

„Эй гетьмане Хмельницький,

Батю наш, Зинов Богдане Чыгырынський!

Дай Боже, щоб мы за твоею головою пылы да гулялы,

Виры своен хрыстыянської у поругу вични часы не подавалы!„

Господы, утверды люду царьского,

Народу хрыстыянського;

Всим слушащым,

Всим православным хрыстыянам

Пошлы, Боже, много лит!

(Записаль, отъ кобзарей: Андрея Шута — въ м. Александровкѣ и Андрея Бешка — въ м. Менѣ, — Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

6. Про Хмельницького та Василя Молдавського (1650 г.).

Як из низу из Днистра тихый витер повивае,

Бог святыи знае, Бог святыи и видае,

Що Хмельницький думае-гадае.

Тогди-ж то не могли знаты ны сотныкы, ны полковныкы,

Ны джуры козацькыи,

Ны мужы громадськыи,

Що наш пан гетьман Хмельницький,

Батю Зинов Богдану Чыгырынський,

У городи Чыгрыни задумав, вже й загадав:

Дванадцать пар пушок вперед себе одислав,

А ще сам з города Чыгырына рушав;

За им козаки йдуть,

Яко ярая пчола гудуть;

Который козак не мие в себе шабли булатной,

Пыщали сепьпядной,

Той козак кый на плечи забырае,
 За гетьманом Хмельницькым у в'охотне вїйсько поспишае.

Оттогди-ж то, як до ричкы Днистра прыбував,

На тры часты козакив переправляв,

А ще до города Сорокы прыбував,

Пид городом Сорокою шанци копав,

У шанцах курунем стояв;

А ще од своих рук лысты пысав,

До Васылья Молдавського посылав,

А в лыстах прыпысував:

„Эй Васылью Молдавський,

Господарю Волоськый!

Що тепер будеш думаты й гадаты:

Чи будеш зо мною бытсья?

Чи мыряться?

Чи города свои Волоськы уступаты?

Чи чирвинцямы полумыскы сповняты?

Чи будеш гетьмана Хмельницького благаты?...„

Тогди-ж то Васыльий Молдавський,

Господар Волоськый,

Лысты чытае,

Назад одсылае,

А в лыстах прыпысуе:

„Пане гетьмане, Хмельницькый,

Батьку Зинов Богдану Чыгрынський!

Не буду я з тобою ны бытсья,

Ны мыряться,

Ны городив тоби своих Волоськых уступаты,

Ны чирвинцямы полумыскив сповняты:

Не лучче-б тоби покорытсья меншому,

Ненужли мыни тоби старшому?“

Оттогди-ж то Хмельницький, як сїи слова зачував,
 Так вин сам на доброго коня сидав,
 Коло города Сороки попжав,
 На город Сороку поглядав,
 Ище стыха словами промовляв:
 „Эй го́роде, го́роде Сороко!

Ще ты моим козакам дитям не заполоха.

Буду я тебе доставаты,
 Буду я з тебе великыи skarбы маты,
 Свою голóту наповняты,
 По бытому тарелю на мисяць жаловання даваты.,,
 Оттогди-то Хмельницький, як похвалывсь,
 Так гаразд добре й учынив:

Город Сороку у недилю рано задобидде взяв,
 На рынку обид пообидав,
 К полудній години до города Сичáвы прыпав,
 Город Сичаву огнем запалыв
 И мечем исплиндровав.

Оттогди-то инши Сичавци гетьмана Хмельницького у вичи
 не выдады;

Уси до города Ясы повтикалы,
 До Василя Молдавського пстыха словами промовлялы:
 „Эй Васылю Молдавський,
 Господарю наш Волоський!

Чы будеш за нас одностайне стояты?

Будем тоби голдоваты;
 Колы-ж ты не будеш за нас одностайне стояты,
 Будем иншому пану кровью вже голдоваты.,,
 Оттоди-то Васыль Молдавський,
 Господар Волоський,
 Пару коней у колясу закладав,

До города Хотыни одбиджав,
 У Хвелецького копытана станцією стояв.
 Тогди-ж-то од своих рук лысты пысав,
 До Ивана Потоцького, кроля Полского, посылав:

„Эй Ивану Потоцький,

Кролю Полский!

Ты-ж бо то на славній Украйни пьеш, гуляеш,
 А об мой ты прыгоди ничего не знаеш;

Що-ж то в вас гетьман Хмелныцький, Русын,

Всю мою землю Волоську обрушив,

Все мое поле копьем изорав,

Усим моим Волохам, як галкам,

З плеч головки познаывав;

Де були в поли стежки, дорижки,

Волоськымы головкамы повымощував;

Де були в поли глубокия долины,

Волоською кровью повывопнював.

Оттогди-то Ивану Потоцький,

Кролю Полский,

Лысты чытае,

Назад одсылае,

А в лыстах прыпысуе:

„Эй Васылю Молдавський,

Господарю Волоський!

Колы-ж ты хотив на свой Украйни проживаты,

Було тоби Хмелныцького у вичныи часы не займаты;

Бо дався мени гетьман Хмелныцький гаразд добре знаты:

У первій войны

На Жовтій Води

Пятнадцать моих лыцарив стричав,—

Не велький им одвит оддав:

Всим, як галкам, с плич головки поздыймав ;
 Трох сынив моих живцем узав,
 Турьскому салтану в подарунку одислав;
 Мене Йвана Потоцького,
 Кроля Полского,
 Тры дни на прыкови край пушки держав,
 А ны пыть мени, ны исты не дав.
 То дався мени гетьман Хмелныцький гаразд добре знаты,
 Буду його во вик вичный памятаты !,,
 Оттогди-то Хмелныцький помер,
 А слова його козацька не ввре, не поляже.
 Теперешнього часу, Господы, утверды и подержы
 Люду, царьского,
 И всим слушащым,
 И всим православным хрыстыянам,
 Сьому домодержавцю,
 Хозяину й хозяйци,
 Подай, Боже, на многа лита !

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., г., П. К.)

7. Про Хмельныцького Богдана смерть. та про Юруся Хмельнычченка та Павла Тетеренка (1657 г., 1657-1664 г.).

Эй зажуриться, захопочеться Хмельныцького старая голова,
 Що пры йому-то не було ни сотныкив, ни полковныкив нема;
 Тильки пробував пры йому Иван Луговський,
 Пысар вийськовый,
 Козак лейстровый.
 Тогди-то вони стали у ради,
 Як малыи диты;
 Од своих рук лысты пысалы,

По городах, по полковых, по сотенных розсылалы,

А до козаків у лыстах прыпысувалы:

„Эй козаки, диты, друзы!

Прошу вас, добре дбайце;

Борошно зсыпайце,

До Загрэбелной могілы прыбувайце,

Мене Хмельныцкаго к собі на пораду ождайце.,,

Оттогди-ж то козаки добре дбалы;

Борошно зсыпалы,

До Загрэбелной могілы прыбувалы;

Воскресенія Хрыстоваго дожыдалы,—

Хмельныцкаго в вичы не выдалы;

Вознесенія Хрыстоваго дожыдалы,—

Хмельныцкаго в вичы не выдалы;

Духа-Тройцы дожыдалы,—

Хмельныцкаго в вичы не выдалы;

Петра й Пэвла дожыдалы,—

Хмельныцкаго в вичы не выдалы;

Ильи Пророка дожыдалы,—

Хмельныцкаго в вичы не выдалы.

Тогди-ж то козаки сталы у рады.

Як малыш диты.

„Хвалывся нам гетьман Хмельныцкый.

Батю Зинов Богдану Чыгырынскый,

У горади Сўботови

На Спаса Преображеные ярмалок заклькаты . . . „

Тогди-ж то козаки добре дбалы,

До горада Сўботова прыбувалы,

Хмельныцкаго стричалы,

Штыхы у суходыя стромлялы,

Шлыкы из себе скидалы,

Хмельныцкому низький поклон посламы:

„Пане гетьмане Хмельныцкый,
Батю Зынов наш Чыгырынскый!

На-що ты нас потребуеш?„

Тогди-ж то Хмельныцкый стыха словами промовляе:

„Эй козаки, диты, друзы!

Прошу я вас, добре дбайте:

Соби гетьмана настановляйте.

Чы нема между вами котрого козака старинного,

Отамана куринного?

Вже-ж я час од часу хорію,

Миждо вами гетьмановаты не здолю;

То велю я вам миждо собою козака на гетьманство обыраты,

Буде миждо вами гетьмановаты,

Вам козацьки порядки даваты.„

Тогди-то козаки стыха словами промовлялы:

„Пане гетьмане Хмельныцкый,

Батю Зынов наш Чыгырынскый!

Не можем мы самы миждо собою козакамы гетьмана обибраты,

А жолаем од вашои мылосты послыхаты.„

Оттогди-ж-то Хмельныцкый стыха словами промовляе:

„Эй козаки, диты, друзы!

Прошу я вас, добре дбайте;

Есть у мене Иван Луговскый,

Который у мене дванадцять лит за джуру пробував,

Вси мои козацьки звычай познав;

Буде миждо вами козакамы гетьмановаты,

Буде вам козацьки порядки даваты.„

Тогди-то козаки стыха словами промовлялы:

„Пане гетьмане Хмельныцкый,

Батю Зынов наш Чыгырынскый!

Не хочем мы Ивана Луговського:
 Иван Луговський близько Ляхив, мостывых панив, жыве;
 Буде з Ляхамы, мостывымы панамы, накладаты;
 Буде нас козакив за не-вищо маты.,,
 Тогди-то Хмельницький стыха, словами промовляе:
 „Эй козаки, диты, друзы!
 Коны вы не хочете Ивана Луговського,
 Есть у мене Павел Тетеренко.,,
 — Не хочем мы Павла Тетеренка.—
 „Дақ скажите, говорыть, кого вы жолаете.,,
 — Мы, кажуть, жолаем Евраха Хмельныченка. —
 „Ще-ж, каже, мойму Евраху Хмельныченку
 Тильки вьсього дванадцять лит от роду;
 Ще вин возрастом мал, розумом не дйшьый.,,
 — Будем, говорять, поплнич його днанадцять парсон сажаты,
 Будуть його добрымы диламы наущаты,
 Буде междо нами козакамы гетьмановаты,
 Нам порядкы даваты. —
 Оттогди-то козаки добре дбалы;
 Бунчук, булаву положиылы,
 Еврася Хмельныченька на гетьманство настановылы;
 Тогди из разных пыщаль погрималы.
 Хмельныченка гетьманом поздоровлялы.
 Оттогди Хмельняцький, як благословенные сынови здав,
 Так и в дом одправывся.
 И сказав йому:
 „Гледы-ж, говорыть, сыну мій!
 Як будеш немного Ташлыком рикою гуляты,
 На бубны, на цуромкы выграваты,
 Дақ будеш отця живѣго заставаты;
 А як будеш много Ташлыком рикою гуляты,

На бубны, на цуромкы выграваты,
 Дак не будеш отця живого заставаты.,,
 Тогди-ж-то Еврась, гетьман молодой,
 Ташлыком рикою довго гуляв,
 На бубны, на цуромкы выгравав,
 Додому приижджав,
 И отця живого не заставав.
 Тогди-то велив у Штóмыном двори,
 На высокій гори,
 Гроб копаты.

Тогди-ж-то козаки штыхамы сухóдил копалы,
 Шлыкамы землю выносылы,
 Хмелныцького похоронылы;
 Из разных пыщаль подзвоннылы,
 По Хмелныцькому похорон счынылы.

Тогди-ж-то козаки, покы старую голову Хмелныцького зачувалы,
 Поты и Еврася Хмелныченка за гетьмана почиталы;
 А як не стали старои головы Хмелныцького зачуваты,
 Не стали и Еврася Хмелныченка за гетьмана почитаты:
 „Эй, Еврасю Хмелныченку, гетьмане молодой!
 Не подобало-б тоби над намы козакамы гетьмановаты;
 А подобало-б тоби наши козацьки курени пидмитаты.

(Записаль оть кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у.,
 Черниговской г., П. К.)

8 и 9. Про Перебійниса (1648 г.).

Ой почувайте и повидайте,
 Що на Украины постало,
 Що за Дашевым, пид Сорокою,
 Множество Ляхив пропало.
 Перебійнис просыть немного—

Трох козаченькив з собою;
 Рубае мечем головы з плечей,
 А решту топыть водою:
 „Ой пийте, Ляхы, воды-калюжы
 Болотяныи,
 А що пывалы по тій Вкрайни
 Меды та выны сытныи.,,
 Та по чим козак славен? Найвся рыбы
 И соломахи з водою;
 З мушкетом стане, а сердце вяне,
 А Лях од духу вмирае.
 Ой чы бач, Ляше, що пан Хмельницький
 На Жовтим Писку пидбывся?
 Семы козакив, добрых онакив,
 Пид-за Выслоу не скрывся.
 Ой чы бач, Ляше, що козак пляше
 На вороним коню перед тобою?
 Ты, Ляше, злякнеш и з коня спадеш,
 Сам прысыплешся земльою.
 Ой чы бач, Ляше, що по Случ наше,
 По Костяную могылу...
 Ой навислы, навислы
 Ляхы як вороны на вышни;
 Не попустимо Ляхови Полщы,
 Покры нашон жызносты!

(Записаль, въ с. Суботовѣ, Чигиринскаго у., Кіевской г., П. К.)

Ой не шумы дуже дуже, и ты зеленый дубе!
 Бо пид тобою, зеленый дубе, вся баталія буде!

Ой за лугамы, за берегамы зхылымыся виты,
 Засидають вражи Ляхы Перебійниса вбыты.
 „Ой я Ляхив, ой я панив — не боюся:
 Е ще в мене киць буланий — з Ляхамы побьюся.,,
 Ой як же поихав козак Перебійнис до кумы рыбы цсты,
 Аж прибигають из-пид Дашева препоганіи висты;
 Ой як гляне козак Перебійнис у кватырку, —
 Аж бигають Ляхы, вражи сыны, як шашкы по рынку;
 Ой як крыкне козак Перебійнис на джуро малого:
 „Ой сидлай, джуро, ой сидлай, малый, мыни буланого,
 Соби-ж сидлай другого — гнидого старого;
 Та пидтягай, малый джуро, та попругы стуга,
 Бо буде-ж нам, малый джуро, велька потуга.,,
 Ой не вспив же та козак Перебійнис та на коня спасты,
 Як узав Ляхив, вражых сынив, у снопы класты;
 Ой як оглянется козак Перебійнис та на ливее плече —
 Аж из-пид Дашева та до Волохова кривавая ричка тече;
 Ой оглянется та козак Перебійнис та на правую руку —
 Аж не выскочыть його буланенькый из-пид Лятського трупy;
 Ой оглянется козак Перебійнис та на джуро малого —
 Аж кладе джуро, кладе малый, ще лучче за нього.
 „Ой поидьмо, малый джуро, та на Сорочу могылу;
 Одвидаем, джуро малый, вражу Лятську сылу.,,
 Не вспив козак Перебійнис та до могылы дойхаты,
 Як узав джуро, та узав малый, пистоли зарядаты;
 Ой не вспив козак Перебійнис на могылу зъиздыты,
 Як узав джуро, та узав малый, з пистолив палыты...
 Й ой тепер же Ляхы, й ой тепер же паны, вы славы зажылы,
 Що нежывого Перебійниса пид могылою положиы.

(Записаль отъ Черноморцевъ, Черноморець В. Вареникъ, въ Земль
 Черноморскихъ козаковъ.

6.

Ой не розывайся, ты зеленый дубе;

Бо на завтра мороз буде!

Ой не розывайся, червона калыно;

Бо за тебе, червона калыно, не один тут згыне.

Ой дугамы та берегамы розывалыся виты:

„Хочуть тебе, Перебійносе, та Ляшеньки вбыты.“

— Ой я-ж Ляхив, вражых жывид, я их не боюся;

Бо я з нымы ище по-лыцарськи побьюся.—

„Бережыся та пан Перебійнис од темного лугу;

Иде Ляхив сорок тысяч—буде велька потуга!

Ой бережыся, Перебійнис, вид горы Шаматы!„

— Не боюся вид горы Шаматы:

Есть у мене козаченькы, один буде сотню гнаты.

Ой того Перебійнис зовсим й не гадае;

Веде коня в нову станю, сам в курини гуляе.

Ой видсуне та пан Перебійнис вид рынку кватырку —

Аж бигають Ляхы, як шашкы, по рынку.

Й ой крыкнув же та пан Перебійнис на джуру малого:

„Ой выводь, джура, та выводь, малый, коня вороного,

А соби, джуро, й соби, малый, старого гнидого;

Та пидтягай, джуро, та пидтягай, малый, тугенько попругы,

Й та пидцилайся, джура, пид Ляшенька потуга(?).

Й ой та не вспив же й а пан Перебійнис на конька систы,

Як почав Ляхив, вражых сынив, на капусту сикты;

Й ой як повернется та пан Перебійнис на правую руку,

Й аж не выскочыть його кинь вороненькый из Ляшського

трупы;

Й ой повернется та пан Перебійнис на правее плече,

Й аж назад його коня воронго кровавая ричка тече;

Й ой як оглянется та пан Перебійнис на джуру малого,

Й аж кладе джура, кладе малый, ще лучче вид його.
Й ой уже-ж догналы Ляхив, вражих сынив, та до рички
Жулины,—

Й ой уже Ляхы, вражи сыны, джуру й уловылы;

Й ой стали джури й та пальци крутыты:

Скажы, джура, скажы, малый, й та чим Перебийниса
вбыты?

„Й ой видрижте й або видирвите й та срибного кгудзя,
Й то чи не вбете або чи не скараете вирного мого
друзя.“

Й ой не схотив же ты мени, хлопку, хлопкуваты,—

Й будеш же ты Ляхам стадо напуваты.

„Й ой рад бы я тоби, пане Перебийносе, хлопкуваты,
Та угналысь мы далеко за Ляхамы, й доведеться
погыбаты.“

(Записаль оть Черноморцевъ, Черноморець В. Вареникъ, въ Земль
Черноморскихъ козаковъ.)

10. Про Нечая.

Та из-пид лису, из-пид лису, с-пид зеленого гаю,
Ой крикнулы паны козаченькы: Утикаймо, Нечая!
А Нечай того не думае, та Нечай не гадае,
А з кумасею из Хмельныцькою мед-выно крыжае.
Ой поставыв та Нечаенко та сторожу на мисци,
А сам пийшов до кумасенькы та шуки-рыбы исты.
Озырнеться— аж нема сторожы та стороженькы на мисци;
Ой сив же та Нечаенко та шуки-рыбы исты.
Ох и прыметылы до Нечаенка та не мудрыи висты:
„Ох и же ты, та паи Нечаенко, та мед-горилку крыжаеш,
А вже твой стороженькы та на мисци немае.“
Ой крикнув та Нечаенко та на журу малого:
„Сидмай, журу, коня вороного, а пид мене гнидого старого;

Ой пидтягай, та малый журо, та попругы истуга:
 Буде на Ляхив, та на тых панив, та велька потуга!,,
 Ох та не вспив та Нечаенко та на коня иссисти:
 Задрьжались в коня вороного та ниженькы па мисци.
 Як пойхав та пан Нечаенко та од бахты до бахты,
 Ох и став панив, ох и став Ляхив, та як снопыкы класты.
 Озырнеться та Нечаенко та по ливую руку, —
 Ох не выскочить та кинь воропенькый та из Лядського
 трупу.

Озырнеться та Нечаенко та на правее плече, —
 А за ным ричка кривавая та быстренькая тече.
 Озырнеться та Нечаенко та на ливее плече, —
 Ой полетила та Нечаенку та голивонька з плечей.
 Та поздбизджались та паны та стали сумоваты:
 Ой де-ж бо нам Нечаенкову голивоньку сховаты?
 Ой сховаймо його голивоньку а де церков-Варвара,
 Ой щоб розійшлась по усьому свиту Нечаенкова слава!

(Записаль, отъ старухи, въ с. Сорокошичахъ, Остерскаго у., Чернигов-
 ской г., А. В. Марковичъ.)

б.

• . . . Як була война с Поляком, дай Нечай — спивають — прихав до
 жыдивкы поисты

Не вспив та Нечай козак шуку-рыбы збысты,
 Як гляне в оконечко — аж уже Ляшкы в мисти.
 Ой и крыкнув та Нечай козак на хлопця малого:
 „Сидлай хлопче, сидлай, малый, коня вороного,
 А пид мене старого гнидога!,,
 Ой не вспив же та Нечай козак на конька впасть, —
 Почав Ляшкив, вражых сынив, як снопыкив, класты
 Ой повернув та Нечай козак на правее плече, —

Тече ричка та кривавая, що й конем не втече
 Ой бросьвся та Нечай козак з мистечка уतिकаты,
 За ним, за ним та пан Потоцькый та почав здоганяты.
 Ой побиг же та Нечай козак в поли на долину, —
 Та исхватыв пан Потоцькый Нечая ззаду за чупрыну:
 „Ой чи це той хмель, що по тыну вьється?
 Чи це той Нечай козак, що з Ляшкамы бьється?
 Годи тобі, хмелю, та по тыну выться!
 Годи тобі, Нечай козак, вражий сыну, из Ляшкамы быться,

 Збиглыся козаченькы, стали раду радыты:
 Де його тило поховаты-похороньты?
 Похороньмы його тило у Польським костьоли,
 А самы козаченькы розишлыся по свой госпóди . . .

(Записаль, оть старика Ивана Корнича, уроженца с. Николаевки, Богуславского у., Киевской г., въ м. Олишевкѣ, Козелецкаго у., А. Шишацкй-Ильичъ.)

В.

Ой у саду, в саду, у садочку быстра ричка протикае;
 Гей там козак, козак Нечаенко да коньченка наповае:
 „Ой пый, коню, сю холодну воду, бо не будеш уже пыты,—
 Гей будеш ты, коню буланенькый, сам на оркани ходыты.“
 Гей поставьв козак Нечаенко вин стороженьку в мисти,
 А сам пишов вин до Хмельницькой щуку-рыбы йсты;
 Та не довелося та Нечаенкови а щуку-рыбы йсты,
 Гей довелося та Нечаенкови та в кватырочи систы.
 Гей як крыкне козак Нечаенко а на хлопця малого:
 „Сидлай, хлопче, а ты хлопче малый, а коня буланого!“,
 Гей як выскочьв козак Нечаенко сам коньченка сидлаты,

Гей пид коныченьком, гей пид вороненькым, стали ни-
женькы дрыжаты.

Гей як пройхав козак Нечаенко а од башты до башты,
Гей взяв Ляшквив а взяв Недоляшквив, як снопыкы на виз,
класты.

Гей як гляне козак Нечаенко а на правее плече,
Гей за коныком та за буланенькым кривавая риченька тече.
„Эй бижы-ж, хлопче, ох и бижы, малый, до высокого мосту;
Гей дамо Ляхам, а превражым сынам, превелькую хлосту!„
Ой чи се-ж той хмиль, ой чи се-ж той хмиль, а що на
тыну вьеться?

Ой оце той козак Нечаенко, що из Ляхамы бьеться.

(Записаль, въ Кіевской г., П. К.)

Г.

С-пид темного лису, с-пид зеленого гаю,
Ой крыкнулы наши козаченькы: Утикай Нечаю!
А Нечай же та Нечаенко того й не чувае,—
С кумасею с Хмелныцькою мед-выно кружляе.
Ой не вспив же та Нечаенко шуку-рыбы йсты,
Ой як гляне та в виконечко—аж Ляшенькы в мисци!
Ой як крыкне та Нечаенко та джуру малого:
„Сидлай, джура, сидлай, малый, коня вороного;
Сидлай, джура, сидлай, малый, коня вороного,
А другого та гнидого пид мене старого!„
Ой не вспив же та Нечаенко та на конька спасты,—
Як став Ляхив, ураговых сынив, як снопыкы класты.
Ой як гляне та Нечаенко та на ливее пліче,
А за ним же, за Нечаенком, кривавая ричка тіче.
Ой як гляне та Нечаенко та на правую руку,—

Кинь вороний, сам молодой, та не выскочить з трупу ..
 Не за великий час, та за малую годину,—
 Покотылась Нечаенкова голивка в долину.

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британяхъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій).

д.

Крыкнув козак, крыкнув Нечай од гаю до гаю;
 Ой крикнулы козаченьки: Втикаймо, Нечаю!
 Козак Нечай молод бував — на те не вповае, —
 Из панею Хмильницькою мед-выно кружае.
 Не вспив козак, не вспив Нечай конець стола систы,
 Подывыться в кватирочку — аж Ляшеньки в мисти.
 Не вспив козак, не вспив Нечай на конька спасты, —
 Як взяв Ляшків, як став панків, як снопыків, класты.
 Не вспив козак, не вспив Нечай на конька систы, —
 Як взяв Ляшків, як став панків, як капусту, сикты.
 Обернувся козак Нечай од брамы до брамы, —
 Выклав Ляшків, выклав панків, у чотыри лавы.
 Оглянувся козак Нечай на правую руку, —
 Не выскочить кинь козацькый из Ляцького трупы.
 Оглянувся козак Нечай на ливее плече, —
 За ним ричка кривавая, що й конем не втече.

(Записалъ Н. М. Мельникъ, въ Оробьяхъ, Лубенскаго у.)

11. Про Ивана Богуна (1651 г.).

Як у Выльници, на гряници,
 Над Бугом рикою,
 Там стояв Иване Богуне Каленбичкый,
 Оби́телю Комлыцкый,

Из Ляхамы, из мостывими панамы,
 Чотыры недили в запри,
 Казав бы, як у тяжкій, великій неволи.
 Од своих рук лысты пысав,
 До гетьмана Хмельныцького посылав:
 „Пане гетьмане Хмельныцький,
 Батю Зынову Чыгырынський!
 Помочы-порягунку дай „

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ,
 Сосницкаго у., Черниговской г., П. К.)

12. Про Мороза (1656 г.).

а.

- 1 Ой Морозе та Морозенку, ты найславный козаче!
 Ой за тобою та Морозенку та вся Украина плаче.
- 5 Не так тая та й Украина а як тее горде вѣйсько . . .
 Ой заплакала та Морозыха ох идучы на мисто.
- 9 „Не плач, не плач та Морозыха, об сыру землю не быйся;
 Ой ходим з нами, з нами козакамы та меду-вына напыйся.,
 — Ой щось мыни, та мыли братья, та и мед-выно не пѣється:
- 15 Ой де-сь мій сын та Морозенко та из Турчыном бѣється.—
- 17 Из-за горы з-за крутой горде вѣйсько выступае;
 Ой попереду та Морозенко сывым конем выгравае.
 Ой и став же та Морозенко та й у поли гуляты;
 Ой стали-ж тоди та Морозенка Ляхы й Туркы оступаты.
 Морозенко та козаченько, та як мак роспускався;
 Ой Морозенко та козаченько та й у неволю попався.
- 29 Ой повелы та Морозенка та на Савур могылу:
 „Ой подывыся, та Морозенку, та на свою й Украину!“,
 Воны-ж його а не были, а не в чверти рубалы,
 Ой тильки з його, з його молодого та живцем сердце взяли.

Прощай, прощай та Морозенку, ты найславный козаче!
Ой за тобою та Морозенку та вся Украина плаче!

(Сообщил П. К.)

б.

- 1 Ой Морозе, Морозенку, превдалый козаче!
За тобою Морозенку вся Украина плаче.
Не так тая Украина, як ридна родына,—
Побыла та Морозенка лыхая годына.
В суботоньку проты недилы из Ордою стаяся,
А в недилу проты понедилка в неволю попався.
(Записала отъ прислуги, въ Радомысльскомъ у., М. А. Маркевичева)

в.

- 1 Ой Морозе, Морозеньку,
Ты славный козаче!
За тобою Морозеньку
Вся Крайна плаче.
Ой не тилько вся Крайна,
Як Шайгород мисто:
Ой забыто козаченька
Ой там в полю чыстом.

(«Lwovianin», 1840 г., отд. 8, стр. 169.)

г.

- 5 Не так тая Украина, ой як молода дивчына,
Не так молода дивчына, як старая Морозыха.
17 Ой за ричкой за быстрою бьеться Мороз из Ордою,
Вин бьеться, рубається, вин у тее кохається . . .

- 29 Ой вывели Морозенка на Савор могилу . . .
 Поглядае Морозенко та на свою Украйну:
 Ой що своя Украйна, як мак процвітае;
 А чужая Украйна, як лыст опадае! . . .

(Записала, отъ прислуги, въ Кулаженцахъ, Пирятинскаго у., М. А. Маркевичева.)

д.

- 15 За моими воротами Татарын з козаком бѣеться.
 Ой бѣеться вин три дни, бѣеться три дни й три годыны;
 Ой лежить трупу, та лежить трупу та Орды на три мыли.
 Иды коню горою, та рYSTю, ходою,—
 Зостринешся пид Келебердою из уражою Ордою.
 Бижыть, бижыть Татарюга Морозенка възаты;
 Ой став йому Морозенко щыру правдошкы казаты:
 „Хоч ты звяжеш, Татарюго, мои били руки,—
 Не завдавай мыни молодому та смертелной муки.“
 Не вельку Морозенку та карошкы завдалы,
 Тилькы з його, з його та живого та серденько виймалы.
 Ой вынялы серденько, та й укынули в воду:
 „Тепер дывысь, Морозенку, на свою ты уроду.“
 Ой вынеслы Морозенка на Савур-могилу:
 „Тепер дывысь, Морозенку, на свою ты Украйну!“

(Записано въ Борзенскомъ у.)

е.

- 9 Завыдили козаченькы, да мед-выно пьючы:
 „Годи, годи, Морозыхо, по Морозенку голосыть.“
 15 За горою камьяною Турок з Ляхом бѣеться;
 А с-пид горы да с-пид кручы Ардыенка настыгае;

Попереду Морозенко сывым коньком летае . . .

Накажите отцю-матци, жени мойй, братци

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницькаго у.,
Н. М. Бѣлозерскій.)

ж.

Ой Морозе, Морозенку, ой ты славный козаче!
За тобою, Морозенко, вся Україна плаче.
Не так же та Україна, а як те славне вѣйсько;
Заплакала Морозыха а идучы на мисто.
„Не плач, не плач, Морозыхо, ой не плач, не журыся!
Та йды з намы козакамы та меду-вына напыйся.“
— Чомусь мыни, мылы братья, мед-выно не пѣться:
Ой десь мій сын Морозенко из Ордою бѣеться.“—
Пид Хоролом, пид Лубнямы, сыльне вѣйсько выступае,
Попереду Морозенко сывым конем выграваеть;
Схылыв-склоныв голивоньку сыву коню на грывоньку,
Та роспустыв чорни кудри сыву коню до копыта

Посадылы Морозенка на дубовій лавци;
Взялы зняли з Морозенка кармазын, сапьянцы.
Посадылы Морозенка на биле раденце,
Та выйнялы з Морозенка та кривавее серце.

(Записаль Ф. И. Скорикъ, въ Скорыковкѣ, Золотоношскаго у.)

з.

Ты Морозе, Морозенко, славный козаче;
По тоби, Морозенко, вся Вкраина плаче.

Плаче, плаче Морозыха, на мисто идучы,
 Як зачулы козаченькы мед-горилку п'ючы:
 „Ой годи, Морозыхо, по йому тужыты;
 Да ходимо з намы козакамы горилочки пыты „
 Чомусь мени, козаченькы, горилка не п'еться:
 Де-сь мій Морозенко з Ордою б'еться.
 Б'еться, б'еться из Ляхамы, миж трома шляхамы;
 Пид ным коньк вороненькый, на им жупан голубенькый.

И сам козак молоденькый. . .

На йому жупанына з витром говорила:
 Ты витер, витерочок, не подай Морозенка Ляхам
 на поталу!

(¹) Въ спискѣ: на потаку.

(Записаль, отъ чумаковъ изъ с. Алексѣевского, Бриучевского у.,
 Воронежской г., И. Д. Бѣлозерскій.)

И.

Ой з-за горы камьяной темне вѣйсько выступае,
 Попереду Морозенко сывым конем выгравае;
 За ным Морозыха з жалю омивае . . .
 „Не плач, не плач, Морозыхо, нычого не бѣйся,
 Иды з намы козакамы меду-вына напытыся „
 — Ой щось мыни, мыли браты, мед-выно не п'еться.
 Сич з Ордою б'еться. —
 Нехай б'еться, нехай одбивається,
 А вже мене молодого не сподивається!
 Ступай, ступай, сывий коню, та тыхою стопою:
 Чи не зійдемося, чи не сгринемося на мори з Ордою.
 Стоить явор над водою, зовсим похыльвся,
 А вже Сич-маты из Ордою на сим лит змырввся.

(Записаль, въ Новороссійскомъ краѣ, А. Скальковскій. «Порубежники»,
 1850 г., вып. III, стр. 154 — 155.)

13 Про Веремія Волошына (1648-1657 г.).

Не знаю, якось там: Веремій Волошын, войн . . . полковник козакам каже: „Се воюе не сотник, не полковник; се, видно, сам гатьман Хмельницький воюе.“ Да от, одын войн отсее узнав, що се не гатьман Хмельницький, а Веремій Волошын, Который у мене дванадцать лит за джуру пробував,

И вси мои звычаи познав,

Дак се за мою хлѣб-соль благодареные мыни оддав:

А правою рукою чуть мене пополам не перетяв . . .

Се, каже, Полский началник. А билш ничего не скажу.

Тильки знаю, що сказано: „Полковныче Уманський, да „Веремій Волошын.“

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., П. К.)

V. Отъ временъ Богдана Хмельницкаго до начала XVIII вѣка.

14. Про Пвася Вдовыченка. (1684 г.).

а.

Эй як на славній, панове, Украини.

У славним городи у Корсуни,

Там крыкне-покликне Хвылоне, Корсунський полковныче,

Козакив на Черкень-долыну у в'охотне військо выклькае:

„Эй козаки, дигы, друзы!

Прошу я вас, добре дбайте:

Чы нема миждо вама котрого козака старынного,

Отамана куринного, —

У первому рази на герци погуляты,

За виру хрыстьянську одностайне статы?

Чы не мог бы котрый козак соби славы-лыцерствія достаты?„

Оттогди-ж то, як у городи Крылови жыла соби удова,
 Старенька жена,
 По мужеві Грыцьха,
 А по прозванію Коновчыха;
 Та мала соби сына едыного — Івася Вдовыченка;
 З-малку леміла, у наймы не пушчала,
 Чужым рукам на старанце не давала.
 Ище-ж то вдова глас козацькій зачувае,
 Сына свого Івася Вдовыченка у поле до плуга одсылае.
 Оттогди-то Хвylоне, Корсунський полковныче,
 На доброго коня сїдае,
 До города Крылова прыбував,
 Хрещатый короков на рынку поставляе,
 Асаулы по улыцях розсылав,
 Чирвоныи праперкы у рўкы давав.
 Асаулы по улыцях пробигалы,
 Чирвоныи праперкы у руках проношалы,
 Козаків на Черкень долину у в'охотне вїсьско выкыкалы.
 Ище-ж то сам Хвylоне, Корсунський полковныче,
 На доброго коня сїдае,
 Мїждо вынныци и мїждо броварныци пробигае,
 Ище стыха словамы промовляе:
 „Эй вынныкы, броварныкы!
 Годи вам по запичкам валяться,
 По броварнях пыв варыты,
 По вынныцях горилок курыты.
 Очей своих молодецькых выкуряты,
 Своиы молодецькыы плычмы сажы вытыраты!
 Ходите з Хвylоном, Корсунськым полковныком,
 На Черкень долину у в'охотне вїсьско гуляты:
 Чы не мог бы котрый козак соби славы лыцерствїя достаты.„

Оттогди-ж то Ивась Удовыченко у поли глас козацькый зачувае,

Из поля до господы пихотою прыбувае,

До матеры, старенькои вдовы, крыжем у ноги впадае:

„Эй маты моя, вдово,

Старенькая жено!

Благословы мыни козаку молодому у первому рази на герци погуляты,

За виру хрыстьянську одностайно статы:

Чы не мог бы я соби славы лыцерствія достаты?„

Тогди то вдова стыха словамы промовляе:

„Эй Ивасю Удовыченку, дытя мое!

Чы тоби в мене нічого спыты,

Чы нічого збѣсты

Чы нѣ-в-чим хороше сходыты?

Чы тебе городова старшына не знае?

Чы мищанська челядь не поважае?

Есть у нас кони вороныи

И чотыры волы плуговыи;

Будем мы у поли хлиб пахаты,

Будем панив и козакив на хлиб, на силь затыгаты,—

Будуть нас без лыцерствія добре знаты.„

— Эй маты моя, вдово,

Старенька жено!

Хотя-ж у нас ё й кони вороныи.

И чотыры волы плуговыи;

Хотя мы будем у поли хлиб пахаты,

Будем панив и козакив на хлиб, на силь затыгаты,—

Будуть мене паны и козаки на пыдпытку зневажаты,

Полежѣем, домотуром, гречкосѣем узываты.

А колы-б ты маты добре дбала,

Девьятеро скоту из кошары на выбор займала,

До города Корсуна одбавляла,
 Из жыдом-рандаром торг торговала,
 Мыни, Ивасю Вдовыченку, коня на славу спаровляла,
 Що моя душа козацька вельма барзде улюбовала.—

Тогди то удова,

Старенька жена,

Истыха словамы промовляе:

„Эй Ивасю Вдовыченку, дытя мое!

Не за тобою си скарбы маеткы збирала.

Щоб я тоби коня на славу спаровляла!...„

— Щоб же ты сього говорить не дождала!—

Оттогди то, як у святыи день у воскресный,

Удова,

Старенька жена,

До Божои церквы ик утрени одходила,

Всю козацькую зброю у кимнату замыкала,

Тильки шаблю булатну та пыщаль семыпьядну

На колку покидыла.

Тогди-ж то Ивась Удовыченко

Шаблю булатну и пыщаль семыпьядну забирае,

Козацьке соби запалчыве серце мае,

Келепом комнату одбивае,

Всю козацькую зброю на плечи забирае,

Пихотою у в'охотне вийсько поспишае,

Матюр стареньку на воротах стричае,

Изгорда словамы отвергае:

„Эй маты моя, вдово,

Старенька жено!

Не подобало-б тоби козаку молодому и дороги переходить,

Подобало-б тоби-в кутку сыдиты,

Та хоть чужую дытыну малую колыхаты:

Абы-як с упокою хлиба-солы уживаты.,

Тогди то вдова,

Старенька жена,

Ударыться об полы рукамы,

Обильється дрибными слезамаы,

Промовыть стыха словамаы:

„Эй Ивасю Вдовыченку, дытя мое!

Бодай ты й туды не дойшло,

И выдты не прыйшло!

Щоб тебе перва куля не мыновала,

У первій військовій потреби споткала!.,

Отогди-то вдова.

Старенька жена,

Два дни свого сына клене-проклянае,

На трейтій день подумае-погадае,

Руку до Бога здыймае,

Господа з небес благае:

„Дай мыни, Боже, си слова перед собою маты,

А свого сына Ивася Вдовыченка хоть раз у вичи повывидаты!.,

Тогди-ж то вдова — не вбогою себе мала —

Одынадцатеро скоту з кошары на выбор занимала,

До города Корсуна одбавляла,

Из жыдом-рандаром торг торговала,

Ивасю Вдовыченку коня на славу спаровляла,

Ще козаку запорозькому сим кип на жупан давала,

А тры копы на мед та на ковыту горилку:

„Эй козаче, козаче!

Колы-б ты добре дбав:

Де мого сына нагоньш,

Там його оконьш,¹

(¹) Конедъ нагонидъ.

Добрым лыцарем настаповыш:
 Нехай вин по походах пихотою не ходыть,
 Своих молодецьких нижок не врывае,
 Мене, матеры, старенькои вдовы, не проклинае!„
 Тогди то козак — як вин коня до рук прынымав,
 На Гаймап-долыни козакив нагоняв,
 Чотыры сотни обмышовав,
 У лятій сотни Ивася Вдовыченка познавав,
 Коня до рук йому уручав.
 Тогди-ж то Ивасю Вдовыченку на доброго коня сідае,
 Миждо козакамы як сокл литае:
 „Я-ж думав, що мене маты у доми клене-проклинае,
 Аж вона обо мни велькее старанне мае.
 Дай мыни. Боже, сей поход сходыты,
 Знав бы я, як свою матюр у доми споважаты!„
 Отогди то на Черкешь-долыну прыбувалы,
 Козацькымы табурамы посталы.
 Тогди-ж то Хвылоне, Корсунський полковныче,
 Из намету выходжае,
 До козакив стыха словамы промовляе:
 „Эй козаки. диты, друзы!
 Прошу вас, добре дбайте:
 Чы нема междо вамы котрого козака старыного,
 Отамана куришного, —
 У первому рази на герци погуляты,
 За виру хрыстыянську достойно и праведно статы?
 Чы не мог бы котрый козак соби славы лыцерствія достаты?„
 Тогди то вси козаки замовчалы . . .
 Тильки Ивась Удовыченко стыха словамы промовляе:
 „Эй Хвылоне, Корсунський полковныче,
 Батьку старый!
 Благословы мыни козаку молодому

У первому рази на герци погуляты,
 За виру хрыстьянську достойно—праведно статы;
 Чы не мог бы я соби славы лыцерствія достаты?,
 Тогда-ж то Хвылоне, Корсунський полковныче,

Стыха словами промовляе:

„Эй Ивасю Вдовыченку!

Ще ты дытя молоде,

Розумом недійшле,

У походах не бувало,

Крови хрыстьянської не выдало:

Кров хрыстьянську увидыш,

Барзде скоро изомліеш.

Чы не обереться котрый козак старынний? . . . „

— Эй Хвылоне, Корсунський полковныче,

Батьку старый:

Возьмы ты утя едно старее,

А друге млáдее,

Пусты ты на воду:

Чы не равно буде плысты младе,

Як бы старе?

Чы не равно буде козак млáдый

На герци гуляты, як бы старый? —

„Ой Ивасю Вдовыченку, дытя младее!

Колы-ж ты мою загадку одгадав,

Благословляю-ж тоби у первому рази на герци погуляты . . . „

Тогда-ж то Ивась Удовыченко,
 Як од Хвылона, Корсунського полковныка,
 Благословеные прынымав,
 Сам на доброго коня сѣдав,
 Миждо козацькымы табурамы пробигав,

Шлык из себе скидав,
 Хрест на себе слагав,
 Отцеву и матчыну молитву спомынав,
 Из усякым козаком сердешне. прощеныя мав.
 Старого козака ридным отцем узывав,
 Младого козака ридным братом узывав,
 На Турецьки табуры пробигав,
 Турецьки паметы поперевертав,
 Турок п'ядесят пид мич узав,
 Дев'ятеро живцем изв'язав,
 Перед Хвылона, Корсунського полковныка, в намет
 присталяв.
 Тогди то Хвылоне, Корсунський полковныче,
 Из намету выходжае,
 Ивася Вдовыченка ридным братом уывае:
 „Эй Ивасю Удовыченку. братець мій ридный!
 Десь ты, каже, у походах бував,
 Козацьких звычаев познав;
 Прошу—ж тепер до свого намета, —
 Сядем мы с тобою. поговорымо об козацьких прыкметах . . . „
 Тогди—ж то Ивась Удовыченко
 З Хвылоном, Корсунськым полковныком.
 Поплеч сїдае.
 Мед та ковыту горилку попывае.
 Як став у соби нещасный хмель зачуваты,
 Став другый раз у Хвылона, Корсунського полковныка,
 Благословенныя прохаты,
 Тогди то Хвылоне, Корсунський полковнык,
 Истыха словамы промовляе:
 „Эй Ивасю Вдовыченку. братцю мій ридный!
 Не велю я тоби хмельному на герци гуляты,

А велю я тоби у намети на моему лжку опочываты.,
 Тогди то Ивасю Вдовыченку сього не слухае,
 Другый раз на доброго коня сидае,
 Миждо казацькымы табурамы пробигае,
 Шлыка не скидае,
 Хреста на себе не слагае,
 Отцевон и матерынон молитвы не спомынае,
 И всякого козака зневажае.
 Тогди-то на Черкени-дольну пробигав. . . .
 Як став из нызу литній витер повиваты,
 Став його нещасный хмель изнемагаты,
 Став вин коневн на грыву излегаты,
 Став и поводы з рук упушаты. . . .
 Сталы його Туркы у хмелю познаваты,
 Сталы по комышах засидаты,
 Сталы його з коня збываты. . . .
 Став його кинь по Черкени-дольни сам гуляты. . . .
 Тогди-ж-то Хвылоне, Корсунський полковныче,
 Из намета выхождае,
 На Черкень-дольну поглядае,
 До козакив стыха словамы промовляе:
 „Эй козакы, диты, друзы!
 Прошу я вас, добре дбайте,
 На кони сидайте.
 На Черкень-дольну пробигаите:
 Не дурно Ивася Вдовыченка кинь по степу гуляе;
 Выдно, нашего первого лыцаря на свити немае?
 Хоть тило його у трупу знахождаите,
 Перед Хвылона, Корсунського полковныка,
 У намет представте.,
 Отогди-то козакы добре дбалы,

На коні сидалы.

На Черкень-дольшу пробигалы,
Ивася Вдовыченка у трупу тило знаходдылы.

Вже-ж вии и очыма не гяне,

И рукамы не здыме,

И ногамы не пйде;

Тильки стыха словамы промовляе:

„По-малу, братци! не вразте мойх смертелных ран:

Не булатнымы шаблямы мене рубалы,

Не Ордынськымы стріламы з коня збывалы,—

Се мене отцава молитва та матерыны сльозы побылы!

Отогди-то козаки добре дбалы,

Ивася Вдовыченку взялы.

Пред Хвылоне, Корсунського полковныка,

У намет представылы.

Тогди-ж-то Хвылоне, Корсунський полковныче,

Из намета выходжае,

И стыха словамы промовляе:

„Эй Ивасю Вдовыченку, братцю мій ридный!

Як я тоби не велив хмелному на герци гуляты,

А велив тоби у намети на моим лижку опочываты...„

Тогди-то Ивасю Удовыченку стыха словамы промовляе:

„Эй Хвылоне, Корсунський полковныче,

Батьку старый!

Не булатнымы шаблямы мене рубалы,

Не Ордынськымы стріламы из коня збывалы,—

Се мене отцава молитва та матерыны сльозы побылы...„

— Де-ж тепер, Ивасю Вдовыченку, повельш поховаты:

Чы до города Крылова одбавляты,

Чы на Черкени-долыни по-казацьки поховаты?—

„Эй Хвылоне, Корсунський полковныче,

Батьку старый!

Не велю я тобі до города Крылова одбавляты,
 Моій матеръ тускы й печали задаваты.

А велю на Черкени-долыни по-козацьки поховаты.,,

Отогди-ж то козаки добре дбалы.

Штыхамы суходил копалы,

Шлыкамы землю выносылы, —

Ивасю Вдовыченка похоронылы;

Из разных пищаль подзвоннылы, —

По Ивасю Вдовыченку похорон изчынылы.

Отогди-то козаки обратно до города Корсуна прыбувалы.

То ще вдова козакив стричала,

У козакив сына свого пытала.

То одын козак сказав ий правду:

„Эй маты, вдово,

Старенька жéно!

Не журись по своему сыну Ивасю Вдовыченку:

Уже-ж тепер твій сын на Черкени-долыни оженився —

Поняв соби Туркеню, грепышную панну;

Уже-ж тепер вин и в вiйсько не ходыть,

Ни якои подати не дае . . .

Ныхто в козацькый угол не стукае.,,

Отогди-то вдова не догадлыва бувала,

Ще у другого козака правды пытала.

То другый козак усю правду ий сказав:

„Эй удово,

Старенька жéно!

Не журись по своему сыну Ивасю Вдовыченку;

Уже-ж тепер твій сын на Черкени-долыни оженився:

Поняв соби Туркеню, препышную панну;

Уже-ж тепер вин и в вiйсько не ходыть,

Не якои подати не дае . . .
 Ныхто в козацькый угол не стукае;
 Поняв соби панянку—
 У чыстим поли могылу-землянку;
 На могыли травы зелененьки
 И цвиты биленьки . . . „
 — А я-ж думала, що буду из своим сыном жыты,
 Чужоземскій невести годыты,
 Абы-як с упокоем хлиб-соль ужываты! . . —
 Оттогди-ж то удова—не убогою себе мала—
 Всих козакив у двир завертала,
 Бочку меду, а другу оковытой горилкы выкотыла,—
 Всих козакив поила, кормыла,
 По Ивасю Вдовыченку похорон и весилле зчыныла.
 Оттогди-ж то Ивась Вдовыченко помер,
 А слава його не ввре, не поляже.

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., П. К.)

б.

Ой у городи у Крылови жыла соби удова Грыцыха,
 На прозваные Коновчыха,
 Мала соби сына одного
 Ивася молодого . . .

.
 У городи Корсуни полковник Корсунський
 На рынок выхождае,
 Хрещату корогов розпущае,
 На охотне вйсько клыче-поклыкае:
 „Хто не хоче за шаг дня дров рубаты,
 По вынныцах ходыты,

До йдите зо мною, Корсунськым полковныком, войоваты,
Проклятого непрыятеля Татарына у плин браты . . . ,

(Записаль, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Бриганахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій).

VI. Отъ начала и до конца XVIII вѣка.

15. Про Харька (1750 г.).

а.

Ой прыпысалы од лементаря до сотныка Харька лысты:
Ой прыйдь, прыйдь, сотныку Харьку, меду-вына до нас пыты.
Ой як став Харько, ой як став Харько з дому свого
выйжжаты,

А за ным його сотнычка стара с хлибом-силью проважаты:
„Ой не йдь, Харьку, ой не йдь, Харьку: бо то прокля-
тая зрада;

Лучче-б ты в замку був з козакамы, то-б я тоби була
рада.„

Ой тым же вин соби та пойхав. що дуже горилкы впывся;
А за ным його та козаченькы: Ой стій, батьку, не журыся!

„Ой як же мыни, паны-молодци, як мыни не журыться,
Що пидо мною кинь буланенькый та почав становыться!

А ще к тому, мои козаченькы, и на серденьку стуга,

Що покидаю я в Жаботыни свого вирненького друга.„

13 Ой як прыйхав до Паволочи, став з коня свого вставаты;

А Паволоцькый сотнык став зараз медом його частуваты.

В славному городи у Паволочи меду-вына вин напывся,

Та и на панське билее лижко спаты зараз положывся.

Ой як прыйхалы та два Ляхы до Харька та з порадою;

Ой взяли, взяли сотныка Харька у Шамрайвку з собою.

- 19 Ой як заржав же кинь буланенькый, стоячы била пекарни;
 Ой залымы сотника Харька в Шамрайвци у кайданы.
 Ой як заржав же кинь буланенькый, стоячы там на помости:
 Вже Харька стратылы й заховалы десь в зеленому хворости.
 А в того пана та лементаря за плечыма ще й рушныця;
 А за ным ходыть стара Харчыха—би на, нещасна вдовыця.
 „Бодай тоби, пане лементарю, в свити тры лити болиты,
 Що посыротыв бидну Харчыху и маленьки з нею диты!..“

(Записаль оть Черноморцевъ, Черноморець В. Вареникъ, въ Земль
 Черноморскихъ козаковъ.)

б.

- 13 Ох и став Харко, ох и став сотник з Жаботына выйжаты;
 Ох и став його а кинь вороненькый на воротах споты-
 катысь.
 Ох и став Харко, ох и став сотник до Паволочы прыйж-
 жаты,
 Ох вышов же а пан Паволоцькый медом—выном частоваты....
- 19 Ох и заржав конык вороненькый, а стоячы на стани;
 А скололы Харька, скололы сотника у голубим жупани.
 Ох и заржав та конык буланенькый, а стоячы на помости;
 Бо сховалы Харька, сховалы сотника вже в зеленій не-
 хворости.

(Записаль, въ Киевской г., П. К.)

в.

- Ох як став сотник, ох став Харко у Паволоч уйжаты,
 Ох став його сотник. ох став його Паволочынськый—Харка
 зостричаты.

Ох як став сотника, а сотника Харка медом-вышом частоваты,
 У панськи палáцы ик матци хрещеній у гостыну зазываты.
 Ох як став же а сотнычок Харко меду-вына напиваться,
 А потим став сотнык, а сотнычок Харко, та й став забуваться,
 На панськи перыны став вин похымляться.

„Ох тепер вы Ляшкы, ох тепер вы паны, ох и тепер вы
 позволяйте:

Ох лежить же пьяный сотнык Харко, та тепер його збавляйте!
 Тепер маете час, маете годину, — тепер вы його оступайте!„
 Ох як стали Харка, як стали сотника, а из свита изгубляты,
 Ох и став же його конык, конык вороненькый, жалибненько
 крычаты.

Ох и летила через тii будынки а чорненькая галка;
 Ох и зосталася сотнычка Харчыха, як прыблудная ярка:
 „Ой щоб же ты, пане лыментáрю, а не знав об свой диты,
 Що ты посыротыв сотнычку Харчыху и маленький диты!...„
 Ой що-ж тому та сотныку Харку а зробылось у Паволочи?
 Ох и поховалы сотника Харка у зеленій нехворóщи.

(Записаль, въ Кiевской г., П. К.)

16. Про Галайду.

А в нашого Галайды та сывыи кони,
 Та сывыи кони, поводы шовкови
 А в нашого Галайды та сывая шапка,
 Та сывая шапка, за ным иде Гапка

(Записаль, въ г. Харьковѣ, В. Бѣлозерскій и А. Метлинскій.)

VII. Запорожскія и Черноморскія подь конецъ XVIII вѣка.

17. Про Сич.

Та казав есы Калныш кошовый, що у Сичи мудро;
 Ой як вийшли из Сиченькы, на серденьку нудно.
 Та казав есы Калныш кошовый, що у Сичи гречи;
 Ой як вийшли из Сиченькы, оббыв ворог плечи.
 Ой у Сичи на базари побыто колочки;
 Идуть наши Запорозци та и без сорочки.
 Та у Сичи на базари загачена гребля;
 Ой як вийшли из Сиченькы, побыв ворог ребра.

(Записаль Д. Ф. Запара въ Изюмскомъ у., Харьковской г.)

18. Про Запорозцив.

За лисом, за пролисом, за калыновым мостом,
 Там стоялы хмары вѣйска Запорожецька.
 Помиж козакамы молодой отаман йде,
 Вин ходе, вин гуляе, так розказуе:
 „О нуте-ж вы, осаулы молодѣнькый,
 Ой збырайте вы худобу Запорожецькую,
 Вычыщайте коныченькив все Украинських,
 А сидляйте сиделечка все Черкеськый:
 Ой уранци Запорозци — на Дунай шырокий!„
 Ой як вийшов наш отаман на крутую гору,
 Як ударыв наш отаман об сырую землю:
 „Сыра земля, мать-матинька, хмары вѣйска прыняла —
 Бурлацького, Крымського, Запорожецького, —
 Приймы-ж ище, сыра земля, мене молодого!„

(Записаль. Д. Ф. Запара въ Изюмскомъ у.. Харьковской г.)

19. Про Супруна та Калныша.

Ой из низу з-за Лыману витег повивае,
А вже Супрун до Калныша лысты посылае:
„Ой чы звельш, пане Калнышу, у недилю рушаты,
Ой чы звельш, пане Калнышу, понедилка ждаты?„
— Ой не велью тобі, козаче Супруне, у недилю рушаты,
А велью тобі, козаче Супруне, понедилка ждаты.—
Ой не знав же козак Супрун, як славы зажиты,—
Веде вийсько Запорозьке пид Очакив, вельть Орду быты.
Ой выстрельв з малої пушкы, а з однеї двичи,
А сунула вража Орда а осою в вичи.
Ой козакови Супрунови та назад руки вьяжуты,
А козак Супрун двом мурзакам правдонькы не кажеть.
„Ой поведить мене, та два мурзака, а на Паліеву могылу:
Нехай же я сам побачу, де марно загыну„,
Ой як глянув та козак Супрун а на свою та великую
сылу:
„А берите двох мурзакив, бо я ще не згыну!„

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморець В. Вареникт, въ землѣ
Черноморскихъ козаковъ.)

20. Про Супруна.

Ой хотив же та пан Супрун та славы зажиты,
Веде вийсько пид Очакив, вельть Турка быты.
Былы Турка денно, нично, и храбро ступалы,
А в середу пораненьку з Кубани рушалы,
А восьмой недименькы у Варшави стали.
А в недилю пораненьку коньк розыгрався,
А к вечеру наш пан Супрун в неволю попався.
Над ричкою, над Дунаем орлы загравалы,
А козаки отамана з неволи досталы.

Над ричкою, над Дунаем короговка вѣеться;
 Ой там то наш та пан Супрун з Татарыном бѣеться.
 Над ричкою, над Дунаем короговка мае;
 Десь нашого та Супруна на свити немае!
 Ой не стрилы громовый, гарматы ворожеськый
 Напирають на козакив та на Запорозцив.
 Бийте, бийте та Супруна, пана коменданта,
 Бийте, бийте не жалуйте, хоч ридного брата!
 Ой не орла, не сокола збираються вбыты;
 Ой то-ж пана та Супруна ведуть загубыты.
 „Ой не ведить мене, братця, в глыбоку долину,
 Ой поведить мене, ворогы, на високу могылу:
 Нехай буде знаты Украина, де пан Супрун згынув.“

(Записаль оть Черноморцевъ, Черноморець В. Вареникъ, въ Земль
 Черномѣрскихъ козаковъ.)

21. Про Чупруна та Петра Кошовенка. (по 1775 г.)

Ой из-за горы, из-за крутой, там туман налягае;
 Ой там хлопци, славни запорозци, як мак процвитае.
 Ой вы хлопци, славни запорозци, вы добрый люды! . . .
 Ой в субботу пораненьку Чупрун розгулявся,
 А в недилю пораненьку в неволеньку попався.
 Ой почалы превражый мурзальци Чупруна вѣязаты . . .
 Бижыть, бижыть Петро Кошовенко, рукамы махае:
 Де-ж наш Чупрун молоденькый на мори пропадае!
 Ой повелы превражый мурзальци та на високу могылу:
 „Поглянь, поглянь, Чупрун молоденькый, на свою Вкрайну.“
 — Уже-ж мени, превражый мурзальци, та й Вкрайна не
 мыла;

Остається на тій Украйни дивчынонька чорнобрыва!—

(Записаль оть кобзаря, въ Гадляскомъ уѣздѣ, А. Л. Метлинскый.)

22. Про Запорозців під Измаиловым.

Вид Кылый до Измайлова покопани шанци;
 Ой vyrубалы Туркы Новодинцив у середу вранци.
 А Черноморци, храбри Запорозци, через Дунай переиздылы,
 Воны-ж тую проклятую Исмайливську² Орду з батареи
 збылы.

Ой далы-ж, далы Исмайливськи Туркы Надольскому Баші
 знаты:

Що не мусыш, Анадольскый Башо, против Черноморцив
 стояты.

Ой став же та Исмайливськый Баша билый флаг выкыдаты;
 Ой тоди стали славни Запорозци запасы й ружья вид-
 бираты.

Ой бралы ружья й кони вороный,

Бралы й сукна дорогыи,

Усе розмылише . . . которих порубалы,

То тих у вострови поховалы,—

А котори поранени—у Кылю одправлялы.

(¹) Шмайлова, (²) Шмайливську и т. д.

(Записалъ отъ Черноморцевъ, Черноморець В. Вареникъ, въ землѣ
 Черноморскихъ козаковъ.)

23. Про Головатого.

Ой стоялы на гавани, протыв Яныкѡля;

Ой там була хуртовина из Чорного моря.

Ой в недилю пораненьку, як стало свитаты,

Ой став наш Головатый на хлопцив гукаты:

„Пидыймайте, добри хлопци, паруса вси в гору,

Ой бье Турок из Кинбуру з пушок на тревогу!„

Пиднялы добри хлопци вси паруса в гору.

Пійшли Днипром протыв воды корабли на воду.
 Пійшли наши добри хлопци Днипром протыв воды;
 Набралися сердешный превелькій биды.
 Ой оглянув наш Головатый в прозорную трубу:
 „Ой тепер я вражих Туркив бояться не буду!„

(Исторія Запорожской сѣчи, Скальковского.)

Примѣчанія къ былиннамъ

извѣстныхъ временъ.

Къ стран. 373.

I. До временъ козачества (до XVI вѣка).

1. *Про Малого Гарюю* (1493—1501 г.), т. е. Менгли Гирея, хана Крымскаго, бывшего съ 1467—1515 г., и неоднократно опустошавшаго Украину. Въ 1493 г. онъ подступалъ къ Киеву и выжегъ окрестности Чернигова; набралъ множество плѣнниковъ. (Карамзинъ, изд. 5. Т. VI, стр. 151). Ливонцы (*Поморянцы*) воевали съ Литвою въ 1493—1501 г., и въ 1501 г. примирились. (Тамже, 187). Въ 1500 г. Менгли Гирей снова опустошалъ Литву, и взялъ въ плѣнъ до 50,000 душъ. Войска царя Юанна III заняли часть Литовской Руси до нынѣшней Киевской губернии. (Тамже, 184). *Хуторянцы*, упоминаемые въ пѣсни, по преданію, суть жители Олшескихъ хуторовъ.
 Къ стран. 374.

II. Со временъ козачества до уніи (XVI в.).

2. *Про Венцеслава* (около 1534 г.),—безъ сомнѣнія, Хмельницкаго, гетмана, упоминаемаго въ лѣтописи Самовидца подъ 1534 г. (Лѣт. Самовид., стр. 2.).

Къ стран. 374.

3. *Про Дмитра Самійленка Коломійця* (въ концѣ XVI в.),—предводителя Запорожцевъ, неизвѣстнаго по исторіи. По преданію, онъ — сынъ Самуила Коломійца, и былъ гетманомъ у Запорожцевъ. (Opis powiatu Wasylkowskiego, Rulikowskiego, Warszawa, 1855 г.).

Къ стран. 377.

III. Со временъ уніи до Богдана Хмельницкаго (до половины XVII в.)

4. *Про Хвеська Кганжу Андыбера* (до полов. XVIII в.), неизвѣ-

стнаго по исторіи. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ гетманомъ въ первой половинѣ XVII в., и, вѣроятно, не задолго предъ Богданомъ Хмельницкимъ, т. е. до 1647 г. (Сличи думу съ извѣстіями въ лѣтоп. Самовидца, стр. 5, подъ 1640 г., также стр. 7; лѣтоп. Велички, Т. I, стр. 16—27 и слѣд.). Во времена войнъ Богдана Хмельницкаго упоминается полковникъ (Уманскій) Ганджа, дѣйствовавшій на Подолѣ. (Лѣт. Велички, I, 91, 99, 300 и др. Памятники Кіевской комисіи для разбора древнихъ актовъ, Т. I, отд. III; и др.). Къ стран. 385.

IV. Времена Богдана Хмельницкаго (1647—1657 г.).

9. *Про Богдана Хмельницкаго та Барабаша* (1647—1648 г.). Происшествія, воспѣтыя въ думѣ, случились въ концѣ 1647 и началѣ 1648 гг. (Величко, I, 25—29 и дал.; лѣтоп. Конисскаго, 58—60; лѣт. Самовид., 8, и др.).

Къ стран. 391.

6. *Про Хмельницкаго та Василя Молдавскаго* (1650 г.). Лѣтоп. Самов., 16; и др.).

Къ стран. 408.

12. *Про Мороза* (1656 г.). Онъ былъ Корсунскимъ полковникомъ еще въ 1642 г. и въ продолженіе войнъ Богдана Хмельницкаго. Убитъ въ 1656 г. («Деница» 1842 г. N 13, стр. 162—165.).

Къ стран. 413.

13. *Про Веремія Волошына* (1648—1657 г.). Лицо неизвѣстное по исторіи.

V. Отъ времени Богдана Хмельницкаго до начала XVIII в.

14. *Про Ивася Вдовыченка* (1684 г.). Лѣт. Самов., стр. 74; «Collectanea», Sękowskiego, 1825 г., Т. II, стр. 182—186.)

Къ стран. 425.

15. *Про Харка* (1765—1768). Тамже. Маркевичъ, II, 659; народныя преданія.

Къ стр. 428.

VIII. Запорожскія и Черноморскія.

17. *Про Сичъ* (1760—1775 г.).

Составилъ Н. М. Бѣлозерскій.

ПѢСНИ БЫЛЕВЫЯ.

БУВАЛЬЩИНЫ.

Б.) НЕПЗВѢСТНЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

24. Про сестру та брата.

Ой у недилю барзо рано-пораненьо
Не сыва зозуля закувала;
Сестра брата своего из подвирни своеи
В вѣйсько выряжала,
Словами промовляла
И слъозами рыдала:
„Эй же мій брате ридненький,
Голубонько сывенький!
Видкыля тебе выгядаты,
Из якои сторонькы у гостыни сподиватысь:
Чы з Чорного моря,
Чы з чыстого поля,
Чы з славного из вѣйного люду, вѣйська запорожжа?„
— Эй сестро моя ридненька,
Як голубка сывенька!
Не выгядай мене ни з Чорного моря,
Ни з чыстого поля,
Ни з славного люду, вѣйська запорожжа.
А выгядай мене, сестро.

Як будуть о Петри сыни озера замерзаты,

А о святѣмъ Васылыи калына билымъ цвитомъ процвитаты. —

„Эй добре-ж ты, братко, знаеш,

Добре, братко, ты видаеш:

Як сынимъ озерамъ о Петри не замерзаты,

А о святѣмъ Васылыи калыни билымъ цвитомъ не процвитаты...

То я ище скильки у свити проживала,

А у старыхъ людей не чувала,

Щобъ сынимъ озерамъ о Петри замерзаты,

А о святѣмъ Васылыи калыни билымъ цвитомъ процвитаты.»

— Добре-ж ты, сестро, знаеш,

Добре ты, сестро, и видаеш:

Як сынимъ озерамъ о Петри не замерзаты,

А о святѣмъ Васылыи калыни билымъ цвитомъ не процвитаты. —

„Эй як будеш ты, братко, на чужій сторонѣ проживаты,

Будеш ты пыты и гуляты,

Будуть ранньою зорею и вечернею

До тебе кумы и побратыми прихождаты,

Будуть тебе риднымъ браткомъ называты...»

Пры добрій годины —

Кумы й побратыми!

Як прыстыгла козака летягу нещаслывая годына,

Злая хуртовына,

То одцуралася й прытаманная родына.

На святую недилу люде з церкви йдуть,

Як бжолы гудуть,

Плече об плече торкаються,

Род з родомъ,

Брат из братомъ,

Сват из сватомъ,

На здоровье пытаються;

А козака летягы, пры нещасливій годыни,
 Нихто не займае,
 И на здравье не пытае,
 Наче-б никола не бувалы
 И хлиба-соды не вживалы!
 Господы! утвѣрды й подѣржы
 Пана Грыцька,
 И всех выслухающих
 На многыи мита.

(Записаль, отъ кобзаря Ивана Ромапенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у.,
 Н. М. Бѣлозерскій.)

25. Про Козацькый походъ.

Роспустылыся паросты яснои зори,
 Затрубылы в жерстяный риг у гетманським двори.
 Блысь, блысь! зирка встала,
 Русый волос розчесала.
 Мырови не быть! . . .

То козаки в поход выступають:
 Курява стовпом стойть,
 Хмары в слид идуть

(Повѣсть Гребенки—Иванъ Золотаренко.)

26. Про Бесурменив.

. . . Скоро й кони заржалы,
 Криви шабли забряжчалы,
 Уже хаты братив хуторянцев
 В пожежи палады;
 Козацькыи диты,

В облиз матерямы,
 В околи крычалы
 А мурыи нехрысты
 Им руки вязалы,
 Им руки вязалы,
 В неволю їх бралы . . .
 Ой була-ж година,
 Наче хмара чорна,
 Наче кара Божа,
 Що людей глумыла! . . .

(Записаль, отъ старика въ м. Олишевкѣ, Козелецкаго у., А.
 Шишацкій-Иличъ.)

27. Про Волюночку.

Из-за горы, горы, з теменького лису
 Татарове идутъ, Волюночку везуть.
 У Волюночки коса з золотого волоса,—
 Щирый бир освитыла,
 И зелену диброву и быту дорогу.
 А за нею бижыть у погоню
 Батенько іи.

Кывнула-махнула билою рукою:
 „Верныся, батеньку, верныся ридненький!
 Вже-ж мене не однимеш, и сам старенький загынеш:
 Занесеш голову на чужую сторону,
 Занесеш очыци на Турецьки гряници!„

(Записаль П. К., въ Кіевской г.)

28. Про смерть трьох братив.

Ой вси поля Самарський позорялы,
 Тилькы воны не зорялы,
 Що в ричкы Самаркы,

А в крынычкы Салтанкы,
 Де тры терны дрибненьких,
 Два байракы зелененьких;
 То там спочывалы тры браты ридненьких.
 То тым воны спочывалы.
 Що на рубани раны та на стреляни знемогалы:
 Ти нарубани кровью исхожають,
 Ти настреляни к серцю прымагають,
 Кули душу с тилом розлучають.
 Старшый брат словамы промовляе:
 „Братіку мій середушый, ридненький,
 Голубоньку сывенький!
 Добре ты вчыны:
 Мого лука шовкового тетыву знимы,
 Козацьку голівку звязы;
 До ричкы Самаркы,
 Крыныщи Салтанкы,
 Холоднои воды зайды!„
 То середушый брат словамы промовляе:
 „Братіку мій старшый ридненький,
 Голубоньку сывенький!
 Чы не одын нас мич рубав,
 Чы не одні янычарськы кулі пострелялы?
 Що маю я на собі дэв'яць ран рубаных шыроких,
 А чотыры стріляных глыбоких.
 Та не так важкі рубані шырокі,
 Як стріляні глыбокі!
 Волься мы, брате,
 Попросімо мы найменшого брата трынбача,
 Войськового грача:
 Нехай він жалібненько в вйськову суремку заграе;

То будуть тее козаки зачуваты,
 Будуть ик нам прыбуваты,
 Будем мы до свого отця та маткы в города хрыстыянськи
 поклоняты.

А вже в нас отець и маты
 Все добристь соби малы-б.

Та в чыстее поле воны вихожалы-б,
 Кошули тоненьки,
 Покрывала биленьки
 Воны выношалы-б,

Наше тило козацьке хорошенько в чыстим поли поховалы-б,
 Звиру,-птыци на поталу не давалы-б.,
 То найменшый брат тее зачувае,
 Словамы промовляе:

„Браткы мой старши, ридненьки,
 Голубонькы сывеньки!

Не треба нам, братця, в вйськову суремку граты,
 Козақив до себе турбоваты!

Не добре мы, братця, самы починали,
 Що вси тры охотою в вйсько виступалы;
 Нас отець и маты спынялы, —

Мы велькую гордость в соби малы,
 Роспрощення не прыймалы.

То не есть то нас, братця, янычарськи кули в чыстим
 поли пострыялы,

Есть то нас отцевськи й матчыны сльозы в чыстим поли побывалы.
 То правда, панове-козақы, молодци,

Полегла

Трѡх братив голова;

Их слава козацька не помре, не поляже.
 Слава Богу й морю,

Всѣму вѣйську Нызовому.
Услыш, Боже, честь и хвалу
Небесному царю!

(Записалъ, отъ кобзаря въ Зиньковскомъ у., Полтавской г., А. Л. Метлицкій.)

29. Про смерть Хведора Безриднаго.

а.

Над сагою Днестровою,
Лежить Хведор безридный,
Безплемянный,
Постреляный, порубаный,
На раны смертельны знемаганный;
У головках сывыи кинь стоить,
А в ниженьках слуга сыдыть,
А в рученьках свича горить;
А из нызу из Днипра прыхолодной воды доставае,
Свойму пану Хведору Безридному,
Безплемянному,
На серденько возливае.
„Эй слуго вирная моя!
Колы-б ты добре дбав,
Да мыни пану Хведору безридному,
Безплемянному,
Тепла мыни согривав,
Раны мои смертельныи промывав,
Мьякенькою бавовною закладав,
Чырвоною кытайкою завывав.,,
Дак пше слуга добре дбае,
Позлѣтку из чыстого кѣмира воздырае,
До козакив словами промовлае:
Хведора безриднаго,
Безплемяннаго,

Над сагою Днипровою,
 В чыстим поли поховаты,
 Семьперсну могыму высыпаты,
 З семьпьяделной пыщали подзвоныты,
 И у головках праперек постановыты.
 Як сее зговорымы,
 Так барзо й учынымы:
 Хведора безридного,
 Безплемянного,
 В чыстим поли, над сагою Днипровою,
 Пид похылою вербою,
 Поховалы,
 Семьперсну могыму высыпалы,
 З семьпьяделной пыщали подзвонымы,
 А в головках праперек постановымы.
 Козак Хведор безридный,
 Безплемянный,
 Помёр и поляг;
 Слава його не вмре, не загыне
 Миждó намы,
 Нарóднымы головамы;
 Покудова буде свит свитаты
 И слонце сiяты,
 Будем славу його всегда прославляты!

(Записалъ, отъ кобзаря Ивана Романенка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій.)

б.

22 Як сее зговорымы
 Так барзо й учынымы:
 Едыя одному руку подады

И од сырой земли прышествые прынялы . . .

Семьперснуга моголу высипалы, и т. д.

(Записаль, отъ того же, тамъ же, Н. М. Бѣлозерскій.)

В.

Пид вербою

Похылою,

Хведор бездыльный, осаула Богуславскый,

На смертѣльны раны знемагае,

И стыха словами промовляе:

„Эй джурá мій малый, невеликый!

Пойды ты до ричкы Самаркы,

До крыныцы Салтанкы,

Казанок у руки взявшы . . . „

Начѣрпай воды холоднои и постав на огонь, — согрѣй лѣтепла,
и промый мои смертѣльны раны . . . Джура прынис воды,
согрив; промый йому раны смертѣльны . . . „

(Записаль, отъ кобзаря Андрея Шута, въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., П. К.)

30 Про смерть козака у лузи Базавлуци.

Ой у лузи в Базавлуци

Стойть верба похылая,

Пид вербою намет стойть,

А в намети козак лежить,

Та на купыни головою,

Прыкрыв очы хустыною,

Червоною кытайкою.

А в головах свича гѣрыть,

А в ниженьках джура сыдыть,

Свого пана смерти глядыть,
 Вин до його промовляе,
 Дрибны сльозы утырае:
 „Вже-ж ты, батьку, помыраеш, —
 Кому добро уручаеш?„

15 — Та вручаю отаману військовому,
 Та сотнику полковому;
 Тоби, джуро, коныченька,
 Коныченька вороного,
 А на вьюкы ще й другого. —

(Записаль въ с. Суботовъ, Чигиринскаго у., Кіевской г., П. К.)

б.

15 „Отаману даю коня,
 Тоби, журу, вороного,
 А пид вьюкы ще й другого,
 И шабельку Турецькую,
 Пистолеты Черкеськыи
 И всю зброю козацькую.„

(Записаль отъ козака, въ с. Сарахъ, Гадячскаго уѣзда, С. Л. Метлинскій.)

31. Про смерть ковзаря-бандурника.

Ой на Татарських полях,
 На козацьких шляхах,
 Не вовкы-сироманци квылять-проквыляють,
 Не орлы чорнокрыльци клеочуть и пид небесамы литають:
 То сыдыть на могыли козак старесенькый,
 Як голубонько сывѣсенкый,
 У кобзу грае-выгравае,
 Голосно спивае . . .

Кинь бия його постриляный, порубаный;
 Ратыще поламане,
 Пихвы без шабли булатной,
 У ладивныци ны однисенького набою
 Тильки й zostалась йому бандура подорожня,
 Та у глыбокій кышени люлька-бурунька,
 Та тютюну пив-папушкы.
 Козак сердега люлечку потягае,
 У кобзу грае-выгравае,
 Жалибно спивае:
 „Гей братця, паны-молодци,
 Козаки запорозци!
 Де вы ся повертаете,
 Як вы ся маете?
 Чы до Сичы-матеры прыбуваете?
 Чы до Сичы-матеры прыбуваете,
 Чы Ляхив ворогив кыямы покладаете,
 Чы Татар бесурменив малахаймы, як череду, у полон заганаєте?
 Колы-б мыни Бог помиг стари ноги расправляты,
 За ваы поспишаты,
 Може-б ще я здужав на останку вику вам заграты,
 Голосно заспиваты!
 Нехай бы моя кобза знала,
 Що мене рука хрыстыянська поховала!
 А то пропаде моя кобза ны за собаку:
 Лежатыме сама-соби у степу
 А вже мыни старенькому без коня пропадаты:
 Не зложу я по степах чвалаты,
 Будуть мене вовкы-сироманци зустриваты,
 Будуть дцдом
 За обидом

Коня мого заидаты!
 Кобза-ж моя, дружино вирная,
 Бандура моя мальованая!
 Де-ж мыни тебе дѣты?
 А чы у чыстому степу спалыты
 И попелець по витру пустыты?
 А чы на могыли положыты?
 Нехай буйный витер по степах пролитае,
 Струны твоѣ зачипае,
 Смутнесенько, жалибнесенько грае-выгравае...
 То може подорожни козаки бигтымуць близенько,—
 Почують, що ты граеш жалибненько,
 Прывернуть до могылы

(Записаль, отъ бандуриста, на большой дорогѣ между Пыратинномъ и Прилуками, А. С. Леванасьевъ. Смотри Памятники II Отд. Акад. наукъ, 1853 г., л. XVI, стр. 253-254.)

32. Про козака Голоту.

Був соби козак Голота,
 Не боявся ни огня, ни воды, ни лыха, ни всякого болота.
 А на йому шапка-бирка —
 Изверху дирка,
 Соломою шыта,
 А витром пидбыта,
 А коло окóлыци ничогосенько катмае....
 (Татарын)
 Пидходыв к Голоти пид город Тягіню,
 На Черкѣню-долыну,
 И станóвить свого коня, попасае,
 И на охотне вѣйсько клыче-поклыкае . . .
 Да ище вин думае-гадае,

Щоб козака Голоту извойоваты . . .
 „Що я козака Голоту пойду войоваты,
 И буду живцем його браты„
 Колы-ж козак Голота на Черкени-долыни гуляе,
 И Татарына из Татаркою живцем у плин забирае,
 Да Татарына келепом у груди потягае . . .

(Записаль, отъ кобзаря Ивана Рожаненка, въ с. Британахъ, Борзенскаго у., Н. М. Бѣлозерскій.)

33. Про Криворук.

Казав Криворук,
 Що не здыме Орда рук;
 Орда руки изняла
 И козака заняла, —
 И погнала його шляхамы:
 На Кепо, Озеро и Билгород

(Записаль, со словъ старухи, въ с. Николаевкѣ, Борзенскаго у., М. Б.)

34. Про Корабель.

Ой з-за горы хмарка выступае
 С тій хмарки дощык накрапае,
 Та сынього моря доповние.
 А сынее море розиграло,
 Турецкый корабель розирвало;
 Вытопыло вѣйска сорок тысяч,
 О сорок на сорок, ще й чотыри . . .

(Записаль, въ г. Гадячѣ, Полтавской г., А. Л. Метлинскій.)

35. Про Левенчыка.

О Левенче, Левенчыку,		И проходы козацкѣи?
Вдовын сыну, одынчыку!		Девять огнив накладалы,
Чы знаеш тѣи степы Турецкѣи		Левенчыка споганялы

(Записаль въ Гадяцкомъ уѣздѣ А. Л. Метлинскій.)

ПѢСНИ БЫТОВЫЯ.

КОЗАЦКІЯ.

Скажи мени, орле, що мени робыты ?

Помер отець, маты, ни пры кому жыты !

— Нашо ты пытаеш, що сам добре знаеш ?

Не йды в ти стороны, де роду не маеш !

.

— Ой як буду, брате, в степу помираты,

То никому буде, брате, смерты доглядаты.

— Ой е в мене, брате, много сызокрылого орла ;

Будем твоем, брате, смерты доглядаты ;

Будем твоим тилом та тебе помынаты,

Твои жовти кости по тернах ховаты !

— Бодай же вы, орлы, сього не диждали,

Щоб вы моим тилом та мене й помыналы.

Мои жовти кости по тернах ховалы.

(Гадляч.)

Над ричкою, над быстрою,

Там журавка купалася,

На бережку сушылася,

На вси краи дывылася.

Що идуть Ляхы на тры шляхы ;

Попереду отаман иде,

В ливій руци коня веде,
 А у правій шаблю держе.
 На тій шабли серце стремить,
 З того серця ричка тече;
 Над ричкою ворон криче,
 А по сыну маты плаче.
 Не плач, мамо, не журыся!
 Уже-ж твій сынок оженився:
 Поняв соби паняночку,
 В чыстим поли земляночку,
 И без двирець, и без виконець:
 Никуды витру провиваты,
 Ясному сонцю проглядаты.

(Харьков.)

В чыстим поли пры долини, пры шырокій дороженци,
 Лежить козаченько молоденькый билогрецькый,
 Лежить, помирае, на раночки поглядае,—
 Порубаный, постреляный соби орла прыклякае:
 Ой ты вирле сызоперый, товариш мій сердешный!
 Прылены тепер к мени, над моими ранами рубанымы!
 Що болять раны рубаны, а ще гирше стреляныи:
 Рубани кровью зійшлы, стреляни к серцю прыйшлы.
 Скоро орел прылитае, на чорный чуб наступае.
 З лоба очи выбирае.
 Промовляе козаченько молоденькый билогрецькый:
 О ты вирле сызоперый! згоды мени годиночку,
 Поки Хрыстос душу прыйме з тила мого биленького,
 З козаченька молодого;
 Тоди будеш прылитаты,

На чорный чуб наступаты,
 З вилба очи выбираты,
 Червону кров выпываты,
 Жовти кости розбираты.

(Гадяч.)

Темна хмара наступае, став дощык игты;
 Благословы, атамане, намет напьясты!
 Ой напьялы козаченькы червоный наметъ;
 Беруть воны выно, пиво и солодкый мед.
 Уси паны, уси дуки в намету -силы;
 Наше братья сиромашыя та й не посмилы,
 Взялы квартиру меду, з жарту на дошчи силы.
 Идэ козацькый атаман, стало йому жаль:
 Взяв из себе голубый жупан, нам намет напьяв.
 Идэ багач, та йде дукач, пьян валяється,
 З козацького атамана насмихається:
 За що тая голотонька напывається?
 Одын веде за чупрыну, другый дула бье:
 Не йды туды, вражий сыну, де голота пье.

(Гадяч.)

Гей гук, маты, гук! де козаки пьютъ!
 Пид билою та березою атамана ждуть. 2.
 Эй атаман идэ, ще й коня веде —
 Э, пид билою та березою головку кладе.
 „Ой отамане наш! та порадь же ты нас, —
 Уже наши козаченькы кони сидлають!„
 — Нехай же сидлають, а та Бог помагаеть;
 Уже мою та головоньку а хмиль розбира! 2.
 Як я умру, то й поховайте,

И до моеи та мыленькои лысты подайте!
 Моя мыла та из города була —
 Пысав же я та дрибни лысты, а вона й не взяла —
 „Невелькый пан! ты сам самозван!
 Та пожаловав коня вороного, чом не прыйхав сам?
 (Кашев.)

Ой на мори та на сыньому
 Та сокил з орлом та купається,
 И сокил орла та пытається:
 Ой чи був ты орел у мойй стороне?
 Ой чи чув ты орел об мойй голове?
 Ой чи журыться отець-маты по мени?
 Ой чи журыться, побывається,
 Слизонькамы умывається? —
 — Ой колы-б-же мени та й мій сын пры мени,
 То-б и лучче було жыть у свити мени! —
 А в чыстому поли два наметы стоить,
 А пид тымы наметамы козак вбытый лежить;
 У його билых пижках сывий конык стоить,
 Копытом землю пробывае,
 Холоднои воды та й доставае,
 А вин свого пана та й папувае.
 „Ой пане-ж мій, атамане мій!
 Кому-ж ты мене та й уручаеш?
 Чи Туркови, чи Татарынови?
 Що мене Турок та й не піймае,
 А мене Татарын та й не оспдае.
 (Рожен.)

Ой крикнула та лебедонька на сыньому мори;
 Заплакалы Чорноморци та об своим гори.

Ой крыкнула та лебедонька, море переплывши;
Заплакалы чорноморци, коней погубившы.

Иде отамап та дорогою, ще й пiснi спивае;
Прыізвае до курпня—аж коней немае!

Ой десь же вы, та паны-братьтя, все й у карты гралы,
Що вы кони козацькіи навпкы втерялы.

Ой годи-ж вам, та паны братьтя, годи журытыся,
Ходим лучче до щынкарky горилкы напытыся.

Шынкарочка та молодая тому и зрадила:
Насыпала цебер меду, да и сама сила.

(Чернигов., Пиратин.)

Ой-из за горы з-за крутенькой густый туман уставае,
А з-пид туману козак Шамрай сывым конем выгравае;
Ой выгравае та козак Шамрай, на коныка похымывся,
А за ным, за ным, та козак Зарвай: стій, брате, по-
простымся!

Ой колы-ж хотив, брате, Зарваю, прощенія прохаты,
То було-б тоби меншого брата на заизды высылаты;
Ой колы-ж хотив, брате Шамраю, та довго на свити жыты,
То було-б тоби не заходыты до кумы воды пыты.

Ой из-пид гаю, з-пид зеленого густый туман уставае,
А з-пид тумана з-пид густенького козак Зарвай стріляе.
Ой той же та козак Зарвай а вин быстрого ока:
Ой як затопыв из карабына, вывернув Шамрай бока.

(¹) З-за теменькой. (²) А попереду.

(Гадяч.)

Горе мени козакови, що батька немае, —
Батька нема, маты чужа, а жинка не любе;

Пишов бы я в Запорижья, дороги не знаю!
 В чыстим поли крыныченька, холодная вода;
 Там дивчына воду брала, дорогу указала:
 Оце тобі козаченьку тры дороги вкупи —
 Одна на Дин, друга на Крым, а третя на Запорижья! —
 — Бодай-же ты, дивчынонько, счастья-долю мала,
 Що ты мени молодому дорогу вказала! —

(Ромев.)

. . . Тоди мене, мыла, ждаты,
 Як стане по степу витер повиваты,
 Ковылу та комыш по степу розсыпаты!
 Як стане по Днипру хмара похожаты.
 Старый Днипр дожчем полоскаты —
 Тоди мене, моя мыла, ждаты, пидждаты!
 Як стане по небу грим гримотаты,
 Та стане блискавками небо засыпаты —
 Тоди мене, моя мыла, ждаты, пидждаты!
 Та прынесе мене не мій вороний.
 Та прынесе мои кости витер буйный.
 Тоди пытай витра буйного:
 А де подивався молодой козак?
 А витер буйный у-в-отвит просвыстыть:
 Ой лежав козак убытый
 Та у поли пид рокытою.
 Та побачыв я, що вин на чужій сторони.
 Та й прынис козаковы кости у край ридный!

(Льв. сторони Давира.)

ЧУМАЦКІЯ.

Ой високо сонечко зыходыць, а низенько заходыць;
 Ой наш пан-же, та наш пап отаман та й по рыночку ходыць,
 Своим хлопцам, а бравым молодцам а словесно гаворыць:
 Ой вы хлопцы, вы добры молодцы! та вставайце, возы мажте!
 Хлопцы встали, возы пидмазали, нови ярма понарывали;
 Ой нови ярма та й понарывали, сирых волив позапрягалы;
 Возы рыпляць, ярма бряжчать, сирі волы ремекгають,
 За ними йдуць моладі чумакаы, батижкамы махають.

17 Из-за лиса, з зеленого гаю розбойныкы выглядають:

Ой вы хлопцы, вы добры молодцы, та берите дрюкы в руки;
 Бийте, бийте, бийте и вяжыте, на нови возы кладите,
 Та пойдём у город Полтаву, та паробымо славу;
 Славный город, славная Полтава, що не гыне наша слава—
 Сорок тысяч, сорок и чотыри нас десяти не побылы.

(Лубн.)

*

4 Ясно, ясно а сонечко сходыць, а хмаренько заходыць;
 Смутен, смутен наш пап отаман то по табору ходыць;

Що вы ходыць, били руки ломыць,

Били руки ломыць а словесно гаворыць:

Уставайце хлопцы, вы добры молодцы!

А новіи возы мажте, сирі волы запрягайте.

17 Не доходя к зеленому гаю стали воны кочуваты,
 Выходыло з зеленого гаю сорок чоловик розбою.

Попереду ватаг молоденькый на вороним коню,

Ватаг молоденькый на вороним коню грае,

Що вы грае, грае - выграе, до табору привертае:

— А здоровы, хлопци, превражіи сыны,
 Кто над вами, хлопци, отамаїуе?—

„Наш отаман та по-за возамамы умывається сльозамамы..“
 Як прыскочыть ватаг молоденькый та до чумаченька блыжче,
 Як ударыть ватаг молоденькый чумаченька спысом у груди—
 Ой той же спыс у-двое зигнувся — Корніенко осмихнувся!
 „А вставайте хлопци, вы, добри молодци!

Та берите дрюкы у руки,

Та берите, вяжите, у город везите,
 В новый город Полтаву, та й уробымо славу.

(Гадяч.)

*

17 Ой як й узялы наши чумаченькы з-пид байраку выходыты,
 Ой як й узялы вражіи zdobyшнычкы частом до нас допздыты;
 Ой выхало вражіи zdobyшнычкы сорок коней ще й чотыри,
 Ой як стали вошы наперед возив й а вси возы запынылы:
 Ой вы, чумакамы, все вы яретычкы, чи багацько грошей е в вас?
 Гей, е в нас гроши, zdobyшнычкы, сорок тысяч ще й чотыри.
 Ой вы, чумакамы, все вы яретычкы, который в вас та отаман?
 Ой як зыйшлося наше товариство та докупы головамамы;
 Як посчыталы, зараз и сказалы: Гаврыленко наш отаман!
 Ой як выскочыв вражіи zdobyшнычок та й на коня вороного;
 Ой як ударыв срибным спысом в груди, аж йому спыс
 зогнувся—

Ой Гаврыленко стоить, не вступывся: обернувся, осмихнувся..
 Ой що-ж мы будем, наше товариство що ж тепер будем ро-
 быты,

Ой що багато вражіи zdobyшнычкы з сього свита й губыты!..
 Ой пидоймайте, хлопци, вийя в гору, таганамы пидоприте:
 Ой берить з возив, берить шиуровання, ще й ватажку почепите.
 Гей отто-ж тоби, превражий ватажку, та й на свити не жыты;
 Ой то-ж тоби, превражий ватажку, нас десятиох не побыты!

(Брацлав.)

Та йдуть волы дорогою, та все бедратін,
 А за пымы чумаченькы, та все жонатін;
 Та йдуть волы дорогою, та все крутороги,
 А за пымы чумаченькы, та все чорноброви;
 Та йдуть волы дорогою, та все половін,
 А за пымы чумаченькы, та все молодін;
 Та йдуть волы дорогою, бычки невеличкы,
 А за пымы чумаченькы мали невеличкы.
 Волы ревуть, воды не пьють, дороженьку чують;
 Ой десь наши чумаченькы пид Крымом почують.
 Ой у степу край дорози розсіяно жыто —
 Ой десь того чумаченька пид Крымом убыто,
 Зеленою оливою оченькы залыто,
 Червоною кытайкою головопньку вкрито.
 Молодая дивчынопнька тее жыто жала,
 Та й пидняла кытаечку та й поціловала.
 Бодай же вы, чумаченькы, у Крым не ходымы,
 Щоб вы свому отцю й неньци жалю не робылы!

(Гадяч.)

Сыдыть Цымбал да пид вербою, горилку кружае;
 Прийшов йому старый Байдар — випи горилочку кружае —
 Прийшов йому старый Байдар, словце промовляе:
 „А годи, годи, да старый Цымбал, горилкы кружаты!
 Превражіи бусурмены негаразд зробылы:
 Уси волы позаймалы, кривого лышылы,
 Одного кривого, другого старого!„
 Ударывся Цымбал старый об полы рукамы:
 — Тепер же мы, мыле братья, навикы пропалы! —
 Ой як крыкнув Цымбал старый на хлопця малого:
 — Сидлай, хлопче, сидлай коця, сидлай вороного, —

Давай знаты в третю рату аж до Кошового, —
 Давай панам знаты, давай панам знаты,
 Нехай дають порадоньку волів обшукаты! —
 Бижить хлопець, бижить малый густымы терпамы, —
 Похылымысь густы травы, де воли погналы.
 А у городи в Барышполи в уси дзвоны дзвонять:
 Не журитесь, мыле братьця, назед воли гонять!
 Теклы ричкы певельчкы, тече вода зтыха;
 Набралыся чумаченькы з Татарвою лыха.

(Канев.)

Ой котылось сонечко по-над горою
 А над тію та чумацькою дорогою.
 Стало сонечко прыгривать,
 Сталы того чумаченька воли приставать,
 Сталы його чумаченькы покыдать.
 Ой вы, чумаченькы, вы братьця мон,
 Не кыдайте-ж мене, братьця, в чужій стороні:
 Ще-ж я в чужій сторононьци не привык —
 В чужій сторононьци нема роду, ни родыночкы,
 Ни до кого прыхылыты и голівочкы;
 Выкопайте, братця, в моим двори крыныцю,
 Чы не прыйде мыла брать холодную водыцю...
 Прыйшла мыла воды брать, мене молодого не пизнала:
 Беру з плеча видеречко, вона не дае;
 Даю, даю золот перстень, вона не бере —
 Тилько мени молодому жалю завдае.

(Гадяч.)

Думаю я женытсыя, а тепер не буду;
 Куплю сыви воли, чумаковать буду.

Идутъ волю, идутъ возы, выскрыпуючы,
А чумачок у кабачок выгукуючы.

Зійшло сонце веснянее, стало прыгривать,
Стали волю чумацькія в степу прыставать.

Выкопаю кырнычешку в степу в крени,
Чы не прыйде дивчынонька по воду к мени.

Аж приходять дивчынонька воды набирать,
Чумак іа за ручешку, та іа став жартовать.

Выкопав я кырнычешку, выкопав я дзи;
Выкохав я дивчыноньку—людям, не соби.

А вже-ж з тій кырнычешкы орлы воду пьютъ,
А вже-ж мою дивчыноньку до шлюбу ведутъ.

Одын веде за ручешку, другый за рукав,
А я іду, сердцем вяну, що любыв та не взяв:

17 Поставылы на рушыку: „тепер ты моя?„

Вона стала, одказала: „неправда твоя!„

Ой звязали били ручки: „тепер ты моя?„

20 Вона стала, одказала: „неволя моя!„

(Васильков.)

17 Ой привели до церковкы: „тепер ты моя?„

Вона йому одказала: „неправда твоя!„

20 Вона стала, заплакала: „неволя моя!„

(Радомирсь.)

Ой у недилешку рано поранешку а сонечко зходить;

Эй уже сын, сын Гаврыленко у дорогу выходитъ.

Ой як прыйшов-же сын Гаврыленко а до чумакиа до валкы:

„Здоровы будьте, молоді чумаки, прыймать до своей валкы!„

— Эй який-же ты, та сын Гаврыленку, такой дурень уродывся,

Що ты прыйшов та до становыща та не перехрестывся!—

Як рушылы молоді чумаки эй по трахтырах пыты,—
Эй тилькы та сын Гаврыленко сам волюкы доглядав.

(Чигирин., Канев.)

Чомусь мои волю не пасуться, да не будут воды пыты;
Лучше було-б хазяиноваты, ніж по дорогам ходыты!
Хазяин дома та хазяинуе, на билому спаты лягае,
А безшастный чумак у дорози всяку муку прынимае!
Стеле хазяин та пуховую пуховыцю,
А безшастный чумак у дорози та пешасну важныцю!
Занедужав та чумаченько, на драбыну похымывся;
За пым идэ отець, маты: мій сыночку! не журыся!—
Занедужав чумаченько, задумав умерты,
Та нікому чумакови доглядиты смерты.
— Помынайце-ж чумаченька хоть цвилымы сухарамы!
— Ой рады-б мы помынаты, стало харчив не ставаты!
Нарядылы тому чумакови труну из рожи.
Поховалы того чумаченька край зеленого лугу!
Злетив пугач на ворота: як пугу та й пугу!
Поховалы, маты, сына край зеленого лугу.
Злетив пивень на ворота, сказав: кукурику!
Не дожыдай, маты, сына до себе до-вику!
Выйшла маты за ворота та й стала плакаты:
Колы тебе, мій сыночку, в гости дожыдаты?
— Тоди мене, моя маты, будеш дожыдаты.
Як поросте зеленая трава в хати на помості!—
Росла, росла зеленая трава, стала посухаты;
Ждала, ждала маты сына, стала забуваты.

(Копотоп.)

6 Стелегся тому чумакови та зелена травця,
 А в головы замсь подушечкы та безщасная важниця.
 Ой у поли да калынонька, похылылы виткы —
 Не одишь чумак покыдае жинку п маленьки диткы.
 Ой у поли да крыныченька, тилько водыця слезыться—
 Не рад чумак да чумаковаты, дак не мусыть оплатыться.

(Переслав)

 БУРЛАЦКО-СИРОТСКІЯ.

Ой зйду, зйду на гору крутую,
 Та подывлюся, як люды живуть,
 Та подывлюся, як люды живуть,—
 А люды живуть, як маки цвигуть!
 Ой жытье-ж мое гореваньничко!
 Куды ни пиду, добра не знайду;
 Куды ни пиду, щастья не знайду;
 С кым я ни стану, славы достапу;
 Пиду до сусид, там порады нит.
 Ой пиду, пиду я в кабак,
 А у кабацци все пють багачи,
 А у кабацци все багачи пють,
 Мене-ж молодця в потымыцю бють:
 „Пиды-ж ты чумак, пиды-ж ты дурак,
 Пиды-ж та проспысь, з умом изберысь!“,
 Та вже-ж я проспавсь, из умом зибравсь;
 Ой як був я богат, всяк мени був рад:
 И за стил сажа, чстью поважа,
 Чстью поважа, чарку палыва,
 Чарку палыва, братом пазыва—

Выпый, брат, чарку! я палю другу.
Я другу палю, я тебе люблю!

(Луба.)

На гору йду, не бычую;
А з горы йду, не гальмую; 2.
По ривному поганяю,
До шынкаркы прывертаю. 2.
Шынкарочко молодая,
Усып меду и вына! 2.
Ой я тебе давно знаю,
На сто рублив повиряю, 2.
На сто рублив повиряю,
А на двисти прысчытаю; 2.
А на двисти прысчытаю, 2.
Пьяныцею пазываю. 2.
Ты пьяныце, ты ледащо,
Пропыв волы, не-знать за-що. 2.
Пропыв волы, пропыв ярма;
Пишла худоба твоя дарма. 2.
Пропыв ярма и занозы,
А сам ходыш по дорози. 2.
А сам ходыш по дорози,
Пролываеш дрибни сльозы. 2.
Ой зйду я на могылу,
Та погляну на вкрайну: 2.
На вкрайни добре жыты,
А ни жаты, ни косыты; 2.
А ни жаты, ни косыты,
Тылко горилочку пыты. 2.

(Козотол.)

Ковала зозуля у гору летючы,
 Плакала сирота у службоньку йдучы:
 „Ой Боже мій, Боже, з високого неба!
 Чи-ж мыни, сироти, цяя службонька треба?
 Служebníый хлїб добрый, тилько вымовлений;
 Хазяин хлїб крае, та все вымовляе.
 Ой крае-ж вин, крае срибными пожами;
 Промовляе до мене щырымы словамы . . . „
 Плакала сирота дрибными слёзама!

(Житомир.)

Ой сив — запыв, ой сив — зажурывся;
 Чумаченькó молоденькый без доли уродывся!
 Ой чи твоя педоленька, чи мое нещастя?
 Чи мени поробыла шынкарочка Настя?
 Ой чи дагы у хлибови зйїсты, чи у горилци спыты?
 Доведеться чумакови на свити не жыты!
 Пытається батько: де твоя, сыну, доля?
 А чи в Сули, чи в Самари, чи у тихому Дунаї?
 Потопае моя доля край сынього моря, —
 Ой хоть вона потопае, та ще й вырынае:
 Вона свого отця, ценьку усе спомынае,

(Гадач.)

*

Запыв чумак, запыв бурлак, запыв — зажурывся, —
 Ой тым же вин зажурывся, без доли вродывся;
 Нема йому щастя-доли, нема йому доли:
 Ой як пишов дорогою доленькы шукаты,
 Та не пайшов щастя й доли, найшов сыне море.
 Ой як зйїшов серед моря та й став потопаты,
 Ой як зйїшов серед моря та й став потопаты,

Червоною хустиною на берег махаты.
 Сихто-ж того чумаченька не йде рятоваты,
 Тильки идé рятоваты його ридна маты;
 Изострила рыбалочок та й стала прохаты:
 Рыбалочки молодiн, волить мою волю,
 Рыбалочки молодiн, волить мою волю!
 Ой роскыньте тонкый певид по сыньому морю.
 Рыбалонькы молодiн воленьку воылы,
 Роскынули тонкый певид, сына уловылы;
 Тягнуть сына до бережка, з рота вода льеться.
 Його маты старенькая в сыру землю бьеться.
 Ой нате-ж вам, рыбалонькы, сюю копу грошей,
 Що вытягли мого сынка... якый вип хорощый!
 Ой нате-ж вам рыбалочки сього золотого,
 Що вытягли мого сынка та хоч неживого!
 Ой нате вам, рыбалонькы, хоч пыва папыться,
 Що вытягли мого сына та хоч подывыться!
 Ой нате вам, рыбалочки, хоч солы на страву;
 Поховайте мого сынка як рыбоньку вылу!
 Выкопайте, рыбалонькы, глыбокую яму;
 Ой насыпте, рыбалонькы, високу могылу;
 Посадите, рыбалонькы, чырвону калыну,
 Ой щоб було выднисинько на всю Украйну.

(Кiev.)

Ой безщасный чумаченько, що в корчми ночуе:
 Рано встае, выно бере, всих людей частуе.
 Що одну квартиру выпывае, другу наливае;
 Ой хто прыйде у жупани, братом называе.
 За його добре найдяться, за його й напыются, —
 А як прыйде жид грабовать, з його й насмiются.

Да беруть в його худобоньку, сам не знае за-що;
 Кажуть люды п говорятъ, що чумаки ледацо.
 Ой пійду-ж я да до моря—сыне море грае:
 Ой рад-бы я утопыться, море не прыймае.
 Прыймы мене, сыне море, бо й так мыни горе:
 Горе-ж мыни мыж горами жыты з ворогами!

(Кіев.)

Летыть орел по-над морем: ой дай море пыты!
 Горе, горе сиротоньци на чужини жыты.
 Летыть крячок на той бочок, да й сив на тычыни:
 Плаче, плаче сиротына по своїй прычыни.
 Сыдыть козак на могыли, думае, гадае;
 Як погляне на вкраину — тяжко-важко вздыхае:
 — Есть у мене родынонька далеко од мене,
 Перечув я через люде, цурається мене.
 Ой ты, моя родынонька, не цурайся мене;
 Хоч сызою зозулькою перекуй до мене!
 Туман, маты, по дорози у кучери вьеться:
 Десь то моя лыха доля шляхом волочеться!
 Волочешся, моя доля, иды утопыся,
 А до мене молодого, во вик не вернися!

(Льв. стор. Диѣпра.)

- Нема в свити так нікому, як бурлаци молодому:
 Що вин робить, выробляе аж пнт очи зальвае.
- 5 Де ты, бурлак, волочывся? заросывся, замочывся,
 Зоросывся, замочывся, вечеряты опизнився.
 Лягай, бурлак и так спаты, бо нічого вечеряты —
- 10 До порота головамы, а до покуты ногамы.
 Ще бурлака не послався, вже хозяин и проспався:

— Вставай, бурлак, годи спаты, пора у степ волы гнаты!—
 Ой бурлака не вмывався, нема свиты—не вдягався,
 Нема чобит—не вбувався, за воламы поспишався.
 Пишов яром за товаром, а лугама за воламы —
 Трудно жыты з ворогама!

*

Нема в свити гириш нікому, як бурлаку молодому:
 Чумак робыць и працуюе, и пит очп залывае,
 И пит очп залывае, хазяин бурлака лае,
 Хазяин бурлака лае, а хазяйка помагае.
 Прийшов бурлак до хаты: дай, хазяйка, вечеряты!
 „Не топыла, не варыла, нема чого вечеряты,
 Нема чого вечеряты, лягай бурлак и так спаты!
 Чи на землі, чи на лаві, до порога голымамы,
 Завтра рано за воламы!„
 Еще бурлак не стелывся, вже хазяин пробудывся;
 Еще бурлак не вкладався, а вже хазяин проспався.
 „Вставай, бурлак, годи спаты; пора в поле волы гнаты!„
 Устав бурлак, зашатався, нема чобит — не взувався,
 Нема свиты — не вдягався, погнав волы — не вмывався,
 Заросывся, замочывся... а де бурлак волочывся?
 Яром, яром, за товаром, стежечкамы — за бычкамы,
 А порою — за водою.
 Чорна хмара выступае, дрибный дощык выкрапае,
 Билый снйжок выпорхае, бурлак ніжкы пиднимае,
 Батька-матерь нарикае:
 „На що-ж мене, мать, родыла, щастя-доли не вдиыла!„

(Правой стор. Днѣпра.)

СОЛДАТСКІЯ.

Ой Боже мій, Боже, на що я вродився?
Кинь вороний, сам молодий, та ще не женився!
Треба мени, дивчыно, матери спытаты:
Чи звельть маты коня продаваты?—
Не звелила маты коня продаваты,
Та звелила маты в поход выступаты:
Иды, сыну, за риднее братья, —
Дадуть тобі, сыну, салдацькее плаття;
Иды, сыну, за ридну дытыну, —
Дадуть тобі, сыну, салдацьку ружыну;
Иды, сыну, за ридну сестрыцю, —
Дадуть тобі, сыну, салдацьку муныцю.

(Гадяч.)

Вы поля мои, вы шырокіи,
Вы роздолье мое, вы глыбокое!
Почому, поля, в вас зрожаю нема,
Тилькы зродыла трава шовковая?
Миж тыєю травою куст ракытовый,
Пид тым кустом молодой салдат,
Молодой салдат, полковый сержант:
Сам убит лежить, возля конь стоить,
А в головах його ружжьо чыстее,
А в руках його шабля гострая.
Що говорыть: пышу я пьсьмо к ридному батющи,
А як случыться — ридній матушци,
Що хотив, молодой, оженыться —
Оженыла мене куля быстрая,

Повинчала мене шабля гострая,
 Що я взяв жену — соби землю сыру.
 (Чернигов., Нѣжин.)

ПРОМЫШЛЕННИЦКІЯ.

Майданщицко-хлѣбницкая.

Майданчыкы — окаячыкы!
 Да гирка ваша доля,
 Що не вмiете хлiба-солы iсты
 Да з чорного поля!
 Даж мы не оралы, даж мы не пахалы,
 Да будем хлiба-солы iсты,
 Ой як пидемо у щыры боры
 Да берестоньку дырты.
 Ой бiлая береза, бiлая береза,
 Да тыхая розмова:
 Ой десь-же моя любезная
 Да в господи здорова!
 Тече ричка невельчка
 Да до лыманочка . . .
 По тим боци на толоци
 Былы мы колочки:
 Ой не один i не два наши майданчыкы
 Ходять без сорочки.

(1) Майданщики-работники у гонки смолы.

ПѢСНИ ШУТОЧНЫЯ.

Грыцю, Грыцю, до работы!
В Грыця порвани чоботы.
Грыцю, Грыцю, до телят!
Въ Грыця ниженькы болять.
Грыцю, Грыцю, молотыты!
Грыць не здужае робыты.
Грыцю, Грыцю, врубай дров!
А Грыць щось-то нездоров.
Грыцю, Грыцю, до Маруси!
— Зараз, зараз уберуса!—
Грыцю, Грыцю, робы хлиб!
— Ахы, ахы, щось охрып!—
Грыцю, Грыцю, хоч женыться?
— Не могу отговорыться!—
Грыцю, Грыцю, кого взяты?
— Краще Гали не зыскаты!
Галюсенько, сердце мое!
Чи пидеш ты за мене?—
„ Стыдкый, брыдкый, не люблю,
И за тебе не пиду! „

(Харьковъ).

Свитеться, свитеться зирочка в неби;
Дывыться, дывыться козак у двери.
— Одчыны, дывчыно, ты-ж моя пани!—

Як бы я пани, я-б слугы мала,
 Я-б новіи воритечка поодчыняла;
 А то-ж не пани, не попивночка —
 В своему добри господиночка . . .»

(Лѣв. стор. Двѣпра)

Ой послала мене маты
 Заступа позычаты;
 Заступа не дали;
 Застукалы булы.
 Чы не се той Мыкыта,
 Що з выльотамы свята?
 Пид виконцем зыгнувся —
 Чы не выйде Маруся!
 И Маруся выходить
 И оришкы выносыть;
 Чы оришкы кусаты,
 Чы Марусю цюловаты?

Ой не стій пид викном,
 Не махай рукавом;
 Як я матыму час,
 Сама выйду до вас.
 Ой не стій пид дверыма, —
 Моя маты Марына
 По наддвирью ночуе,
 Усю правду почуе.
 Як ты йхав, то я спала;
 Як ты свыснув, то я встала,
 Та забула запытаты:
 Чого свыстыш коло хаты?..

(Лѣв. стор. Двѣпра.)

Люлька моя червоная з вечера курылася;
 Положив ии на полицю—упала, розбылася;
 Обняв я головоньку, став я журытыся;
 Бидна моя головонько, як люлькою розжытыся!
 Пишов я до Кіева люльки куповаты;
 Найшов люльку червоную, ни-з-кым торговаты;
 Узрив дивку на базари — пшоно продавала,
 Вона мени и люлечку мою сторговала.
 Як пишов я до дивчыны люлечку курыты,
 Зняла вона сирячynu, та й хотила быты;
 Та й побиг я через тын, ще й не зачеркнувся;
 Як ударыв мужык ципом, тильки усмихнувся.

(Лебедив., Гадяч.)

Та просыв мене Гарасым, Гарасым,
Щоб я пишла граты з ним, граты з ним.
А я Гарасыма не люблю, не люблю,
И граты з ним не пиду, не пиду . . .
Ой мій мылый Грасымочку, Грасымочку!
Та пусты коня в долиночку, в долиночку,
Пустыв коня в долиночку, в долиночку!
А сам вин пѣе горилочку, горилочку.
Ой пид лисом, дубыною, дубыною,
Та косыв ячминь сокырою, сокырою.
Ой козаче черноусый, черноусый,
Да чого в тебе жупан куций, жупан куций?
Та була в мене копа грошей, копа грошей,
Та зправыв я соби жупан довгый, жупан довгый;
А мене дивкы пидпойлы, пидпойлы,
И жупан мени пидкрайлы, пидкрайлы!

(Гадяч., Черноморія.)

Годи тобі, сныгырушка, по горам литать;
Пора тобі, сныгырушка, та пары шукать!
Узяв бы я сороку, так билобока;
Узяв бы я ворону, так довгопята . . .
А тебе, союшка, чы взать, чы не взать?
А союшка догадыва, сама полетила,
Сила-пала союшка на пичним стовпи,
Роспустыла крылечка по сырїй земли;
Насупыла бровы ныжче пояса,
Коло ей сныгырушка похожуе,
Стакан меду, добрый пыва пидношуває:
„Зволься ты, союшка, ты андреевна!“,
— Ты выкушай, сныгырушка, ты юхымовыч!—
„Годи тобі, союшка, по горам литать;

Пора тобі, союшка, прѣсты та ткать.,
 — Годи тобі, снигырушка, пыты та гулять;
 Пора тобі, Снигырушка, сѣять та орать!—
 „Мій батюшка ни сѣявъ, ни орав;
 Та все пшенышни булкъы йидав.,
 — Моя маты ни прѣла, ни ткала,
 Да нага не ходыла, и по дви сорочки носыла!—
 Эта пѣсня, вѣроятно, усвоена изъ великорусской.

(Конотоп.)

— Кумасю, кумасю. ты повная роже!
 Не цурайся мене, не дай тобі Боже!
 — Ты кумцю, голубцю, ой будь же ты ласков,
 Пусты мои каченята через сины на став;
 Тоби-ж мои каченята не нароблють шкоды:
 Ой напьются, наидяться, пидуть до господы.

(Киев.)

Молодыи молодыщи!
 Чы таки в вас чоловікы, як у мене?
 Бо у мене старычыще,
 Не пускае на улыцю на игрыще . . .
 А я свого старенького одурыла,
 В польвьяним горшку борщу наварыла;
 Наварывшы, поставыла,
 Сама пошла на улыцю, та й гуляла.
 А с гулянья та до дому,
 Зостричаю старенького на порогу.
 „Де-ж ты, мыла, ночувала,
 Що ты вчора з вечора не бувала?,
 — На обори, мій мылежкый, ночувала;
 Я твоеи худобонькы доглядала:

Чорна вивця окотылась
 И рябая коривонька отельмась;
 Чорна вивця та агнычку,
 А рябая коривочка да тельчку. —
 „Ой дзинькую ' тоби, мыла,
 Що ты мен² худобонькы доглядила!,,

(¹) Дякую. (²) моєи.

(Радомысль.)

Ой ты дуб, я береза;		Ой я дуб, ты береза;
Ой ты пьяный, я твереза;		Ой я пьяный, ты твереза;
Ой ты старый, я молода;		Ой я старый, ты молода;
Чом миж нами nelaгода?		Тым миж нами nelaгода...

(Гадяч., Лебедин.)

Ой посіав жыто над водою,
 Та вродыться яре жыто з лободою;
 Ой хто сее яре жыто та прополе,
 Хто мене молодую до дому проведе?
 Озоветься старый дид з бородою:
 Ой я сее яре жыто та прополю,
 Ой я сию молоду дивчыну до дому проведу.
 Не подоба, старый диду, не подоба—
 Тым я тебе полюбья, що в тебе худоба;
 Нехороший, старый диду, нехороший—
 Тым я тебе полюбья, що багато грошей.

(Льв. стор. Дієпра.)

Захотила вража баба молодою буты,
 Натыкала за памитку зеленой руты.
 -- Руто моя, руто моя, руто зелененька!
 Я думала, що я стара, а я молоденька!—

Посадыма вража баба на трох яйцях гусака,
Сама вийшла на улыцю та вдарыма тропака:
Сыды, сыды, гусаченьку, та высыды гусы;
Я пиду подывлюсь на чорныи усы!

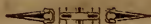
(Радомысль.)

- Задумала вража баба та й забагатиты;
Пидсышала курипочку, щоб вывела диты. 2.
Як пишлося вражій баби на биду, на горе:
Вьлупыла курипочка усих тильки трое. 2.
Як погнала бабусенька курипочку пасты:
Сама сила пид тыночком кудельцю прясты. 2.
Ой хмарыться, туманьтись, став дощ накрапаты;
Стала баба курипочку в хату заганяты. 2.
А ще в хату не загнала, — вже двое стоптала;
Назад тришки повернулась, на трете спіткнулась. 2.
Як прынахав дид из лису, став бабы пытаты:
- 21 Що се наших, бабусенько, курчат не выдаты? 2.
Ой не выдно, дидусеньку, вже й не выдно буде;
Як погнала я их пасты, пидзырымы люды. 2.
Як выхватить дид из воза вельку претьку, —
Побыв баби, помолов — голову и пыку. 2.
Бодай тобі, вражій диду, права рука всохла,
Як ты мене понивычыв, що трохы не здохла. 2.
Бодай тобі, вражій диду, голова облизла,
Як ты мене понивычыв, що й на пич не злизла. 2.

(Ковотоп.)

- 12 Що се наших, бабусенько, курипят не чуты?
Не чуть, диду, не чуть, старый, вже й не чуты буде:
Як гоныла на толоку, наврочыты люды . . .

(Гадяч.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Недавно окончены печатаніемъ,
вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу:

НАРОДНЫЯ ЮЖНОРУСКІЯ ПѢСНИ.

Изданіе А. Метлинскаго. КІЕВЪ. 1854.

Это полнѣйшее собраніе Южнорусскихъ, т. е., Малорос-
сійскихъ, или Украинскихъ, пѣсень, числомъ до 1000, болѣе
нежели на 30 печатныхъ листахъ, или 500 страницахъ. Цѣна
2 рубля серебромъ. Продается: Въ Харьковѣ, у Издателя, Про-
фессора Университета, Статскаго Совѣтника, Амвросія Лукъ-
яновича Метлинскаго, и книгопродавца Петра Ивановича Апа-
рина; въ Кіевѣ, у книгопродавцевъ Ивана Ивановича Литова,
Степана Ивановича Литова, Юсіфа Завадскаго и Павла Петро-
вича Должикова.

Тамъ же продаются слѣдующія книги:

О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ. Соч.
А. Метлинскаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. серебр.

Думки и песни та ще де-що Амвросія Могилы. Изд. А.
Метлинскаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. серебр.

Объ истинномъ значеніи поэзіи. Соч. А. Метлинскаго.
Харьковъ. 1843. Цѣна 1 руб. серебр.

Южный Русскій Сборникъ (Его содержаніе: Предисловіе.
Думки и песни. Думы та спивы. Вовкулака. Наталя, або дви
доли разом. Гарасько, або талан и въ неволи. Щыра любов.).
Изд. А. Метлинскаго Харьковъ. 1848. Цѣна 2 рубля серебр.

Взглядъ на историческое развитіе Теоріи прозы и поэзіи.
Соч. А. Метлинскаго. Харьковъ. 1850. Цѣна 1 руб. серебр.

Байки и прыбаютки Левка Боровыковського. Изд. А. Мет-
линскаго. Кіевъ. 1852. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к. србр.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Помѣщая, по желанію одного изъ моихъ сотрудниковъ, Н. М. Бѣлозерскаго, составленныя имъ правила при записываніи думъ, пѣсень и проч., я считаю долгомъ обратить особенное вниманіе любителей изслѣдованія народныхъ нарѣчій и памятниковъ словесности на прекрасныя этнографическія программы Русскаго Географическаго Общества, 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ и недавно составленную подробную этнографическую программу Высочайше утвержденной комисіи для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Все, что будетъ мнѣ доставлено, по части народныхъ нарѣчій русскаго языка, сѣверныхъ или южныхъ, слова ли, пословицы, пѣсни, сказки или преданія и замѣчанія, я приму съ благодарностію и обнародую по мѣрѣ силъ и средствъ. Обращаться ко мнѣ прошу съ Августа мѣсяца (1854) въ г. Харьковъ, надписывая: Его Высочордію, Амвросію Лукьяновичу Метлинскому, Профессору Университета.

Правила

при записываніи народныхъ думъ, пѣсень, сказокъ, преданій и т. п.

1. Отъ кого что можно записывать?

Старинныя преданія, думы, пѣсни и пр., и особенно объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, болѣе всего можно записывать отъ старожилонъ обоого пола и преимущественно отъ слѣпцовъ-кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ; обрядныя и другія пѣсни, сказки и т. п. — болѣе отъ старухъ и вообще женщинъ; любовныя и подобныя пѣсни, преимущественно — отъ дѣвушекъ и парубковъ; колыбельныя и дѣтскія — отъ дѣтей.

2. Какъ что записывать?

Слѣдуетъ просить пѣвца или пѣвицу, расказчика или расказщицу, чтобы они припомнили самыя старинныя думы, пѣсни или преданія — особенно историческія (объ историческихъ событіяхъ и случаяхъ вообще; о разныхъ лицахъ, богатыряхъ, лыцаряхъ, характерникахъ, гайдамакахъ; о курганахъ, складахъ и т. п.). Для этого слѣдуетъ напоминать имъ о

разныхъ историческихъ событіяхъ, лицахъ, и пр. Нелишнее заранее составить въ записной книгѣ подробнѣйшій реестръ вопросовъ, по которому и выпытывать пѣвцовъ и раскащиковъ. — Записывать думы и пѣсни слѣдуетъ сначала *со словъ*, т. е. заставивъ пѣвца сперва *проговорить* думу или пѣсню, *такъ какъ она поется*, не торопясь, припомнивши то, что слѣдуетъ проговорить. Записавши со словъ, просить *пропѣть*, и, если можно, то нѣсколько разъ, тоже самое. Во время пѣнія надобно внимательно слѣдить, такъ ли записано со словъ, какъ поется, и дополнять пропуски, поправлять ошибки. — Въ думахъ слѣдуетъ означать значкомъ — черточкою, на какомъ стихѣ пѣвецъ оканчиваетъ куплетъ.

Записавши думу или пѣсню со словъ и повѣривши во время пѣнія, слѣдуетъ, не торопясь, прочесть записанное пѣвцу, котораго спрашивать: такъ ли записано? не пропущено ли чтонибудь? и, по его замѣчаніямъ, дополнять пропуски и исправлять ошибки. Послѣ, просить пѣвца или пѣвицу, чтобъ объяснили особенныя слова, невразумительныя выраженія; къ собственнымъ именамъ, о событіяхъ и пр. дѣлать примѣчанія, со словъ пѣвца; также слѣдуетъ записать, которая дума или пѣсня, по мнѣнію пѣвца, древнѣе.

Если пѣвецъ не помнитъ всей какой либо думы или пѣсни, то записывать и отрывки, даже еслибъ они заключались въ нѣсколькихъ стихахъ, или, еслибъ даже пѣвецъ не могъ ихъ пропѣть, а только могъ проговорить, урывками.

Преданія, сказки и т. п. записывать со словъ; если чего нельзя успѣть записать отъ разу, то оставивъ въ книгѣ чистое мѣсто, продолжать записывать рассказъ далѣе, непременно слово въ слово. По окончаніи рассказа, просить раскащика повторить незаписанныя въ книгу мѣста. Въ прочихъ случаяхъ, поступать такъ какъ при записываньи думъ и пѣсень. Мѣста, которыя поются, отмѣчать особымъ значкомъ.

Пѣвцовъ и раскащиковъ слѣдуетъ спрашивать: о ихъ имени, прозвищѣ, лѣтахъ, званіи, ремеслѣ; гдѣ, отъ кого и когда выучились думъ, пѣсень, сказокъ или слышали преданія; кто именно еще, кромѣ него, знаетъ думы, пѣсни, преданія и пр., — какія именно (т. е. о чемъ, или о комъ), гдѣ живетъ, и пр. Также, нелишнее *записывать* и біографическія свѣдѣнія о пѣвцахъ и раскащикахъ, ими самими сообщаемыя.

При записываніи обрядныхъ пѣсень, сверхъ всего, слѣдуетъ отмѣчать: въ какомъ случаѣ какая поется.

При каждой думѣ, пѣснѣ, сказкѣ, преданіи и пр. должно означать: отъ кого, гдѣ (т. е. отъ жителя какого мѣста) записаны.

При записываніи, вообще, должно быть точнымъ до мелочей: записывать каждую букву, какъ она произносится пѣвцомъ или расказчикомъ; ставить, гдѣ слѣдуетъ, на слогахъ, ударенія, пояснять, по замѣчанія мѣ цѣвцовъ и другихъ, неудобопонятныя слова и выраженія; а собственные имена, названія и пр. объяснять такими же примѣчаніями.

Правописанія держаться одного какого либо, разѣ принятаго.

При этомъ, для облегченія себя и другихъ, полезно составить, по прилагаемому образцу:

Списокъ

Кобзарей (бандуристовъ) и лирниковъ.

1. Черниговской губерніи. *Черниговскаго уѣзда*: въ Шибариновкѣ, за Бѣлоусомъ; въ Сиберажи, около Шибариновки. *Сосницкаго*: въ Едутахъ—Гордій и Савка; въ м. Александровкѣ—Андрей Шуть; въ м. Менѣ—Андрей Бешко; въ г. Сосницѣ—Алексѣй Ракъ; въ Волянкѣ (пѣсколко); въ Ольшаномъ; въ Воловыщѣ, и гдѣ-то въ уѣздѣ—Дяконенко. *Борзенскаго*: въ Гутовкѣ; въ Буромкѣ, и друг. мѣстахъ. *Кролевецкаго*: въ Божку, близъ Алтыновки. Въ этомъ уѣздѣ, или Глуховскомъ кобзари знаютъ думу про Бруховецкаго. *Стародубскаго*: въ Семяновкѣ—Антыпъ; въ Спасскомъ—Павель Козель. *Городницкаго*: въ Новыхъ Боровичахъ; въ новомъ Ронскѣ (пѣсколко). *Копотскаго*: въ Куренѣ; въ Грыгоровкѣ, и друг. мѣстахъ.—Въ Черниговской губ. кобзарей особенно много въ сѣверныхъ уѣздахъ, и они пользуются, между собратіями, особеннымъ авторитетомъ.

2. Харьковской губерніи. *Въ г. Харьковѣ*, близъ холодной-горы,—Гарбузь. *Харьковскаго уѣзда*: въ Ольшанѣ, подъ Харьковомъ—Левко и Петро Колибабы; Ахтырскаго: въ Тростницѣ,—Залавскій.

3. Полтавской губерніи. *Прилуцкаго уѣзда*: въ Сокиринцахъ, въ имѣніи Гр. Пав. Галагана. *Гадячскаго*: въ Розбишевкѣ и проч.

ОПЕЧАТКИ И ПОЯСНЕНИЯ.

Стран.	строк.	Читать.
1	18	кволило
5	3	Дивчыно
6	2	мыленькый
—	10	дивчыну
7	17	козаченьку
8	21	дожыдаты
15	26	Нехай
16	16	хто
20	8	козаченька
21	12	чумачына
—	—	<i>(лучше)</i> з села <i>(нежели)</i> за село
—	17	пьяльця.
33	7	мае.
37	7	пьяныченьку
40	3	ричку.
41	10	ильяный <i>(лучше нежели)</i> льняный
43	12	<i>(Оно не в опечатка, значит только; в Червоной Руси оно)</i>
53	13	соболо <i>(иногда вльсто)</i> собою
—	19	промов,
60	11	тебе.
83	11	розмовоньци
88	24	козаченькы
89	6	розивьеться
95	4	носять.
96	5	чотыри
102	11	тебе
106	22	зостанусь
107	16	так
114	4	перегороду
122	9	По дорози в. — По дорози
—	—	чорна: в. чорна
136	2	дивит-вечер, <i>впрямно, значит дивич-</i> вечер.
163	14	пытавсь

<i>Стран.</i>	<i>строк.</i>	<i>Читатъ.</i>
176	2	на вм. не
—	5	не вм. на
183	24	слала
202	15	солодесенька
207	17	як вм. я
209	19	свому
243	2	эпала
244	9	пушу
253	1	на
257	19	нагорювалась
267	14	Годуй
273	16	долю
—	17	недолю
287	26	рожови
350	29	прожываты
357	15	Л.
380	19	кабаку
386	—	у-двох
389	17	оттогди-то
395	11	слава
398	16	дванадцять
467	1 (в концѣ)	дивчыно

Примѣч. кырыця вм. крыныця, коло-
 ривна вм. королівна, журуся вм. журюся,
 дивчынонька вм. дивчынонько, керез вм.
 через и проч. т. п. не опечатки, а мѣ-
 стный выговоръ.

НАРОДНЫЯ ЮЖНОРУССКІЯ ПЬЕСЫ.

Меліцка А. Меліцкага. КІЕВЪ. 1853.

Это политическое собрание Южнорусскихъ, т. е. Малоросійскихъ, или Украинскихъ, пьесъ, было напечатано на 90 печатныхъ листахъ, или 500 страницъ. Цѣна 2 рубля серебромъ безъ перевода. За пересылку прибавится по 3 копейки. Продается: Въ Харьковѣ, у Издателя, Профессора Университета Статскаго Совѣтника, Амвросія Лукьяновича Меліцкаго, а книгопродавцы Петра Ивановича Аларова; въ Кіевѣ, у книгопродавцевъ Николая Ивановича Антола, Степана Ивановича Антола, Юлія Заридскаго и Павла Петровича Должанова.

Такъ же продается слѣдующія книги:

О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементъ. Соч. А. Меліцкаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. сереб.

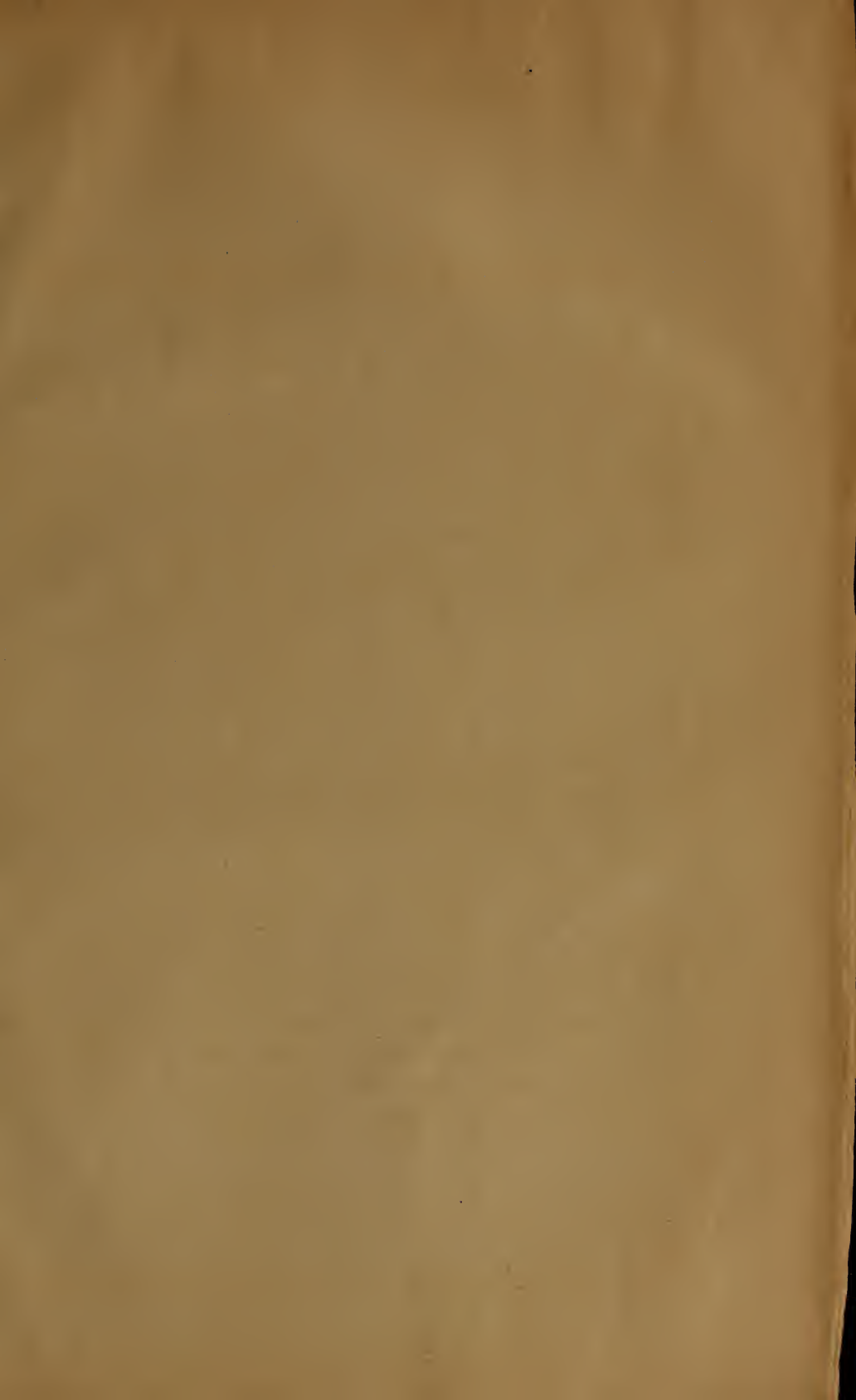
Думы и писни та що де-шо Амвросія Войвана. Соч. А. Меліцкаго. Харьковъ. 1839. Цѣна 1 руб. сереб.

Объ истинномъ значеніи поэзіи. Соч. А. Меліцкаго. Харьковъ. 1843. Цѣна 1 руб. сереб.

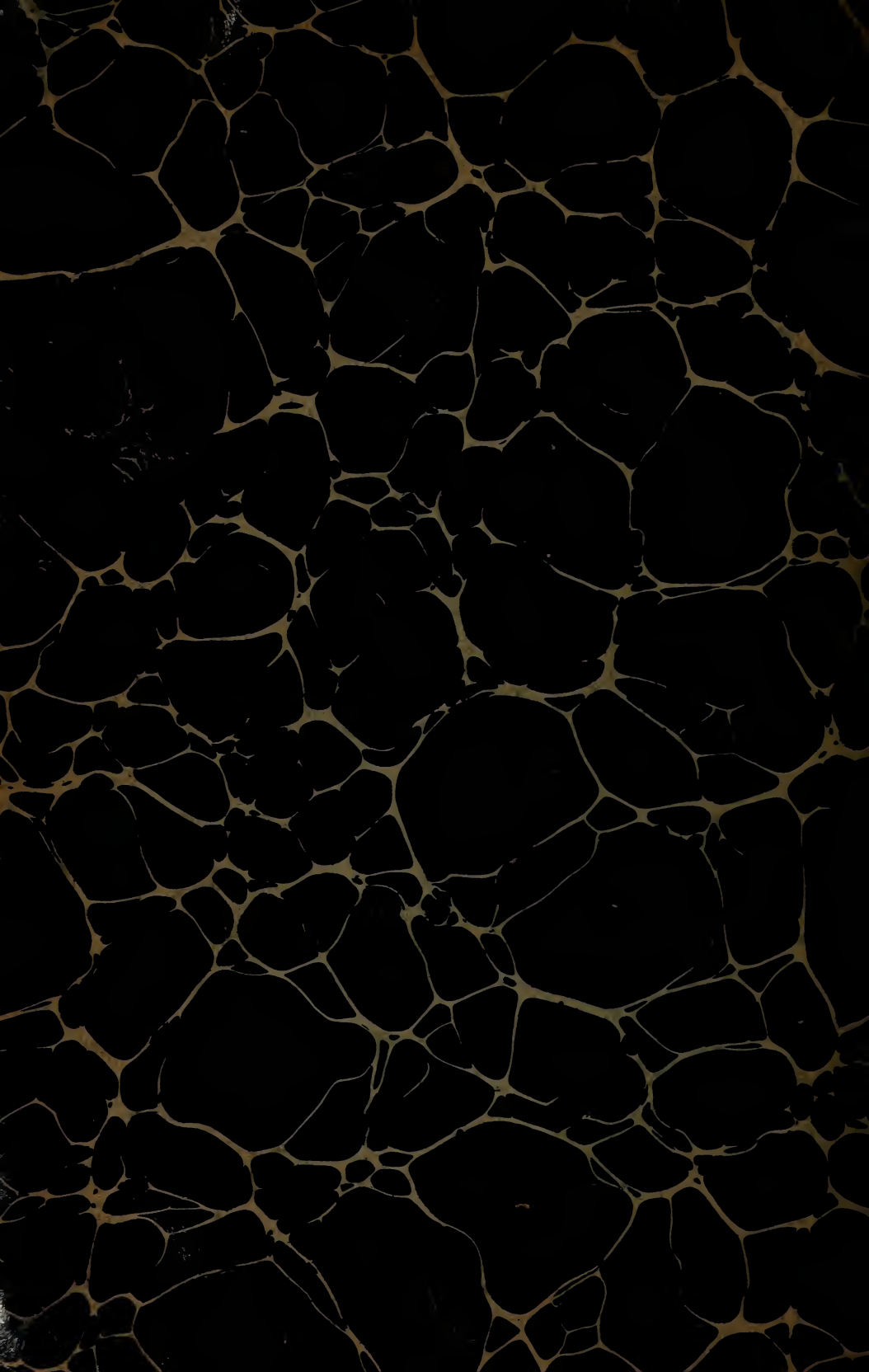
Южный Русскій Зборникъ (Его содержаніе: Приказаніе, Думы и писни, Думы та енци, Волкуляки, Пятаяк, або два доли ризок, Гирасьво, або тили и въ поводи, Щира люба). Изд. А. Меліцкаго. Харьковъ. 1848. Цѣна 2 рубля сереб.

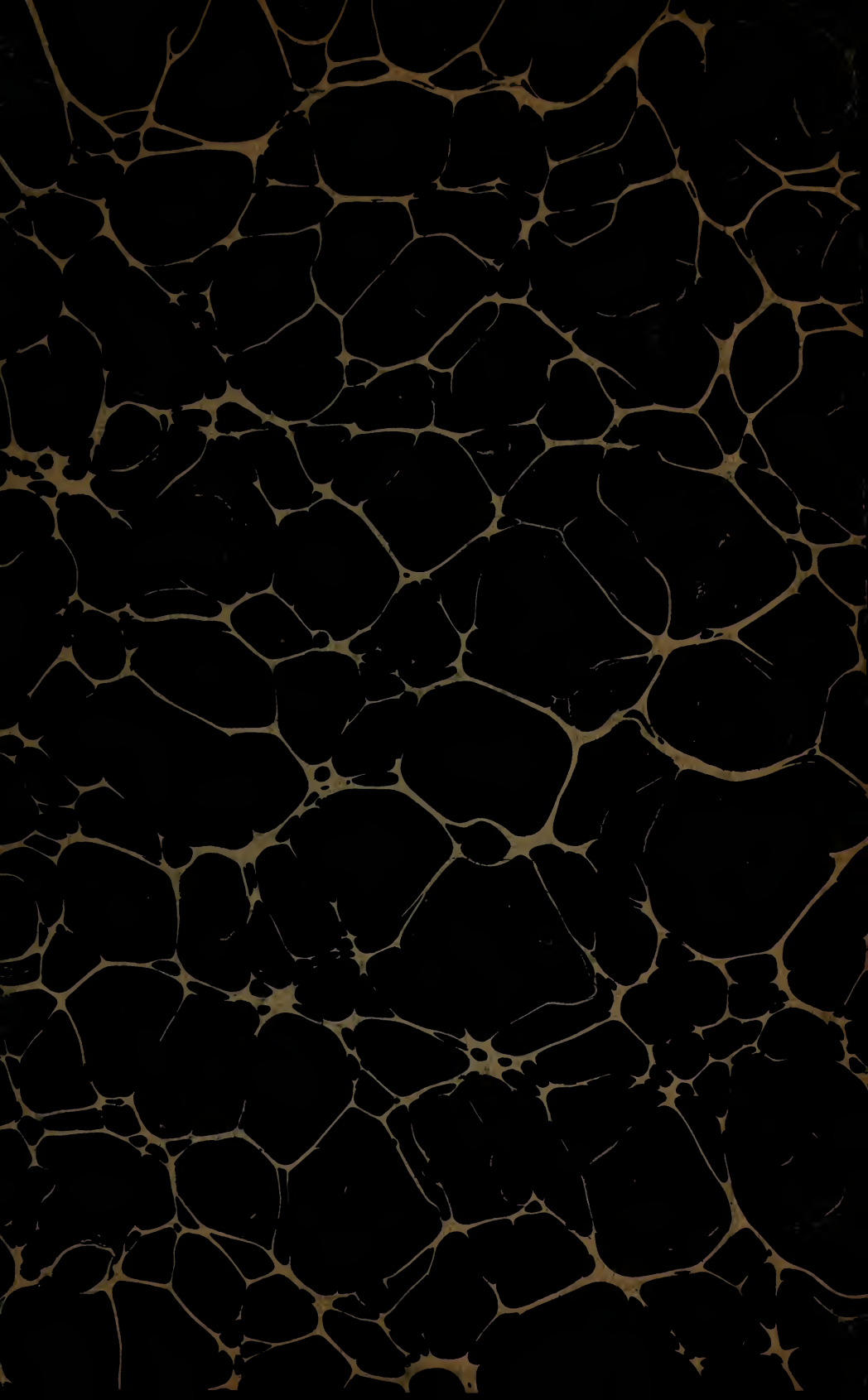
Взглядъ на историческое развитіе Теоріи прозы и поэзіи. Соч. А. Меліцкаго. Харьковъ. 1850. Цѣна 1 руб. сереб.

Байки и прибаутки Ленки Ворошиковской. Изд. А. Меліцкаго. Кіевъ. 1853. Цѣна 50 к., ерб.

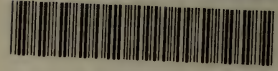

LIBRARY OF CONGRESS

00023959070